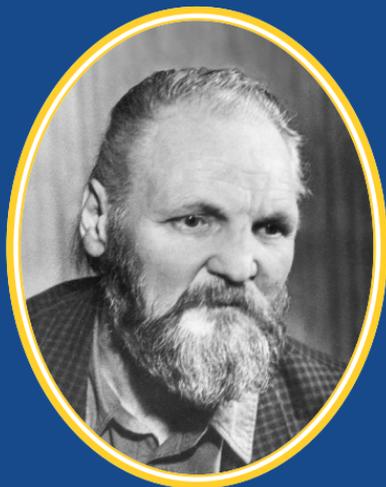

ВЛАДИМИР КРУПИН

КНИГА ДЛЯ СВОИХ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Аверкиев Д. В.	Кузьмин А. Г.
Айвазов И. Г.	Куняев С. Ю.
Аквилонов Е. П.	Любомудров М. Н.
Аксаков И. С.	Марков Н. Е.
Антоний (Храповицкий), митр.	Меньшиков М. О.
Башилов Б.	Мержеевский В. Д.
Бондаренко В. Г.	Миронов Б. С.
Бородин Л. И.	Нечволодов А. Д.
Булацель П. Ф.	Никольский Б. В.
Буткевич Т. И.	Нилов В.
Бутми Г. В.	Нилус С. А.
Величко В. Л.	Осипов В. Н.
Винберг Ф. В.	Пасхалов К. Н.
Воробьевский Ю. Ю.	Проханов А. А.
Восторгов И. И.	Рогозин Д. О.
Вязигин А. С.	Розанов В. В.
Голицын Д. П.	Семанов С. Н.
Грингмут В. А.	Сенин А. А.
Державин Г. Р.	Солоухин В. А.
Достоевский Ф. М.	Суворин А. С.
Дубровин А. И.	Фотий (Спасский), архим.
Дудко Д. С.	Хатюшин В. В.
Жевахов Н. Д.	Цикунов А. К.
Замысловский Г. Г.	Чванов М. А.
Иванов В. Ф.	Чивилихин В. А.
Ильин И. А.	Шарапов С. Ф.
Книга русской скорби	Шафаревич И. Р.
Кожин В. В.	Шевцов И. М.
Крупин В. Н.	Шипунов Ф. Я.
Крушеван П. А.	Шмаков А. С.

ВЛАДИМИР КРУПИН

**КНИГА
ДЛЯ СВОИХ**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2012

УДК 82(470)

ББК 84(2Р=РУС)6-445

К 84

Крупин В. Н.

К 84 Книга для своих / Сост. Д. И. Кузнецов, предисл. Е. Н. Семькина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 512 с.

В книге публикуются главные идеологические произведения выдающегося русского писателя, одного из духовных вождей русского патриотического движения В. Н. Крупина. Наследник великих духовных богатств русской классической литературы, Крупин во многих своих статьях проводит мысль, что жизнь – это служение высшим духовным началам Православия. Русский образ жизни – это духовный поиск, а миссия русского человека заключается в борьбе за воскрешение России, ее место в мире, за чистоту святого Православия.

ISBN 978-5-4261-0018-3

© Крупин В. Н., 2012

© Институт русской цивилизации, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как случается, что писатель неожиданно для нас самих переходит из разряда просто известных и даже любимых в число тех немногих авторов, которые становятся необходимыми собеседниками, духовными вождями? Тех, кто проникает в душу словом, написанным так что кажется, именно нам адресованным, вовлекает в соразмышление, в диалог с историей, культурой, с самим собой. Духовное слово соединяет сердце автора с сердцем читателя, оживает в языке произведений. А язык, говорит прозаик Владимир Николаевич Крупин, – «свидетельство для вечности о времени, которое судьбой досталось писателю и которое он обязан правдиво и доказательно описать» («Россия спасет мир, а Россию спасет святость»).

Собранные в этой книге идеологические статьи В. Н. Крупина – в самом деле свидетельство: о нас, о нашей жизни, о ее болевых точках. Читаешь работы и слышишь голос: то молитвенно-смиренный, то негодующе-взволнованный, то радостно-приподнятый, то пронзительно-печальный. Освященный светом евангельской Веры, Надежды, Любви, этот голос исходит из самого сердца человека, посвятившего себя многотрудному писательскому служению, сродному пастырскому. Оно – словно стояние в молитве: за веру, Отечество, рус-

ский народ. «Искусство есть *служение и радость*, – находим у И. А. Ильина. – <...> Все великое в искусстве родилось из служения; служения свободного и добровольного, ибо – вдохновенного. Не из службы или прислуживания, не из властного “заказа”, воспринятого рабскою душою» (выделено И. А. Ильиным. – *Е. С.*), а из ответственного служения того, кто призван «веле^ньем Божиим» быть хранителем СЛОВА («Основы художества. О совершенном искусстве»).

Воцерковленный человек, В. Н. Крупин видит писателей идеологами, «духовными вождями народа», которые, будучи выходцами из народной среды, не ушли от нее. Они «жили совестью народа», «вместе с ним печалились и радовались, берегли его святыни» («Россия спасет мир, а Россию спасет святость»). Прозаик пристально всматривается в действительность, получая от нее импульс к созданию злободневных произведений, которые, убежден он, обязательно должны быть современными и своевременными.

В многочисленных статьях и заметках В. Н. Крупина – неожиданный ракурс. Здесь нет стремления завоевать читателя псевдооригинальностью, которая сплошь и рядом встречается в сегодняшней литературе. «Величина мысли, – говорит прозаик, – не в величине названного предмета, а в самой мысли». Смелые, зачастую полемичные изречения В. Н. Крупина достойны того, чтобы занять место среди афоризмов русских писателей: «...Колесо истории вращают не языком, а трудовыми руками» («У каждого сына России четыре матери»); «Разрушается культура <...> Может, учрежден орден “За заслуги в издевательствах над Отечеством”? <...> Развращение самой целомудренной страны разве не есть дело наказуемое? А оно у нас – награждаемое»

(«С высоты седин»); «...Что основа любого искусства? Слово. То есть то, чем был создан мир, превращается в орудие убийства мира» («Дети! Последнее время!»); «ЕГЭ – выкидыш западного образования, которого усыновил министр» («С высоты седин»).

Православных писателей В. Н. Крупин называет воинами, оружием которых является слово, «обеспеченное золотом любви», и оно «обязательно победит» («О назначении писателя в России»). «Обиды не страшась, не требуя венца», он последовательно выступает в защиту самобытности русской культуры, многовековых традиций народа, является приверженцем идеи соборности, сторонником курса на православное государство, на монархию. Вслед за святителем Филаретом Московским писатель повторяет: «Сила Государя – в верности Богу, сила государства – в преданности Государю <...> Блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного».

Идеологические статьи В. Н. Крупина – тот внезапный спазм, который перехватывает дыхание. Она – откровение человека, который любит Россию, верит в нее. Вот уже четыре десятка лет прозаик В. Н. Крупин, ставший одной из заметных фигур русского патриотического движения, своими работами вносит решительный штрих в многоликий портрет эпохи. Его публицистика оттого, может быть, так действенна, что и в ней писатель остается художником. Полемические мысли иллюстрируются яркими примерами из жизни, истории, юмор, так присущий Крупину, мерцает, помогая усваивать прочитанное.

Как относиться к переименованию улиц, городов? Вопрос в общественном сознании остается дискуссионным, но у В. Н. Крупина он не вызывает колебаний.

«Это не переименование, это восстановление справедливости». Нравственное чувство писателя оскорбляет то, что пламенные революционеры «Карлы и Клары» с весьма сомнительным и даже чудовищным для России прошлым, точнее – их бесчестные имена в названиях улиц, городов пришли на смену названиям, отражавшим основы православной жизни народа, заполонили города, и прежде всего – родную Вятку («Карлы и Клары украли город»). Да ведь и сама Вятка доселе живет под псевдонимом пламенного большевика Кострикова.

Что есть первый полет человека в космос? Несомненно, эпохальное событие, вселившее чувство гордости за Россию, за русского человека, всеобщим ликованием породнившее людей. Но обратную сторону этой исторической победы как-то «не принято» обнаружить. Разделивший со всеми апрельскую радость 1961 года, писатель ведет речь о разрушительной миссии, в которую невольно оказался вовлечен первый космонавт Ю. А. Гагарин. Своим ответом на провокационный вопрос о том, видел ли он Бога в космосе, Ю. А. Гагарин по простоте души внес лепту в чудовищную общегосударственную кампанию гонений на Церковь («Космос – русский»). Хотя сам Гагарин, как известно, выступал за возрождение храма Христа Спасителя.

Изменилось ли сегодня назначение литературы? Позиция В. Н. Крупина однозначна: «Литература для славян никогда не была ни развлечением, ни наживой, она была борьбой за человека, его душу. Чистота и прозрачность славянской поэзии и прозы в лучших ее образцах была родниковой. Таковой и должна остаться. Вспомним евангельское, что не может чистая вода течь из замутненного источника. В применении к литературе, источник – это сердце писателя» («Дети! Последнее время!»).

В выступлении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, прозвучавшем в мае 2011 года по случаю избрания лауреата Первой Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, была мысль о том, что литература, как и Церковь, призвана «свидетельствовать миру о вечном, возвышать ум и душу человека, приобщать к мудрости и опыту предшествующих поколений». И именно В. Н. Крупин удостоен этой высокой награды, присвоенной «за значительный вклад в развитие русской литературы». Его труды – духовный ориентир, по которому православный читатель сверяет свои нравственные часы, обращенные в вечность. Писатель убежден, что литература должна вести человека к животворным истокам Православия, служить «воспитанию души с помощью православного разума» («О назначении писателя в России»). «Мы постоянно идем к истокам воды живой, к учению Христа», – говорит В. Н. Крупин. Для него нет сомнения в том, что «все в этом мире живет Божиим присутствием», что «спасение только во Христе».

Рассматривая духовные основы русской литературы XIX века, профессор Московской духовной академии, православный филолог М. М. Дунаев замечает: «Религиозность нашей литературы проявляется не в простой связи с церковной жизнью, равно как и не в исключительном внимании к сюжетам Священного Писания. Главное: русские писатели смотрели на жизненные события, характеры и стремления людей, озаряя их светом евангельской истины, мыслили в категориях Православия <...> Именно Православие повлияло на пристальное внимание человека к его духовной сущности, на внутреннее самоуглубление, отраженное литературой».

Размышляя о литературе, В. Н. Крупин признается, что прошел три этапа, когда пытался понять ее назначение: во-первых, стремление нарисовать объективную картину, опираясь на собственный жизненный опыт, — «свидетельское показание пишущего о том, что он видел»; во-вторых, попытка «внедрить в жизнь достижения национальной и мировой культуры», когда приходит понимание того, что все уже написано классиками; и, в-третьих, видение в литературе «средства и цели приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову», «мостика между мирской жизнью и духовной».

Перед читателем, открывающим прозу В. Н. Крупина, непременно встает череда вопросов о творческой судьбе, о гражданской позиции автора. Эти вопросы словно зарубки на биографии писателя, которому, по словам В. Ф. Тендрякова, «пришлось пробиваться к культуре, рассчитывая только на свои собственные силы».

Знаковым стал выход в 1974 году в издательстве «Современник» книги «Зерна», первой на творческом пути прозаика. Художественные достоинства вошедших в нее рассказов-миниатюр и нескольких повестей тут же были отмечены в профессиональных рецензиях, в откликах читателей. Так, В. Коробов заметил, что «за этими маленькими, почти дневниковыми записями мерцает нечто трогательное даже зачерствевшие человеческие сердца, давно, казалось, окостеневшие в ровном и равнодушном восприятии мира».

Варваре Семеновне Крупиной посвящена открывающая «Зерна» повесть в рассказах «Варвара». Судьба главной героини — доля многих русских женщин, за плечами которых нелегкая жизнь, богатый опыт, женщин, которые прошли дорогами войны, самоотверженно трудились в тылу, восстанавливали разрушенное, воспитывали

вали детей и внуков, чьи колоритные образы вошли в литературу почти одновременно с именами Ф. А. Абрамова, В. Г. Распутина, В. И. Белова. Для этой повести В. Н. Крупин бережно отбирает драгоценные зерна, возделанные на плодородной почве национальной культуры, обращается к живительному кладезю народной педагогики, к опыту, проверенному многими поколениями.

С появлением «Зерен» стало понятно, что в центре внимания В. Н. Крупина – человек, сложность его натуры, строй души. И от этих приоритетов писатель не отступает по сей день, направляя свою мысль на исследование духовной жизни человека и ее проявлений: «Русская литература всегда отдавала и отдает предпочтение образу жизни духовно наполненному. Она всегда знала, что жизнь – поиск этой духовности <...> отчет за прожитую жизнь идет по качествам души, а не по количествужитого», – говорит писатель.

Другим значительным произведением, вошедшим в «Зерна», стала «Ямщицкая повесть», где В. Н. Крупин смотрит на жизнь послереволюционной России сквозь призму истории своей семьи. Пристальный взгляд прозаика останавливается на человеке, охваченном вихрем перемен. На примере трагических событий, происходящих в вятской деревне, В. Н. Крупин передает настроенные эпохи безвременья, когда борьба за власть различных группировок повлекла расхождение во взглядах людей, из рода в род живших в одной слободе, одной общиной, посеяла вражду внутри семей. Щемящая боль пронизывает строки: «И грустно было думать, что в этой благостной тишине, под этим родным для всех лунным светом, среди прохладных, высоких трав и тихих лесов люди бьют плетью лошадей, гонятся за другими людьми». «Лучшие и прочнейшие изменения

суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений», – писал в свое время А. С. Пушкин. Непреходящая ценность этих слов доказана историей и подхвачена в повествовании В. Н. Крупина.

С выходом «Зерен» творчество В. Н. Крупина стали тенденциозно рассматривать в контексте так называемой «деревенской прозы», хотя уже в 70-е годы было понятно, что деревенский и городской «материал» здесь тесно переплетаются, ведь пишет прозаик о душе человеческой, которая не делится на городскую половину и деревенскую.

Но успеху «Зерен» предшествовала полоса преодолений: сборник неожиданно стал заложником в котле чиновничьей политики, когда писателя испытывали на долготерпение. Три года цензура не пропускала книгу, добросовестно «вчитывалась», беспощадно вычеркивала и выправляла «подозрительные» фрагменты. Вспоминая те годы, автор рассказывает: в одном из «разговоров» цензор задает вопрос: «У вас упоминается Челябинск, а вы знаете, что в Челябинске оборонная промышленность?» «Я искренне отвечал, что нет, не знаю, что кому надо, те знают. Ответ мой очень не понравился цензору. Конечно, ни ему, ни мне, естественно, не хотелось, чтоб кто-то знал про оборонную промышленность в Челябинске».

История «Зерен» не исключение в писательской биографии, а скорее точка отсчета в тернистых взаимоотношениях с чиновничье-бюрократическим издательским аппаратом. Так, невозможно теперь полностью опубликовать повесть «Живая вода», рукопись которой со многими другими сгорела в пожаре. Первоначальный вариант произведения В. Н. Крупин завершил еще

в 1974 году, но почти в десяти журналах его отвергли, не имея мужества допустить к публикации, по идеологическим соображениям ссылаясь на то, что произведение получилось «незначительное». В 1977 году цензура рассыпала книгу, и лишь в 1980 году «изрезанное» сочинение увидело свет в журнале «Новый мир», всколыхнув читателей и критиков. Сосредоточившись лишь на одном социальном срезе – проблеме пьянства, немногие рассмотрели глубинный вопрос произведения – историю падения и возрождения человеческой души, проблему, которая обеспечила повести жизнь в литературе.

К созданию последовавшей за «Живой водой» повести в письмах «Сороковой день» В. Н. Крупин пришел неожиданно, в процессе обдумывания романа «Спасение погибших», когда «очень тормозила груда дневников, записей, всяких отрывков из обрывков, жизненные наблюдения, встречи». Отправившись в Вятку, он взял их с собой, намереваясь рассортировать и все, что подойдет для романа, оставить, что попроще – включить в какие-нибудь сельские зарисовки, а остальное – сжечь. Там и родилась исповедь сына России, которая вылилась в поминовение уходящей в небытие деревни, повесть, в которой звучат мысли государственной важности.

Благодаря принципиальной и мужественной позиции заместителя главного редактора Ю. И. Селезнева и в то же время по воле случая повесть была опубликована в журнале «Наш современник». И сразу же – заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР от 7 декабря 1981 года, где обсуждался вопрос «О некоторых публикациях в № 11 за 1981 год журнала “Наш современник”». «Виновниками» заседания стали В. Н. Крупин, В. В. Кожин, А. П. Ланщиков, С. В. Семанов, чьи смелые материалы вошли в номер. В частно-

сти, говоря о повести «Сороковой день», В. Н. Крупина упрекали в простой регистрации негативных фактов действительности, в отходе от изучения их причин, в словесной «торопливости» и даже «неряшливости», в «легковесности созданных характеров» (Ю. В. Бондарев, С. В. Викулов, Ю. Сбитнев), указывали на серьезные недостатки идеологического и художественного характера: появление подобных произведений, звучало в выступлениях, «приводит к тому, что мы разоружаем себя идеологически и теоретически» (Ф. Ф. Кузнецов), преобладание публицистичности над художественностью представлялось идейным оппонентам непривлекательным, а «сам жанр писем – в одну сторону, без ответов с той стороны – неинтересным с точки зрения занимательности» (С. В. Викулов). Сегодня уместно вспомнить слова В. В. Кожина, который спустя годы в работе «Закон сохранения художественности» подчеркивал: «Творческая воля писателя – по крайней мере русского – всегда направлена за пределы литературы <...> Истинный писатель – это тот, у которого творческая воля превышает его, это воля страны, истории, и он является ее выражением. И когда он ее улавливает, вбирает в свое творчество, тогда он достигает истинных вершин и становится высшим достоянием национальной культуры».

Дальнейшая судьба повести складывалась не менее драматично. Жесткая цензурная правка, последовавшая за первой публикацией, привела к тому, что с 1982 года произведение печатали в усеченном виде как «Тринадцать писем» (от соблазнительного предложения издать повесть на Западе писатель категорически отказался, ибо прекрасно осознавал политический и идеологический подтекст такого рода шагов). «Опальное» произведение

было возвращено читателям лишь в 1987 году, а в 1984 году его автор был удостоен высокой награды – ордена Дружбы народов. Сбылись пророческие слова Ю. И. Селезнева, который в своей речи на состоявшемся «судилище» твердо сказал: «...Считаю, что повесть правильная. Через пять лет мы будем приветствовать лауреата Государственной премии Крупина и будем вспоминать, как его ругали, как о каком-то казусе».

Кажется, как выстоять в таких испытаниях, как не сломаться? По словам В. Н. Крупина, он находил поддержку в словах митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева): «Хвалители хуже хулителей. Хвалители внушают гордыню и успокаивают, а хулители показывают слабые места и подвигают на новые труды».

Дискуссии, развернувшиеся вокруг «Сорокового дня», еще раз показали, что надежды, возложенные на В. Н. Крупина в 70-е годы, оправдались, что у него есть свой читатель, который ценит прозаика за прямоту и писательское мастерство, а его смелые произведения вызывают серьезные опасения у тех, кто обременен властью.

Нужно сказать, что знакомство читателей с «непечатным» автором (так именовали В. Н. Крупина уже в середине 70-х) происходило и благодаря усилиям старших друзей. Так, его наставник В. Ф. Тендряков в октябре 1976 года организовал в Доме литераторов вечер, где звучали ненапечатанные рассказы автора, а потом поместил статью в «Комсомольской правде».

И это лишь малая часть фактов, раскрывающих непростой путь искренней прозы В. Н. Крупина к читателю, прозы, которая, без сомнения, стала глубоко национальным, корневым, самобытным явлением в русской литературе.

* * *

Родился В. Н. Крупин 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь, что стоит на Великом Сибирском тракте на юго-востоке Вятской земли. Он стал третьим ребенком в семье работника лесхоза Николая Яковлевича и Варвары Семеновны Крупиных, а через несколько лет появились еще брат и сестренка.

В тяжелое послевоенное время открывалась детям красота мира. Лапти, стоявшие где-то в углу, лучина, тускло освещавшая горницу, свежий хлеб, парное молоко, печеная картошка наполняли своими запахами деревенскую избу. А за ее пределами – река, всегда холодные, кипящие на дне песком родники, весной и летом – притягательный аромат сирени, черемухи, скромных полевых цветов. «Вишни не было у нас, – вспоминает В. Н. Крупин, – яблони из-за налогов вырубали, но черемуха, создающая на две недели белый коридор для реки, ставившая заслон пределам мечтаний о красоте, – это не забыть». «И никогда не надо было мне говорить: “Люби Родину!”». Я вырастал среди такой красоты – жилищ, церквей, что мне не нужно было воспитывать в себе критерии эстетического отношения, оно во мне уже было, и это, конечно, счастье, огромное счастье», – признается прозаик. Эти впечатления неизменно хранит «память сердца», «память зрения», «память слуха», они – благодатная почва для новых произведений.

Разноцветные бумажные цепи для новогодней елки, которые В. Н. Крупин вспоминает в одном из рассказов, оказались настолько прочными, что навсегда приковали его к родной Вятской земле, к детству: «Многие другие цепи рвал, эти не порвать. И не пыта-

юсь, и счастлив, что они крепче железных <...> Детство сильнее всей остальной жизни» («Бумажные цепи»).

Истоки творчества В. Н. Крупина – в атмосфере родительского дома, родной Вятской земли. «... Население Вятской губернии восхищало <...> своею набожностью, неиспорченностью и любовью к Божию храму», – рассказывает автор в литературно-краеведческом исследовании «Вятская тетрадь», цикле очерков, выросшем из многолетних этнографических, этимологических изысканий.

«Господь посетил меня еще в детстве, – говорит писатель. – Меня крестили уже маленьким мальчиком в сельской кладбищенской церкви <...> И помню ощущение, что я вдруг вошел в число тех, кто идет за Христом. Это, конечно, счастье огромное». В одной из работ автор, исполненный сыновней любви к родине, к семье, вспоминает: «Я бежал с цветами для мамы, с хвощами для младших брата и сестренки. Старшие, казалось мне, заботились о себе сами, а о младших должен был заботиться я. С небес, с небес меня окликнули, назвали по имени. Я замер, ждал, что еще что-то услышу. Нет, тихо. Помню дорогу, на которой стоял, темно-желтую пашню справа и траву слева. И этот голос, глас, оклик. Ну не выдумал же я его. Значит, я был не один среди пространства, берегущий меня сказал мне: “Не бойся, я с тобою”». С тех пор писатель живет с ощущением постоянного присутствия Божественной надмирной силы. Его память хранит материнский завет: «О Боге плохо не говорить». В годы армейской службы, в увольнении, признается прозаик, нередко возникало желание побыть в храме, а когда учился в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, часто ходил с однокурсниками в Елоховский собор, ездил в бывший

Загорск... И эта тяга всегда находила радостную поддержку у матери. И сегодня в семье Крупиных хранят в памяти «бабушкину икону» (образ Господа Вседержителя), которая висела в красном углу, давала силы и которую долго принимали за икону Николы Угодника, берегут родовой крест, который откопали во дворе, когда строили баню, чудом уцелевший во время недавнего пожара в родительском доме, помнят хлебную корку, неожиданно найденную за иконой в голодный 1947 год. И ощущение, что Тот, Кто однажды окликнул с небес, направляет и бережет, поддерживает писателя всю жизнь. Это словно благословение на труды – во славу Господа, Отечества, русского народа.

В рассказе «Красная гора», сочинении лирико-философского характера, повествователь ступает босыми ногами по родной земле, желая «оживить в себе самого себя, чистого и радостного», он «цепляется за прошлое, извиняя себя, теперешнего, нахватавшего на душу грехов», и обращает молитвенный взор к небесам: «Господи, услыши молитву мою! Не отвержи меня в день скорби, когда воззову к Тебе. Господи, услыши молитву мою!» В другом сочинении, рассказе-исповеди «Главное причастие», повествователь признается: «...Единственным моим желанием было и остается одно: замереть на родине и упокоиться в той земле, где Господь вывел меня на Божий свет и по которой я ходил босыми ногами». И завершаются размышления ключевыми словами: «... То, что человек приходит ко Христу, – это главное дело жизни. Отсюда и смысл ее – спасение души».

Лучину молитвенной искренности, человеческой доброты, любви к людям зажгли в душе В. Н. Крупина родители. Они открыли ребенку неповторимую мелодию вятской речи, ввели в поэтический мир народной

сказки. Главная заслуга в этом принадлежит отцу Николаю Яковлевичу, обладавшему редким даром живописать словом. Его самобытные афоризмы, как хорошо усвоенные уроки, сопровождают В. Н. Крупина всю жизнь. И когда поседевшего художника начинают хвалить за удивительную легкость языка, он скромно отвечает: «Никогда я не испытывал никаких трудностей в подборе слов. Мы, вятские, есть такая пословица, как говорим, так и пишем. То есть в языке моем нет никаких моих заслуг, он во мне с люльки, с зыбки, как зовут у нас колыбель. Мои родители, дедушки, бабушки – вот кто русские писатели, а я просто записчик».

В дружной семье Крупиных авторитет родителей был непререкаем. Отца уважали за немногословность и трудолюбие, он всегда первым брался за любую работу, что, по словам писателя, оказывалось посильнее педагогических теорий. Право на самостоятельность передвижения, сулившего счастье искупаться в реке, переночевать на сеновале, другие детские забавы, нужно было заработать: прополоть грядки, полить огород, накормить скотину... И дети прекрасно справлялись с этими повседневными крестьянскими делами. «Я вырос человеком, имеющим навыки труда на земле и знающим цену труда, цену выращенного хлеба, ценность людей, ценность могил предков. Это все естественно», – говорит В. Н. Крупин.

Трудовые будни дружной семьи завершал праздник. Его дарила мать, которая по вечерам читала детям сказки А. С. Пушкина, сочинения классиков, взятые в сельской библиотеке. Эти первые прикосновения к миру литературы легли в основу миниатюры «Овод», вошедшей в автобиографическую повесть «Варвара»: «Говорю: давайте я вам вслух почитаю. Они с радостью: давай, мама, давай!

И спорят, что будем читать. Мне лишь бы что, мне-то зрение не беречь, уже мне не судьба была учиться, хоть, думаю, детям зрение сберегу. Вот залезем на печку, на полати, сгрудимся у коптилки, я вслух читаю». Проникновенность строк классиков, в которых слышна душа народа, строк, притягивавших еще потому, что звучали они из уст матери, и сегодня оживляет в памяти писателя образы детства. Они сформировали трепетное отношение к семье, к дому, к Родине: «...Во мне навсегда те теплые зимние вечера, когда мы залезали на печь и на полати, а мама читала нам книги. И всегда мне хочется, чтобы в наших семьях были такие минуты, а может, и часы чтения, когда взрослые читают, а деточки слушают. В этом редчайшее единение душ и сердец».

Многое из домашних уроков словесности запало в душу, дало всходы и вызрело в писательской биографии В. Н. Крупина. Его образность рождена мелодикой народной речи, которая так ощутима в русских народных сказках, напевностью былин, поэзии В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, И. З. Сурикова, А. В. Кольцова, Ф. И. Тютчева, Н. А. Некрасова. Заслышав удивительные слова, ребенок чутким слухом улавливал движения души. Со временем они вылились в трогательную песнь о России – литературное творчество, где есть и восхищение красотой родной земли, и неподдельная сыновняя любовь к Отечеству. «Одухотворенное слово не отыщешь листанием словарей, оно в тебе с детства, от бабушек по отцу и по матери, от реки и леса, от первых слез, от первой любви, оно, чистое и родниковое, оно в тебе...» – пишет В. Н. Крупин в работе «Россия спасет мир, а Россию спасет святость».

Одна из недавних книг прозаика «о детях для детей и взрослых» – «Босиком по небу». Ее сюжеты в большинстве своем – ретроспектива к духовным истокам жизни, к

ангельской чистоте босоногого детства. Память повествователя уносится «во времена безгрешной души». Маленький герой рассказа «Босиком по голубому небу» дивится лазоревой красоте цветущего льна: «Везде небо. И тут небо, и вверху небо», а через много лет он, воцерковленный человек, добавляет к своим воспоминаниям: «А лен наш даже в “Откровении” Иоанна Богослова упоминается. Перед Страшным судом выйдут семь Ангелов, одетых в льняную одежду и опоясанных золотыми поясами, и выльют на землю семь чаш гнева Божия». Лазоревые тропинки босоногого детства – это земное воплощение его небесной чистоты и душевной красоты, здесь начало пути, который ведет от «Первой исповеди» к «Главному причастию», это тропинки в вечную жизнь.

С раннего детства книги стали неизменными спутниками пытливого мальчишки, и, едва научившись читать, он «при любом удобном случае <...> сбегал от жизни в литературу», жил ею. Позже на одном дыхании читал А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. А. Шолохова, А. Грина, был увлечен Дж. Лондоном. «Эх! Как много хороших книг и писателей на свете», – восхищенно писал Владимир после прочтения «Сестры Керри» Т. Драйзера. Тогда-то и родилась мечта посвятить себя литературе. А в 15 лет он уже упорно заявлял: «Я мечтаю быть писателем. Для этого я живу». И это желание было столь велико, что отказы местной периодики в публикации первых литературных «трудов» лишь укрепляли настойчивость вятского школьника. Запись в дневнике от 9 августа 1956 года: «Все спят <...> Пришло сегодня письмо из “Комсомольского племени”. Одобряют, но напечатать не смогут». 13 августа он упрямо продолжал: «Пришло письмо из Москвы. Тоже не напечатают. Буду писать, пока не напечатают».

Уединившись с молчаливым другом, Володя Крупин доверял дневнику все, о чем думалось, что тревожило. И тогда, в четырнадцать лет, появлялись такие записи: «22 ноября. Я часто думаю, зачем я хочу быть писателем. Чтобы иметь громкое имя? <...> Иной раз вознесешься куда-нибудь на небеса <...> потом очнешься в той же Кильмези и вспоминаешь, что у тебя двойка по тригонометрии <...> Я чувствую, что могу писать, могу <...> Если б кончить школу, нет, сейчас, ехать учиться куда-нибудь по литературному делу – все бросил бы, ушел бы пешком хоть куда, ночью. Я знаю, что буду истинно народным писателем. Для этого я живу. Это цель моей жизни... Думаю, мечтаю и провалюсь. О, я не представляю себе, что я буду делать. Нет, нет. Пусть что угодно, но я буду писателем».

А 22 декабря начинающий автор уже воодушевленно писал: «Отправил очерк “Есть такой парень” в редакцию “Племени”. Сегодня прочитал в газете МОЮ ПЕРВУЮ ЗАМЕТКУ (выделено В. Н. Крупиным. – Е. С.). Крохотная, про каток. Но не беда. Начинаю <...> Только что вернулся с вечера “Кем быть?” <...> Накатал заметку в редакцию про вечер».

Давний друг писателя В. Ситников о том времени рассказывает: «...Я прекрасно помню, как в декабре 1956 года, будучи в “Комсомольском племени” зав. отделом писем и массовой работы, проводил семинар внештатных корреспондентов. Среди пестро и немодно одетых, обутых в валенки с галошами юнкором из глубинки оказался приглядный светловолосый мальчик из Кильмези Володя Крупин. Он смотрел на все удивленными, широко раскрытыми глазами, стремясь вобрать в себя как можно больше поучений и впечатлений. Уже в то отроческое время теплилась у него мечта стать писателем. И сколько лет после этого копил он в себе ту силу

впечатлений, чувств, собирал языковую россыпь, чтобы сесть однажды и написать выстраданное, заветное».

Дневниковые откровения лишь одного года хранят неотступное желание В. Н. Крупина стать писателем. Тогда пятнадцатилетний школьник, конечно, и не предполагал, что 9 февраля 1957 года он почти безошибочно указал точку отсчета своего литературного пути: «Писателем стать – трудней ничего нет! А все-таки смогу. Лет через 15».

И действительно, первый рассказ «Полонез Огинского» был опубликован в 1970 году в журнале «Сельская молодежь». За ним последовали произведения, открывавшие разностороннее дарование молодого автора широкому кругу читателей. Сегодня проза В. Н. Крупина представлена десятками книг, многочисленными публикациями в периодике. В них – радости и скорби, прозрения и тайны писателя. «Не в чернильницу макается его перо, а в душу», – заметил в одном из отзывов В. Г. Распутин.

Среди изданий В. Н. Крупина последних лет – книги «Русские святые» (2003), «Повестка» (2005), «Освящение престола» (2005), «Незакатный свет» (2006), «От застолья до похмелья. Русский взгляд на глобализм» (2007), «Босиком по небу» (2009), «Скоро утро, но еще ночь» (2009), «Афон. Стояние в молитве» (2010), «Записки счастливых дней» (2010), «Легкие облака» (2010). «Россию спасет святость», «Святая земля. Там, где прошли стопы Его», «Великорецкая купель», «Прошли времена, остались сроки»... Большими тиражами выходили сочинения прозаика в зарубежных странах (Болгария, Венгрия, Германия, Испания, Польша, Финляндия, Китай, Чехия и Словакия, другие страны), привлекая читателей неизменной искренностью.

Известен В. Н. Крупин и как талантливый сценарист. В 80-е годы в Москве не было ни одного театра, где бы

не репетировали что-то «из Крупина», хотя постановки Ю. Любимова, А. Эфроса зрители так и не увидели. А вот «Живая вода», «Подкова», «Повесть о том, как...» пополнили репертуар театров Вятки, Вологды, Череповца... Спектакль «Во всю Ивановскую», поставленный по произведениям В. Н. Крупина омским театром «Галерка», на втором театральном фестивале «Золотой Витязь» в 2004 году завоевал статуэтку «Серебряного Витязя», а сам писатель стал лауреатом в номинации «За лучшую драматургию». Большим успехом у сегодняшнего православного зрителя пользуется постановка заслуженного деятеля искусств России Н. Астахова по повести «Люби меня, как я тебя» (вот уже несколько лет одноименная пьеса идет в Русском духовном театре «Глас», что на Малой Ордынке в Москве). Съёмками телевизионных картин по произведениям В. Н. Крупина занимались режиссеры «Мосфильма» и «Беларусьфильма», киностудий имени М. Горького, имени А. Довженко. В 1992 году режиссером Виталием Кольцовым снят фильм «Сам я – вятский уроженец...» по повести «Живая вода». Исполнители главных ролей – Михаил Ульянов, Евгений Лебедев, Сергей Гармаш.

Нужно сказать, что тяга к драматургии пробудилась у В. Н. Крупина еще в школьные годы. Первую пьесу он написал в десятилетнем возрасте, потом увлеченно играл героев А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова на сцене Дома культуры в родном селе Кильмезь, позже, во время службы в ракетных войсках, ставил пьесы для армейского театра, после окончания института работал сценаристом Центрального телевидения. И неслучайно значительная часть его произведений обладает сценичностью, в них – благодатный материал для драматургических постановок. Задачу сегодняшнего театра писатель видит в сохранении русских

сценических традиций, в необходимости нравственного возделывания человека.

В произведениях В. Н. Крупина последних десятилетий ощущается особое чувство тревоги за человека, за состояние России. В повести «Дурдом» (первоначальное название – «Как только, так сразу») писатель развивает тему перевернутости мира. Уходя от традиционного сюжета, выстраивая повествование из записок врача-психиатра Алексея Ивановича Корсакова, автор переносит действие в больницу для душевнобольных. Так, отказываясь от иностранного «психбольные», называет своих пациентов Корсаков: «По-русски – душевнобольные, именно у русских болит вначале душа, потом все остальное».

«Драгоценной находкой» автора была названа современная интерпретация эпической традиции путешествия в «иной мир», мир других причинно-следственных отношений, иной шкалы ценностей. Здесь все абсурдно и в то же время настолько узнаваемо, что без труда угадывается печальная «перевернутость» повседневности, когда сами законы жизни сводят человека с ума, а территория «психушки» оказывается Землей Обетованной. Состояние жизни, из которой люди попадают в психиатрическую больницу, – и есть предельная черта, к которой подошла Россия: «...Мне стало *тяжко ходить по улицам, вижу, особенно в последнее время, измученные лица, затравленные взгляды, или, наоборот – лица гневные, яростные, искаженные*, – все это *признаки невеселые*, все они значатся в моих институтских учебниках», – констатирует главный герой.

Пациентами Корсакова становится «народ отборный», «упрятанный» в больницу за свою праведность. Они часто оказываются умнее лечащего врача. У В. Н. Крупина это бесконечное число страдальцев за Россию, лю-

дей мыслящих, но не востребованных обществом. В их числе – одинокий, несправедливо обиженный фронтовик Халявин, которого нужно просто выслушать, Батюнин, отправленный сюда за исследование душевнобольных на воле, Федя Турусин, в своих стихах гневно обличающий бесов, и даже иностранец, попавший в «психушку» за то, что повсюду твердил о величии России. «Душевнобольные нормальны, – говорит Алексей Корсаков, – ибо именно они всегда говорят правду, тогда как так называемые здоровые сплошь и рядом прибегают ко лжи, чтобы правду скрыть». Голоса «душевнобольных» соединяются у В. Н. Крупина в полифонический хор русских праведников, которые говорят образным языком иносказаний, беспощадно обнажают язвы нашей жизни. Праведники В. Н. Крупина продолжают образный ряд, оттесняющий в прошлое безликую массу заказной литературы.

Алексей Корсаков задается вопросом: «В чем причина этого *ужаса*? И не просто *ужаса*, *апокалиптического конца света*, ибо воцарился в России *антихрист*. И хотя *еще не конец света* <...> но *все признаки налицо*». И сам на него отвечает: «Причина такого общерусского поражения в том, что *сатана* вмешался в глубины основ русского характера». Как тут не вспомнить И. А. Бунина с его «Окаянными днями». «*Пропала* Россия, на тринадцать лет, говорят, *пропала!*» – восклицает автор дневника о послереволюционной стране, а 8 февраля 1918 года он повторяет: «Нынче утром, когда мы были у Юлия, Н. Н. говорил, как всегда, о том, что *все пропало*, что Россия *летит в пропасть*». По прибытии в Петербург в апреле 1919 года, когда ощущение катастрофичности произошедшего усиливается, он пишет: «...В тысячелетнем и огромном доме нашем случилась *великая смерть*, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несмет-

ной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев». И позже, уже в эмиграции, он завершает своих «Косцов» словами: «...И настал *конец, предел Божьему прощению*». «... Конец света не только наступил, но <...> уже и состоялся, прошел, мы и не заметили, что живем после конца света, что мы не люди, а нелюди», – рассуждает герой В. Н. Крупина. Однако автор ничуть не сомневается в возрождении России, которой суждено испить свою чашу горестей и радостей. Публицистическую статью «До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели...» венчают слова: «...Не погибнет Россия. Не может быть без будущего такая страна. А если погибнет, то и нам не жить. Что мы без России? Пыль придорожная».

Особое место среди произведений В. Н. Крупина православного содержания занимает цикл записок паломника, посвященный Святой Земле («Незакатный Свет», «Очи – горе, сердце – горней», «Да не усну в смерть!») и созданный на основе личных впечатлений. Паломнический посох поддерживает повествователя, ступающего босыми ногами по Крестному пути Спасителя на жизненном пути, оживляет библейские истории о рождении Спасителя, о его земных днях: «Я стоял в темноте палестинской ночи, запрокидывал голову, и мне на лицо радостным дождем сыпались звезды. Представлялись ясли, сухое душистое сено, добрые морды коров и овец и эти пастухи, сразу поверившие бесхитростным сердцам, что в мир пришел Спаситель» («Незакатный Свет»). Взор и думы паломника совершают круг: возносятся к небу и устремляются обратно к земле, уносятся из настоящего в глубины памяти и возвращаются в день сегодняшний. В самолете, перечитывая Псалтирь, он находит место, «будто специально написанное для чтения в

пространстве меж небесами и землей: “Истина от земли возсия, и правда с Небесе приниче, ибо Господь даст благодать, и земля наша даст плод свой” (Пс. 83, 84)» («Да не усну в смерть!»).

Непременная составляющая возвышенно-целомудренного образа Святой Земли – обилие цветосветовых явлений. В оттенках голубого, желтого, золотого, розового проступает и небесная чистота, и церковная позолота, и православная атрибутика. Голос автора вплетается в классическую симфонию, воспевающую вечную красоту мира. Очерк «Незакатный Свет» пронизан ощущением надмирной благодати, наполнен красками неба и земли: «...Весь храм стал небесно-голубым, и запах от горения явно не восковых, не медовых свечей стал вдруг ладанным, благоухающим. Вскоре <...> голубое, небесное сияние сменилось внезапно утренне-розовым. А лучи солнца и при голубом, и при розовом были золотыми». Момент прикосновения к чуду схождения Благодатного Огня живет в «памяти сердца» и освещает духовный путь писателя, а убеждение, что паломники из России на Святой Земле – «почти единственные, кто одухотворяет ее», укрепляется после фразы грека, дежурного в храме Гроба Господня: «Так много света из России, что можно обойтись без искусственного освещения» («Незакатный Свет»).

В «душеполезное чтение», соединяющее мирскую жизнь и жизнь духовную, выливается прикосновение к прозе В. Н. Крупина: она и утешение приносит, и сердечные раны залечивает, и душу исцеляет, она вводит на корабль, который движется в житейском море навстречу рассветному солнцу.

Е. Н. Семькина

СПАСИ И СПАСЕШЬСЯ

Глас вопиющего в пустыне гласности

Скажите, в какой стране, под каким небом людей умирает больше, чем рождается? Где люди страшатся завтрашнего дня? Где вечером и ночью боязно идти по улице? Где тот, кто работает, живет в сто раз хуже того, кто ворует? Где молодежь непрерывно зомбируется и отравляется образцами пошлости, насилия, разврата? Где к чиновнику нельзя прийти без взятки? Где политики без передышки врут? Где правительство постоянно талдычит о мировых ценах и ни разу не скажет о мировых зарплатах? Где люди уже настолько замучены, что привыкли, что их все время обманывают?

Где это? Как это называется? Ответ: это Россия, это демократия. Демократия – священная корова капитала, пришла своими копытами на просторы России и поедает их.

Россия! Все перепробовано на тебе, чтобы тебя уничтожить: войны, революции, коллективизация, снос деревень, убийство образования, спаивание народа, разложение семьи, издевательство над святынями. Кто только не садился тебе на шею: большевики, коммунисты, демократы, а ты все, хранимая Богом, жива! И кто, кроме Бога, хранит тебя?

Где, в какой еще стране славятся хитрые, жадные, ловкие, а порядочность и совесть осмеиваются? И при всем при том требуется создание идеологии демократии, которая бы оправдывала весь этот беспредел. Но ее не надо создавать, она уже есть. Она у воров в законе.

У нас, любящих Россию, была, есть и будет единственная идеология – это Православие. В нем все: соединение небес и земли, умерших и живущих, временность земной жизни и вечность жизни души, в Православии любовь и сострадание, оно – залог бессмертия России. Когда в конце прошлого века рухнуло все: политика, оборона, экономика, что осталось, что спасло Россию? Только Православие, другого объяснения чуду живучести России нет.

И бесполезно надеяться на новых правителей. Они временщики, они приходят на время, отсюда их психология: захватить власть, нажиться и ускользнуть от ответа.

Но вот если бы они поняли, что в России может быть только одна власть – власть от Бога, власть помазанника Божия, единственного хозяина российского дома, защитника подданных, тогда бы мы стали смотреть на демократию в России как на переходный период от власти временщиков, ссорящей людей, к власти наследственной, людей объединяющей. Тогда мы увидим огни спасения.

У каждого сына России четыре матери

Когда оглядываешься на прошедшее двадцатилетие, убеждаешься в верности предсказаний старцев о России – она бессмертна. Любое другое государство не вынесло бы и десятой доли испытаний, выдержанных нашим Отечеством. В чем секрет? Он в отношении к земле.

Самое мерзкое, что принесла демократия в Россию, – это навязывание нового отношения к Земле. Земля как территория, с которой собирают урожаи, земля как предмет купли и продажи, и только. Нет, господа хорошие, земля в России зовется Родиной. Из земли мы пришли на свет, в землю же и уйдем, в жизнь вечную.

Как былинные богатыри, слабая в битве, припадали к груди Матери – сырой земли, так и в наше время она даст силы. Но только тем, кто любит ее. И это главное условие победы – любовь к земле. Земля – Божие достояние. Совсем неслучайно, что самые большие просторы планеты, самые богатые недра, самые чистые воды были подарены именно России. И нынешние испытания посылаются нам, чтобы мы оправдали надежды, на нас возложенные.

У нас нет запасной родины. Нам здесь жить, здесь умирать. У нас нет двойного гражданства. Ни за какие заслуги, просто так, мы получили в наследство величайшую родину, необычайной силы язык, на котором говорят с Богом, у нас ведущая в мире литература, философия, искусство. Надо доказать, что мы имеем право на такое наследство. Что именно мы, а не варяги нового времени, хозяева этого наследства.

Что бы там ни болтали о своей значительности большие и маленькие вожди, колесо истории вращают не языком, а трудовыми руками. Человек на земле – главное лицо каждой эпохи. Он кормитель и поитель всех живущих, и отношение к нему должно быть соответственным. Он не пролетарий, которому теперь уже окончательно нечего терять. Пролетарии в свое время добились революций и переворотов, а в наше время за это на них наплевали с высокого дерева, называемого новым мировым порядком. Теперь пробуют плевать и на крестьянство, прикрываясь трескотней фраз о любви к земледельцам.

Если бы так, не кормили бы нас заграничной мерзостью, суррогатами – заменителями пищи.

Неужели еще кто-то верит медведю в демократическом зоопарке, что он свергнул прежнюю партию коммунистов ради счастья народного? Единороссы стремительно занимают место КПСС в СССР. Уже и для карьеры чиновники бегут в нее. Теперешняя правящая партия не давит идеологией (у нее ее нет), но гораздо изощреннее издевается над народом. Цены на хлеб растут, а хлеборобы живут все хуже и хуже. Жить все тяжелее и тревожнее, а барабанный бой, славящий реформы, усиливается. Смертность превышает рождаемость, пенсионеры – люди, угробившие ради государства свое здоровье, становятся для него балластом, наркомания, преступность, проституция внедряются в сознание как норма при создании видимости борьбы с ними. И все это покрывается жеребьячим ржанием жваноидов сильно голубого экрана. Образование готовит англоязычных биороботов, легко превращаемых в голосующую биомассу, в зомбированный либералами электорат. И на все это смотреть? И с этим смиряться?

У них деньги, у нас любовь к родной земле, и нас не купишь. Другой жизни у нас не будет. А отчет за свою единственную жизнь придется держать каждому.

Четыре матери у нас: та, которая родила, мать – сыра земля, Божия Матерь и Россия. Мы их сыновья, и каждый из нас единственный и любимый. Они не оставят нас ни в каких испытаниях. Имея таких Заступников, кого нам бояться? Ты любишь Россию? Значит, ты стоишь на поле боя за нее. Да, твое место – это поле боя. С поля боя первыми бегут наемники, которые сейчас зашевелились, чуя наживу. Они мгновенно струсят, как только почувствуют нашу силу. А она от нас никуда не уходила, даже копилась.

Теперешнее поле боя – Русское поле. Слово Поле уже подразумевает место схватки. Нельзя же, чтобы на русском поле продолжали расти сорняки.

Последняя война

«Дети! Последнее время!» – восклицал апостол Иоанн. «Братья и сестры, – воскликнем мы, – последняя война!»

Последняя война последних времен была начата Архистратигом Михаилом и его небесным воинством. Они очистили Царство Небесное от духов тьмы. Падший денница может быть назван первым демократом, ибо решил стать наравне с Богом, захватить власть. Плоть посягнула на дух, горшок возомнил себя горшечником.

Битва света и тьмы, Христа и Велиара – это главное содержание мировой истории. Остальные войны: большие, малые, столетние, семилетние, революции, восстания, конфликты – все это слабые отблески главной войны Бога с диаволом.

Мир во зле лежит. И все же есть в мире малое стадо Христово. Оно невелико по отношению к остальному миру, но спасется только оно. Это ясно как день. Отсюда и злоба на него, отсюда и сатанинские нападки. Теперь очевидно, что главный объект нападений врагов нашего спасения именно Россия. Именно она добровольно взяла на себя крест Христов, именно она была осиянна светом Фавора, именно она назвалась Святой Русью и Домом Пресвятой Богородицы.

Великая злоба на Россию затевала войны против нее, Россия всегда жила в состоянии обороны, и никто не мог ее победить. Более того, Россия несла свет Христов

в другие пределы, жалея по-христиански гибнущих и заблудших. Не сумев покорить Россию огнем и мечом, враги наши устроили революцию и залили кровью Святую Русь. Новомученики начала двадцатого века, их страдания должны были, по замыслу большевиков, навсегда устранить веру в Бога на земле. Но эти страдания, светлый подвиг мученичества, напротив, укрепил верных на единственном правильном пути спасения души – жизни во Христе и за Христа.

Но и с этим ничего не получилось. Тысячелетие Крещения Руси резко возродило многие храмы, увеличило число верующих. Тогда на борьбу с Православием явились демократы. Они смело вошли в церковь, смело взяли в руки свечи, стиснув зубы, перекрестились. Конечно, они так долго не выстояли, но продолжали играть благожелателей. А между тем распахнули в Россию двери для любой конфессии, религии, для всяких сект, для всяких оккультностей, всякой бесовщины гороскопов, нерусских календарей. Свою же церковь облагали непосильными поборами, заставляли церковь возрождать разрушенные государством храмы. До сих пор у церкви нет своей собственности.

Более того, содержание жизни при демократах наполнилось мерзостью пропаганды пошлости, разврата и насилия. В ранг особы возведены бандиты. Мафиози стали гордиться тем, что ставят во власть своих людей. Выборные кампании финансировали криминальные авторитеты. Конституция этого не запрещала. Взятка стала повсеместной.

Но главное, что демократы тут же взялись выращивать себе подобных, набросившись на молодежь. Заокеанские методы обучения детей разврату спешно вводились в школах.

Но откуда же взялась на нашу голову демократия? Ведь о ней, как об очень опасной, безчеловечной системе, предупреждали лучшие умы. Но кто внял словам Данилевского, Тихомирова, Хлебникова, того же Шпенглера? Вот уж воистину вспомнишь апостольские слова: «Будьте не слушателями только, но и делателями». Да что там новые времена. А Древний мир? Аристотель, Платон были монархистами. И всякие эти эгалите, либерте, фратерните были уже. Были и прямиком вели к гильотине. Но какие пьянящие слова: свобода, равенство, братство. Электорату внушалось: демократия возникла вместе с государством.

Это наглое вранье. С государством возникла верховная власть, без нее анархия. Это уже внутри государства пассионарные люди, плутократы, дали задание школам демагогов изобрести такую систему, чтобы народ думал, что он управляет страной. Доселе нас дурачат: если плоха демократия, будьте республикой, но в переводе с греческого языка и с латыни – это одно и то же: объяснение для дураков, что это они, а не пройдохи управляют страной.

Отчего Александр Македонский взял голыми руками ранее неприступные Афины? Оттого, что Афины были, как раковой опухолью, разъедены изнутри демократией. И где был тогда великий эллинский характер, где доблестные воины при Фермопилах?

Кто в Европе долее других сопротивлялся республиканцам и демократам? Германия и Россия своей монархией. Таланты и титаны литературы, философии и богословия немцы Гете, Шиллер, Гердер, русские Ломоносов, Державин, Пушкин – вот имена, подкреплявшие силу монархического чуда владения государством.

Будем надеяться, что будущий русский писатель, обозревая наши времена, напишет такие слова: «В кон-

це двадцатого и начале двадцать первого веков враги России, убедившись за предыдущее тысячелетие, что оружием покорить Россию невозможно, попытались сломать ее путем введения демократической формы правления, конституции и института президентства. Пример был перед глазами: американская демократия, как священная корова, паслась, где хотела, и гадила, где приспичит. Теоретически развивая большевистское и коммунистическое наследие, демократы стали унижать и грабить Россию открыто, написав перед этим законы, которые это поощряли. Но все попытки покорения России, как всегда, провалились в преисподнюю». Это цитата из трудов будущего русского писателя.

Отец демократии – диавол, и он же отец лжи. Ложь в Священном Писании часто называется грязью. Вспомним пророка Исайю, которого называют ветхозаветным евангелистом: «Не подмазывайте стену грязью, она рухнет». Карточный дом демократии в России обречен, но пока держится.

Ложь демократии была во всем. Вот чем, например, выражается власть народа? Говорят: всеобщим референдумом. Давайте проведем его, спросим вас, хотите ли вы сохранить СССР? «Хотим», – говорит народ. В сильном государстве как-то все-таки спокойнее. Нас боятся, мы диктуем погоду в мире. Иначе в мире и нельзя. Иначе придет власть империи зла – Соединенных Штатов. Демократы отвечают на желание народа тем, что тут же разрушают СССР и внушают непонятливым: ведь империя зла не США, а именно СССР. И так далее. Декларируются принципы равенства граждан, смешно даже. Равен ли калека – инвалид войны олигарху? Их равенство перед законом? Еще смешней. На что и законы, коль судьи знакомы. Не знакомы? Познакомимся, купим. Выборность

правлящих органов? А на что тогда прыткие журналисты? Прикажем им облить грязью порядочных и восхвалить подлецов. А если не выборы, а назначение? Еще легче. Тут уже не многих надо покупать, а нескольких, тех, от кого зависит представление на должность.

Демократия – это когда тебе не хамят, когда тебя очень вежливо под руки ведут к могиле.

Вы любите Россию? – спрашивают нас и деликатно говорят: любите, но не смейте говорить о русской нации, есть же у нас и татары, и удмурты, и марийцы, и чувашаи, и буряты. Вы говорите о русском языке как о государственном? Но у нас же многоязычное государство, некоторые даже и на латынь хотят перейти. Говорите о Православии как о государственной политике? Но у нас же многоконфессиональность. Говорите о морали, нравственности, о запрещении абортотв? Но разве можно ограничивать свободу личности. Говорите о брачных узах? Но есть же сексуальные меньшинства. Ах, как по-прежнему мы отстаем от передовых стран! В Англии уже венчают гомосексуалистов, а в Новой Зеландии – слонов. Вы хотите ввести преподавание Православной культуры? Но это уже вообще великодержавный шовинизм, а в остальном живите как хотите. Да вспоминайте слова одного из героев Федора Михайловича: «Широк русский человек, надо его сузить». Так что сужайтесь.

Наш враг вооружен до зубов. Его оружие – хамская уверенность в своей безнаказанности. Иначе как объяснить круглосуточную пропаганду насилия, пошлости, разврата? Оружие его – вызывание площадного смеха над скабрёзными шутками жваноидов. Оружие – циничная, липучая реклама. А главное оружие – внушение страха не только перед завтрашним днем, но и страха постоянного. За себя, за детей и внуков.

И это непрерывное, навязшее в зубах, демократическое вранье, что мы отсталые, ничего не умеющие, что в России беда: дураки и дороги, что в России воруют. Во-первых, выражение «в России воруют» давно пора заменить на выражение «у России воруют»; во-вторых, почему это мы отсталые? Мы впереди всех в мире. Вообще, как измеряется первенство, по какому принципу? Япония обогнала нас по компьютерам, но мы навсегда обогнали всех по преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому. Тот в мире впереди, кто по иерархии ближе всех к Богу. И найдите страну, которая была бы ближе к нему, чем Россия. Когда нас тянут в мировое сообщество, пищат об интеграции в цивилизации, явственно ощущается, что нас тянут в болото.

Православие желает спасения всем, но спасает желающих. С корабля спасения летят спасательные круги, бросаемые в океан мутной жизни. Но за круг еще надо ухватиться. И желающие хватаются и спасаются. Демократия не желает и посему погибнет.

Мы – рабы Божии, мы – воины Христовы, мы – добровольцы, а не контрактники на последней войне. Не за систему, не за идеологию погибали бойцы Отечественной – за Родину. Молясь за них, будем молиться и за своих отцов-командиров, за священнослужителей. Броня молитвы и щит благочестия спасут нас от стрел лукавого. Будем помнить напутственные слова митрополита Филарета Московского:

«Бог благословляет праведную войну... Высоко звание воинское! Счастливы вы, православные наши, христоролюбивые воины, если смотрите на свою службу как на дело Божие».

Да, мы счастливы. Мы в России, у нас нет запасной родины. Кто бы ни приходил в нее: большевики ли, де-

мократы ли, понятие Отечества остается незабываемым, крепким, как скала, на которой стоит вера Православная. Всякие системы живут во времени, Россия – в вечности!

Если наши власти поймут наконец, что демократия для России – это путь к гибели российской государственности, то они займутся благородным делом – готовить общественное мнение к сияющему впереди, единственно приемлемому для России строю – монархическому.

Да не устрасимся! «Сии на колесницах, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем» (Пс. 19, 8). И еще: «Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси» (Пс. 22, 4).

Ленин, Сталин, полбубей...

До чего мы, русские, дожили – виноваты во всем, в чем можно и в чем нельзя. За все в ответе: за марксизм, за систему, за Сталина-грузина, за Кагановича-еврея – кругом русские. Даже безграничное терпение и милосердие, заложенные от века в характер русской нации, и то ставятся в вину. Терпят – значит, рабы. Радостно Ленина цитируют, Ленин что говорил? Говорил, что в России все рабы сверху донизу. Где-то его положут, а тут рады: умный вождь, рабство заметил. Оно есть, рабство, согласимся с вождем, только какое? Чьи мы рабы, если все рабы? То-то. Да, были русские православные люди рабами Божьими, и радовались этому, и побеждали этим, и дай нам, Господи, сил на такое рабство и до и после смерти. Раба Божьего нельзя купить, нельзя унижить, нельзя лишить свободы. Он и в нищете счастлив, он и в тюрьме с Богом неразлучен, он радуется страданиям. Вот отсюда и злоба на нас и постоян-

ное сталкивание с рабства Божьего в рабство страстей и пороков, рабство желудка и барахла, в зависимость от денег и рынка. Иногда это удается.

Самое противное, что я испытал в жизни, – это необходимость оправдываться. Ведь не кичатся добротой, не хвалятся подаянием, раб Божий приучен к тайным милостыням, он отдает последнюю рубаху не для покаяния, оттого, что она кому-то нужна, раб Божий делится куском хлеба с голодным, а от сытого холопа он слышит постоянные оскорбления: ты-де, русский, иди, займись покаянием, у тебя, тысячелетняя раба Россия, все сплошь стукачи, да воры, да пьяницы. А наше смирение позволяет нас так паскудить. И обидно, а молчим. Конечно, это молчание опять-таки не от слабости, от силы духа: возвышаетесь за счет нашего унижения – и на здоровье. Мы можем и еще хуже жить, в этом опять же наша сила, а вас ухудшение жизни страшит. Страшит. И заранее делаете русских виноватыми: жизнь становится хуже – русские-лодыри работать не хотят, такое рассуждение. Жалкие люди. Пока вы ищете виноватых да на других валите, ведь и жизнь пройдет. А у многих и прошла. И много их прошло и пройдет, а Русь как стояла, так и стоит.

И все-таки: с такой силой расхристанности и наглости еще на нас не нападали, и, как ни противно, а защищаться придется. За всех не ручаюсь, то есть, лучше сказать, за всех не берусь ответить, но что знаю, то расскажу.

Во-первых, и сразу во-вторых, и в-третьих, и в-сотых, надо сказать, что безгласия в русском народе никогда не бывало. Правду говорили всегда: и друг другу, и начальству, и царю, и палачу. У нас в вятской деревне Исаевщина (все мои воспоминания легко проверить) мать четверых детей принародно в клубе, при районных уполномоченных, пропела частушку:

Гитлер музыку играет,
Сталин пляшет трепака.
Загубили всю Европу
Два лешачьих дурака.

Эту женщину забрали. И вся, подчеркиваю, вся деревня за нее заступилась. И эту женщину выпустили.

А еще ранее певали на вечерках и такое:

Сидит Сталин на березе,
Троцкий выше, на ели.
До чего, хриstopродавцы,
Вы Россию довели.

А еще совсем ранее, еще при жизни основоположника, пели и такие:

Ленин Рыкову сказал:
«Пойдем, милый, на базар,
Купим лошадь карюю,
Накормим пролетарию».

Не буду упоминать теперь широко известные читающей публике сатиры о советской нищете, о том, что «нет штанов у Сталина, есть штаны у Рыкова, и те Петра Великого». Но теперь их печатают, а раньше их знали, знали все. А кому не надо, не знали. Что говорить о частушках про пятилетки, Соловки, Беломорканал... «Пятилетку выполняю, семенной овес повез. А весной-то нечем сеять, так что хрен с меня возьмешь». Или: «На-всегда прощайся, детка: в гроб загонит пятилетка».

Велики ли мы были, а всю полвека назад, как сейчас пишут, в разгар сталинских репрессий, мы заучива-

ли, не сами же сочиняли, стихи: «Серп и молот – смерть и голод» или: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь». Именно эти, по-настоящему, а не по-агитпроповски, крылатые слова я сообщил однокласснице Гальке. Естественно, гордясь своей смелостью, естественно, понимая, на что посягаю. И что? И побежала Галька на меня доносить? Стали с меня срывать галстук? Ничуть! Думаю, что шансы мои на ухаживание за Галиной повысились. Думаю, что даже пересказала она подругам услышанные от меня стихи, а может, кто из подруг уже эту правду-матку знал.

Скажут – народ жил раздвоенной жизнью. Нет, просто такие были условия существования, приходилось с ними мириться. А насчет раздвоенности, так лучше в пример подойдет нынешнее время, именно сейчас от имени народа голоса газетенки, визжат обозреватели, накаркивают всех бед и захлебываются от восторга, если что-то в стране плохо. Это народное ощущение? Я своими ушами слышал, как в первые дни бомбежки Ирака обозреватель Познер поведал народу, что такое ковровые бомбежки, и в конце сказал (цитирую дословно): «Пока новости все приятные». То есть вот эта математическая звериность уничтожения страны была приятна ему. А как сцепляются наши парламентарии у микрофона, право, спортсмены на ринге более приличны на вид. Так что удивляться единственно верной народной оценке происходящего: «Опять болтают!» Эта фраза раздается повсеместно при включении телевизора и при звуках знакомых голосов. «Переключи». Но и там болтают. «Выключи». И, слава Богу, тишина. Один старик, воевавший в пехоте, всерьез спрашивал меня: «Ну зачем же они все сдаются?» – «Кто?» – «Парламентеры». Он спутал, и немудрено, парламентариев и парламентаров. Те ходили

на переговоры с белым флагом, эти тоже выражаются не по-русски, нетрудно спутать.

Но вернемся в годы поголовных репрессий. У нас, на Ломиковском лесопункте, мужики прикрепили к сосне портрет Сталина и в него стреляли. И об этом мы знали. Не орали, конечно, вслух, но знали. И не выдал никто. Совсем сопляком, в первом классе, я пририсовал вождю всех времен и народов очки. Материал для творчества печатался ежедневно, а к семидесятилетию, в сорок девятом, портреты Сталина выходили размеров на всю полосу – примерно такого размера сейчас продаются порнографические и гороскопные настенные календари. Или портреты мышц Сталлоне и Шварценеггера. И вот я пририсовал очки и был доволен: вождь при моем сотворчестве стал мне более родным, как наш добрый очкастый директор школы. Но меня, выражаясь уголовным языком, замели. Классный учитель. У меня первым был учитель, а не воспетая «с седыми прядками над нашими тетрадками учительница». Петр Фомич. Он оставил меня в классе и довел меня до слез тем, что страшал карами всевозможными. Но, за что ручаюсь, он не мне желал плохого, он давал урок поведения, оберегал на будущее. Он заставил меня своими руками бросить в печь портрет, велел никому ничего не говорить и отпустил. Помню, с каким легким сердцем я выскочил на заснеженную улицу и помчался по ней. Он, Петр Фомич, не напомнил мне ни разу о моем проступке. И вот результат – не прошло и лет трех-четырёх, как я влюбляюсь в Гальку и читаю ей о том, что означает серп и молот.

Не жили мы в страхе. Не были мы подонками и стукачами. Да, залетали в пределы лагерей, но тюрьма русскому человеку не в укор, он ею не клеймен, это только отставники в отделах кадров цеплялись за пометку,

что паспорт выдан на основании справки об освобождении, то есть человек сидел, а в народе всегда была, и есть, жалость к перестрадавшему. Пожили в стране, были полны духом бодрости. Переживали неприятности, трудности и шутили при этом. Сейчас больше психических отклонений от нормы, чем раньше, а это знак того, что теряем бодрость духа. Люди с чувством юмора, самокритикой никогда не сходят с ума. Хрущев жил при непрерывных анекдотах о себе и, говорят, любил их слушать. Ссылаюсь на свидетельство первого секретаря правления Союза писателей России Леонида Соболева, я еще успел услышать его рассказ о том, как он приходил к Хрущеву и тот требовал новых анекдотов о себе. Брежнев умирал под непрерывные анекдоты о своем маразме. Настигли анекдоты и Горбачева, и Ельцина. Участь неизбежная! Давным-давно, зеленым студентом, попал я в компанию, где молодой критик Кожинов с гитарой пел официальную песню режима: «На просторах родины чудесной», но как пел? Вставлял всего одно вводное слово: «На просторах родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили, в общем, радостную песню о великом друге и вожде. Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности оплот, с песнями, борясь и, в общем, побеждая, наш народ за Сталиным идет...», и так далее.

Долее всех, вознесенный пропагандой и, казалось, неизбежностью учения, держался образ Ленина. Всякое пели и рассказывали обо всех, но не о Ленине. Прорвало хляби небесные его столетие. Задолго до даты затрубили фанфары лизоблудства, да так громко, что вместо почтения к вождю возникло совершенно обратное. Как из мешка, высыпалось столько всего, что даже десятая часть, может, и сотая, какую я запомнил, дает о том пред-

ставление. Я же специально не запоминал, само прицепилось. Вначале почти безобидно крутилось вокруг броневика и кепки («Это что за большевик лезет там на броневик? Он простую кепку носит, букву “р” не произносит, очень добрый и простой, догадайтесь, кто такой»), или такой анекдот: Ленину предлагают сброситься по рублику, а тогда было в ходу пить на троих – по рублю, и оставалось на хлеб и плавленый сырок, – вот Ленину Дзержинский и Горький предлагают по рублю, Ленин отвечает: «По рублю много, я, батенька, прошлый раз скинулся с Каменевым и Зиновьевым, залез на броневик и такого наговорил! Но по полтинничку непременно». Кстати о рубликах. Их называли безо всякого уважения к деньгам рваными и косыми, но вот к столетию вышел юбилейный рубль, от него пошли шутки такого рода: «Сбросимся по лысому», или того хлеще – шутка при добывании юбилейного рубля из широких штанин: «У меня не мавзолей, не залежишься».

Официальные поэты пошли в бой за вождя с открытым забралом. Они гневно, с гражданским пафосом требовали убрать Ленина с денег, поскольку он «для сердца и для знамен», они вспоминали, подражая, хулиганские выходки вождя в Казанском университете, так им и не законченном, они измеряли шаги ленинского караула у Мавзолея, их зарифмованное заверение в лояльности тиражировалось и награждалось бесконечно, но не под силу ненародным поэтам повлиять на мнение народное.

Единственным, кто поднял тогда бесстрашный голос против Ленина, был Федор Абрамов. Его возмущало многое в Ленине, особенно ленинские антинародные убеждения, что после Вологды на север ничего нет, кроме дикости и бескультурия. Это о русском Севере, спасшем русскую культуру.

В то время я обретался на телевидении, говорю «обретался» сознательно, ибо, проявив умение писать сценарии, я был назначен сценаристом и жизнь моя была фруктовая: на работу почти не ходил. Но тянуло – друзья. Гонорары тогда были микроскопическими и с горя пропивались. На ресторан гонораров не хватало, но и под забором пить не хотелось. Хотелось изыска. Однажды в поисках праздника жизни мы забрели на территорию Высоко-Петровского монастыря, там были мастерские и склады Худфонда. Туда не пускали чужих, но я был с динозаврами телевидения, пробывшими полжизни в прямом эфире (а тогда по бедности почти постоянно был прямой эфир), так что мы были узнаны и пропущены. А там было зрелище почти мистическое: длинный ряд закрытых кусками ткани бюстов. Мимо них двигалась комиссия во главе с Вучетичем. Служащий откидывал с головы вождя покрывало, комиссия что-то решала, мычала, по ее указанию бюст прикрывали или оттаскивали в сторону. Как тут было не вспомнить случай, о котором я давно слышал: как одного мужчину арестовали за то, что он, получив в райкоме бюст, понес его в свой сельсовет, для удобства привязав бюст веревкой за шею и закинув за спину. На горе попался уполномоченный. Пятьдесят восьмая была мгновенно применена. Но, оказывается, и друзья знали такой случай, так что он был из разряда кочующих и легендарных. Позднее я прочел о таком же случае у Солженицына. А самого Солженицына мы всю тогда читали, разумеется, не открыто, но и публично не скрывая своего к нему уважения.

Можно подумать, что я все это рассказываю и изображаю из себя смелого задним числом. Чего ж теперь не хорохориться, теперь валяй чего ни попадя. Нет, никаким смельчаком я не был и однажды, именно из-за бю-

ста вождя, испытал самый настоящий страх. Дело было в армии, в шестидесятом. Уже четыре года как прошел двадцатый партийный съезд (тут коротко заметим, что не партии изменяют исторический курс, они просто используют в своих интересах то, что назрело в обществе, взять хотя бы ту же перестройку), четыре года прошло, памятник Сталину остался, пожалуй, только в Грузии, да в Монголии, да... в нашей сержантской школе. Не на виду, в складе при полковом клубе. Туда меня привели ночью. Зачем-то эта операция выполнялась сверхсекретно. Тут, видимо, была та причина, что наш замполит хранил сталинские бюсты из безчисленных ленкомнат в надежде их возвращения на прежние места. А тут приказ переезжать нашей школе из Томилина в Вешняки (теперь Вешняки в черте Москвы). Замполит выбрал для перевозки троих: меня, русского, Гумбаридзе и украинца Толю Осадчего. Подбор наш вряд ли был политическим, просто мы были поближе к полковому клубу. Я всякое свободное время торчал в библиотеке, выпускал стенгазету «Зенит» (школа была ракетно-артиллерийская), Осадчий был артист, любимец публики, а Гумбаридзе – душа курсантского оркестра. Нас собрали ночью, привели в склад, приказали выносить бюсты и грузить в кузов. Бюстов было много. Тяжелые. Черные, белые, покрашенные то бронзовой, то масляной краской. Сильно запыленные. Перетаскали, закрыли брезентом. Замполит поехал впереди на легкой, мне приказал ехать в кузове, следить, чтоб ветром не сдернуло брезент. Ехали через Люберцы. Уже было утро. У перекрестка, чуть впереди, остановилась перед красным цветом тоже бортовая машина, в ней сидели девчата, да такие отчаянные, что сразу принялись мне кричать, чтоб я перепрыгивал к ним. Я обычно могу отшутиться и перед девчатами не робею, но тогда, тогда...

И что-то же подтолкнуло меня, какой-то зуд заставил меня рвануть с края брезент, задрать его, как подол, со словами: «А этого на кого я оставляю?», – показать девчатам и прохожим. Отлично помню, как подавились смехом сидящие в кузове, а прохожие, как в немом кино, замахали руками, показывая на меня, на мой груз. И вот тут-то страх меня прошиб. Конечно, первый год службы, то-се. Но был страх, был, не стыдно признаться. Зажегся зеленый, и мы разъехались. Брезент вновь закрыл трехмерные изображения властелина.

А ленинский юбилей приближался, барабаны пропаганды гремели круглосуточно, с явным перебором. Перебор этот вызывал ответную реакцию. То был одекolon марки «Вот солдаты идут», то появились духи «Запах Ильича» – но это, конечно, анекдот, а вот был сигаретный прибор из бронзы и мельхиора, я сам видел и за достоверность ручаюсь, изображающий три тома Маркса-Энгельса-Ленина с кнопками. Нажимаешь – и из книги Маркса выскакивает один сорт сигарет, а из двух других книг другие. Зависит от того, чем зарядишь. Непрерывно накачивало напряжение кино и телевидение. На ленинской тематике делали деньги и премии. У художников появился жаргон: «Ваяю Лукича». Был такой режиссер Марк Донской, он въехал с камерой в жизнь вождя всерьез и надолго. На телевидении был снят фильм о его работе над ленинской тематикой «Здравствуйте, Марк Иванович». Помню скандальное обсуждение этого фильма в литературно-драматической редакции. В фильме режиссер (Донской) подходил к актеру, готовящемуся войти в образ вождя, смотрел, трепал актера (в образе вождя) по щеке, шел за камеру, командовал: «Мотор!» Потом кричал: «Стоп!» – и орал на актера: «Сделай умное лицо: ты же Ленин!» Начальство литдрамы трус-

ливо ждало звонков сверху, но, видно, и там все одурели с этим юбилеем и ничего не заметили. В вихре мероприятий мелькали известия, как в Новокузнецке (можно уточнить) на городском субботнике работающих объезжал автомобиль, загримированный под броневик, на нем стоял «Ленин», подъезжал к очередной группе, картаво произносил известные слова о том, что мы придем к победе коммунистического труда, или о том, что социализм без почты, телеграфа и машин – пустая фраз, ехал дальше. Но город большой, срок работы на субботнике невелик, что делать? А был в городе майор пожарной охраны, гордящийся сходством с вождем. И его тоже вырядили, и ему сделали броневик. А было довольно холодно, первый «Ленин», играемый актером, грелся коньячком, да это бы полбеда, беда, что «броневики» нечаянно пересеклись маршрутами. Люди глаза вытаращили: два броневика, два Ленина, зрелище нескучное. Да тут еще актер, испугавшись, что перебьют заработок, стал матом крыть майора-пожарника. А тому это стало обидно, он не за деньги работал, пошла дискуссия...

Анекдоты взблескивали каждый день. Тогда крутили фильм «Ленин в Польше», сценарий, кажется, Габриловича, там было новаторством то, что никто в фильме, кроме Ленина, не говорил, но я не об этом, а об анекдоте, рожденном фильмом... Картина: Крупская и Дзержинский наедине, картина называется «Ленин в Польше». Или: Абрам застал Сару со стариком, он возмущен: «Уж ты хотя бы мне с комсомольцем изменила!» – «Постыдись, Абрам, он видел Ленина». И сотни других. Думаю, такое издевательство не было издевательским, оно с одной стороны копилось как ответ на идеологию, а с другой – был все тот же тупой и непрерывный напор официальной пропаганды.

Для меня, так сказать, апогеем ленинской темы был трехдневный семинар на телевидении, в телетеатре на Семеновской, семинар актеров республиканских и областных драмтеатров, исполняющих роль Ленина в юбилейных спектаклях. А уж их наштамповали – ой да батюшки! Опера была, Артур Эйзен пел партию Ленина. Да, пел. Декорация – шалаш и берег озера. Естественно, шутка о Ленине в розлив тоже мелькала. Так вот, о семинаре. Первые два дня их, «семинаристов», накачивали политграмотой. Конечно, актеры – это еще та братия, как сказала о них моя давняя знакомая, завлит театра имени Ермоловой Елена Леонидовна: «Актеры войдут в коммунизм после таксистов». Актеры радовались паузе в нелегкой своей жизни и были хороши к третьему дню, самому ответственному: урокам внешнего облика Ленина. О, это забываемо для меня: едва ли не сотня Ленинов бродила по телетеатру, сидела в буфете, курила, сплевывала на пол. Все помятые, похмельные, однако именно это подвигало их к еще большей старательности походить на воплощаемый образ, все картавили, все закладывали большой палец за жилетки, все говорили: «Батенька мой, а пошли бы вы за пивком». – «Да нет уж, батенька мой, вы помоложе-с, да-с, и это, смею заметить, архиважно в вопросах расплаты за вчерашнее», словом, тут масса вариантов: актеры – народ импровизации, народ нерядовой, они успешно доказывали, что «Ленин и теперь живее всех живых», именно эти слова были девизом семинара.

Ну-с, батеньки мои, тема безгранична и пора ее суживать, иначе можно сорваться на зубоскальство, а Ленину и так несладко – до сих пор не похоронен, земля пока не принимает. Хватит анекдотов, ведь о самом главном мы еще не сказали.

А что главное?

А то, что русский народ, лишенный традиционной власти, никогда не примет никакую, в какие одежды она ни рядись. Удел нынешних правителей – быть оплеванными и осмеянными, другого не суждено. Как ни тщился агитпроп спасти Брежнева, как ни тужились господа литераторы рисовать образ, все зря. Хотя, кстати, сами-то прихлебатели живут прекрасно при ком угодно. Нынче их зовут халявщиками, чуть раньше кукурузниками. Важно, что никто ничего не сможет сделать с русским народом. Ну вот какая партия, какой президент смогут мне запретить любить восход или закат, степь или лес, осень или зиму, женщину, астры или флоксы, – мое это дело. В размерах народа все резко укрупняется. У народа есть нажитые тысячелетиями богатства, они нетленны, они духовны и ни золоту их ни купить, ни мечу покорить.

Есть Божья кара, и есть народная память. Кара свершается за отступничество с предначертанной народу дороги, а народная память – компас на этой дороге. Бывает, что компас отклоняется из-за внешних помех, тогда мастер возвращает ему верное действие. Обычно лечение бывает тем же средством, которое завело не туда. Русская зафранцузенная жизнь, уклонение от Православия были исправлены нашествием французов. Вернулось старчество, очистилось Православие, явился преподобный Серафим Саровский, о многом предупреждавший. Ни его не послушались, ни отца Иоанна Кронштадтского не услышали, пошли за обольщением свободами, устройением земного рая, захотелось революции. И дождались и революции. Сейчас избрали желудок, а не душу, вот дождемся новой кары, ждать недолго, сейчас дело решается не веками, годами.

Семьдесят лет. А много ли это – семьдесят лет? Нам беспрестанно талдычат, что это огромный срок, что все потеряно, забыто, сказка! Семьдесят лет – срок ничтож-

ный. Я еще помню старуху, которая дула на лампочку Ильича перед сном, чтоб загасить, а другая открывала форточку, когда говорило радио, чтоб нечистая сила не задерживалась в доме. Очень мудрые старухи. Вот и деды мои. Страшно мне представить, что я вырос бы без их участия в моей жизни. Оба они перестрадали. Одного, по отцу, раскулачили за то, что держал крохотную почтовую станцию между Уржумом и Шурмой на Казанском тракту. Все его взрослые дети, и мой отец, поехали с ним в Сибирь, хотя им предлагали отказаться от отца, они не отказались, слава Богу. Другого деда, по маме, посадили в тюрьму за то, что он в Пасху отказался работать.

Степень набожности дедушек мне не дано было знать, они оберегали нас, богохульничать не позволяли, распевать всякие синеблужные тексты не давали, хотя и от комсомола не оттаскивали, видя, что в перевернутой жизни и это средство выживания. А труднее всего было моим родителям – детям кулаков и поповских прихлебателей, по такому ведомству они числились. Ничего, Бог не оставил, выжили.

Все наши писатели любых направлений сходятся в том, что у наших дедов и отцов была изумительная память. Да, так. Тогда учили не только наукам, но и нравственности. Что полезнее для души ребенка – заучить приключения насекомых на дне рождения мухи или же строки: «Помолясь, за книжку, дети, Бог лениться не велит»? Это из стихотворения «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно». Что душе полезнее: маршировать под речевку (речевка – это из пионерской терминологии, каждому пионеротряду полагалось иметь свою речевку), что полезнее – кричать под ногу: «Мы малы, мы юны, мы – дети коммуны» или же, вникая, читать: «Туманится в поле, темнеют леса, в селе за рекою звенят

голоса. Придите, малютки, в наш светлый приют, здесь радость, здесь шутки, здесь счастье, здесь труд». Как не заметить, что радость, счастье и труд – синонимы?

Ах, мал я был разумом и закружен жизнью, вернуть бы то время, не отошел бы от дедушек, все бы слушал их не переслушал. Досталось бы от них в наследство богатство нетленное, народное, божественное. Мало слушал! Осколки достались. Но осколки сверкающие.

Вот один из них:

– Здравствуй, дедушка родной,
Ты, я вижу, притомился.
Научи меня пахать,
Как учил меня зимою
«Отче наш» с утра читать.

И старик к сохе с молитвой
Внука за руку повел.
Внук, крестясь, бороздою
За лошаdkою пошел.

Смотрит издали на внука,
Смотрит дедушка седой.
И любитcя глубокой
Проведенной бороздой.

Это от дедушки по маме. А вот от дедушки по отцу:

Наша жизнь – словно вскрик,
Словно птицы полет,
Что быстрее стрелы улетаеt вперед.
И не думает ни о чем человек,
Что он скоро умрет, и что мал его век.

Обокранное, оболваненное, оскверненное народное сознание уходило в молчание, в грубость, в матерщину, оно отбивалось от сатанинского наваждения частушками и переделкой официально непрерывно жужжащих и воющих текстов и мелодий, их как раз было слушать полезнее. Сказал вождь, что жить стало лучше, жить стало веселее, очень хорошо! Народ развивает эту мысль до логического конца: «Жить стало лучше, жить стало веселее, шея стала тоньше, но зато длиннее». Или: «...вшей стало больше, вши стали крупнее».

Помню наши детские считалки. Конечно, мы считались и так: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, будет резать, будет бить, все равно тебе водить». Ну и бесчисленные греки через реки и позднее привезенные из города «Шла собака по роялю...». Но главная считалка детства – это: «Ленин, Сталин, Полбубей ехали на лодке. Ленин, Сталин утонули, кто остался в лодке?» Новичок, которому рассказывали считалку-загадку впервые, отвечал: «Полбубей». Его восторженно и добросовестно били по лбу, что означало науку жить своим умом, не надеяться на утонувших вождей, затем считались снова и разбегались прятаться. Мы кричали в полный голос среди сельской улицы, и отлично помню, что взрослые, прослушав нашу считалку, ни разу не сказали нам о ее политическом содержании. Замечали так: «Хоть громко-то не орите» – и шли дальше. Конечно, мы через пять минут снова орали в полную силу молодых легких. Было чем дышать – чистый воздух, чистая река, чистая нравственная, бесстрашная жизнь. Мы были в своей России. Скажут: прямо так уж и бесстрашная? Отвечу: да, бесстрашная. Конечно, страхи нагонялись, но искусственно. Все-таки мы более боялись не газетных врагов народа, а леших. Пойти ночью на кладбище было

доблестью. Конечно, бытовала и такая фраза: потянуть за язычок, то есть не надо болтать лишнего. Но ведь и в самом деле, зачем болтать лишнее, не надо лишнего, хватит необходимого. А про врагов народа надо вот что еще сказать, и вовсе не лишнее: где примеры народного одобрения расстрелов двадцатых годов? Может быть, под аплодисменты расстреливали митрополитов Киевского Владимира и Петроградского Вениамина в восемнадцатом году, может быть, весь народ требовал казнить восставших в Кронштадте и в Тамбове? Когда шли судилища тридцатых годов, кого судили? Это особый разговор, но, читая о процессах 30-х годов, видишь, что судили во многом палачей. Тухачевского, например. Неужели можно допустить, что никто в стране не знал о его чудовищных жестокостях по отношению к русскому народу? Или неужели еще рассказывать, как красный командарм Азин лично расстреливал сотни пленных, шел вдоль строя и стрелял, и его ординарцы, как официанты, подавали ему заряженные револьверы. И как он падал и бился в припадке, и кровавая слюна действительно бешеной собаки летела на френч с орденами Красной Звезды?

Всего не перескажешь, но надо еще сказать, почему же я все вспоминал дедушек, а не бабушек. Они у меня рано умерли. Бабушка по отцу умерла от истощения в сорок четвертом. Ее к нам привезли умирать, мама носила ее на руках в баню, бабушка лежала у печки, и мы боялись мимо нее ходить. Меня старшие перетаскивали, как котенка, на руках по-за печкой. Вторая бабушка, по маме, вся изработалась до того, что была почти бесплотная, сухонькая, в белом платочке. Помню ее ласковый шелестящий голос и легкое прикосновение к голове. Обе Александры. Одна Ивановна, другая Андреевна. «За всю жизнь, — вспоминает моя мама, — сказала я одно-

единственное нехорошее слово». – «Какое?» – «Мы просились в другую деревню на вечерку, а она не отпустила. Поздно. И я ей сказала: “Ох ты Андревна-гневна!” Всегда себя за это казню».

И последнее, что касается покаяния русского народа. Оно в одном – в богоотступничестве. В посте и молитве. Другого покаяния не надо навязывать. Ни перед кем мы не виноваты.

– Дали бы русскому народу хоть сто лет спокойно пожить, – говорил перед смертью отец.

Какое там, уж хоть бы год.

Был прах и буду прах

Вчера я был ребенком – сегодня я старик. Вот и все, измучились мои глаза глядеть на людей и на себя среди них. Уйду за далекую линию горизонта, лягу на краю кладбища, на зеленой лужайке, и буду лежать среди цветов под березой и облаками. Куда ушла жизнь, куда утекла, с какой водой, каким дождем пролилась на сухой песок? Из земли я пришел – и в землю уйду. Был прах – и буду прах. Зачем я приподнимал свою голову над землей, что увидел, что понял? Видел я землю и понял, что самое главное, что дал нам Господь, – это земля. Жить можно только на земле и спастись можно только землею. Как истосковавшиеся в плавании моряки во все глаза вглядываются в край водной стихии, как ликующе кричит впередсмотрящий: «Земля!», так мы тянемся к земле.

Кто вырос на земле, тому и объяснять не надо. Тот, кто вырос на асфальте, кто однажды видел росток травы, пробивший мостовую, понимает: вся сила в земле. И земля наша не только поилица-кормилица – она душа и

сердце всего живого. «Добра мать для своих детей, а земля – для всех людей», говорит русская пословица. А мы, дети земли, живем по другой пословице: «Материнское сердце – в детях, а детское – в камне». Ни к кому – ни к животным, ни к машинам, ни друг к другу, – ни к кому мы так плохо не относимся, как к земле. Едешь в поезде, глянешь в окно и сразу понимаешь: подъезжаем к станции – свалки мусора, ржавое железо, содрана бульдозером кожа земли, бесконечный бетон, бесконечно прижимающий и убивающий все живое под собой.

А разве не нам говорили древние: осторожнее к земле, в ней ростки жизни! Земля не выдерживает уже нашего к ней отношения: взрывается газ в шахтах, падают самолеты, случаются землетрясения – все по Писанию. Святитель Иоанн Златоуст ставил в прямую зависимость урожай на земле и нравственность людей. За что нас кормить, когда мы такие иждивенцы, когда мы стегаем землю химией, как стегают кнутом измученную лошадь. Сколько она еще протащит непосильную тяжесть? Может быть, даже то, что сейчас происходит на селе, то, что многие поля не засеваются, вызвано мольбой самой земли ко Всевышнему: дай, Господи, отдохнуть! Единственное, что нас хоть немного оправдывает, – это наша забота об украшении земли на тех несчастных сотках, которые даны нам, чтобы мы в поте лица добывали себе пропитание. Это и есть тот самый пот лица, назначенный нам Господом. Ведь и в райском саду надо было что-то делать, собирать плоды, кормить прирученных зверей, и всего-навсего было запрещено есть плоды с одного дерева. С одного, а кругом – тысячи, и все плодоносят. И не выдержали искушения первые люди, Ева – от змия, а Адам – от Евы, вкусили запретного плода. И уже долгие века мы мучаемся прародительским грехом, прибавляя к нему и

собственные. Такое впечатление, что ощутиее всего мы освобождаемся от грехов, когда работаем на земле.

Теперь уже не то время, чтобы считать себя спасенным, если ты за всю жизнь посадишь хотя бы одно дерево. Одно? Сотни нужны, сотни. Вот пустырь, а ведь это земля для сада. Вот помойка, а это место для клумбы. Бесконечные ленты репья вдоль дороги, а ведь здесь надо цвести шиповнику. Сажавший деревья знает тот счастливый момент, когда ты утаптываешь землю вокруг стволика, а твой сын принес воды. Вот и привязали дерево к палочке, полили воды, вроде все, а уходить не хочется: какая у этой крошки долгая, тяжелая жизнь. Но разве не ее листья будут лепетать под легким ветерком невнятные для нас, но понятные природе слова благодарности нам, уже ушедшим в землю.

Не спасешься, пока не будешь спасать то, что тебе доверено. Вот тот клочок земли, который тебе доверен, — спаси его. Твой сад, твой огород, ведь ты даже зимой постоянно о нем думаешь. А не ты один о нем помнишь, вот скворцы, ласточки, они сейчас в Африке, но они скоро вернуться. Снег ложится на землю, но и он растает, уйдет к корням, напоит их. И солнце обогреет, и дождь придет в свое время, и сколько благодати, и все от Бога, и все из земли, и все в землю.

Что общего у света с тьмой?

Как-то я стал свидетелем отпевания судного человека в сельской церкви. Я спросил, кто усопший. Старушки ответили мне: «Коммуниста хороним, батюшка. Всю жизнь с нами боролся, весь измучился, пусть хоть на том свете отдохнет».

Эти похороны позволяют мне в обозримом будущем представить другие, когда по-прежнему сердобольные старушки будут хоронить измученного в борьбе с ними демократа. Но, спросят меня, как же сравнивать? Но для меня слова «коммунист» и «демократ» – синонимы. Те и другие пользуются не им созданным, те и другие ненавидят Христа. Одни гнали Церковь Христову явно, другие, сегодня, иезуитски изощренно. Например, экономически, системой налогов, запуски в страну инославных конфессий, приравниванием Православия к другим религиозным организациям. Все в их руках: лучшие СМИ, обливающие грязью священнослужителей, пропагандирующие разврат, пошлость и насилие, в их руках деньги. Выставка в центре Сахарова, оправдываемая ими, – тому доказательство. И это, нетрудно предсказать, не последнее нашествие грязи на чистоту. Например, свежая публикация в журнале «Знамя» о батюшке-людоеде.

Эти нашествия означают развитие общемировой тенденции усиления сатанинской злобы к христианам.

Как же не хочется государству смириться с тем, что не оно управляет умами и душами, а Церковь! Государству для выживания нужен не народ, а послушный электорат, не Церковь, а полиция. Но, слава Богу, такое понимание, по крайней мере для России, – уже пройденный этап. Сегодня с Церковью приходится считаться, ибо авторитет ее не только высок, но непрерываем. Что сказала Церковь, то свято. Ибо Церковь – тело Христова, а Христос – истина. СССР рухнул только оттого, что пренебрег этой истиной. В наказание все обрушилось: и военная мощь, и экономика, и, конечно, идеология, которая казалась всесильной. Что осталось? Только Церковь. Это говорит правительству: если хочешь остаться у власти, выражай интересы народа, а не лоббируй чужие.

Государство – созданная смертными умами система. Эти системы все время меняются. Государство как змея, чтобы выжить, переползает из кожи в кожу, а Церковь неизменна. Один батюшка в годах высказал мне такую догадку, в которую я верю. Он сказал: «Мы за безбожные власти не молились». «Как, – спросил я, – а как же возгласение на Литургии: “О Богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея Господу помолимся!”?» «Так вот, – объяснил он, – в храмах повсеместно возглашалось так (кстати, агенты отдела управления религией придраться не могли): “О Богохранимой стране нашей, о областях и воинстве ея...”» Об областях молились. И слетели безбожные власти, показав дорогу тем, кто будет потакать бесовщине либералов.

Нас радует посредничество Президента в деле исторического воссоединения Русской Православной Церкви.

У России, на первый взгляд, несчастная судьба. То она была ядерным монстром, то стала криминальной, то была мостиком меж Западом и Востоком, то еще что. Но у России – счастливая судьба, она идет за Христом. А то, что нас не понимают, так всегда не понимали. А то, что нас не любят, так всегда не любили и любить не будут, что с того.

Лишь бы Бог Россию не оставил. А враги наши от бессилия перед духовной мощью славянства стали считать нас и вообще славянство людьми второго сорта («унтерменш», по терминологии Геббельса). Они, Европа, значит, первого? Кто же это такие первосортные? Они уже венчают гомосексуалистов и слонов, у них уже женщина – епископ, и все еще чему-то нас учат. И этому рады их сторонники, внедрившиеся в тело России. Все время после двадцатого съезда партии было отдано закабалению России иноземным влиянием и борьбе с

Православием. Даже полет Гагарина был использован для поднятия мощной антицерковной волны. Как иначе – Гагарин Бога не видел в космосе, как тут не усилить разрушение храмов. Язык свой, русский, начинал быть в загоне, вдвигался в сознание английский. Когда Горбачев полетел за инструкциями к Маргарет Тэтчер на своих партийных крыльях, ему уже было что доложить Западу. Еще бы: в 1984 году английский в СССР учили более десяти миллионов студентов, а русский в Соединенных Штатах учили 28 тысяч студентов. Ленин и Троцкий, воспитанные Робеспьером, бредили мировой революцией, а Горбачев стал пламенеть общемировой единой религией.

Забыли мы слова Пушкина о том, что по отношению к России Европа всегда была бесчувственна и неблагодарна. Забыли хамство Европы. Вот лондонская «Таймс», 1876 год, цитата: «В восточном, то есть русском, вопросе Европа имеет право (?) навязывать свою волю». И навязали!

И ворвалась к нам демократия, которая не бывает ни плохой, ни хорошей, а бывает только в аду, как сказал святой праведный Иоанн Кронштадтский. И вот там плюрализм, потому что котлы разные. Но как нас-то было легко обмануть! Бесы использовали христианское чувство доверчивости и русского гостеприимства.

Миссионеры врывались к нам целыми десантами: на поездах, теплоходах. Был теплоход с миссионерами «Волга-92». Везде несли им хлеб-соль, и только казанский муфтий, да продлит Аллах его драгоценные годы и да восславит его и род его, только он не позволил теплоходу пристать к казанским берегам.

Чему было учить страну с более чем тысячелетней культурой? Бомбежкам мирного населения? Ком-

пьютерам, которые можно заразить «гриппом», от которого не прочихаешься? Или учить расовой теории, преподаваемой им Черчиллем и Гитлером? Вроде бы не ставятся они в один ряд. Но речи Гитлера и Черчилля схожи почти до запятой. Вот «Правда», март 1946 года: «Гитлер начал дело развязывания войны <... > объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны <... > утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы мира».

К Западу полностью применимы слова апостола Павла из 2-го послания к коринфянам: «Умы их ослеплены... донныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их». И далее: «Снимается это покрывало только Христом». Они доселе не могут смириться с тем, что исполнение Ветхого Завета означает и его окончание, что сейчас богоизбранный народ не какой-то народ, а те люди, которые идут за Христом. Сейчас нас в очередной раз волокут к очередному светлому будущему, теперь уже нового мирового порядка, называя это интеграцией в мировое сообщество. И внушают, что тащат вперед. Но кто впереди в этом мире? Тот, кто ближе к Христу. Но кто ближе к небесному престолу, чем Православие? Но это не понять нашим либералам, говоря уголовным языком, «шестеркам», перед Западом. Не слушайте нас, послушайте Тютчева, сказавшего либералам того российского времени, что в глазах Европы они будут не слуги просвещения, а просвещенные холопы.

На Западе сбылось пророчество Антония Великого: «Будет время, когда скажут: ты безумствуешь, потому что не хочешь принимать участия в общем безумии. Но

мы заставим тебя быть как все». В этом безумии, то есть в обезвоженном уме, мы видим только одну способность – выращивать зависящих от золотого тельца биороботов и созидать системы управления народами, которые они привыкли испытывать на России. Довольно уже!

И когда говорят о глобализме как о благе, в это не надо верить. Что такое многовекторность – это разбегающиеся друг от друга направления. Что такое многополярность? Это корневые противоречия. И что такое уверение, что глобализм дает возможность не только духовного объединения? А какое еще может быть объединение? В глобализме отказ от слов «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них несть спасения». Благотворным живым может быть только одно объединение – во Христе. Все остальные обречены.

Мы живем в душевном периоде истории. Но нужны очень большие усилия, чтобы перейти в духовный период. Прежде всего православные должны объединиться сами. Вот этого больше всего страшатся наши враги. Да и сами мы им помогаем своей рознью. Помню, в году опять же 92-м мы делали попытку собрать русских людей, принадлежащих к Московской патриархии и к Зарубежной Церкви, и к старообрядцам, и к катакомбникам. Звали и новообновленцев. Но для них, таких передовых, было унизительно говорить с нами. Первым самочинно взял слово катакомбник. Он представился епископом и зачитал нам всем собравшимся анафему. Читал минут двадцать. Всем досталось. И за все. За никонианство и за сергианство, и походы к Сталину, и за приветствия Гитлеру, и за встречу с караваями Наполеона. Зачитал и, не простясь, ушел. Но помню, чтобы его анафематствование нас сблизило. Слава Богу, через десять лет такое невозможно. Мы благодарны За-

рубежной Церкви за ее труды по ускорению канонизации новомучеников, благодарны старообрядцам за сохранение крепости семьи, отказ от вина, табака, мы и катакомбников, показавших высокие образцы стояния во Христе, благодарим. Но сейчас-то можно уже выйти на свет Божий?

А еще вспомним, как шла нам в годы гонений литература из Джорданвилля, как стояла и стоит Белая Русь против нашествия католиков.

Боль наша – Украина. Нечего нам делить. Я недавно был в Киеве. И нигде, включая майдан Незалежности, то есть площадь Независимости, не слышал другого языка, кроме русского. Нигде меня не обозвали москалем. А вот знакомый лет пятнадцать священнослужитель говорил со мной подчеркнуто по-украински. Конечно, я розумию украинську мову, но мы же оба были дети Великой Руси. Я подумал, может, страха иудейска ради? Оглянулся: но иудеев рядом не было. Посмотрел под ноги и черной кошки не увидел. Но и с ненькой Украинной союз неизбежно близок.

Нигде в Писании нет обещания, что спасутся все. Корабль Христов, несущий по морю житейскому малое стадо, принимает на борт и желает спасти всех. Летят с него спасательные круги. Но к ним надо подплыть, сделать усилие и подняться на корабль. Велика награда за это усилие – Царствие Небесное. Дай Бог быть нам хорошими матросами этого корабля – Церкви Христовой. Какой бы золотой миллиард ни планировал очередное закабаление мира, он обречен. А мы спасемся. Слава Богу, у нас нет запасной родины, нет двойного гражданства. Слава Богу, мы православные. Христос посреди нас. И радостно откликаются наши сердца словами: «И есть, и будет!»

Русь идущая

Пора задуматься, почему многие и многие века Вятская земля – наиболее благополучная из всех российских земель. Разве на нее меньше падает снегопадов? Нет, даже больше. Но наводнений в Вятке не было. Разве ее пространства не открыты всем ветрам? Но ураганы, бури и смерчи ее миновали. Были, конечно, какие-то подтопления и вихри, но в сравнении с другими областями, которым стихии принесли огромный урон, вятские земли процветают. Здесь и в народе очень высок нравственный уровень – крепче семьи, меньше разводов. И пьянство, и наркомания, которые и сюда дошли из демократических стран, здесь все-таки не имеют такого размаха, как в других краях и землях России. Это благоденствие, подчеркиваю, историческое. Запертый эпидемией холеры в Болдине, Пушкин пишет молодой жене, что очень хочет вырваться в Москву, но что везде заставы, и говорит, что только в Вятке нет холеры, думает ехать через Вятку.

Почему так?

Ответ прост: по Вятской земле вот уже шестьсот лет год из года идет Великорецкий Крестный ход. Его называют Вятская Пасха. Он длится как раз неделю, Светлую седмицу. Теперь уже долгие годы участвуя в нем, я не представляю своей жизни без него. Какие бы радужные поездки, мероприятия ни надвигались в начале июня, ничто не заменит счастья Крестного хода на реку Великую.

В чем счастье, спросят меня. А вот спросите мальчишку, который в прошлом году, еле-еле перебирая истертыми в кровь ногами, прошел эти двести километров, спросите его, почему же он нынче снова идет, идет с сия-

ющими глазами, да еще и ведет с собой товарища. А тот ведет маму, потому что мама одного его не отпустила. И знаю, что теперь уже он всегда будет ходить, ждать утра третьего июня каждого года. Ждать выноса иконы святителя Николая – ее несут трое мужчин – выноса креста, хоругвей. Становятся так: впереди несут фонарь, за ним крест, хоругви, иконы, певчие (их идет сейчас три смены, человек по десять), затем перед иконой Чудотворца идет дьякон с кадилом, за иконой – священнослужители, за ними и мы, грешные.

И начинается Крестный ход. Толкотня, журналисты, телевизионщики. Большинство их отстанет после первой остановки у Троицкой церкви в Макарье, где хранятся святые мощи новомученика Виктора, епископа Глазовского. Некоторые дойдут до первого ночлега в селе Бобино. Наиболее упорные пойдут до Великорецкого, но уже в обратный путь не пойдет никто. Почти никто. О фотографах и операторах надо сказать сразу, чтобы потом не говорить. Помню, когда в обществе стал просыпаться интерес к обретению национальных святынь, Великорецкий Крестный ход кинулись увековечивать многие. Особенно много нахлынуло специалистов из-за границы. Шли французы, англичане, американцы и разные прочие шведы. Упакованные, как говорят, экипированные, снабженные высококалорийным питанием, они падали к концу первого дня, много – к концу второго. Но так как на Крестном ходе никого никогда не бросают, то не бросали и их. Но замечали, что снимают они как-то своеобразно. Подстерегают моменты, когда, например, женщины преодолевают упавшее поперек дороги дерево. Надо же для этого ногу поднять. Или: ползем по кочкам через болото – старуха падает. Нормальный человек кидается ее

поднимать, а фотограф снимает, как она барахтается в грязи. Обожали снимать плохо одетых людей на фоне разрушенных домов, брошенной ржавой сельхозтехники. Отлично помню своеобразный бунт, когда паломницы заявили батюшкам, что пойдут отдельно, если эти прилипалы не перестанут подстергать, прячась по дороге в кустах. Особенно иностранные мастера охотились за женщинами, когда те погружались в Горховскую купель. Тогда вятский архиерей издал указ, чтобы без его благословения никто не смел снимать. Стало полегче. Ясно же, что они отработывали кусок, запечатлевая русских туземцев.

Но еще я вспомнил эту фотобратию, потому что они снабжены были всем необходимым в пути. Не в пример бедным старухам, у которых в мешке ржаной хлеб да бутылка воды.

Так почему же тридцатилетний спортивный мужчина не выдерживает тягот Крестного хода, а старуха идет да идет? Чем жива? Ответ один – Святым Духом. Вот привал. Краткий молебен. Можно снять натрудивший спину и плечи рюкзак, сесть, лечь, даже вздремнуть, если остановка хотя бы сорок минут. Гляжу – старуха съела перышко зеленого дикого лука, кусочек хлебushка, запила глоточком воды и сидит, читает Псалтырь. Заканчивается краткий отдых, впереди поднимают икону. И опять пошла с молитвой раба Божия. Так и идет все шесть дней, вставая в час ночи, выходя со всеми в два, идя ночь, утро и полный день до позднего вечера.

Сейчас на реку Великую идут тысячи три-четыре, обратно, как правило, в три раза меньше. Туда – литургия оглашенных, обратно – литургия верных. Я знал еще, вечная ему память, – Прокопия Ивановича, легендарного старика, водившего старух на Великую

во все годы хрущевских гонений. Самое малое – доходило до тридцати человек, когда шли ночами, прячась от милиции, самое большое шло перед Первой мировой войной – двадцать четыре тысячи богомольцев. Так вот Прокопий Иванович однажды прошел только в одну сторону, ему в тонком сне явился святитель Николай и сурово сказал: «Я тебе одну-то ногу отдерну». Так передавал Прокопий Иванович, понимая под этим наказ святителя – ходить на Крестный ход и туда, к месту обретения иконы, и обратно, в Вятку.

А еще недавно опочила – светлая ей память – незабвенная раба Божия Маргарита, Маргаритушка. Она прошла Крестным путем семьдесят раз, и уже когда ей было под девяносто, ее идти не благословили. Она, из послушания, не пошла, а приезжала на молебен шестого июня на автобусе. Маленькая, сухая, тащит тяжелые сумки с бутылками с водой. Никому не дает помочь: «Свои грехи надо самой тащить». Весь ее багаж – эта целебная вода от источников в Горохове и в Велико-рецком. Все, кто хаживал с нею, помнят, как она всегда назидала, вбивая в наши умы и души четыре правила: «Меньше есть, меньше пить, меньше спать, больше молиться!» Вот тут и весь православный катехизис. Чудеса для Маргаритушки были обычным делом. Идем – жара египетская. Это на открытом месте. Входим в лес, в его прохладу – тучи гнуса. Идем просто как в тоннеле, образованном шевелящимся шатром комаров, мошки, пауков и строки – этой северной пестрой мухи, которая кусает в то же мгновение, когда садится на человека. Прокусывает почти любую ткань. Так вот, огромное поле. Жара такая, что еле ползем. Воздух плавится, в глазах рябит. Дети сморились. «Маргаритушка, матушка, попроси ветерка», – просят женщины.

– Санаторию захотели? – громко кричит Маргаритушка. – Грешить-то погоду не выбирали, а тут хотите гулять, как на курорте?

– Для деточек же, – просят женщины.

Маргаритушка долго молчит. Наконец начинает петь «Отче наш». Все мы поддерживаем.

– Мати Божия, Царица Небесная, – крестится Маргаритушка, – не осуди нас по грехам нашим, снизойди к нашей немощи, дай ветерка.

И вот – я свидетель – откуда-то на совершенно чистом небе появляется облако и закрывает солнце. Приходит прохладный ветер. О, как легко, как отрадно! Как удивительна свежая зелень близкого леса, какие серебристые волны бегут по молодой полыни, как золотятся цветочки купавок и куриной слепоты, как снежно белеют зонтики кашки, как рубиновыми коврами расстилаются полянки полевых гвоздичек.

Маргаритушка идет, сурово сомкнув губы. Проходит минут десять-пятнадцать. Уже щебечут детишки, уже начинаются оживленные разговоры. Тут Маргаритушка возглашает:

– Ну, хватит!

И – как не бывало облака, ветер, как подстреленный на лету сокол, падает, снова жара, снова кипящий от солнечного огня воздух.

Вообще усталость и трудности Крестного хода – великое благо. Когда кажется, что уже не сможешь дойти до остановки, тут ни до чего, тут только моление Господу: помоги, Господи, дойти, не дай, Господи, никому быть в тягость.

Маргаритушка, раз ее не благословили идти по немощи, не пошла, а вот, помню, одна старуха ослушалась батюшку. «Как это я не пойду, всегда ходила». И пошла.

И к вечеру второго, очень трудного дня надо было пройти сорок пять километров – упала. На Крестном ходе никого не бросают. Сделали носилки, понесли. А нести человека надо самое малое восьми мужчинам, чтоб меняться. Дороги во многих местах просто нет, в лесу много луж, завалов.

– Кто тебя несет, тому это во спасение, – сказал батюшка, – а тебе в осуждение.

Кто давно ходит на Великую, помнит, как эта женщина кричала на весь лес:

– Ой простите меня Христа ради, дуру старую, ой простите!

Батюшка запрещал ей, она терпела некоторое время, потом снова кричала:

– Ой бросьте меня, закопайте меня, дуру старую!

До сих пор мы с улыбкой вспоминаем тот случай. Донесли женщину до Монастырщины, молились за нее. Утром, благословясь, пошла своими ногами. В Велико-рецком исповедовалась, причастилась.

А вот идет девочка Мария, лет девяти, тащит за руки двух младших братиков. А еще, помню, она шла вместе с мамой, с матушкой, женой отца Владимира, еще в самой маме, под сердцем. На следующий год ее несли на руках, везли в колясочке, звали ее младенец Мария. Младенец Мария, когда певчие начинали петь акафист святителю Николаю, подпевала им. Мария говорит, что скоро у нее будет сестричка. Назовут ее Татьяна.

Помню несгибаемых, высоких, мощных духом старух Валентину, Эмилию, Клавдию, Нину, Зинаиду... Когда Крестный ход стал полниться новыми людьми, молодежью, они очень боялись, что из него уйдет дух смирения, молитвенности, суровости, строгости. Но нет, сам по себе Крестный ход настолько чудотворен, целе-

бен, высок и ясен, что все случайное, наносное облетает с него, как сухая листва. Свежая зелень вновь прибывающих молитвенников скрывает под собой зрелые плоды многолетнего созревания, тот основной костяк «крестоходцев», которые ходят тихо и скромно десятки лет. Их по традиции называют трудниками, тружениками во славу Божию, на ниве Христовой.

Идут на Крестный ход и любопытные, идут из интереса, и это очень понятно. Одни, намучившись, больше не пойдут, другие, ощутив главное в этом ходе – любовь ко Христу, друг ко другу, – уже будут ходить всегда. И всегда ждать этих дней, этой недели, в которой обязательно бывает все: дожди, град, жара, комары, клещи... но будет и радуга во все небо (нынче была даже тройная), будет счастье причащения Святых Христовых Тайн на Великой, будут соловьи весь вечер, всю ночь и все утро, будут черемухи по берегам лесных рек, сирень и шиповник заброшенных деревень, елки-цветуни, которые, кажется, цветут только в Вятке, а главное, будет исполнение пасхальной радости: радости друг друга обьемем!

Теперь уже кажется, давным-давно, в прежние времена, после написания «Вятской тетради», писал я «Великорецкую купель». Приезжал в Великорецкое, говорил с участниками Крестного хода, слушал рассказы о мытарствах, виделся с Прокопием Ивановичем, стоял на литургии в день обретения иконы. Но простая мысль не оставляла меня: ты написал о том, как идут на Крестный ход, а сам не пошел этим вятским Крестным путем. И однажды, теперь тоже уже давно, прошел. И написал дорожную повесть «Крестный ход». Но с тех пор хожу на Великую уже не как писатель, а как простой паломник, это самое лучшее.

Но вот нынче, идя со всеми, идя за крестом и иконой, я как-то невольно стал составлять Слово к любящим Россию. Не от себя – от всех, с кем шел. Слова подбирались самые простые, идущие от сердца. Вот они:

Любящему России

Брат! Сестра!

Ты живешь в России. У тебя нет запасной родины. Нет двойного гражданства.

В России могилы твоих предков. Здесь будет и твоя могила.

Здесь сохранится память о тебе. Такая, какую ты заслужил своими делами при жизни.

Ты веришь в возрождение России? Веришь в то, что в России есть сила, способная ее возродить? Ты сам – часть этой силы.

Скажи себе:

– Я люблю Россию больше своей жизни.

Я знаю, что у России было величайшее прошлое, что она спасла мир, что духовное тело мира – в России, я знаю, что у России – великое будущее.

Я буду делать все, чтобы Россия окрепла духовно, политически, экономически. Чтобы в области просвещения и культуры она шла своим нравственно высоким путем, а не падала в адские бездны западной массовой «культуры».

Я поддерживаю главную религию России – Православие. Я знаю, что Россия – Дом Пресвятой Богородицы. Я уважаю буддизм и ислам.

Я не вывожу из России деньги. Я покупаю только отечественные товары. Я не пью, не курю, не употребляю в речи бранных слов. Я люблю свою семью, детей, забочусь о стариках.

Я готов пожертвовать своим состоянием для возрождения России.

Я знаю, что второй земной жизни у меня не будет, что ничего не унесу с собой с земли в землю, знаю, что в вечности дам отчет за каждый свой поступок.

Я молюсь за своих врагов, но с врагами Христа и России готов биться до последней капли крови.

Вот такое сложилось Слово.

Прошел шестисотый Крестный ход на реку Великую. Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II он объявлен общероссийским, общеправославным. Отовсюду, из всех городов и весей приезжают в богоспасаемую Вятку участники хода. Нынче даже и американец шел. Шел смиренно, безо всякой аппаратуры. И обратно шел. Объясняет его поведение, по видимому, то, что он женат на русской.

– Когда мы молимся в храме, – образно сказал отец Геннадий, возглавлявший несколько лет подряд Крестный ход, – то это как бы солдаты в казарме. А когда мы идем Крестным ходом, то это солдаты в походе. Мы идем – ад трепещет.

Уже и отец Геннадий сейчас не отец Геннадий, а монах, отец Матфей. Уже и отец Антоний, сменивший его, не отец Антоний, а монах, отец Тихон. Уже так много новых батюшек и молящихся, что с невольной светлой грустью вспоминаю я те годы, когда нас было мало, все знали друг друга. Но с радостью вижу, что Крестный ход становится общенародным.

– Как плохо, – говорю я отцу Матфею, – славный град Вятка до сих пор носит псевдоним революционера Кострикова.

– Ну и что, – хладнокровно отвечает отец Матфей, – нашу Вятку как ни назови, все будет Вятка. Смотри – улица Большевиков, а мы по ней идем, хоругви несем, крест, иконы.

Идем и идти будем. Мы не Русь уходящая, мы – Русь идущая. Мы идем – ад трепещет.

Вот уже и высокие гости на Крестный ход зачастили. Пока еще не идут со всеми, тяжело на это решиться, но на праздничный молебен шестого июня приезжают. Много архиереев, но вот нынче полномочный представитель президента пожаловал, Кириенко. Сопровождавший его отец Сергей рассказывал:

– Подвел к источнику, говорю: «Тут мы промываем очи душевные». Он умылся. Привел к купели: «Тут мы погружаемся, омывая с себя грехи». Он встрепенулся: «Это народный обычай?» – «Да, – говорю, – народный». Он разделся, окунулся. Говорю: надо троекратно. Он еще два раза. И вот интересно – погружался в купель политик, а вышел из нее обыкновенный мокрый, просветлевший мужчина.

Да, это тебе не сайентология. Даст Бог, и президент омоется в Великорецкой купели.

Идем на Крестный ход и будем идти. Придет в Россию антихрист, а мы пойдем на Великую. Во многом мы уже разуверились, и во многом еще придется разувериться, но вот то, что Великорецкий Крестный ход будет жить, пока стоит Россия, – это ясно, как Божий день.

ОПЫТЫ БЫСТРОТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Слава Богу, дожили мы до времен, когда в справке об авторе можно говорить не о партийной принадлежности, а о вероисповедании. Православный, родился в Кировской (пока) области. Почему пока? Потому что Вятская земля до сих пор живет под псевдонимом пламенного революционера Кострикова.

Сказать же что-то о себе как о писателе затрудняюсь. Еще и потому, что более неинтересных людей, чем писатели, я просто не видел. Одно интересно – как же они добились того, что их слушают? Писатель родился (все родились), учился (все учились), работал (все работали). Так и я: учился, работал, служил в армии, учился, а потом все работал и работал. И замечал, что когда пишу о пережитом: детство, река, сенокос, слезы матери, ремонт тракторов, протекшая юность, дети, седящие остатки волос... все как у людей, то реакция на прочитанное одна: о, и я испытывал то же, у нас так же. То же ели, так же страдали, так же встречали ледоход. И это – жизнеописание, сравниваемое со своей прожитой жизнью, и казалось литературой. Она читалась, издавалась, экранизировалась, отмечалась и... потеряла читателей. Сейчас неутоленный голод на

чтение, который есть признак культуры, утоляется суррогатом пропаганды насилия, денег, разврата, разоблачений (телесных и политических), часами глотается синтетический салат телеодурения, и это показывает, что русская литература, показав правду жизни, отражение жизни в зеркале, пронесимом над дорогой эпохи, не достигла того, ради чего Господь дает способность писать – ради постижения истины.

Что есть истина? Ради чего живет человек? Истина есть Иисус Христос. Человек живет ради спасения. Спасение человека лежит между страхом и надеждой, между двумя фразами: «От юности моя борются страсти» и «Не отвержи мене в старости». Ни конному, ни пешему, ни президенту, ни царю от смерти не уйти. Великие старцы Православия смерти не боялись, а страшились Божьего суда. Страшного суда.

Литература обязана напоминать о неизбежности ответа за грехи.

Все сказанное не значит, что я пришел к такой литературе, – если бы! Слава Богу, хоть что-то стал понимать, да, боюсь, не поздно ли. Сил нет поднимать глаза на действительность: живу, глядя в землю. Хотя, пожалуй, это всего полезнее. В землю, значит, одновременно и в прошлое, и в будущее. Русский, любя Россию, не может не знать ее прошлое. Узнав прошлое, он не может не видеть значения Православия в судьбе России, видит, что без Божьего промысла ничего в России не совершалось и ничего более Россию не спасало. Приходящий же ко престолу Божию видит, что высочайшее из всех званий есть звание раба Божия и воина Христова.

Смысл жизни – спасти душу, одухотворить ее. Только этим и будем мы ценны, тем, насколько спаслись сами и насколько внушили мысль о спасении читателям.

Осенние записки

Были советские, стали россияне, когда же будем русскими?

Ответ: когда будем православными. Или, хотя бы для начала, приблизимся к православному мировоззрению. Ведь только Православие может спасти и сохранить Русскую землю, восстановить наше попорченное имя.

Путь к осознанию себя русскими лежит через восстановление национального достоинства. Оно у нас или утрачено, или настолько обессилено, что уже ни на что не реагирует, даже на непрерывные унижения русских. Вот по ящику (по телевизору) вещает раскормленный социализмом режиссер Грязанов. Он берет интервью у резидента, который облупливает пасхальное яичко. О, как изысканно шестерит Грязанов, как тонко и умело изображает независимость мышления, которое направлено только на одно — урвать и у демократии. И урвет. И снимет очередную помойку, свалку, очень его тянет именно на отбросы. Вот он беседует с приятелем по кино Моторовским и сообщает сидящим перед ящиками: «Если бы я был в приличной стране, я бы...», то есть сейчас он в стране неприличной.

А вот другой, этой же циничной породы, усатый кандидат в Думу от экологов, он ведет передачу «В стране дураков».

А вот заморский режиссер русскоязычного происхождения Андруан де Михель-Кончаковский. Он приехал к нижегородским туземцам и снял полотно из их жизни «Курочку грабят». Туземцы радостно изображали себя пьяными, тупыми и злыми, а Михель-Кончаковский не вылезал все съемки из сортира, который снимал особенно любовно. У него там был запор мыслей и понос

отвращения к туземцам. Но и одновременно выполнение заказа западных идеологов – показать Россию грязной и оскотинившейся. Увидели туземцы кино, возмутились: «Мы не такие!» Ну и возмущайтесь, что теперь. (Интересно, гордится актриса Дурикова своим участием в «Курочке» или стыдится его?)

Антирусское теперь идет во всех почти средствах массовой информации как само собой разумеющееся, как будто так и надо. Журналист Щекоткин, который весь извелся в мечтах о погромах, называя их несбывшиеся даты, в органе «Вечерний звон» советует, вроде бы в шутку, мэру Лужкову снести храм Василия Блаженного, а на его месте построить бассейн. Такое «тонкое» издевательство над воссозданием храма Христа Спасителя.

А вот случайно попавший в руки номер (4418-й) «Огонька». Сентябрь сего года. Статьи «Хотят ли русские любви» и «Кто записал нас в импотенты?» – цитаты: «Эх, Россия, понимаешь, птица-тройка! Как тебя ни (в журнале «не») развращают, все норовишь на окна глухие ставни навесить и нюхать свое родное, портяночное, да колун в том запахе вешать. Колун – это да, по-нашему. Традиционные ценности...» Вторая: «...плавают в русском массовом сознании два кораблика – французский и российский треугольники, и до равенства им далеко». В том же номере статья «Рус Иван»: «У нас все чужое: великий поэт наш – эфиоп, великий тиран – грузин, цари все – немцы, народ – с тяжелым татаро-монгольским прошлым. В общем, ничего своего. А живем и считаем себя могучим этносом».

Надо ли комментировать? Увы, я даже не надеюсь, что публикация «Огонька» оскорбит кого-то из русских. Привыкли? Тогда нам так и надо. Но за других обидно, тут и других оскорбляют, правда, евреев не трогают, кое-что армянам и грузинам оставляют. Цитата: «Между

бурлящими от творческой энергетике Германией и Италией застенчивая Швейцария. Ну не выходит у нее как у немцев с итальянцами. Рядом с чумовой Польшей – аккуратные и трудолюбивые чехи. Или возьмем два бродячих народа, рассеянных по миру: цыган и евреев, приравненных Гитлером по вредности. Если евреи снабдили мир невероятным количеством гениев и при этом каких только злодейств им не приписывают, то цыгане все пляшут и воруют. Ну, еще гадают. Так хотя бы какой-нибудь завелся у них великий ясновидящий, какая-нибудь цыганская Ванда. Фигушки. Почему?.. На одном и том же Кавказе три соседа – Армения, Грузия и Азербайджан. У первых двух – кино, литература, архитектура, а у Азербайджана – один Полад Бюль-Бюль оглы».

Статья «Россия-мама». Цитата: «...тюрьма в России больше чем тюрьма. Несвобода у нас в крови».

Ну, хватит. Ну, что, братья и сестры, а ведь это всего-навсего случайно взятый недочитанный номер, один из тысяч антирусской демократической прессы. «Я комкаю (журнал) и погружаюсь в жуть, ужель нет выхода в пути заветном?»

Такое ощущение, что нет выхода, складывается, когда смотришь демократическую прессу и такое же телевидение. Летел в командировку, в аэропорту хотел купить чего почитать, а на прилавке десятка два наименований – и все похабщина. Самолет задерживается, смотришь телевизор, там «кильки» пера допрашивают очередных эстрадников, а допрос один: сколько зарабатываете и с кем спите.

Хорошо бы кристально чистых демократов послать в Эфиопию и в Шотландию, попросить, не народились ли там поэты, а то у нас с ними напряженка... Нет, надо передохнуть, иначе этот хамский, разнузданный тон, приклатненный и развязный, очень прилипчив.

Лучше я свое почитаю, профессиональное, например, «Новое книжное обозрение», свежий номер. Эдуард Успенский очень жалеет, что половину его жизни «съели Михалков и Алексин и прочее барахло. Вся эта кодла». В творческих планах Успенского написать роман о Лжедмитрии. «Я прочитал книжку, написанную польским историком. Лжедмитрий – очаровательный парень». Вот совпадение – я тоже читал книжку польского историка о русских императрицах – все они там дрянь на дряни. Надо и Успенскому ее прочитать. Товарищ Успенского по детской литературе Роман Сеф в этом же номере объявляет: «Апокалипсиса не будет». А я думаю: нет пророка в своем Отечестве, все-таки Апокалипсис будет.

А еще думаю: есть же приличные издания или нет? Вот «Домовой» – полиграфия очень на высоте. Читаю откровения поэта-туриста Занесенского о запахах. Россия ему пахнет конским навозом, а вот он ездил по миру и обнюхивал пятизвездочные отели, это другой коленкор...

Голубчик, говорю я сам себе, с чего это тебя к чтению потянуло? Тебе что, читать нечего? Вспомни мудрую женщину, которой принес книги современников, а она их отодвинула и сказала: «Но ведь есть же Евангелие, зачем остальное читать?»

Таланты и поклонники

На какой вокзал ни приедешь в столицу нашей родины, в каком бойком ее месте ни очутишься, всюду зазывалы с «матюгальниками», как назвал народ мегафоны, – зовут на экскурсии по Москве. А в качестве приманки обещают посещение Ваганьковского кладбища и могил Высоцкого и Есенина. Постоянное и назойливое упоми-

вание рядом этих имен долженствует внушить их равенство перед лицом посмертной славы. Как вроде бы иначе? Оба поэты, оба женаты не по разу, пьянствовали, дебоширили, в Париж ездили, песни обоих поют, что еще?

Теперь к памятникам на кладбище добавилась еще одна параллель – обоим в этом году открыто по памятнику: Высоцкому на углу Страстного бульвара и Петровки (видимо, оттого, что тут он неподалеку вырастал, вспомним его автобиографическое: «Где твои семнадцать лет?» – «На Большом Каретном». – «А где твой черный пистолет?» – «На Большом Каретном»), а Есенину памятник открыт на Тверском, на том скорбном пути, когда его, убитого в Ленинграде, обнеся трижды вокруг памятника Пушкину, несли на руках на кладбище.

И насколько хорош, светел, поэтичен памятник Есенину, настолько безобразен памятник Высоцкому. Будь я его поклонником, я был бы оскорблен в лучших чувствах. Зеленое, чудовищное подобие человека с зеленой гитарой за спиной, голова запрокинута, как у каменных изваяний острова Пасхи. Такой приснится – закричишь со страху. Да ведь, кстати, и на кладбище памятник Высоцкому ужасен – эта конская голова, зачем? И эта претензия – опутанные лентами магнитофона ноги. Но особенно лошадь. Это же кладбище, это даже не сенат, куда раз в эпоху вводят коня.

Вместе с тем я думаю, что создатели памятников были совершенно искренни, они таким видят Высоцкого – для них он страдалец, распятый на кресте своего творчества. Но получилось фальшиво, ибо на «распятие» творчества не набирается. Да, хороший актер, да, своеобразный певец, но вот почему-то только популярность среди эков велика. Мне рассказывали за верное, что в день похорон Высоцкого блатные по лагерям устроили

ритуальное сожжение гитар в знак своей печали. И не случайно Есенин вырастает из холма цветов, а у Высоцкого пьют и горланят. Да и Пушкин, стоящий меж ними, позволю пошутить, тоже отвернулся от памятника Высоцкому (как и от кинотеатра, укравшего имя у России и показывающего интернациональную кинопорнографию) и обратился лицом к Есенину.

...Осень, поздняя осень. Нынче нашим женщинам, за их страдания, даровано такое долгое, солнечное бабье лето. Уже и холодновато, а все тянет идти по бульварам, стоять у сверкающих фонтанов и видеть, как ветер несет желтые жесткие листья и добавляет золота в красные и белые цветы у подножия памятника.

И как-то даже благодаря солнышку примиришься с тем, что не в такой бы Москве стоять памятникам, не под такими вывесками, идешь вниз около уже привычного черномраморного Тимирязева, идешь по Суворовскому бульвару, направо, сквозь облетевшие ветви кланяешься издалека скорбному Гоголю, а вскоре, в начале Пречистенского бульвара, видишь его бравого двойника; потом дальше, дальше, мимо стеклянных зверинцев дикого рынка, пока не откроется возвышающаяся громада храма Христа Спасителя. Он вот-вот подойдет под купол. Смотрится он сейчас не так, как на фотографиях старой Москвы, – повысились ее этажи. Храм будет смотреться сердечнее и теплее.

Забугорные голоса

От автора. *Сознательно включаю в такое высокое издание, как «Дневник писателя», статью, написанную в середине 93-го. Два года с небольшим прошло, а кажет-*

ся, что вечность. Статья, напечатанная в приложении к «Российским вестям» малым тиражом, мелким шрифтом, в подбор, по-моему, не была никем прочитана, кроме обидевшегося на нее Наврозова. Он придрался к чему-то, написал протест, я собрался отвечать, но тут грянул расстрел октября 93-го, стало не до полемики. Этой публикацией я исправляю еще одну неточность: слова о том, что русская душа – тысячелетняя раба, принадлежат не А. Рыбакову, профессору Тель-Авивского университета, а писателю Гроссману.

Ничего не меняется – вот печаль. Больше того – проказа антирусской литературы, всякие чонкины Войновича ползут по кино и театрам, похабщина Алешковского объявляется русским эпосом, ерничанье Аксенова – чуть ли не классика. И тому подобное. А вот бывал я в книжных магазинах Запада, в русских отделах – лежит там вся эта эмигрантская книжная продукция, лежит годами, никому не нужная. Так какой отсюда вывод? Если вы, господа пишущие, никому не нужны на вашей, выбранной вами родине, зачем вы стремитесь за популярностью в страну, брошенную вами? Вам хочется внушить, что вы писатели, но какие же писатели без Отечества? «Знаешь, почему я поэт? – сказал Есенин Мариенгофу. – Потому что у меня есть Рязань».

Так что у кого Рязань, а у кого страна проживания.

Герцен, составляя номера «Колокола», будившего якобы Россию, пользовался для возбуждения своего пафоса письмами из России. Теперешние добровольные русскоязычные эмигранты тоже пользуются вестями из России. Слушают радио, читают газеты, на их фактах и строят свои умозаключения и рекомендации. Но то ли они искренне не знают о полной продажности демо-

кратической прессы, то ли притворяются, что не знают, но тем не менее. Добро бы иностранцы рассуждали о нас, – тут мы вспоминаем князя Волконского, сказавшего в своих лекциях по русской истории и литературе, читанных в Америке, что заставь иностранца говорить о России, и он непременно сморозит глупость. Но тут рассуждают бывшие свои. Лишняя затея цитировать их умствования, сделаем общее наблюдение, что все они, цепляясь за действительность, утверждают, что очень авторитетны на Западе. Например («Вехи», 1993, № 13), устами Сола Беллоу Льву Наврозову: «Я сомневаюсь, что кто-нибудь может излечить от бездумности бездумный Запад. Но у вас для этого больше сил, чем у кого-либо другого». Здесь же сообщается, что у Наврозова свой круг читателей в Белом доме. Мы рады за Наврозова, надеясь, что и в нашем «Белом» доме у него есть свои читатели. Только мы хотели бы исправить одну неточность. Читаем: «Наврозов в 1972 году был выслан из СССР за критику брежневского режима». Это неверно. Из СССР были высланы только два человека – Солженицын и Буковский. Все остальные – уехали сами. В этом вся штука. Они очень хотели уехать, вот и уехали. И критикой занимались, чтобы на Западе предстать борцами. Я знал нескольких писателей, теперь живущих на Западе, и могу заверить, что их страдания не превышали того, что легко терпелось другими. Цензура резала? А кого не резала? Жить было тяжело? А кому легко? И сколько же загинуло русских талантов по России! Но не пошли они в услужение «Свободам», не стали издеваться над русским народом, к которому принадлежали, к званию диссидента не рвались, подачек не получали.

И вот – демократия, о которой так долго и жадно говорили недовольные социализмом, свершилась, и

можно было борцам за демократию вернуться в эту, как они говорят, страну. Нет, не вернулись. Вначале приезжали, давали интервью шестерящим перед ними демжурам, расписывались на торопливо изданных своих книжках и... отбывали. Теперь и приезжать перестали, хоть за это спасибо.

Вот еще бы только перестали советовать русским, как им жить. Советы эти для России бесполезны, но они кормят уехавших, дают Западу иллюзию, что он (Запад) содержит у себя мыслителей и философов нового времени. Смешная участь – кормиться за счет производства грязи и изливания ее на бывшую родину. Да и понятие родины у диссидентов экономическое, где хорошо, там и родина. Диссидентство – инакомыслие – теперь прояснилось, как одинаковомыслие, направленное на разрушение России.

Именно так – на разрушение России. Скажут одинаковомыслящие, что они боролись с идеологией марксизма, – прекрасно! Но ведь еще вдобавок боролись и с государственностью. Разрушали армию: калечит-де человека; школу: как же она без компьютеров; бесплатную медицину, завидуя опять же Западу; все им не нравилось в России, все им старший брат жить мешал. А уж особенно ненавидима диссидентами была госбезопасность. До сих пор как счастливы они, когда хоть какую крохотку выудят для факта слежки за ними гэбистов. Но помилуйте, если есть государство, а оно у нас было, значит, должна была быть и служба его безопасности. Как иначе? В государствах, где одинаковомыслящие сейчас пребывают, такие службы имеются. И как может служба безопасности не иметь в виду тех, кто разрушает государство? Много было криков «апрельских августят» о раскрытии архивов Лу-

бянки, о выяснении, кто же в среде писателей стучал друг на друга. И хорошо бы открыть. Нет, замолкли. Почему? Неопровергнутое обвинение поэта Евтушенко в сотрудничестве с органами сам Евтушенко старается перекрыть сообщением о том, что за ним следили (ЛГ, 1993, № 26), раздобыл и печатает записку Андропова в ЦК о том, что творческая общественность не очень-то рада евтушенковской оппозиции. Это было верно. Как относиться к человеку, порхающему по планете, порхания свои рифмуящему, свои все новые и новые женитьбы широко разглашающему?

Но и госбезопасность, и пятое, и десятое мало волнуют нас, сегодняшних русских, имеющих одну родину, никуда уезжать не собирающихся. Главное и единственное, чего хотелось бы от бывших жителей бывшей России, – это внушения Западу элементарной мысли, что русские и российская политика не только не одно и то же, а совсем разное. Америка бомбит Ирак. Газеты на Западе пишут: русские одобрили бомбежку Ирака. Какие русские? Вот я, русский, разве я одобряю убийство? Одобряет Козырев. Но тогда какой он русский, если он – лакей американской политики? Но так было давно. Давно балет был советским, а ракеты – русские, хоккей опять же советский, а коммунизм – русский. И так далее. Но русскоязычные, русскоговорящие вряд ли и сами захотят отделить одно от другого. Дело в том, что они не русскомыслящие. И если бы они таковыми не притворялись, все было бы нормально. Разве может русский, на русском языке, называть Россию этой страной, как сплошь и рядом это делают русскоговорящие комментаторы. Слушаешь, и жалко их, бедных, становится: как же, наверно, тяжело жить в стране, которую не любишь. Но, видно, надо кому-то за что-то отрабатывать.

Наврозов причисляет девяносто девять процентов русских к конформистам. Он, правда, дает свое истолкование конформизму, вслед за Миллем, но уничижение русских здесь тоже явное. Мол, как все, так и я, а раз все так, то и я ни в чем не виноват и т.п. Стадный инстинкт у всех, кроме одного процента, видимо, того процента, который «обзирает» нас из-за бугра. То есть все наши поильцы-кормильцы, это все стадо, быдло, созданное для «обзирания». Представить же семьдесят послереволюционных лет как одно из очередных испытаний для России инакомыслящим трудно. Не досадно ли – Россия жива, Православие стало еще крепче, помирать не думаем, вот какие конформисты. И при Петре выжили, ишь, приспособленцы. При Брежневе жили, в атмосфере лжи и тотального доносительства, волюнтаризм кукурузный пережили, все никак не вымрем.

Православное русское государство строилось, в отличие от европейских католических, снизу вверх. Лишенное традиционной власти, оно держалось партийной структурой, которую постепенно начинало переламывать и заставлять служить на Россию (чего, добавим в скобках, больше всего испугались демократы). Народ же, и всегда-то живший сам по себе, тем более в себе замкнулся. То исправник приезжал наводить порядки, то инструктор обкома, разница невелика. Закон всегда был что дышло, крупное ворье всегда процветало, сажали мелюзгу, порядочные всегда жили хуже подлецов (материально), но Россия жила душой, а не барахлом, не желудком... Я такую нищету помню, такое Средневековье, вдоволь поел лебеды и картошки гнилой из-под снега, что вижу: до пределов терпения русских еще очень далеко. И это, кстати, тоже злит забугорных русологов.

Но ведь терпение – основное свойство христианской души. А нетерпение – качество бесовское. Здесь граница. «Тысячелетняя раба», как уважительно сказал о русской душе писатель Гроссман. Именно так. Тысячелетняя раба Божия – русская душа. А то, что поносят нас и лгут на нас, – нам перед Богом это в заслугу.

Хорошо бы всех русофобов хоть на денек в мое детство, в те оболганные года, в которых мы вроде и не жили, а были под пятой культа. Солнечным сиянием вспоминается оно, голодное и холодное, радостью труда на покосе, в поле, в лесу, счастьем любви к родителям, семье и школе. Любви к родине – вот что всегда с русскими. Мы вырастали, мечтая умереть за родину, это что, рабская мечта?

Но не мечут бисер перед не желающими понять других. И не поймут мертвые живых. Герцен называл организм Европы червоточным, Достоевский уже прямо сравнивал поездку в Европу с поездкой на кладбище («Зимние заметки о летних впечатлениях»), как не пожалеть мертвецов, еще шевелящих сухими тонкими губами.

Западная мысль и литература всегда были обслугой сытых. Да и русские писатели много нагрешили, и все-таки лучшие из них работают на распространение в России той мысли, что Россию спасет только Православие. В России всегда ведь все заканчивалось, но и всегда все только начиналось.

Удел западных русологов – копошиться у замочных скважин истории, глубокомысленно гадая, например, а что было б, если бы к власти пришел Бухарин. Или в том же роде. Но все их измышления до народа не доходят. Не по запрету. По естественному народному инстинкту самосохранения. И шут ли в том – читать о

правителей, об их холоуях, интригах, когда надо жить, землю пахать, детей растить. А уж если читать, то писателей русских, народных – Распутина, Белова, не «русских же красавцев» ерофеевых читать, да сорокиных, да нарбиковых. Пусть они друг друга читают, им за это премию Букер даст.

Единственное, чем могли бы помочь бывшие русские, теперешние американцы, французы и немцы, – это сказать Западу о бесполезности и глупости религиозных десантов в Россию. Деньги не тратьте. А еще сказать, что обойдемся мы безо всякой помощи. Знаем мы эту помощь – пятак дадут, на рубль выкорят, на сто ограбят.

Таково свойство Русской земли – оторванность от нее отнимает способность жить русской жизнью.

Немного о смехе

Смех вообще дело сатанинское. Смех – это не улыбка, не доброе расположение, смех – опустошение нервных сил. Замечали ли вы, когда смеетесь, а особенно хочется до слез, то вскоре вам невыносимо тоскливо, вас будто насильственно обессилили. Есть и нужный смех, смех над собой, над своими недостатками. Хорошо, когда на это есть силы. Хорошо, когда есть чувство юмора. Люди, обладающие самокритикой, чувством юмора, не подвержены психическим отклонениям. Но смеющийся над другими впадает в грех превозношения.

И вот думаю, с чего, кто и когда решил, что король юмора – Чарли Чаплин. Он король издевательства над людьми. Весь его юмор извлекается из тех ситуаций, когда герой Чаплина хамит, хулиганствует, пакостит, мелко гадит, дрессирует блоху и так далее. Малолетнего совращает выбивать стекла, женщин в годах ставит в неприятные ситуации. Если несет лестницу, то ею непременно

кого-то ударит, зацепит, и все вроде нечаянно. Если тащит санитарные носилки, то угадает так, чтобы больной с носилок вывалился в воду; если покупает торт, то им вымажет кого-то. А эти бесконечные пинания под зад, эти залезания под юбки, игры с предметами, которые шестерки киноведения называют гениальными. Смотришь, и возникает чувство неловкости и даже брезгливости, которое естественно, когда герой икает, вовлекает других в неприличные истории, ворует, обманывает, подличает – и все это с юмором. И ведь в самом деле многое смешно, например, возвращение пьяного домой. Но над чем смех? Человек падает, роняет на себя предметы, ему же, в конце концов, больно, и мы над этим смеемся. Причем этот якобы смешной чудак с ногами навыворот, он еще и презирает всех остальных. Фильм «Король в Нью-Йорке» дела не спасает.

Под стать Чаплину его отпрыски – наши юмористы. Издевавшиеся во времена застоя и волонтаризма, они издевались над сантехниками, например, известные райкинские: «Я тебе две винтки не довинчу, я тебе две вертки не доверчу» и тому подобное. Весь этот юмор был настолько непрерывен и назойлив, что казался единственным юмором.

Совершенно естественно, что юмор разных народов различен. Еврейский юмор не может стать русским. Но именно только еврейский юмор и навязывался нашим кино и телевидением. Вся эта одесско-жаргонная лексика успешно внедрялась в речь, в порчу нравов. Утесов в своей книге воспоминаний гордится тем, что пел для Сталина блатную песню: «С одесского кичмана бежали три уркана», а шутник нашего времени Иванов требует у Ельцина расправ над патриотами. Юмористы театра обдирают как липку классику, на все лады ставят

Гоголя, да так ставят, что хвалят в рецензиях постановки, вставание с ног на голову, а не текст, ради которого обычно и делается постановка. Весь юмор, например, Хазанова, ниже пояса, Жванецкого – издевательство над всем и вся, обычно над нашим уровнем жизни. О, они очень умело это делают.

Русский юмор добр. Смешно, но и грустно. «Боже, как печальна наша Россия». «Чему смеетесь?.. Над собой смеетесь».

Наши пересмешники презирают тех, кого смешат (вспомните: «мужик, ты будешь тем-то, а ты, мужик, тем-то»); нам рассказывают, что уже невыгодно ездить в Америку, что бабки колотить можно в СНГ (Задорнов), издеваются над всем и вся, кроют в эфире матом (Ширвиндт), в газетах пишут матерными словами (Быков), и так далее...

Конечно, «есть Божий суд для наперсников разврата», их, хохмачей, даже и пожалеть нужно, но как исчислить вред от сталкивания в подвалы пошлости доверчивых душ?

Доверчивость – вот слово, которым пользуются бесы. Сами бесы не умны, а хитры, изворотливы, они в напряжении, чтоб их кто не обманул, а сами обманывают. Доверчивость – очень русское, христианское качество человека. Смешат – надо смеяться. Вовлекают в игру, надо играть. Бесы во плоти оседлали телевидение и правят сатанинский бал голубого экрана. Как с ними бороться? Очень просто – выключить телевизор, и в течение секунды любой бес проваливается в черную стеклянную бездну. Но почему же трудно выключить? А трудно, все ждет человек чего-то путного, интересно-го. Не дождавшись, обессиленный, засыпает. Вампир-телевизор вытягивает душевные силы.

Четверовластники

Россией, да, пожалуй, и миром правят люди без стыда и совести – журналисты. Говорить им что-либо бесполезно, на них давно пробы негде ставить, но за людей, за державу обидно. Попробую зайти вот с какого конца. Наглое, сытое, хамоватое поведение этих пишущих и говорящих русскоязычных легко увидеть каждую секунду – откройте любой номер демократического издания или включите радио. Вот идет в застекленной студии для дураков игра на круглом поле чудес. Как изысканно издевается над участниками ведущий. Он вроде бы, по замыслу, обслуга, ведущий, но нет, все к его ногам: и подарки, и смиренное согласие на издевательство над собой. Приз или деньги? Да пропади бы они пропадом – на кого ты работаешь, старик-ветеран, и ты, бухгалтерша из Краснодара? Какую доку-нерусскую-пиццу, в которую сваливают все недожеванное накануне в ресторане, ты рекламируешь, какие товары, вытесняющие отечественные? Иди, оглупленный и счастливый, прижимай к груди видеомэгнитофон, по которому твои дети будут смотреть, развращаясь и обучаясь насилию, американскую киноблевотину, иди, ты хорошо поработал на порабощение России. Но ведь и ведущий, он ведь не только шут гороховый, он примитивный шестерка при чужих деньгах. Ну, отстегнут и ему, шестери дальше.

А вот пресс-конференция, где якобы сильно независимые всякие Саши Мимкины и Жени Абзац пытаются, и всю предвыборную кампанию будут продолжать пытаться, очередного лидера. Смотришь и жалеешь: подневольные люди, дано задание, надо оправдать. И хоть бы кто посмел вякнуть не в общем хоре, только по до-

зировке «тиви» дают вякнуть кому-то из отобранной команды зрителей, а далее по тексту. Присягаю перед совестью – у нас нет ни одной независимой газеты и телепрограммы.

Каково же задание? Задание бесовское – Россию развратить, спойть, русскую историю оболгать, патриотизм оплевать, внедрить в сознание, что миром правит капитал. Недавно в приложении к «Вечерке» тот же пародист Иванов так и пишет: «Миром правит капитал». Ему так приказано думать, и он, бедняга, стал думать, что он сам так думает. Кто приказал? А те, кому Спаситель сказал: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что... оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф. 23, 23).

Весь секрет нравственного падения нашей прессы в том, что она обезбожена, что журналисты продались хозяевам и деньгам, а значит, сатане. У нас пришли такие времена для прессы, которые всегда были на Западе. Наши, советские, газетчики клеймили «империи» Херста и Шпрингера, теперь, повернув Россию на капиталистический путь, создали свою империю, антирусскую, антиправославную. У борзописцев демократии два дела: или кого-то обгадить, освистать, оплевать, или же кого-то вознести. И то, и другое делается по команде. Кто ее дает, не знаю, но то, что она есть, уверен. Откуда же иначе такая рьяность и согласованность действий?

Газетчики демократии стали запираяться от народа, теперь к ним идешь через сорокалетних мальчиков в камуфляже, через электронные хомуты. Кого бояться демократы-журналисты? Кого боитесь, господа? Вы же здесь хозяева, в этой стране, вы вошли в нее, оккупировали, залили стеклянной и бумажной массой вранья, оболванили людей и их же боитесь? То есть не все оду-

рачены? Нет, вы боитесь за свои шкуры. Но не вы ли воспевали проституток, не вы ли называли бандитов боевиками, мошенников и спекулянтов – предпринимателями, брали интервью у всякой шпаны, рассказывали в газетах способы изготовления наркотиков, в кино и на своем телевидении показывали и объясняли множество способов убийств и пыток, не вы ли? Рассказывали обо всем этом смеясь, взяв за обычай тон развязный, ироничный, циничный. Не вы ли выставили на обзор порнографию, назвав ее эротикой? Ну и так далее. Чего же вам сердиться, что разбуженный зверь иногда хочет кушать.

Сошлюсь на два народных мнения. Одно я приводил давно, еще на встрече деятелей культуры с Горбачевым. Кто на ней был, не даст соврать. Это не вошло ни в какие отчеты, и, может быть, критик Глушилкина прочтет их с пользой для себя и перестанет меня клеймить за желание служить престолу (желание это у меня не только не проходит, усиливается, ибо престол для меня все тот же – Всевышнего). Так вот, тогда театралы и киношники добивались побольше денег за свои труды. И вот они устроили пятиминутную забастовку и на встрече с президентом очень ею гордились. Дали и мне слово. Сказав о происхождении демократии как строя искусственно созданного демагогами по заданию демократов, о том, что демократов в России называли домокрадами или демонократами, я сказал и о забастовке. Сказал, что в момент ее был в деревне, смотрел там телевизор. И вот – замерла постановка, вышел на сцену Губенко и замер на пять минут. А мужчина, сидящий рядом со мною, искренне сказал: «Что ж они на все-то время не замолчат?» Разве не таково желание множества людей? Ибо что же несет нам сегодняшнее искусство? Разврат, насилие и пошлость, нерусскую речь, чужие нравы.

Второй случай, уже самый свежий. Хоронят очередного банкира, передают по всем программам крики возмущенных бизнесменов. Опять я в деревне, опять у телевизора. И соседка, не убившая за жизнь ни одной курицы, вдруг говорит: «Да уж хоть бы скорее они друг друга перестреляли, дали бы хоть нам пожить спокойно».

Залепить уши воском

Сейчас, в предвыборные недели, уровень вранья, и без того высокий, будет расти непрерывно. Нам надо, по примеру многоопытного Одиссея, миновавшего сирен, которые могли погубить его, залепить уши воском. Вся журналистская свора, вся президентская рать, все говоруны и болтуны будут по всем программам, газетам, волнам эфира непрерывно врать и, входя в раж, будут верить своему вранью о любви к народу. Какая там любовь, голоса нужны. Я видел, забыв сохранить, в одной прибалтийской довоенной газете объявление: «Продам голос. Дорого». Так и у нас скоро будет. А слово «народ» будет забыто в день избрания. Пример – шахтеры. На их потных спинах въехала демократия к власти. И много теперь счастья в шахтерских семьях? Им уж не до политики, им бы только выжить.

Вот идет к власти партия власти. Обещает стабильность (естественно, остряки называют это «дебилность»). Но кто сейчас мешает этой партии бороться с жульем и ворьем, с преступностью? Никто. Да и надо бы бороться, но некогда. А чем заняты? Как чем? Враньем, продвижением к выборам.

У нас вообще почему все идет кое-как, через пень-колоду? Потому что начальство занято двумя вещами:

первое – захватить власть, второе – ее удержать. И так год за годом.

Сейчас еще возникает опасение – то, что депутатские места займут криминальные личности, им же нужна стабильная неприкосновенность. Но думаю, что не совсем так, все тоньше и проще. Места займут не авторитеты преступного мира, а их ставленники. Банкир (или мафиози) выкладывает кандидату денежки на секретарш, на переезды, гостиницы, покупку газет и эфира, листовки, подмазку избирателей и так далее. Банкир (или мафиози) делает этого кандидата своим, шестеркой. Он против него потом ни в какой Думе не вякнет, он ему любую бумагу достанет. Разве не так?

Вот хорошо бы убрать все привилегии депутатов и президентской оравы. Ведь это только посмотреть на этих пятидесятилетних мальчиков в иномарках и домах правительства. А еще есть, как поется в песне, «за городом заборы, за заборами вожди». Снять привилегии – пойдут ли во власть? Ответ: пойдут. Во-первых, силен бес тщеславия, во-вторых (см. выше), мафиози подкинут за нужный документик.

Да и главное в том, что никакие результаты выборов на положение дел в России почти не повлияют. Надо ведь будет согласно славной нашей традиции долго обливать грязью предшественников, валить на них вину за все дела в стране, потом устраивать свои дела, потом разбегаться по фракциям, потом сводить счета друг с другом, потом, и все время, снова врать и врать. Надо и долги тому, кто помогал продвижению во власть, отработать.

Не власти двигают страной. Вот вопрос: есть хоть один человек, который прочел хотя бы треть указов президента? А есть хоть один указ, который выполнен?

Шестерки режима

Кто это? А это наша эстрада. Они вроде и смелые, и независимые, а все равно в обслуге. Пройдите после полуночи по московским ночным клубам и казино. Кто пляшет и поет перед сытыми и пьяными бандитами, банкирами и их гориллами (как называют телохранителей)? Да наши певцы и певицы, наши всякие ансамбли. Им свистнули, они прибежали. Но ведь противно же, но ведь унижительно, они же это чувствуют. Ну и потом пополняют достоинство за счет унижения поклонников, выламывания перед публикой попроще. Публика, с одной стороны, дура, но, с другой стороны, очень жестока – быстро забывает. Уж как ни популярен полусемейный дуэт «Академия», а ведь и его забудут. И это еще не худший коллектив, хотя очень уж пошловаты его последние песни, вроде того «хочешь и хохочешь».

Эстрада из обслуги вышла в диктаторы. И это сделали опять же журналисты. Они будят низкие интересы и инстинкты. А материал – знаменитости. Мне один хороший писатель рассказывал, как он выступал со знаменитым хоккеистом. Тот мычал, жестикулировал, не мог связать двух слов, ему мучительно не хватало мата для связки слов. «Мы им дали... они нам потом в Канаде...», и так далее. Но публика видела кумира. Начавший гонять шайбу с шестого класса, он так и остался по своему развитию в семилетке, но что до этого поклонникам? Недавно случайно я узнал, что он спился и умер, пропоротый ножом в пьяной драке. А сколько спивается, умирает в неизвестности бывших кумиров. Что же вы, господа журналисты, вот бы и составили та-

кие списки, сказав ими: вот к чему ведет жизнь, лишенная нравственных ориентиров.

Но кому все это говорю, кто прочтет? Прочтут те, кто думает как и я. А тот, которого обличаю, и внимания не обратит. Но говорить все равно надо. Как не сказать еще и о тех шестерках рыночного режима, какие ходят в его охранниках, жуют жвачку и умеют стрелять навскидку. Хозяева их боятся, зарплату им повышают, подарки подкидывают. Хозяева знают – охранника легко перекупить, сделать убийцей, или, мягче говоря, киллером (видимо, веселее умирать от киллера, чем от убийцы), легко сделать охранника осведомителем, и так далее. Охранники, в свою очередь, презирают шефа. И у тех, и у других собачья жизнь.

Как меня переводили

Как писатель я не был обижен судьбой: все-таки издавался, даже, бывало, жил только на гонорары. Но я о другом, об отрезвлении от оболщания тем, что если тебя переводят, то ты хороший писатель. А вообще меня переводили на разные языки. Это уж потом я заметил, что переводили только те вещи, в которых, по мнению западных издателей, порицалась система социализма. Вот до чего дошла деревня, нет на нее фермерства; вот как плохо живет старухе, в пансионат бы ее! Угодными для Запада были даже и Абрамов, и Шукшин, но и из них извлекали не любовь к России, а нелюбовь к системе.

Но даже и не об этом сейчас, а о том, что Запад нас никогда не поймет, нет у него для этого словарного запаса. Вот сидит переводчица, считающая, что деревенщи-

ки и деревяшки – синонимы. Но ладно. Сидит хорошая переводчица, различающая эти понятия. Спрашивает:

– Вот у вас фраза: «Этот Витя из всех Витей Витя», это как понять, как перевести?

– Ну напишите: «Этот Витя еще тот Витя».

– А как понять?

– Ну, ну, еще тот... В общем, такой мазурик.

Переводчица не знает ни мазурика, ни прохиндея, ни прохвоста, она переводит, что Витя мошенник. Но русские понимают, что этот Витя не мошенник, не прохвост, не прохиндей, что этот Витя еще тот Витя, но объяснить это иностранцам невозможно. Они не понимают различия между правдой и истиной, нормой и мерой, общиной и коллективом, симпозиумом и собором, какое там! Им никогда не объяснить, что молодушка не обязательно невестка, что сноха – это тоже не совсем невестка, что бабочка (в применении к женскому полу) – это не совсем то, что бабенка; что когда в застолье поют: «Отец мой был природный хахаль», то это конкретно о ком-то, пусть он еще и пахарь. Как им понять шутку: «Я вернусь домой на закате дня, распрягу (вариант: напою) жену, обниму коня». Бесполезно объяснять. Они переводили русскоязычные книги авторов, которые за железным занавесом наслушались русскоязычной «Свободы» и боролись с режимом. Вот кукиш в кармане им нравился. Теперешние «букеры» и «триумфы» тоже прикармливают авторов антипатриотических. Подписал Астафьев письмо против защитников Верховного Совета в октябре 93-го – на тебе заграничную пайку. Хотя тут же надо сказать, что изменников никто не любит. Недавно августята праздновали день флага. Так они ухитрились назвать события августа 91-го у тогдашнего Белого дома. И вот – отыскивают того

майора, теперь всего-навсего подполковника, который изменил присяге, перебежал к Ельцину. Ему сунули какой-то орден, кажется, квартиру, да и забыли. Сейчас он очень обижается. По-моему, Евдокимов. Да это и неважно, хотя к литературе имеет отношение. Работаешь на власти – прикормят, нет – живи без дотаций.

Но грешно осуждать – Бог всем судия. Хотя в христианстве существует такая форма человеческого общения, как братская укоризна. Именно братски я и написал про Астафьева. Ибо это для нас, русских писателей, непреходящая боль – наш Виктор Петрович. Давно ли была Вологда, долгие разговоры, была Пермь, был Красноярск, Овсянка. Да ведь и Италия была, и ближнее зарубежье было. А Алтай! Разом это не может рухнуть. Нет, не перебороть нынешнему Астафьеву Астафьева прежнего. Это какой-то бес вселился, какой-то бес заставляет говорить его мерзости о русских (и без того оболганных), какой-то бес водит иногда его пером, заставляя писать похабщину, заставляет бросать под колеса всех его любящих. Дело совсем не в том, что я знаком с Астафьевым четверть века, таких, как я, у него много, дело в читателях, которые чувствуют себя обманутыми, а многие и оскорбленными. Сказать о поколении отцов так, что не система, а они сами виноваты в непотребствах жизни, значит обвинить без вины виноватых. Вина не снимается с человека, но это его вина, ему за нее на Страшном суде отвечать, а тут еще и чужую навешивают. Права Ксения Мяло, когда пишет, что Астафьев вправе судить своего отца, Бог ему судия, но судить ее отца (а я добавлю – и моего) писатель не имеет права. Не хочу думать, что Астафьева тешит признание Запада, что он при его проницательном уме не видит всей угрозы демократии для России. Нельзя же заклиниваться на борьбе с ком-

муняками, тут победа одержана, для такого богатыря, как Астафьев, есть и другие противники. Только он как былинный молодец, пока замахивается родной дубиной, так еще с десяток своих положит.

Вот куда завели рассуждения о переводе русской литературы на нерусские языки. Только уже и с переводами покончено. Кому мы нужны после крушения империи? Теперь и евреи в США называют себя обманутыми, ибо зачем американцам их прикармливать – с ядерной угрозой покончено, монстр СССР повержен, помогли, и спасибо.

И экономика не спасет

Как въехали демократы к власти на хребте шахтеров, как потом бросили их – об этом сказано довольно. Сейчас голодай хоть специально, хоть вынужденно, никого этим не прошибешь. Речь о другом, о том, что бесполезны надежды на спасение России через экономику. Экономика – следствие нравственности, а не причина. Когда все брошено под колеса, чтобы угодить предпринимателям Запада, а своих задушить, то что ждать от своих производителей. Вот дорогие лаковые упаковки заграничной дряни – химического молочного порошка, химического картофельного пюре и бесконечных средств для волос, которыми вытравили волосы у модниц Европы, принялись за наших. Что ж это, спросим, приезжавшие в застойное время туристы так жадно хватили нашу вроде бы невзрачную продукцию любых направлений: и косметику, и продовольствие? Да потому, что совести побольше у производителей, да и не были они подмяты демократическим капиталом.

В наступившей вечности

И при жизни, а тем более после кончины, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна нередко ставили и ставят в один ряд со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Оба Иоанны, оба служили в городе, названном именем первоверховного апостола Петра, оба сходны в своих высказываниях. И сам митрополит Иоанн всегда говорил о значительности и значимости служения отца Иоанна Кронштадтского для России, приводил цитаты из его трудов, а молитвенное воззвание отца Иоанна поставил эпиграфом к своей, может быть, самой значительной книге «Самодержавие духа». Вот это воззвание:

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое в России! Да приидет Царствие Твое в России! Да будет воля Твоя в России! Ты насади в ней веру истинную, животворную! Да будет она царствующею и господствующею в России, а не уравненною с иноверными исповеданиями и неверными. Да не будет сего уравниения с неравными, истинного исповедания неимеющими! Истина не может быть сравнена с ложью и правда веры с неправыми исповеданиями. ИСТИНА ГОСПОДНЯ ПРЕБЫВАЕТ ВОВЕК (Пс. 116, 2)».

Слова об истине Господней сам митрополит Иоанн выделял особо. Он видел преображение России, ее спасение только в одном – в Православии. Его пастырская деятельность, его труды особенно обозначились и проявились в годы нового смутного времени, именно тогда, когда к нам, в который по счету раз, хлынули инославные проповедники. Наши демократы восторженно кинулись под их благословение, еще бы – передовые страны под-

тягивают нас к цивилизации. Конечно же, они подняли свист, когда стали печататься статьи и труды владыки Иоанна. В чем только его не обвиняли: в шовинизме, национализме... Любящие Владыку только тем и спасались, что вспоминали: блаженны те, на кого рекут *злые глаголы*. Не оклеветанные не спасутся, повторяем мы и сейчас, вспоминая, сколько клеветы вынес почивший в Бозе.

Когда я сподобился беседы с митрополитом (нас было несколько русских писателей), мне совершенно нечего было сказать ему. У меня было ощущение полного всеведения Владыки. Когда один из нас стал говорить ему о значении его многотрудного служения, он приподнял руку и негромко, как он всегда говорил, сказал, кротко улыбаясь:

– Хвалители хуже хулителей. Хвалители внушают гордыню и успокаивают, а хулители показывают слабые места и подвигают на новые труды.

Писатель подарил свою вышедшую книгу и спросил, скоро ли Владыка прочтет ее.

Оглянувшись на столы и подоконники, заваленные печатной продукцией, Владыка кротко и искренне ответил, что года через три. Потом, отвечая заочно упрекавшим его за то, что он печатается в газетах крайних направлений, заметил, что все читатели для него рабы Божии, тем более читатели таких резких газет.

– Я отдам статью в любой орган, условие одно – печатать без искажений.

Но демократы, критикуя митрополита, не очень-то просили у него статей для своих бесчисленных изданий. Но хоть за то спасибо, что замечали эти публикации, не могли не замечать.

А их, слава Богу, набралось немало. Книги «Очерки духовной смуты», «Самодержавие духа», «Битва за Рос-

сию», «Одоление смуты», «Стояние в вере» – эти труды по истории и современности России, содержащие оценку событий с православной точки зрения, объединены серией «Зов вечности». Так оно и есть – нам надо изучать эти труды, идя на зов *вечности*.

Так мало прошло времени со дня отпевания Владыки, которое свершилось в Троицком соборе Александро-Невской Лавры, с момента его погребения на Никольском кладбище Санкт-Петербурга, но уже видно, как с чистых его архиерейских одеяний отряхнулась вся шелуха нападков на него, как вырастает и будет продолжать расти его светлый образ.

Последний раз я подошел под благословение Владыки в Троице-Сергиевой Лавре, в Сергиев день, когда он шел на заседание Священного Синода. Всезнающее окружение иерархов говорило, что он будет проситься на покой. Да, потом узнали, что просился. Синод посчитал необходимым оставить его на посту.

Он и остался, выполняя послушание. Сегодня мы читаем все его огромное наследие, как завещание, венчает которое одна из последних работ Владыки против экуменизма «Смотрите, не ужасайтесь...».

Осада

Почему осада? Кто в осаде? Кто кого осаждают? А в осаде мы, русские люди. Теперь уже и слепые прозрели, видят, что кроется за новым мировым порядком – полное подчинение России воле Запада. Разрушивши с помощью здешних глупых или злых политиков СССР, западные политики обнаружили свою подлинную сущность – не ракетного монстра (СССР) они боялись, а Россию всег-

да ненавидели. Исковерканная, изуродованная марксизмом Россия все-таки встала на ноги, победила в Великой Отечественной войне, вышла на первое место в мире по достижениям науки и техники, культуры и искусства... и вот – мы снова унижены и ослаблены.

Но когда же, когда же наши недоброжелатели поймут, что Россия непобедима? Ведь сами себе лоб расшибут – и только. Поняли бы они, что непобедимыми и бессмертными нас сделали века и века трудов и молитв, что Святая Русь – это не пустые слова, что в душе любого русского, кто бы он ни был, живет ощущение его принадлежности к идеалу русской жизни, жизни не по материальным законам, а по духовным.

Сейчас многие проводят сравнение нашего *мутного* времени с временем *смутным*. Что тогда помогло выстоять? Конечно, прежде всего вера православная. Не было бы ни Минина, ни Пожарского, если б до этого не было подвига патриарха Гермогена, если б не было шестнадцатимесячной осады отборными войсками Сапеги Троице-Сергиевой Лавры. Кто противостоял покорителям европейских крепостей? Монахи. И выстояли. Как поединок монаха Александра Пересвета с Челубеем. Ведь не в рыцарских доспехах выехал он на битву, в монашеской рясе, вот и вся его оборона.

Были в веках гонения на Православие явные, когда рушились храмы, закрывались монастыри, когда сбрасывались колокола под видом необходимости меди и бронзы. Ох, не любят бесы колокольного звона, переливают бесы бронзу колоколов на памятники себе.

Сейчас наступили времена тайных гонений на Православие. Церковь душат экономически, Церковь оплетают паутиной других вероучений. Религия в России никогда не была прикладной – из разряда услуги; Церковь

не учреждение быта, нельзя приравнивать стирку белья, пошив одежды, ремонт бытовой техники к церковным требам – крещению, венчанию, отпеванию.

– Церковь является хранительницей и источником духовной культуры, – говорит настоятель храма Рождества Богородицы города Волоколамска отец Николай. – Церковь оберегает и продолжает духовную историю народа. Зачем же во все века люди отдавали лучшее в храмы? Для спасения души. Зачем золотить купола? Ведь можно и на пне служить. Но чтобы сияние куполов, колокольный звон звали к себе, говорили о совести, о сострадании, о спасении. Церковь – историческое и духовное наследие Отечества. Уже одним своим видом она говорит не о себе, о народе, который во все века приходил к ней и заботился о ней. Каковы храмы в государстве, таково и состояние государства. Церковь ничего не берет себе, она только возвращает. Возвращает самое ценное, что есть в государстве, – исправленного человека. Пришел страдающий пьянством – уходит исцеленным, пришел несчастный – уходит утешенным. Скольким матерям, скольким вдовам, потерявшим сыновей и мужей в Средней Азии, на Кавказе, мы приносим облегчение! Разве может государство взять на себя наши великие труды? Нет. Но почему же именно государство ставит Церковь в невыносимые условия выживания? Причем именно свою, коренную, отечественную, Православную Церковь. Всех заезжих еретиков, сектантов западных и восточных власти милуют и жалуют. Как это понять?..

Да, Церковь – собственность будущих поколений, тот духовный стержень, который держит на себе нравственность эпохи. Соответственное к ней и должно быть отношение. Не только с нее надо, как при большевизме, драть налоги, но помогать бы ей. Церковь – не

банк, она не копит деньги, она их сразу же вкладывает: в ремонт, в воскресные школы, в помощь бедным, увечным, одиноким. Ведь это великое благо, что Церковь учит детей ремеслу, резьбе по дереву, вышивке, живописи. Но чья-то злая воля облагает налогами воскресную школу. Пришлось отцу Николаю расстаться с мастерами обучения. И их можно понять – люди семейные, нужен заработок. До чего дошло: чтобы заплатить мастерам триста тысяч рублей в месяц, надо на каждого отдать налог... пятьсот тысяч.

Светские бизнесмены наловчились усаживать от налогов, у них в этом жизнь. А Церковь? Ее доходы, во-первых, видны всем, во-вторых, и это бесы налогообложения знают, Церковь не обманывает, не хитрит, доходов не скрывает. Есть доходы – давай сюда, – говорят грабители от государства. Но дождутся они, что и их грабить начнут. Кто? А вот те подростки, которых начинали учить ремеслам мастера при храме.

Суздаль, Покровский монастырь. Идем сверху, с горы от Спасо-Евфимиева монастыря. Идем, разговоры ведем горькие. Только что были в храме, где покоятся мощи суздальских святых. Пришли – и что? И смотрят на нас, православных, служители как на врагов. «Нельзя!» – «Что нельзя? Нельзя приложиться к мощам?» – «Нельзя, епископ не велел». Глядим – святая Твоя воля, Господи, а меж нами и мощами железная решетка с амбарным замком. Хорошо, что с нами была поэтесса Нина Карташова, она привозила сюда эмигрантку из Австралии, так Нина напомнила епископу об этой эмигрантке. Спасибо Австралии – пустили русских людей поклониться русским святыням.

И этот храм, и два других – да еще говорят что и Спасо-Евфимиев монастырь отдадут – принадлежат За-

рубежной Церкви. Церковь эта, не найдя в себе ни сил, ни мудрости слиться с коренной Православной Русской Церковью, внедряет своих агентов по всей России. Присваивает совсем молодехоньким священникам, дрогнувшим от взлета на много иерархических ступенек, звания, шлет миссионеров. Миссионеры волокут подарки местной власти. Когда православные Суздаля поехали к владимирским властям с жалобой на захват храмов, их и на порог не пустили. Не пустили потому, что у властей уже сидели – и ноги на стол – зарубежники...

Спускаемся по заснеженной дороге, любуемся старым городом, и вот – вроде бы уже и горечь начинает проходить: даст Бог, все образуется, – как начинаем слышать музыку, явно не религиозную, и доносится она именно из монастыря. Подходим ближе – музыка все громче, все разухабистей. На воротах совершенно дикие таблички времен атеизма о том, что монастыри (такая же, как и на Спасо-Евфимиевом) служили местом ссылки. Чем же они сейчас-то служат?

Служат они вселившимся насильно в них гнездовьям пьянства и разврата.

– «Интурист» соорудил здесь в советское время домики для иностранцев, и так до сих пор, – говорит принимающая нас игуменья Мария. – Какие же испытания, искушения – помоги, Господи, выдержать. Ночью машины, пьяные компании, крики до утра, днем слоняются, сигареты в зубах; в церкви, прости Господи, входят, шапки не снимут.

Говоришь с городскими властями – уводят глаза, от разговора уходят. Да, конечно, имеют они, несомненно имеют свои интересы в туризме. Ерунда все это, что они о городе пекутся. Пеклись бы, давно бы из монастыря бесов помогли изгнать.

В монастыре читается неусыпаемая Псалтирь. Читает молодая красивая монашка. Это нехорошо даже, что я заметил, что монашка красива. Но заметил невольно, и вот для какого сравнения. Ведь только представить ее жизнь – постоянные послушания: в монастыре: огород, сенокос, непрерывные тяжелые восстановительные работы, многочасовые службы, а в домики, рядом, привозят на иномарках, тискают, напаяивают ее сверстниц. Вот сидят они, курят, им надо обслужить очередного заезжего немца или негра, хохочут вовсю. То ли смешно, то ли работа такая. Неужели не видят, не понимают, в какие бездны порока они пали, но еще и помогают заезжим туристам осквернять русскую святыню?

Молятся монашки за заблудших, нет в монашках никакого агрессивного чувства. Ведь и преподобный Сергей призывал молиться «о перемене орды». Будем и мы молиться о перемене теперешней орды, о ее вразумлении.

Разве пересилить этой новоявленной орде молений одного хотя бы Павла Егоровича из Красногорска? Многие-многие годы *ежедневно* приезжал он в Третьяковскую галерею и читал перед иконою Владимирской Божией Матери акафист, ей посвященный. Ежедневно. На память. Более к этому факту мы ничего не добавляем. Даже и не надеемся, что нынешний Минкульт, очень совдеповский по сути, устыдится нашего Павла Егоровича и с поклоном и извинениями вернет православную святыню в Успенский собор. Уж хотя бы с того начали Минкульт и Третьяковка, что признали бы, что держат икону в плену ради денег и престижа. В этом им помогают культурологи Аверинцев и Лихачев, договорившиеся до того, что называют икону «шедевром мировой живописи» и говорят о том, что в галерее соблюдается температурный режим. Конечно, не запретишь думать

Лихачеву, что церковь не в состоянии соблюдать температурный режим.

Недавние события, спор музея им. Андрея Рублева с Кирилло-Белозерским музеем о том, кому принадлежат иконы северного письма, показывают, что музейщики и Москвы, и Вологды не понимают, что владеют украденным у церкви достоянием. Икона – не картина. И это надо повторять и повторять, пока простейшая эта истина не дойдет до последнего чиновника системы Министерства культуры.

Но бесы – существа подневольные, вот ведь какая история. Разве бы пришло в здравомыслящую голову музейных оккупантов, сидящих в засадах чужих крепостей, требовать деньги за совершение службы в храме, ими захваченном? А в Новом Иерусалиме требуют. По крайней мере, требовали еще недавно. Кто-то же велел требовать. Кто-то же внушил такое. И сплошь и рядом, освобождая оскверненные своим присутствием церковные здания, различные службы требуют денег и денег. Денег на новые здания, денег за переезд, денег за ремонт и прочее. Откуда у церкви деньги? Не путайте Православие с сектами от политики. Бесконечные тяжбы особенно сильны не по основным зданиям храмов, а по домам причта и зданиям церковных служб. Но где же размещать воскресные школы, просфорные, где проводить спевки церковных хоров, где, если приход многолюден, крестить, отпевать? Где, наконец, жить батюшке? Это, последнее, особенно зудит чиновников – то, что батюшки могут улучшить свои жилищные условия, да еще и не ездить издалека, а жить прямо тут. Но давайте посмотрим историю вопроса. Где же и жить батюшке, как не при храме? Но политика отторжения батюшек от храмов (особенно в Подмосковье) приве-

ла к тому, что в последние десятки лет появился новый тип батюшки – приезжающий батюшка. Приехал и уехал. Отслужил и засобирился. Исполнил требы и заторопился. Какая уж тут приходская жизнь. А приходская жизнь, жизнь церковной общины – основа церковной жизни вообще. Но было бы где батюшке жить, вот и приход оживился бы.

Неисчислимы примеры осадного положения нашей Православной Церкви. Кроме материального ущемления есть еще случаи, когда священнослужителей, особенно молодых, увлекает блеск мишуры признания всякими западными заведениями. Пример: отцы Георгий и Александр, Кочетков и Борисов. На них уже надеты мантии различных европейских университетов. А здесь они представляют себя своей пастве гонимыми – двойная выгода. А на деле – ересь обновленчества, или модернизма.

Но основа Православия – наши священнослужители – и есть тот камень, та скальная порода, которая неизменна и тверда. Она не поколеблется ни от назойливых ветров экуменизма, ни от напорающих потоков различных вероучений, отымающих неразумных в заблуждение. Бог даст, выстоим, выдержим осаду.

Опричники Ватикана

Мы привыкли относить иезуитов к Средним векам. Выражения «иезуитски пронырлив, расчетлив», «иезуитская хитрость» кажутся нам пришедшими из романов прошлых веков. Как и киношные черные плащи и куртки, и шляпы с загнутыми сбоку полями. Между тем нет ничего живее и живучее ордена иезуитов. И заметка в

«Известиях» от 14 октября 1992 года о возрождении деятельности католического ордена иезуитов в России означает не что иное, как то, что закоренелый враг России и Православия уже не стесняется обнаружить свое явное присутствие в российских пределах.

Читая о них (о иезуитах) в самых разных источниках – и в марксистских, и в католических, и в самых разных энциклопедиях – Граната, Брокгауза, и в православных справочниках и словарях, – приходишь к единственному выводу: какие бы лозунги иезуиты ни выдвигали, они вековечные наши противники. Созданные для борьбы с протестантизмом, они успели побывать и в борцах с марксизмом и революцией, успели и революцию поприветствовать... Но лучше, хотя бы кратко, по порядку.

Основатель ордена дворянин Игнатий Лойола создал его в 1539 году. К этому времени уже отпали римо-католики от древа единой Христовой Соборной Апостольской Православной Церкви, уже началась реформация, начали плодиться протестантские церкви, выделились (1524 г.) лютеране и англикане (1534 г.). Как стоворились Лойола и папа римский, неизвестно, но в 1540 году папа Павел III утвердил орден и наделил его за будущие заслуги широкими привилегиями.

Орден увлекал красивыми лозунгами о чистоте католицизма, клеймил отступников от него, объявлял о своем бессребренчестве. Вербовал в свои ряды лучших из лучших. Школы иезуитов были образцовыми. Никаких телесных наказаний (а ведь в Средние века выражение «я был под розгами» означало «я учился в школе»), воспитание уважения к старшим, изучение культурного и философского наследия Древней Греции, Древнего Рима... Красота!

Идеи иезуитов были так заразительны, что и женские сердца увлеклись ими. Еще при жизни Лойолы «дамы сердца Иисусова», как они себя называли, создали под руководством поклонницы Лойолы Изабеллы Розель иезуитский женский орден. Но сам же Лойола его и закрыл. Также и в Англии было иезуитское женское движение, община иезуитянок, но ее закрыл уже сам папа Урбан VIII в 1630 году. Любопытным представляется возможность покопаться в причинах такого папского решения.

Были у иезуитов свои специальные моралисты, казуисты. Главный моралист ордена Бузембаум (ум. в 1688 г.) сформулировал оправдание любых проступков, если они совершались, как он выражался, *для вящей славы Божией*. Для иезуитов цель всегда оправдывала средства. Они и грехи делили на разряды. Когда же они оправдывали своего брата за какое-либо преступление, то всегда переводили его грехи в разряд *простительных*. Нормы морали обосновывались на казуистике, то есть всегда ставились на первое место интересы ордена.

«Пробабелизм» оправдывал любой проступок авторитетом католической церкви. «Мысленная оговорка» давала право иезуиту давать любую клятву, если его к ней принуждали, но при этом он мысленно произносил предлог «поп» – «не». Было и такое «условие руководящего намерения», оно оправдывало безнравственный проступок, если он был вызван нравственным побуждением. То есть снова достижение цели любой ценой. Даже и убийства оправдывались.

Иезуиты, не знаю как сейчас, тогда делились на четыре класса: послушники, они в течение двух лет подвергались испытаниям в послушании, самоотвержении, давали обет бедности, целомудрия и слепого повинове-

ния старшим. Дальнейшая ступень – схоластики, они обучались в коллегиях иезуитов, в которых потом преподавали. После повторного испытания посвящались в сан. Кoadьюторы – гувернеры для воспитания юношества. Профессы давали обет слепого повиновения папе, обрзовывали конгрегацию. Глава конгрегации – генерал, живущий в Риме. Власть его, как распорядительная, так и исполнительная, неограниченна. Избирался на пожизненный срок. В провинции руководили провинциалы с пятью ассистентами.

Сменивший Лойолу второй генерал ордена Лаинес установил окончательные задачи ордена – укрепление неограниченной власти папы и уничтожение протестантизма.

Во Францию иезуиты проникли в 1562 году, были духовниками многих членов королевской фамилии, но после покушения иезуита Шателя на жизнь Генриха IV (1604 г.) были изгнаны. В Германии Фердинанды II и III им доверяли, иезуиты вдохновляли Тридцатилетнюю войну. Но их мораль, их действия, клятвопреступления, присвоение имущества, спекуляция, безнравственная жизнь вызвали в XVIII веке оппозицию в Европе. За покушение на жизнь Иосифа I иезуиты были изгнаны из Португалии. Далее изгнания их последовали из Испании (1767 г.), из Неаполя, Пармы, Мальты. Буллой 1773 года папа Климент XIV отменяет орден иезуитов...

И кто же их реанимировал и приютил? Увы, Россия. Павел I не только разрешил пребывать им в Петербурге, но и добился от папы официального восстановления существования ордена для России. Неужели он забыл, что Польша уже целиком была захвачена иезуитами, что Лжедмитрий несомненно иезуит, что Петр уже изгонял их (правда, иезуитам, по просьбам фаворита Голицына,

покровительствовала Софья, но после ее падения, по требованию патриарха Иоакима, иезуиты в течение двух дней были высланы из России)? Петр, несомненно, знал о встречах Ивана Грозного с папским ставленником, с послом Стефана Батория Поссевино. Встречи эти известны, достаточно вспомнить, что Грозного страшно возмутило то, что изображение распятия Христа помещено на папской туфле. Он, ничтоже сумняшеся, обозвал папу римского собакой. После этого Поссевино и иезуиты замолчали... до Екатерины. При ней в России было открыто шесть иезуитских коллегий, в том числе в Орше, Полоцке, Витебске, Могилеве.

Правда, и при Павле нашелся враг иезуитов не только из православных, католик Богуш-Сестренцевич, но скоро его пересилил иезуит Грубер. 18 октября 1800 года иезуиты добились передачи церкви св. Екатерины в свое распоряжение.

Россию всегда спасало Божие Провидение, которое явным образом проявлялось в войнах. Войны посылались для вразумления. Война 1812 года показала суть пребывания иезуитов в России, и в 1815 году им было запрещено жить в обеих столицах, а в 1820 – Орден иезуитов был упразднен, имущество их конфисковано. «Запретить навсегда», – было сказано в царском указе. Нашим же демократам, говорящим о реставрации монархии, царский указ не указ: иезуиты вновь действуют.

А что тогдашняя Европа? Папа Пий VII восстановил орден в 1814 году, год спустя иезуиты воспрянули в Испании, в 1832 году – в Португалии. Во Франции иезуитов терпели при Людовике XVIII. Они влияли на Наполеона III, но были закрыты все же в 1845 году. Из Швейцарии их выгнали два года спустя. Но поразительна их живучесть, мимикрия. Появляясь под разными именами

в разных, особенно благотворительных, обществах, они утвердились в Южной Америке, создали целое государство Парагвай, основались в Бельгии, Англии. I Ватиканский собор 1870 года и провозглашение папской непогрешимости – дело рук иезуитов.

В наше время иезуиты сказали об атомной войне, что она согласна с христианским учением и что является искуплением первородного греха. Изворотливость их во истину *иезуитская*. Вот они борются с революцией в Европе, вот они вдохновляют ее в России. Они счастливы победе большевиков. Через масона Чичерина они вползают в Кремль, ведут переговоры с *начальством*. Несомненно, что Дзержинский – иезуит. Посол д'Эрбиньи клонил к тому, что если вместо патриарха Тихона будет ставленник Ватикана, то в Россию будут (даже так!) привезены мощи святителя Николая, епископа Мирликийского. Иезуиты заставляют нас по-новому взглянуть на известную Декларацию заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, ведь именно после нее большевики прекратили общение с иезуитами. Видимо, рассуждали так: теперь, когда Церковь к нам лояльна, можно католиков не завозить.

«Фатимское чудо» 1917 года перетолковано иезуитами в свою пользу. Могли ли дети, старшей десять лет, запомнить и изложить такие пространные тексты, якобы произнесенные Божией Матерью, о том, что если в следующий понтификат (время пребывания на папском престоле; скажем для сведения, что папу также еще зовут папа-понтифик) Россия не склонится перед папой, то будет ей плохо.

Теперешнее время в России благодатно для иезуитов. Католическая литература издается широко и вольготно, продается недорого, раздается даром. Хри-

стианский церковно-общественный канал вещает четырнадцать часов в сутки (для сравнения: вещание православной радиостанции «Радонеж» – всего один час). Трансляция очередного юбилея из португальской Фатимы была прямой и продолжительной. Вся Россия видела шаманское камлание обманутых людей.

И писатели наши дрогнули. Первым – детский прозаик Лиханов. Прочтя книги папы Павла Иоанна – он был потрясен открытием папы! Оказалось, что жизнь человека начинается не с его рождения, а с зачатия. И председатель Детского фонда им. В. И. Ленина, издавший детскую сексуальную энциклопедию, с тех пор только и говорит в интервью (например, «Книжному обозрению»), что папа – лучший писатель и философ всех времен и народов.

По данным теперь уже далекого 1961 года, у иезуитов 1320 газет (это только явных), 30 университетов, 500 коллегий, 8500 школ... А сколько, интересно, теперь, спустя 34 года? Вспомним, что еще в 1936 году иезуит Швайгель («Папский Восточный институт») сказал: «Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам». Путь этот успешно расширяют демократы, делая его столбовым.

Стоит задуматься. Именно 14 октября, ни раньше, ни позже, в святой для Православной России день, было объявлено о восстановлении в России антироссийского, антиправославного ордена. И не надо сомневаться, что он действует круглосуточно.

Херсонес — святыня православная

«Кто скажет, что храм уничтожен? Старинная кладка цела, фундамент глубок и надежен, чтоб вновь

вознеслись купола», – эти слова поэта всецело можно отнести к сегодняшней судьбе храма святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесе. Черные вихри воинствующего безбожия, свинцовые метели Великой Отечественной – все видел Храм. Обезглавленный, раненный, полуразрушенный, но не сломленный, он стоит и безгласно ждет восстановления. И кажется, что дело это ничуть не менее важное, чем воссоздание храма Христа Спасителя. Ведь из Херсонеса воссияло солнце Православия, осветившее Русскую землю.

Уже, слава Богу, затеплилась жизнь в одном из кое-как возрожденных приделов. Но как все медленно, как сильно противодействие узколобых политиков, разыгрывающих антирусскую карту отторжения Крыма от России.

Занимаясь историей Херсонеса, я не мог пройти мимо истории закладки храма св. Владимира. Она связана с именем архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. Чем более я открывал для себя эту личность, тем более вырастал в моем сознании образ великого мудреца, Златоуста русской школы ораторского искусства, гражданина и необычайно смелого человека. Вот пример: всю крымскую кампанию архиепископ провел вместе с воинами, участвовал в совещаниях командования, лично исповедовал и причащал адмиралов Истомина, Нахимова, Корнилова. Один раз шло совещание в штабе. Французская бомба, пробив перекрытия, упала посреди штаба. Офицеры, как и полагалось, бросились на пол. Только архиепископ как сидел за столом, так и остался сидеть и мягко упрекнул: «Господа, но я же с вами». И бомба не взорвалась.

Архиепископ закладывал на местах братских захоронений часовни; воздвигал кресты на местах сра-

жений; много ездил по Крыму, Малороссии, часто выходил в море.

Но сегодня для нас не суть важно его жизнеописание, оно известно, а важно главное событие в жизни Владыки, главное и для тогдашней, и теперешней России, – его благословение первого камня в основание храма во имя святого равноапостольного князя Владимира на месте его святого крещения в Херсонесе, близ Севастополя. Теперь Херсонес в городской черте, до него легко доехать.

Лет пять назад, может, уже и шесть, когда «упертые» в свою значительность киевские политики стали оттягивать у России Черноморский флот, я был на молебне в Херсонесе. Уже и тогда идеологическая киевская обслуга превращала Украину в центр Вселенной. Мы с этим были очень согласны, особенно в части Севастополя – здесь спала слепота с глаз киевского русского князя Владимира, здесь затупились стрелы Стрибога, здесь ступала нога равноапостольного князя, прозревшего и просветившего Россию. Но тогда, помню, по возвращении в Москву все одолевали вопросами: освящали или нет на молебне андреевские флаги? Да, освящали, отвечал я, ибо был тому свидетель. Но почему же все заклинились на андреевских флагах, почему видели спасение чести флота во флаге, а не в православной сути? Севастополь больше, чем проблема флота, так нам и надо было ставить вопрос. А мы все махали флагами, кто трехцветными, кто жовто-блакитными, кто называл Черное море Русским, а кто предлагал изображать Владимира без бороды, с запорожским оселэдцем. (Скажу, кстати, и свое мнение о нашем южном флоте. Черное море – не Ледовитый океан, не Тихий, сюда многие офицеры приехали служить

по благу, требования их были более экономические, нежели патриотические, отсюда и проигрыш флота.) Ныне киевские идеологи договорились о всесветности незалежной и незаможней Украины. Они уже производят этимологию города Токио от «то Киев». А на флаги уже никто и не дывиця.

Лето 1854 года, июль. День святого равноапостольного князя Владимира. На месте его крещения (место это никогда не забывалось) происходит закладка храма. Идет война. Англичане, французы, турки – все сплотились в ненависти к России, все скалят зубы на русский крымский берег. Очень похоже на наше время. И казалось бы, ни до чего, только бы крепить оборону и экономику; нет – Россия закладывает храм во имя своего «главного» святого. Какая тогда была погода – этого я не смог вычитать, чтобы представить. Но хорошо зная и любя Крым, знаю, что в это время солнышко расходится вовсю, а если и пробрызнет дождик, то краткий, освежающий. То есть берег с моря виден прекрасно, уж тем более в подзорные английские трубы. Но могли и лазутчики, шпионы донести, что в Херсонесе имеет быть великое событие у русских и надо его сорвать.

Документы говорят, что литургия, молебен с водосвятием, акафист равноапостольному, закладка храма, освящение основания на камне шли под непрерывным артиллерийским обстрелом с вражеских кораблей. Литургия, молебен, акафист, закладка – это самое малое три часа. И все три часа быть под обстрелом? Да, так. *И ни один человек не пострадал, ни один.* Думаю, что состояние у людей было таково, что погибнуть в такие минуты было бы для них радостью.

Вот некоторые места из Слова, произнесенного архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием:

«Основание храма сего есть событие не севастопольское токмо, а всероссийское. По какому побуждению создается он? В память крещения и просвещения верою Христовою великого князя Владимира, то есть почти то же, что в память обращения в христианство земли Русской, ибо в лице князя своего крестилась тогда здесь и просветилась верою вся Россия. Давний священный долг всея России перед памятию великого Владимира постройкою храма сего будет уплачен. (Далее необычайно важные для нас слова.)

Кто не знает, что у врагов наших одно из самых задушевных желаний состоит в том, чтобы каким бы то ни было образом отторгнуть здешнюю страну от состава России? Это было бы, по их собственному признанию (а пушки палят!), верхом их успеха противу нас. А мы, в это самое время, в ответ на их безумную дерзость, – полагаем ныне здесь основание храму во имя святого Владимира. Сим самым, сильнее и внятнее всяких слов, мы говорим врагам нашим: ошибаетесь вы, воображая, что полуостров Таврический составляет для России добычу меча и плод побед: нет, это древнее и родовое достояние наше, это наследие еще святого князя Владимира. Здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти святого Владимира. Возможно ли это? (Далее прочтем как пророчество.) Скорее не останется на всех горах здешних камня на камне, нежели луна заступит здесь место Креста Христова! (И, добавим, – трезубец.) Такова сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим. И надобно же было им вчера явиться в таком

множестве пред лицом сего града, как бы нарочно для присутствия при заложении сего храма и для выслушания урока, в нем заключающегося (накануне был десант англо-франков, успешно отбитый). Ослепленные ненавистию к величию и славе России, они не поймут теперь сего урока (не поняли), но он не потеряет через то своей силы и пронесется по всей земле Русской, услышится и за пределами ея, и напомним о забытой истине даже тем, кои хотели бы сокрыть ее навсегда в неправде своих мудрований.

Не унывай, богоспасаемый град Севастополь! Помни, что ты наследник и преемник не Ахтияра мусульманского, а православного Херсонеса Таврического. *Страна сия – часть России, вставлена в Россию рукой самого Провидения, и нет врага, могущего ее отторгнуть: что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). Если для отражения врагов не достанет земных защитников, вяжутся небесные: восстанет из гроба, или, паче, сойдет на землю сам витязь Равноапостольный, сойдет и приведет с собою весь сонм священномучеников херсонесских, кои купили сию землю у самого Владыки вселенная – не золотом и серебром, а слезами и кровию своею...»

И что, нам после этих слов унывать? Ни за что! Не киевские политики враги нам, враг спасения нашего – диавол, ссорящий нас. За нами такие века, такие люди, стоящие то под градом стрел, то под залпами орудий – и не дрогнувшие, нам ли дрожать? *Господь защититель жизни нашей, кого устршимся* (см. Пс. 26). Мудрования идеологов – трава вянушая, крики политиков – эхо угасающее, визги журналистов – лай собачий, – все пройдет, святыня останется. Наше дело поклоняться ей и работать во славу ее.

Херсонес – святыня Православия. Православием стоит и Великая, и Малая, и Белая Россия. Херсонес – Мекка Православия, если можно так выразиться. В Херсонесе свершается нечто мистическое – моление за всю Россию в ее всеславянском понимании. И, конечно, чем святее место, тем больше бесовской силы вокруг него. И англо-французские ядра, преобразившиеся в различных проповедников, продолжают лететь в нас. И турецкие притязания не кончились, а оживились. Велик бесовский расчет – поразить Россию в сердце.

Каждое утро будем, читая всегдашнее молитвенное правило, еще и обращаться душою и сердцем к Херсонесу, к равноапостольному великому князю Владимиру – помогите нам выстоять!

Главное событие декабря

Нет, это не выборы в Думу. Дума, как ее ни называй, Боярской или Дворянским собранием, Верховным Советом или парламентом, пришла, позаседала и ушла. Дни ее, пусть годы, всегда сочтены. Главное событие декабря – юбилей великого русского композитора Георгия Свиридова.

Русского, значит, и мирового. Но вначале беспредельно русского. Сила, мягкость, мелодичность и мощь последних произведений убеждают в этом.

Музыка – часть нашей жизни, и огромная часть. Какая музыка в нас звучит, та и дает настрой нашему поведению. О, если бы только *такая* – свиридовская, продолжающая музыку Чайковского и Моцарта, Верди и Бетховена, Глинки и Мусоргского, музыку церковную, если бы такая только и звучала в нас и вокруг нас, было бы всесветное счастье.

Давайте сделаем хотя бы мысленный опыт. Давайте уберем из звуков мира, окружающего нас, крики политиков. Ну, что изменилось? Ничего, только тише стало и спокойнее. Давайте уберем назойливую крикливую эстраду – хоть дыхание переведем. Давайте обойдемся без непрерывно-наглого словоизвержения комментаторов – ах, как хорошо! Но вот, давайте обойдемся хотя бы без пяти небольших свиридовских сочинений к пушкинской «Метели». И что? И мы оглохли и осиротели. Свечи наши гаснут, мы во тьме. Метельный вальс, романс, марш... А блоковский цикл («О, если б знать вы, дети, могли холод и мрак грядущих дней»), а недавний есенинский, «Отчалившую Русь». Вспомним только названия: «Отвори мне, страж заоблачный, голубые двери дня...», «Симоне, Петр, где ты? Приди...», «Серебристая дорога, ты ведешь меня куда?», «О, верю, верю, счастье есть...», «О родина, счастливый и неисходный час...». Когда теперь читаешь эти строки (например, «Плывут в страну далекую седые облака»), то полное ощущение, что эти строки ждали именно Георгия Свиридова, чтобы он увеличил и расширил их жизнь, дал новое раздольное дыхание словам поэта.

Одно перечисление сделанного Свиридовым повергает в почтительный трепет. Фестиваль, посвященный юбилею, будет длиться четыре месяца – конец этого года и начало следующего. Но сам неоспоримый факт появления на свет гения музыки имеет честь быть в декабре, отсюда и наша уверенность, что день рождения композитора – главное событие декабря.

Именно так. Как бы мы ни унижали годы, прошедшие в России под знаком коммунистической диктатуры, именно в эти годы возвысился и продолжает возвышаться талант Георгия Свиридова. Строй – не помеха таланту, строй мешает только посредственностям.

И не был гладким путь композитора. И не пускали его музыку к людям, и замалчивали. И скажем правды ради – больше не власти, а «собратья» по искусству. Но нигде и никогда не позволяет себе Георгий Васильевич сводить счеты с живыми, а тем более – с ушедшими, нигде не вспоминает свои обиды. Ему не до них, ему надо работать, это самое важное.

Как-то мало пишут об огромной, талантливой работе Малого театра по постановке трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», а ведь это непреходящее событие, золотой фонд русского театрального искусства. Не дивно ли, вот если по соседству с Малым будет танцевать сверхзапенсионного возраста плясунья, то это для нашей прессы будет событием, а здесь, в Малом, такой аккумулятор духовной силы в этих трех спектаклях! И что им помогло стать такими? Музыка Георгия Свиридова.

А из последних свершений – «Песнопения и молитвы», с чем их сравнить? Ни один композитор не приходит для сравнения, сравнение им – только в церковных песнопениях и молитвах.

Какое счастье жить в одно время с великим человеком, ведь это и каждого из нас возвышает. Вот мы жили, ели, пили, праздно проводили отпущенные Господом дни и ночи, а в это время создавалась великая музыка. Услышанная гением, она зазвучала и для нас – и сделала нас чище и светлее.

Эзоповы лягушки

Бессмертна басня Эзопа о лягушке: как уж она, бедная, пыжилась, надувалась, чтобы вырасти в размерах,

но пришлось лопнуть – размеры не те. Нынешние демократические деятели искусства и литературы часто напоминают эту лягушку. Только они еще и нас пытаются надуть. Надували бы друг друга, нет, им надо и нам внушить, что они очень многоразмерные.

Вот свежий пример – постановка оперы Мусоргского «Хованщина» в Большом театре. Что такое Большой театр в русской культурной жизни – не надо объяснять. Долгие годы я собирался, да так и прособирался, спеть Большому театру речитатив и арию в его славу. Впервые солдатом пришел под его сверкающие своды: какую распирающую грудь радость ощущал я за родину, видя, сколько тут навалило иностранцев и как все они потрясены и поражены. В студентах мы все тут пересмотрели и переслушали (да, да, все – все было доступно, пусть с высочайшей галерки, но всего за сорок копеек слушали «Царскую невесту», а поднатужась, водили девушек и в ложу бельэтажа на «Щелкунчика». А «Жизель», а «Лебединое озеро», а «Каменный гость»!). Позднее судьба свела с великим Александром Ведерниковым, спасибо ему за контрамарки! Но это шутка, а главное, спасибо ему за образы Годунова, Сусанина, а особенно – за Досифея.

Большой театр сильно лихорадило последнее время. Сор из его избы непрерывно и злорадно выносился на голубые раскрашенные экраны. Конечно, мы переживали: что будет с Большим? И вот – дыхание перемен к лучшему! – новая постановка. Задолго до срока ее уже превозносили, но демжуров можно было понять – сам Ростропович дирижирует. А он не кто-то, а Ростропович, уже и революция с его лицом была, уже он вооружался автоматом и вставал грудью на защиту демократии, уже, не вытерпев до окончания строительства храма Христа

Спасителя, объявил о концерте на строительной его площадке – как не хвалить?!

Вместе с тем надо сразу сказать, что претензии мои по постановке, скорее, не к маэстро, как его величают, а к постановщику Б. Покровскому и к художнику, фамилию не знаю. Перед занавесом торчит секира, давая понять, что в России все очень серьезно. За занавесом еще серьезнее – во всю громаднейшую сцену высится какое-то идолище, даже не языческое, адское: голова козлиная, пониже голова вроде собачья. На заднике исковерканные купола, на просвет возникает католический крест, сама сцена в черных и серых тонах. Торчат какие-то то ли бревна, то ли (вид изнутри) акульки челюсти. По сцене водят на веревке людей. А то проносят то ли спящую, то ли убитую, то ли пьяную женщину с голыми ногами и распущенными красивыми волосами. Костюмы все решены в реалистической манере, что очень не сообразуется с решением условных декораций. Где-то к концу первого действия на заднике прорезается образ головы вождя пролетариата.

Пересказывать ли содержание оперы? Не надо: кто знает – и так знает, кто не знает, легко узнать. Переломное время в России, столкновение старого с новым, ясно, что именно это время постановщики проецируют на наше. И Покровский в телеинтервью говорит, что нация должна узнать о себе правду, как он выразился, без преувеличенного мнения о себе, нация больная. Кто слышал, подтвердит. Обращаясь к истории оперы, вспомним, что была ее редакция Римского-Корсакова, была редакция Шостаковича. Постановщики взяли последнюю. Критики спорили: на чьей стороне Мусоргский – на стороне уходящей России (Хованский, Досифей) или на стороне новой (Петр, Голицын и другие)? Но кажет-

ся, что ни то, ни другое. Опера предупреждала Россию в XIX веке от вмешательства в ее дела иностранщины. Одежды под Запад, образ мыслей под Запад – это калечило русскую жизнь и русское сознание. То, что губило Россию, губит и сейчас. Почему это все телеканалы, все газеты, радио голоса о величии постановки и не видят (не хотят видеть?) главного – старая партия не против царя, а против его обезьянничанья. Разве не видят прихода пастора с просьбами-требованиями открывать *их* храмы в православной России? Им кажется – почва подготовлена, царь онемечен, оголланден, офранцужен. Уже и бороду сбрил, уже и у других бреет, уже курить приказывает, уже пить кофе заставляет, уже дочерей и жен велит вывозить в свет с голыми плечами – вот ведь какие замечательные успехи! Уже скоро царю внушат, что не очень-то передово носить звание царя – император, то ли дело. А пока внушают царю, что стрельцы не враги новых, развратных порядков, а его личные противники, и им надо делать «секим-башка». Проецируем на сегодня. Как это обветшала Россия живет без президента, да еще такая сильная, что ее Америка боится, надо ее разоружить, надо ее в мировой порядок ввести, надо ее разукрупнить, раскрестьянить, разроссиянить, тогда и будет все окей.

Спорить же, что более впечатляет – огонь над избой старообрядцев или приход бывших русских (теперь – новых: они ведь уже рейтары в европейских камзолах), – бесполезно. Глухое к России сердце будет спорить о партиях и голосах исполнителей, сердце, Россию любящее, глубоко уязвлено показом русской жизни. Показ этот строго выдержан в милом Западу стиле – Россия пьяная, нищая, злая. Бедный Соткилава бредет с непонятной формы крестом, от которого (мало креста?) еще и бол-

тается петля. Пьяные и спящие разбросаны в различных телоположениях по просторам, сданы, изуродованы, испохаблены изображения икон, Досифей в ямщицком армяке и лыжной шапочке то ли благословляет Марфу, то ли мух от нее отгоняет... Если уж не написали ни композитор, ни редактор оперы, что на сцене рубят головы, то хоть кукле да отрубают голову. А уж игр с топорами не счесть. И машут ими, и балалайки из них изображают. Все это продолжение убогой западной мысли о России как о совместимости иконы и топора. Такой им и хочется видеть Россию – ниже себя, грязнее, необразованнее. Этот всегдашний спор, когда-то возбуждавший умы славянофилов и западников, напрасно длить. Собаки лают – караван идет. Россия, как бы ее ни разоружали, всегда была и будет сверхдержавой по культуре. Почему? Потому что русская культура в основе своей православная, она – мостик между земной жизнью и вечностью, она – не обслуга сытых, от созданий русской культуры не эстетическое удовольствие получают, а одушевленное желание спасти душу и совесть. На Западе же давно всякие премьеры есть средство побыть в свете и устроить свои дела. Показать, на худой конец, свои недостатки и бриллианты. Повели меня в русскую оперу за границей, Образцова поет. Билет, шепчет переводчик, стоит состояние. Но тот же переводчик и объяснил, что быть на премьере престижно, что вот какой-нибудь бизнесмен пойдет к какому-нибудь политику и напомнит, что они толклись на одном коктейле по поводу премьеры русской оперы, и политик, конечно, своему-то по общей тусовке дела поможет устроить. Вот и вся цель искусства – для Запада.

Эта зараза ползет и к нам. На постановку «Хованщины» вывалил весь бомонд политической и всякой элиты. Но до чего ж смешно, как вся президентская

рать, все демодеятели пошли изъяслять свой восторг маэстро и прикладываться к руке его недавно венценосной певицы-супруги. Почему недавно? А недавно Вишневская сыграла сексуально озабоченную императрицу, поэтому. О, тогда демжуры таким же согласным хором твердили о великом событии во МХАТе. И так же покорно, так же дружно, как и политики, пошли кричать теперь о величии постановки телевизионщики и газетчики. Но неужели они так уж прямо убеждены в великом событии в Большом? Думаю, не все. Тогда почему возвеличивают посредственную, антиправославную работу? А обязаны, поэтому. Никуда не денутся из этой обязаловки. Вставлены в структуру, часть механизма, винтики в машине демократии.

Вот склоняется почтительно глава президентской администрации – человек моих лет. Образованный, несомненно бывавший в театрах и видевший постановки классики прежних лет. Неужели (все познается в сравнении) хотя бы мысленно не сопоставил он прежние работы Большого с этой? Может, и сопоставил. Но хвалить надо – обязан, иначе отсталым сочтут. Ползут к маэстро и политики, и экономисты, восхищаются, славят, сказать ничего объективного не хотят, не смеют, не умеют. Маэстро же на Западе живет, он чегой-то и в Мадриде ставил с ног на голову, он же лучше нас во всем разбирается. Маэстро же одно надо – быть знаменитым, обеспеченным, но еще и спасающим отсталую Россию. Вот они ее и тащат с Покровским на веревке за шею вдоль задника, на котором образ России так искохален, что кажется – оперу ставили или люди с деформированным зрением, или лукавые.

Критика моя никоим образом не умаляет уважения к труду, затраченному сотнями людей труппы и оркестра

Большого театра. Знающие театр легко представляют себе невероятные трудности постановок такого размаха. И очень хорошо, что Большой жив, живы его могучие голоса (в содружестве с питерскими), живы его мощные хоры, сильны по-прежнему его балетмейстеры, согласен, созвучен оркестр. Жив наш Большой, дай ему Бог доброго здоровья и в дальнейшем. А то, что дал он такого пелуха, издал такой крик, который приятен антирусским ушам, дело преходящее и скоропреходящее.

Да и Западу спасибо – уже зовут западные дела осчастливившего нас маэстро, уже отснялась в разных телешоу (например, с поэтом из Израиля Андреем Деметьевым) певица, жена маэстро, надо им в Европу. А мы, осиротевшие, обязаны паки и паки ценить их подвиг во славу унижения России...

Но время есть время. Оно уменьшает раздутых лягушек до их мало-мальски естественных размеров, ставит и постановку в тот ряд, в котором ей быть полагается, – ряд посредственный, да еще и оскверненный политической окраской, а нам остается ждать следующих надуваний лягушек.

Идти к истокам

В детстве идешь, бывало, на сенокос, пить хочется. А проходили мимо ручейков. Я кидаюсь к воде, а мама говорит: «Еще потерпи, скоро исток, там вода самая чистая, самая целебная». И вот, подойдем к роднику, пьем, пьем из него, все никак не напьемся. Наконец мама разгибается, крестится и говорит: «Слава Тебе Господи!»

И это ощущение чистоты истока ведет нас по пути Православия. Мы постоянно идем к истокам воды жи-

вой, к учению Христа. Все в этом мире живет Божиим присутствием. Но как, как это донести до людей, как убедить, что спасение только во Христе, – вот это и есть задача православного педагога.

И это надо подчеркнуть – православного педагога, потому что одни священнослужители с этим не справятся. Только воскресными школами, посещениями батюшками обычных школ, ПТУ, училищ, вузов дела не решить. И поэтому дело тех же батюшек – воспитание в учителях православного чувства.

Без Бога ни до порога, – вот выстрадавшая веками, сведенная до краткости афоризма формула жизненного поведения. Теперешнее время – время разнузданного, поощряемого политеизма, многобожия, неоязычества, а для России еще и неообновленчества. Сейчас официальное просвещение или настолько затемнено, или, напротив, настолько изощрено в нелюбви к Православию, что ставит на одну доску все религии, все сектантские даже движения. Несть числа Мунам, богородичным центрам, белым братствам, бесчисленным разветвлениям протестантизма, различным фундаменталистам, одних церковей истинного Христа в Москве десятки. Так и называются, например: «Истинная церковь Христа Северо-Западного округа»... Наше телевидение, радио, газеты угодливо и торопливо, как лакеи, предоставляют свое время, экран, страницы любым проходимцам, использующим религиозную лексику. А Министерство образования велит считать все это частью мировой культуры. Но что есть *просвещение*! Слово «просвещение» имеет в истоке, в этимологии, слово «свет». *Свет* в России всегда употреблялся в значении *свет Божий*. Вспомним происхождение слова *спасибо* – *спаси, Господи*; вспомним происхождение слова *судьба* – *суд Божий*. Нет в русском

языке ничего случайного. *Просвещение* означает *просвещать светом Божиим*. Поэтому наивны разговоры о том, как лучше назвать Министерство школ – Министерством образования или Министерством просвещения. Хоть так, хоть так – задача исторически одна: просвещение светом Божиим, а *образование* – это от слова *образ*, от значения образовывать. *Образ* напоминает прежде всего библейское – создание человека *по образу и подобию Божию*. То есть *образование* – это не просто гуманизм очеловечивания человека, но приведение его к образу Творца. Образ для православных еще и икона. Наша госпожа интеллигенция умудряется называть «Троицу» преподобного Андрея Рублева шедевром мировой живописи. Это дикое язычество. Так же дико говорить о балетной плясунье «танцует божественно», пусть уж хотя бы искусно. Тут и искус, тут и искусственность.

Политеизм страшнее атеизма. Там хотя бы всегда можно было спросить атеиста: «Если вы говорите, что Бога нет, тогда с кем вы боретесь?», а здесь, у этих конфессий, у всяких новомодных дианетик такая спесь, такое самомнение, такие деньги, что бороться с ними гораздо тяжелее, нежели в прежнее время, когда были молокане, хлыстовцы, разные трясуны. Сейчас пасторы, проповедники подкованы копытами золотого тельца, снабжены компьютерными мозгами. Что мы, православные педагоги, можем выставить против этого сатанизма?

Можем, и очень многое можем – Слово Божье. Это самое сильное оружие. Но надо уметь им владеть. Надо уметь сказать своей пастве, своим ученикам, что так называемый мировой порядок, непрерывные крики об общечеловеческих ценностях, насильственное создание какого-то якобы правового государства – это все мостит дорогу к гибели России.

Мы убедились, что только Православие сохранило святость отношения к Богу, Его присутствию во всем, Промыслу Божию в каждой судьбе. Только православный не ропщет на судьбу, только православный может понять все остальные верования, религии, жалея зашедших в них и заблудившихся, только он знает, как выйти из тьмы на свет.

Любить Бога не мешают никакие дела. Кому Церковь не мать, тому Бог не отец. Бога боюсь – никого не боюсь, а Бога не боюсь – всех и всего боюсь. О вере не надо спорить, надо просто верить. В ереси и секты уходят из гордыни и многознайства, как раньше уходили из невежества... Эти и другие истины так просты, что надо только следовать им. Но есть совершенная бесовская система отторжения человека от Церкви. Вот взять – стоят две женщины, на плечах коромысла с полными ведрами, стоят, перемывают всем кости. Два часа могут говорить, а в храме им и полчаса тяжело выстоять. Это же из древности идет: «Пойдем в церковь». – «Спина болит». – «Пойдем в кабак». – «Подожди, оболокусь, да как-нибудь доволокусь». Не забывают же люди поесть, а помолиться забывают.

Но не хочется впадать в назидательный тон. Кто я такой, по своим грехам, чтобы учить? Да и Правило VI Вселенского собора гласит: «Не подобает мирянину перед народом произносить слова или учить... Почто твориши себя пастырем, будучи овцою?» Отсюда и все мои «записки» – это моя настоятельная обязанность поделиться выстраданным опытом того, что единственный путь спасения человека, его семьи, его деревни, села, города, его России, его страны – это путь Православия. Почему обязанность, да еще и настоятельная? Да потому, что молчанием предается Господь.

Как отличить православного человека от неправославного? Очень просто: православный не осуждает. Никого. А уж особенно священнослужителей. Наша же интеллигенция круглосуточно кушает любимое блюдо – осуждение других, а уж Патриарха – особенно. Пресса наша, желто-голубой экран извратили, например, итоги визитов Патриарха в Германию и Америку. В последней он-де кланялся иудеям, а в Германии извинялся перед немцами. Долго трясли речью Патриарха перед раввинами, но где они там нашли одобрение иудейской веры? А то, что Бог один, – разве не истина? И разве не сказано, что последним к Богу придет сатана? И в вопросе с немцами все просто. Освящая часовни, совершая молебны в разных местах соединенной Германии, Патриарх *всюду* принимал извинения немцев перед русскими. И по-христиански (вспомним Прощеное воскресенье: прости меня, Христа ради! – *И ты меня прости*) просил прощения от чистого сердца. А разве было не за что? А Берлинская стена, а ее жертвы, а разделение семей, родных? И за это осуждать?

Но уклонившийся от истоков, пьющий замутненную воду других вероучений, раскола, сектантства рад любому поводу, чтоб замутить чистую воду православного вероисповедания. Это очень похоже на заразных больных, которые стараются и других заразить. Излечение от болезни осуждения, достижение спасения начинается с малого: перестать перемывать кости знакомым, не передавать сплетен, не выставлять своих достоинств. Надо помнить, что человек осуждает то, чем сам болен.

Вообще, это главный порок современности: осуждение. Особенно для людей творческих. Творчество вытекает из сердца, что же из него вытечет, если оно взбаламучено скверной зависти, гордыни, склок, пре-

возношения? Ничего, кроме вреда для такого «творца» и кроме соблазна для читателей и зрителей.

Иди к истокам, иди ко Христу – и спасешься. А иначе – гибель, ад кромешный.

Уроки святых отцов

«Распныйся волею» – вот указание на образ жизненного поведения. Раствори волю свою в воле Отца небесного и спасен будешь. Своеволие губит человека, своеволие – причина болезней, войн и революций, своеволие – служение князю тьмы. Как не напомнить, что первый грех первых людей был именно своеволием, непослушанием. Именно с ним *во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50).

Но до чего же трудно не быть своевольным. И здесь бесценны уроки святых отцов. Возьмем из них главный – то, как святые отцы в своих трудах и рассуждениях мало говорят от себя и все время ссылаются на авторитеты. Такими ссылками заполнено все «Добротолюбие». Открываем, разламываем, как говорили раньше, любой том на любой странице. Выпало на иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Каллист – ученик Григория Синаита, Игнатий – сподвижник Каллиста. «О страхе Божиим». Иноки делят его для новоначальных и для совершенных. Глава 17 содержит 13 ссылок на Писание, Псалтирь, сочинения святых отцов. Перелистаем – ссылки на Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста. Берем в руки пятый том издания (СПб., 1899, с. 375): толкование на псалом 121. Весь текст в цитатах и ссылках на Писание.

Почему взят такой пример? Потому что такой нам урок – если такие святители шагу не могли ступить без

Писания, что же нам-то, малым и грешным, уповать на свой ум.

И кого ни возьмешь – святителя Игнатия Брянчанинова, святого праведного Иоанна Кронштадтского, нашего ли современника архимандрита Иоанна (Крестьянкина), – все они прибегают сами и приводят нас к Священному Писанию.

А в основе всех сочинений – Новый Завет и Псалтирь. По себе помню свои первые чтения святоотеческих книг, как хотелось проскочить цитирование древних текстов, как тяжелы и непонятны были они. Помогли святые отцы. Не помню, кто из них указал на такой тип чтения, как на неосудительный. Если непонятно, темно, читай дальше, в свое время смысл этого места просветлеет. Недаром святые отцы говорили, что нельзя говорить «я читал Библию», надо говорить «я читаю». То есть перечитываю всегда.

Молитесь за старцев

Как же спасать других, если мы сами себя не можем спасти, если нам трудно простить мало-мальскую обиду, если ссоримся по пустякам, если за страдание принимаем расстройство, а царапину – за боль? А надумаем пойти в церковь, тут и голова заболела, и нога захромала, и гости приехали. А остались наедине с собой – не молитва идет на ум, а на диван тянет прилечь да телевизор включить. А кто поактивнее, тот на улицу идет митинговать, гнев наращивать. Ему кажется, что он с бесами борется, а на самом деле – в самом бесы.

Диву даешься, как еще стоит мир и Россия, как еще не разверзлись под нами земли. Уже сколько нам зна-

ков дано – народы встают на народы, глад и мор, землетрясения, но все не вразумился человек, все думает, несчастный, что является хозяином судьбы, все еще уповает на свой слабый, гордый разум, все обольщается мыслью о хороших политиках, да о демократии, да о рынке. Смешно!

Надежда на разум, на земное уводит от Христа. А спасение только во Христе. Сколько за двадцать столетий было говорунов-политиков, военачальников, партий, союзов, объединений – все прах и тлен. Сколько знамен, сколько цветов и полос не колыхалось над войсками и толпами, какие только звезды не сидели на «колях» башен, на каких только воротах эти звезды не распинались – все прах и тлен. Какие только речи не сотрясали коллизии, парламенты, думы, белые и желтые дома – все дым и туман. Какие только книги, газеты, дожди брошюр, журналов не сыпались на людей – все на ветер. Что только не предсказывали маги, хироманты, экстрасенсы, астрологи, НЛЮшники, и опять же политики – все в песок.

Спасение только во Христе, в Его учении, в следовании за Его апостолами и теми из земных, которые шли вослед за ними. Раз в жизни Вселенной звезда сошла со своего места и пошла, указывая людям путь, путь к Вифлеему, к месту рождения Спасителя. И это путь человечества.

Нет у нас иной надежды, иного упования, как только на Святую Троицу и на Царицу Небесную. Истинность этих слов могут проверить даже маловеры, даже атеисты. Возьмите любые творения уповающих на разум и знания, всяких вольтеров, чернышевских, троцких... Оказавшись исполнителями ложных идей, они убежденно служили разрушению мироздания. И что эти чингиз-

ханы и тамерланы выслужили? Конечно, их помнят, но как? Даже и их жалко, говорят старцы о злодеях. На всех же Господь посылает дождик, на всех и солнце светит, но не все приходят к свету Божественному.

Здесь главный вопрос – чем держится, чем питается Православие? Когда говорят: жив Святым Духом, то это не пустые слова. Дух живет молитвой. Но ведь и мы молимся. Значит, как-то не так, если Дух часто оставляет нас. Православие живет и держится *старчеством*. Что оно без сонма мучеников и сподвижников первых веков христианства, что оно без преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, без старцев нового времени? И почему именно старцы, «усаживающие всех впереди себя» (по выражению отца Иоанна (Шаховского) всегда впереди нас? Ответ один – силой чистой молитвы. Они, старцы, из нас. Простые, грешные, может быть, даже сильно грешные (вспомним старца Силуана, его молодые годы), они показывают, чего можно достигнуть уже на земле. Оптинские, киево-печерские, соловецкие, псково-печерские, троице-сергиевские, старцы безчисленные и безымянные из уединенных скитов, пожелавшие умереть безвестно, уходящие в затвор, иногда выходящие из него для нашего вразумления, – вот главное «сокровище благих», вот кто спасает Православную Церковь и Россию.

Идешь ли ты куда, просыпаешься ли в тревоге среди ночи – знай: не прекращается молитва за тебя и Отечество, знай, что есть люди, готовые ежеминутно предстать пред Творцом, знай и помни, что они, старцы, точно такие же смертные, как и мы. А может быть, и этот день последний для нас с тобой, а мы в ссоре, нельзя же умереть, не простив обид. *Ты веришь в Бога? И я верю. Так почему же мы не верим друг другу?*

Нет никакой тайны в величии старчества, в нем полнота сердечного чувства и любовь. И прощение. Прощать, говорят старцы, даже важнее, чем каяться. Кто хоть раз встретился на исповеди со старцем, кто хоть раз омылся слезами раскаяния, тот знает, как благостно и не стыдно и спасительно признание в грехах. Оставить их здесь, не тащить с собой на Страшный суд, как отягощающий груз, – вот задача. Грехи сгорят в адском огне, а душа бессмертна, она не сгорит, только будет от ужаса чернеть и корчиться в нераскаянных грехах.

Россия богоизбрана именно по молитвам старцев. Они достигали такой святости при жизни, что принимали за грех тень мысли о грехе. Можно ли отдать Богу меньше, чем все? – спрашивают они нас.

Молитесь за старцев.

Выборы разорили страну, но кого же они обогатили?

Ответ: авторов рекламных роликов. Вся эта предвыборная лихорадка, вся белая горячка предвыборной скачки не была соревнованием кандидатов в Думу, нет. Она была соревнованием рейтингов рекламных роликов. Кто изощреннее, кто похитрее преподнесет своего кандидата – вот кто соревновался. Но и всегда так было – решали не явные политические, общественные деятели, а их закулиса. Помню, шел какой-то съезд партии или комсомола. Скорее комсомола, так как очень уж легко я туда попал. Знакомый земляк позвал. А он попал в ЦК ВЛКСМ по простому правилу: русский, высшее, в армии отслужил. Попав в ЦК, он немало удивлялся тому, что здесь сплошь нерусские и не с высшим, и в армии не

служившие. Хотя малый ЦК ковал кадры для обороны, для промышленности, для большого ЦК. В большом ЦК, насколько я себе усвоил, были две партии – одна карьеристов, приходящая как раз из малого (комсомольского) ЦК, а вторая – специалисты, взятые в большой ЦК с заводов, строек, школ, институтов. Партии деликатно враждовали. Но это предмет особого исследования. Сейчас о малой закулисе.

Земляк мой привел меня в резко накуренную комнату, в которой стояли телевизоры. Перед ними сидели референты и секретари больших начальников, заседавших в это время в президиуме – и на экранах телевизоров. Главный начальник делал доклад. Пил иногда воду или то, что приносил сорокалетний мальчик, накрытое салфеткой. Референты и секретари курили и изощрялись в шутках по поводу внешнего вида сидящих в президиуме. Вот этот с похмелья, замечал один, я с ним вчера надрался в Барвихе. А этот не пил, говорил другой, жены боится, но ночь не спал, учил то, что я ему написал. А этот... Когда докладчик «буксовал» на какой-то фразе, то теневые авторы доклада дружно смеялись над тем, чью часть доклада читал в это время начальник: «Мутно написал». Когда начальник срывал аплодисменты доверчивого зала, то написавшему это место советовали вернуть дырку для ордена... Все это, естественно, скучно и не стоит долгого рассказа, одно скажу, что ничего не изменилось – все решает закулиса, серые кардиналы, жены, партнеры по теннису, иногда по шахматам, соратники по бане, массажисты, охранники, вся, в общем, обслуга, все дорвавшиеся до кормушки.

О, им очень нелегко жить. О, как надо бдить, чтоб на тебя не настучали, как надо уметь устранять противников, как тонко петь в уши льстивую «правду-матку»...

Что было сейчас? Я о том, что случилось в природе в последние полчаса. Сегодня день великомученицы Варвары. Ей молятся об избавлении от внезапной смерти. В акафисте ей: *Радуйся, яко тобою от нечаянных и вечных смерти сохранени быти уповаем; радуйся, яко тобою вечную жизнь уллучити благонадежно чаем; радуйся, Варвара, невеста Христова прекрасная.* Читая акафист и много дивясь суете выборов, лепечущей по всем программам телевидения и радио, я увидел, как вдруг резко потемнело (два часа дня). Налетела снежная тьма, обрушилось так много снега, что будто и не было света. А до того я выносил в кормушку хлеб, поглядывал, как трудятся над ним воробушки, – где они? Я выбежал – телогрейку выбелило в момент, глаза залепило, по шее текло, леденило грудь. Церкви не было видно. Воробьи качались на голых белых ветках яблони. Березы и клены кладбища мотались в снежной заварухе. И вдруг вспыхнуло так ярко, что я успел подумать о замыкании проводов, и так ударило с небес, как не бывает и в июльские грозы... Вернулся в дом – окна все в белом, будто я замурован в ледяном дворце.

Потихоньку рассеялось и разрезжилось. Воробьи опять трудятся над горбушкой; я за свои записки. После этого потрясения и явленного могущества Божия их куда легче стало вести. По телевизору кудахтанье о величии постановки в Большом («Я смутьян, – скромно говорит постановщик, – люблю “Хованщину”»), певец басом: «Избави Русь от лихих наемников». Интересно, как ставили оперу, по найму?

Вдруг я понял, что поразило меня сегодня, – тишина телевизора, этого агента влияния. То есть он продолжал верещать, навязывать питье, жвачку, зубочистки, но исчезла политреклама. Теперь, видимо, до марта, апреля,

до президентских выборов. Нажившиеся на рекламе теперь снова думают, кому бы подороже продаться...

А ведь я старый-престарый телевизионщик. Тридцать лет тому, как я выходил в эфир со своим дискуссионным клубом, бывши его редактором. О, какие темы были у нас: о творчестве машины и человека, об эвристике, о структуральном анализе... Не чета нынешним убогим пляскам вокруг приза в студии да угадыванию отзвучавших звуков. Все повторяется, но уже как-то ублюдочно, подражательно, уныло. Юмор циничен и натужен, лица ведущих и заполняющих студии похожи на маски.

А потрянуть бы стариной, сочинить бы в один присест десять-пятнадцать сценариев телероликов! Чем они хуже того, что булькает и пузырится на плоскости голубого стекла?

Вот на будущее: надо навязать зрителю номер партии. Хозяйка говорит мужу: «Наша собака все время лает (столько-то раз). Слышишь?» (Показать собаку и мужа.) Муж: «Да это же номер партии (такой-то)».

Или: сельский вариант. Жена мужу: «Уж я не нарадуюсь на нашу пеструшку, не знаю, как и отблагодарить ее, – каждый день несет по (номер партии) яиц».

Или: ночь. Муж, просыпаясь в страхе: «Выборы прошли?» Женщина рядом: «Еще нет». Он: «Слава Богу! Мне приснилось, что прошли и я не успел проголосовать за (наименование партии)».

Поле, лес, опушка. Влюбленные. Девушка: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?» (Столько-то.) Юноша: «А мне?» (Тоже столько же.) Оба: «Да это же номер нашей партии!»

Тимур и его команда привязывают на рога козе свой номер. И Мишке Квакину, и ежу, и козе понятно, за кого голосовать.

Кстати, про кукушку еще можно и так. Она: «Витя, кукушка же рано весной еще не кукует». Он: «Она не смогла промолчать, ведь речь идет о (тут похвалить партию или номер кандидата в президенты)»...

Могу продолжать сколько угодно. Печатаю для того, чтоб потом слупить деньги с того, кто снимет по моим идеям.

«Выбери меня, выбери меня!» – кричат партии и кандидаты. Но стыдно же, безнравственно же хвалить себя. Это в Америке только, не знавшей всеобщего Православия, самохвальство в чести. Русские бегут от участия в командирстве. Вспомним, как выбирали звеньевых и председателей советов отряда и дружины. Лезешь под парту – только бы не меня, только бы не заметили. И выбирали самую подлизу, самую стукачку. И чесали потом в затылках: сами же выбрали.

Нашли дураков

Начнем вот с чего. Ясно, что дураки – это мы, русские люди, хоть и умные, и мудрые, но сознаемся, что хитрые нас на время пересилили. Задаем вопрос: какой работник нужен демократическому рынку?

Ответ: старательный, но подлый. Старательный потому, что он обязан сделать вещь или упаковку продукта так, чтоб и вещь и продукт прямо-таки рвались в руки потребителю, то есть содержателю демократического рынка. А подлым работник для «демократических хозяев» должен быть потому, что он обязан делать вещи и продукты так, чтобы затратить на них минимум материала и калорий. Вещи (сапоги, часы, пальто, обувь) должны блестеть дизайном, но должны рваться, ломать-

ся, портиться через месяц, много – два, чтоб потребитель покупал новые. Продукты, всякие сникерсы и химическое масло, химические пепси-колы, напитки, колбасы должны содержать в себе вкусовые компоненты, которые раздражают язык и слизистую оболочку желудка обманно, давая иллюзию настоящего продукта. На самом деле это пустота, суррогат и обманка...

Мерзость капитализма, в который нас гонят, в бесчеловечности. Раньше члены Политбюро питались особо, как и подражающие им республиканские ЦК, обкомы и крайкомы. Они пожирали экологически чистые продукты. И сейчас – стреляйте меня, не поверю, чтоб всякие потомки тимуровцев, свердловчан, мобилизованные масонским Западом для уничтожения России, питались как мы, из магазина. У Владимира Солоухина есть точный рассказ о двух подругах, одна из которых вышла замуж за номенклатурщика и ужасалась, что ее подруга питается «сетевой» колбасой, то есть купленной в магазине, в торговой сети.

Вот, именно в этой сети и все мы. А номенклатурщики, въехавшие во власть на обличии номенклатуры, так и остались номенклатурщиками. Так, видимо, будет долго.

Помню послевоенный рынок года 1951-го. Вот продают лапти. Продавец, показывая качество товара, наливает в любой (!) продаваемый лапоть воды... Лапоть не протекает. Так вот, этот продавец лаптей тысячекратно нравственнее любого заокеанского и европейского бизнесмена. И он, как Лазарь, уже возлежит на лоне Авраамовом, а всякие фонды, фирмы, совместные предприятия, господства-товарищества с неограниченной безответственностью шествуют в ад. И конвоируют их, можете себе представить, те же бесы, что втравливали их в обмишуривание России.

Но если бесы нашли дураков, то и дураки могут прозревать. Вот дураки очнулись, вот видят, что демократия – система, их дурачащая, их раздевающая, разуваящая, отравляющая. Что делать? Голоса народного власти не слышат: голоса народные власти нужны для подтверждения полномочий на воровство и продажу – что делать?

Ответ: не суетиться. Мы в России, мы на родине. А демократам все равно, где искать поживу. Нашли дураков и тешатся. Захватили телевидение и внушают, что они хорошие. Но забавно, что победители августовской революции 1991-го, они же палачи октября 1993-го, до смерти боятся России. Кто ж не видит, как стриганули из России победители-предводители «апрельских августят», например, Коротич, Евтушенко; угас Черниченко, а некоторые вообще умерли – даже на судебных процессах во славу шествия демократии по лицу планеты.

Ну и бегите, живите в Арканзасах и хлебайте свою демократию хоть ложками, хоть черпаками, оставьте только нас. Господи, Боже ж ты мой, да когда ты, Россия, поживешь хоть сотню лет, чтоб не чесаться от блох и гнид чужебесия...

Подайте, Христа ради

Какое же счастье стать нищим духом, то есть растворить свою волю в воле Божией. Вот я – нищий, вот я молю Бога подать мне нужное мне. Что даст Бог, то и слава Богу. А когда-то, давным-давно, думал я, что быть нищим духом – это слабость. А это великая сила и терпение и мужество. «Поддай, Господи, нужное мне». А не подает, значит, или плохо прошу, или это мне не нужно.

Но нищета духовная и нищета физическая – совсем почти разное. Достаточно увидеть комфортно сидящую на стульчике нищую-профессионалку, которая гонит в шею конкурентов, чтоб задуматься о сути нищеты. Эту старуху, как и вообще всех, не надо осуждать. Принимая милостыню, человек берет на себя обязательство молиться за того, кто подал ему. В этом тайна милостыни. Народ говорит: «Не вели, Господи, принять, вели, Господи, подать». Как говорят старцы: день, прожитый без милостыни, – пропавший день. А еще есть такая православная мудрость – большой милостыней в рай не войдешь. То есть пусть не думают богатые с брюхатыми кошельками, что если они отслюнивают миллионы на что-то доброе, то это их спасет. Мне говорил один старец: «Ты думаешь, что все храмы рушились по воле комиссаров из Бердичева и Америки? В комиссарах была зоологическая ненависть к храмам, крестам, колокольному звону. Но рушились и те храмы, которые были построены на неугодные Богу деньги. Скопит торгаш на сиротских слезах и крови состояние, подкупает, обманывает. А помирать-то все равно придется. От мирского суда откупишься, а от смерти? Тут печень, тут почки, тут желудок. Тут одышка, тут давление – помирать надо. А страшно, как не страшно. Вот и хлопали, вроде католическую индульгенцию покупали, деньги на храм. А деньги такие противны Господу. Вот потом и бегали комиссары с зарядами динамита, исполняя волю Божию – разрушить неугодное Господу здание».

...Есть бессонница трех родов: когда вовсе нет сна, когда плохо засыпается и когда просыпаешься очень рано и не можешь заснуть. У меня бессонница третьего рода. Я просыпаюсь – темно. Лежу тихо, чтоб не беспокоить домашних. Вот проясняются очертания икон. Вот это ве-

ликомученица Варвара с погибшим ради нее и Христа воином, вот преподобный Сергей, игумен Радонежский, с явлением ему Божией Матери, вот святые мученики Гурий, Самон и Авив, а здесь иконы Божией Матери – Казанская, Владимирская, Знаменская, Державная, Умиление, Неупиваемая чаша, Живоносный источник...

Нет, нет, не дано нам продвинуть вперед русскую мысль, выпало нам тяжкое бремя, нет, не тяжкое, очередное. Мы же, когда разгружали баржи на Вятке-реке, когда по очереди подходили и подставляли спины под груз, мы же не смели просить навалить полегче, чего навалят, то и несешь. Так и по жизни: соединить связь времен, поднять из праха и склепать звенья цепи веков – разве не труд, разве не великая честь и доверие?

Лежу и ужасаюсь, и умиляюсь своей памяти. Она и терзает меня, и пугает, и радует. До такой степени ярки и четки воспоминания, что думаю – мы ничего не знаем о себе. Вот я, мальчишка, журналист районки, шестнадцать лет. Вот я в командировке, вот мог бы ночевать в сельсовете или в комнате приезжих лесопункта, или вообще в дом приглашают: любят же нашу районку, а я же в каждом номере печатаюсь, я же сильно знаменит! Но нет, не могу, надо бежать к любимой девушке. А сорок километров по занесенной снегами дороге, что такое для влюбленного поэта, я же еще и стихи пишу по дороге. Например: «Любая дорога куда-нибудь, когда-нибудь приведет. Но куда-нибудь и когда-нибудь – это слова не для нас. Нам нужен ясный и точный расчет, точный и скорый час». Бормочу: «Мягкие волосы, сиянье глаз, звуки голоса слышал не раз. И восторгался, хотя хандрил, тебе улыбался, тебя любил». Лес, сосны, снег обрывается с вершин и дополняет пасмурность. И не до пейзажей мне, ничего не замечаю, даже того, что

уже обморожено лицо и долго будут черными щеки, но вот, хранит же память зрения клок сена на придорожной иве; помню же, как деревянно и надменно каркает огромный ворон, как срываются сверху и падают в снег тетерки, как далеко, заставляя настораживаться, что-то мелькает и движется.

Скольким же людям я принес горя, как стыдно, какие мытарства я пройду, и пройду ли, по грехам своим? Вот и цепляюсь за милостыню, как за спасательный круг, чтобы выплыть. Конечно, нет того, чтобы я подавал и думал: вот это тот мой грех стирает, а это – тот. Нет. Да и милостыня, это ведь не только деньги и не столько деньги даже. Перевел слепого через улицу – вот и милостыня. Вечность тому назад в Горьком в трамвае увидел плачущую женщину с калекой-сыном. Он на костылях, а учился хорошо, и подали документы в бухгалтерский техникум. Пришел вызов. А когда увидели в техникуме его костыли, то и отказали. Как отказали? Все возмутилось во мне, ведь бухгалтеру не надо сдавать стометровку. Где этот техникум? А ну, пошли! Мы вернулись, я прошел все коридоры и кабинеты – и добился, чтобы парня допустили к экзаменам. Хорошо ли это, что я напоминаю о том случае, наверное, плохо...

Или: я на высокой колокольне, спиливаю деревья, раздирающие корнями кирпичную трехвековую кладку. Летят вниз несчастные березы и рябинки, выросшие из вольных семян, носимых ветром, очищается пространство. Я разгибаюсь: Боже мой, какая даль!..

То, что хочется записать, то, о чем хочется написать, не надо сразу записывать: оно уменьшается и экономит бумагу. Уж как я хотел описать свой, казалось мне, подвиг, о том, как я возил из центра Москвы кости и черепа в Никольское, но разве это подвиг? У нас, недалеко от

дома, в Георгиевском переулке, там, где стоит бетонно-стеклянная Дума, на месте бывшего Георгиевского монастыря, от чего, кстати, и название переулка, построена школа. Около нее все время что-то копают, роют, проводят, закапывают и выкапывают, и снова роют. И давно, лет пять тому, как мы вселились, тоже копали. Тогда я увидел кости, явно человеческие. Я кости собрал, отвез в Никольское, захоронил в церковной ограде. А нынче опять стали что-то проводить, рыть траншеи. Боже мой, сколько первое время появлялось на свет черепов! Я их собирал, складывал в сумку и отвозил на наше кладбище. Нашел запущенную могилу и в нее зарывал.

Мне хотелось описать свои ощущения, когда я с огромной сумкой в метро, а отвозил я черепа и кости раз восемь. Еду в метро, автобусе, что люди думают обо мне? Наверно, что и я тоже из этой породы торгашей, произведенной демократией. Лишенные национальности, беспольные, мужчины и женщины, все крепкие, все жующие, волокут куда-то свои грузы, и я среди них... Но прошло время – зачем это описывать и расширять, ведь главное, что я не оставил косточки на поругание, и слава Богу. Какая тут моя заслуга, никакой, это же радость, что достался такой труд во спасение души...

Или тоже, долго обдумывал сочинение о нищих. Хотел описать нищих из воспоминаний детства, они были рады картофелине, кусочку хлеба, просили, стоя у порога, крестясь на красный угол, Христа ради, и для сравнения описать нищих времен демократии. В моем пути на работу, через самый центр Москвы, я насмотрелся в основном на нищих-профессионалов. Когда кто проходит изредка, тем более приехавший, он видит нищего (нищую), подает, а я хожу почти каждый день и вижу, что и они, нищие, ходят на работу. Мно-

гих я невольно запомнил. Вот мать, она рассказывает детям с плакатиками: «Нам нечего есть, умираем», а сама их обходит, покупает мороженое или шоколадки. Вот малыш с гармоникой и с двумя на ней мелодиями. Вот девочка, поющая три года подряд песню: «Милая мама». Поет, раскачиваясь и глядя в небо, держа в руках темный пакет, который наполнится основательно. Но вообще-то Бог с ними со всеми, Бог всем судья. Всегда надо повторять: «Вели, Господи, подать, не вели, Господи, принять». Вот и вчера: бегу вниз, на метро до «Кропоткинской», до места воссоздания храма Христа Спасителя, вдруг вижу – стоит старуха в одних носках. А на улице снег и ветер и звезд ночное мерцанье. Чуть уже не сунулся в подошедший автобус, остановился. Говорю ей: «Ты можешь тут постоять двадцать минут? Я тебе туфли принесу». Кивает, но видно, что пьяная. Вернулся в дом, взял старые туфли жены, нашел носки шерстяные, положил в пакет хлеба и сыра, опять к метро. Стоит. «Возьми. Извини, что не зимние». Она стала примерять, мгновенно потеряв интерес ко мне. И даже, кажется, будто подумала, мог бы и получше что принести. И то сказать, не последнее же я от семьи оторвал, невелика заслуга, но все-таки...

Помню, в давние времена ездил в Сергиев Посад, тогда еще Загорск, и старался заранее наменять в кассах метро побольше пятаков, их и подавал. И это, по тем временам, было что-то существенное – треть буханки хлеба. Но и нищие были другими, не требовали, а ждали и радовались милостыне. Иные даже спрашивали имя, за кого молиться. В теперешних нищих, не во всех конечно, есть прилипчивая назойливость, как цыгане – они пристают и требуют денег. Правда, недавно я подавал и хлебом. Я вышел из Лавры, у меня было куплено два батона

монастырского хлеба. Их выдал мне огромный, добрый монах-пекарь отец Никита. Я вышел – девочка просит подать. А и до этого много уже просили, и вроде того, что я уже выполнил на этот день долг по милостыням, да и денег не оставалось, и, даже немного раздраженно, я спросил: «А не рано ли ты начала деньги собирать?» – «Я голодная», – ответила девочка, мгновенно устыдив меня. Я отломил ей хлеба, она с радостью взяла. «Еще горячий». Подбежали и другие дети, подошли и взрослые. Я разломал, раздал весь батон. Но опять же – у меня-то остался еще один...

Ничуть я не осуждаю никого и воспитывать не собираюсь, просто поневоле бросаются в глаза падение нравов и эксплуатация милосердия. Профессиональные нищие оттирают настоящих. А их много. Их, конечно, можно отличить – они стесняются своей нищеты, профессионалы ее выставляют. Стоит зрячая старуха и кричит: «Подайте слепой, подайте незрячей!» Или на Арбате, ходя на работу, я поневоле многих профессионалов-попрошаек заметил: вот старуха, стоит на коленях, на толстой картонной подстилке, трясется, выставив перед собой икону. А я наблюдал, как она, не трясая нимало ни головой, ни руками, сидит в стороне и курит папиросы, как совершенно пофельдфебельски захаркивает окурочек да еще втирает подошвой в гранитную мостовую. Потом идет на рабочее место и начинает трястись.

Бог с ней. Легко ли протрястись на морозе часов пять-шесть, да еще, видимо, и за место надо дань баскакам нового времени, рэкетирами именуемым, отдавать – легко ли?..

И все-таки надо помнить: день без милости – потерянный день. Подайте на хлеб, на соль, на спички. Не

гонитесь за тем, чтоб кто-то заметил вашу милостыню. В милостыне много духовности, это не взятка, в которой всегда корысть и расчет. Даже не подарок, это – *милостыня*, она важнее вам, а не тому, кто ее принимает. И уж, конечно, всегда-всегда надо подавать монахам и монашкам, собирающим средства на монастыри и храмы по благословию. Вот стоит худой, высокий монах из Успенского Бахчисарайского монастыря. Что писать об отношении украинских националистов к России, дай Бог им образумиться и понять, что у нас один враг – враг рода человеческого, да и не жалуется на власти монах, ласков и внимателен его взгляд. «Спаси, Господи», – говорит он. И не знаю я, ел ли он сегодня, где и как устроился, но одно знаю – каждая копейка из кружки, которую он держит перед собой, пойдет на дело Божье.

И сами мы, как этот монах, разве не ждем милости от Бога? Именно так и говорится в ежедневном прощении литургических молитв, обращенных к Господу: *...и ожидающих от Тебе великая и богатым милости.*

Наполеон в поезде

Всего-навсего пять лет назад я был в Париже. Жил в Латинском квартале, в очень скромной гостинице «Сен-Поль», питался кое-как, даже в «Макдональдсах», после чего без спазмы тошноты не могу мимо них проходить, но сейчас не об этом. Рядом с гостиницей стоял жилой дом, а в его подъезде жил бездомный, бомж, потеперешнему. Он сразу вычислил во мне русского, вскакивал при моем приближении и отдавал мне честь. Он, говоря жаргонно, «косил» под Наполеона, головным убором у него была картонная треуголка. Он картинно

боялся меня, кричал: «Бородино, о! О! Кошмар! Ужас!» Приходилось подавать остатки офранцуженной валюты. Меня поражало, что мимо нищего идут благополучные французы, даже с ним здороваются, и идут мимо. Прямо как молодой Лев Толстой в рассказе «Люцерн», я негодовал на них – неужели им не стыдно?! К вечеру он притаскивал откуда-то какую-то циновку, треуголку ставил в изголовье и спал. Когда рано утром я начинал поход по Парижу, он уже был на ногах, вытягивался во фронт при моем приближении, картинно тряся от страха и восклицал: «Кутузов!»

В раннем парижском метро будились и изгонялись полисменами сотни и сотни бездомных. И это тогда (всего пять лет назад) меня тоже поражало. Мне и самому не на что даже было съездить на могилу Бунина, но за мной была Москва, мое более или менее благополучное существование, а тут?!

И вот – прошло всего пять лет. И смешно и грустно вспоминать тогдашнюю мою классовую ненависть к богатым парижанам. Как они смеют ехать на своих «вольвах» мимо нищеты и обездоленности и так далее... Москва настолько переплюнула своими масштабами нищеты и бездомности все столицы мира, что я уже ничему не удивляюсь, когда утром, выходя из подъезда, перешагиваю через спящих людей. Ведь зима идет, думаю я, уж хотя бы наши демократы разрешили бездомным в метро ночевать, ведь они же (демократы, а не бездомные) бегут в западную цивилизацию, так и брали бы пример. Но наши демократы на страницах своих сытых изданий и с голубого экрана телевизора отвечают мне, что Москва – город богатых, что всю эту нищету они выведут, выморят, вывезут, в Москве будет чисто. Нет, возражаю я, в Москве будет еще грязней, ведь

крысы и вороны неуничтожимы, сейчас бездомные, по крайней мере, отнимают у них запасы продовольствия, прочищая помойки, а как потом?

Дурацкая ночь

Часто, бывало, позвоню поэту Владимиру Кострову, а его дома нет. «Ушел к Коле в карты играть», – говорит жена. Коля – это Николай Старшинов.

Я думал, они только в Москве играют; нет, везде. Недавно был с ними в поездке на Севере. Нас поместили на ночлег в конторе леспромхоза. Засыпал я под хлопанье карт по столу и чирканье спичек о коробок (они оба еще и курят). Проснулся я среди ночи, вначале чихнув от табачного дыма, в котором с трудом разглядел игроков.

– Вы что, еще не ложились? – потрясенно спросил я. – Вы как эти два еврея, то спину холодя, то бока, весь день играли в дурака?

– Ты плагиатом не занимайся, – сказал, косясь в карты, Костров, – ты свое сочини, и со счета не сбивай.

Тут надо объяснить, что сравнение их с играющими в дурачка евреями я взял из экспромта Николая Старшинова, который услышал накануне. Мы ехали в автобусе, увидели заросли кипрея. «Кипрей, – воскликнул Николай Константинович, – кипрей, кипрей!» Потом прочел, вначале объяснив:

– Я ехал в вагоне, он стоял на какой-то станции, гляжу – в кипрее два мужика заросших режутся в карты. Пригляделся – евреи. А на поле пахал трактор. Вот:

Среди могучего кипрея, то спину грея, то бока
Два волосатые еврея весь день играли в дурака.

Они в свою игру вложили ум и способности свои,
Но были равными по силе, и все: ничьи, ничьи,
ничи.
А за бугром, в степи бескрайней, весь день штурвал
держал в руках,
Сидел Ванюша на комбайне. Все в дураках, все
в дураках.

Таким образом, костровско-старшиновская перчатка была мне брошена, я подобрал ее и поплелся в коридор конторы, где уселся под графиком вырубков, санитарных рубок, лесовосстановительных работ и сочинил:

Нечесаны, полуодеты, средь сигаретного дымка,
Два сильно русские поэта всю ночь играли в дурака.
Забывши сон, семью, скрижали, не написавши
ни строки,
Они в ту ночь сто раз бывали поочередно дураки.
О, братья, бросьте ваши драчки, вернитесь
к Родине своей,
Не то вас крепко одурачит всю ночь рифмующий
еврей.

Вернувшись в картежный туман, я подождал окончания партии, подождал, пока запишут счет, кажется, двести на сто девяносто, и прочел стих. Поэты снисходительно его одобрили, только спросили, кого это я имел в виду под «всю ночь рифмующим»?

– Это собирательный образ, – отвечал я.

– Вообще-то многие по ночам пишут, – Старшинов стал вспоминать популярные фамилии.

Но недолго вспоминал: Костров уже метал «пестрый фараон» новой партии.

Политика на рельсах

Только что я вернулся из дальней поездки. Уезжал в Москву из старинного города Вятки. Молодая высокая проводница сурово отчитывала двух подвыпивших парней, угрожая им, что не посадит в вагон. Однако когда мы под звуки марша «Прощание славянки» поплыли вдоль вокзала, то парни были с нами, в нашем теплом плацкартном вагоне. Парни оказались на местах и немедленно принялись за дальнейшее повышение градусов в своих организмах.

Проводницы собирали билеты, продавали на ночь постельное белье, вновь подорожавшее, а вскоре пошли по вагону с подписными листами, говоря: «Железная дорога за Ельцина» – и предлагая подписать выдвижение его в президенты. «А рельсы за него?» – спросил пожилой мужчина и не подписал, как, впрочем, и остальные. Подписали только эти два парня. Их стал корить мужчина, но они отправились на поиски добавки для продолжения радости жизни.

– Вы собираете подписи добровольно? – спросил я.

– Нет, – простодушно отвечали проводницы, – заставляют. За рейс шесть подписей.

– А вы сами подписали?

– Вообще-то нет, но если не соберем, придется.

Утром парни продрали глаза и один спрашивал другого:

– Санек, чего это мы вчера подписали?

– Расстрел вы себе подписали, – сердито сказал им мужчина.

– Во, блин! Пошли, Сань, вычеркнемся.

Парни пошли к проводнице, но было уже поздно – подписи унесли бригадиру. Да еще, в довершение к огор-

чению, парни и пива не смогли достать на похмелку. Что им сказать? Была у меня с собой книжечка Пушкина, а в ней стихотворение «Паситесь, мирные народы». Может быть, когда парни протрезвятся, они его прочитают.

Шановни сябры, браты, письменники!

Незабываемый 1989-й год, май, Минск, Дни славянской письменности и культуры. Весь город, стар и млад, все на улицах. А сколько же прекрасных женщин и девушек в национальных костюмах! Песни, оркестры, солнце сияет. Богослужение в Кафедральном соборе, открытие мемориальной доски – дара болгарского народа – на вновь названной улице в честь Кирилла и Мефодия. Незабываемо!

И вот – долгие, почти семь лет, дни разлуки с родной Беларусью. Чего говорить, сколько трещин легло через мир и через наши сердца. И пришла телеграмма – позвали меня *шановни сябры, белорусские письменники* на Белорусскую землю – 75 лет прекраснейшему писателю Ивану Павловичу Мележу. Уже одно то, что в наше время нашлись у белорусов и силы и возможности отметить юбилей современника, уже одно это было радостно. Я был совсем молодым, когда увидел его, и он казался мне законченным классиком, еще бы: романы «Минское направление», «Дыхание грозы», «Люди на болоте» были, каждый из них, событием в литературе. А теперь понимаю, каким же молодым он ушел от нас, еле-еле за пятьдесят...

Мы на кладбище, на его могиле. А сколько же рядом родных дорогих могил: Александр Саченко, Пимен Панченко, а вот совсем свежие захоронения, еще не увядшие

венки, не выцветшие ленты – Алесь Звонак и Иван Чигринов. И если Звонак – это человек из легенды, из начала века, то Чигринов совсем-совсем молодой. И только что попрощался Минск с огромным поэтом славянства – Максимом Танком. Но его могила, по его завещанию, на его родине. А умирал он, рассказывают писатели, тяжело, в общей палате. Но даже и не физические страдания были у уходящих от нас – страдания нравственные.

Беловежские сократы свершили «раздирание целого». Тяжесть ответственности за это лежит опять же на славянах. Но, по истечении срока, когда думаешь и анализируешь, тем более в Минске, происшедшее, то видишь, что оно было не случайно. Разъединение было дано для того, чтобы обостренно ощутить необходимость единства. Особенно в культуре и литературе.

Вот мне говорят: напечатана новая повесть Василя Быкова, новая повесть Виктора Козько, новые стихи Нила Гилевича... И когда же так было, чтобы русские читатели почти враз с белорусскими читателями не узнавали о новых работах любимых авторов? Культурное пространство сузилось, воздуха стало меньше. Уже подошли и новые имена, о которых мы не знаем и можем не узнать. А перемрут старики, а не выдержат сердца писателей среднего поколения, разорвутся связи, кто их восстановит?

Перевожу в вольном перекладе стихи Алеся Письменкова «Раньше». *«Раньше дождик падал духмяный, раньше гриб выросал румяный. Раньше яблоки падали в травы, листья с дерев золотили дубравы. Раньше легче мы жили на свете. Раньше... раньше мы были дети».* В том ощущении, когда, надо признаться, был диктат Москвы в области идеологии, конечно, было засилие и русского языка. Все: радио, газеты, телевидение – все на русском. Конечно, правды ради скажем, что творче-

ская интеллигенция республик старалась учить детей в спецшколах с изучением английского и французского языков, теряя родную мову. Сейчас так чувствуется, что горячие головы, обвинявшие во всех белорусских бедах «старшего брата», понимают, что дело было не в нем, а в марксизме, который одинаково давил все национальное во всех республиках, а в первую очередь – в России. Писатели республик, по крайней мере в русских изданиях, были не только советские (Чиладзе, Слуцкие, Вацietис, Чобану, Сулейменов...), но и казахские, литовские, молдавские. А русские? Помню, старика Троепольского называли в аннотации широко известным советским писателем. Гавриил Николаевич просил: «Не надо мне *широко известного*, напишите, прошу, *русский*», – где там!

Но это к слову. В поездке в Минск я обостренно сопоставлял наши, русские писательские, и белорусские дела. Несомненно, что возрождение национального самосознания у белорусов идет гораздо сильнее. Они перестали оглядываться на Москву и, слава Богу, перестали на нее коситься. Они справедливо гордятся новым журналом, часописом «Першацвет» («Первоцвет»). В каждом номере десять-пятнадцать, двадцать новых фамилий. Я не оговорился: *до двадцати новых фамилий в каждом номере*. Главный редактор Алесь Масаренко говорит о трудностях, но у кого их сейчас нет. Главное – держат журнал, к журналу тянется творческая молодежь, журнал хорошо оформлен, авторам даже платят гонорар, что еще?

Листаю журнал. Авторы о себе: «Писал спочатку на русской мове, сейчас на родной». Есть даже такие авторы, что начинали писать на украинском, потом на русском, а сейчас вернулись к белорусскому. Много авторов из Украины, белорусов. Вообще думаю, что русскому

писателю много полезнее изучать сродные славянские языки, нежели иностранные. Расширяется знание древнего этимологического гнезда наших праславян. Вельми полезно. Вельми – живое слово в белорусском языке. Он вообще сохранил в себе большее количество древнерусских слов, чем русский. Свободный от тюркизмов, музыкальный, мягкий, язык этот, несомненно, с большим будущим. Вспомним Богдановича, белорусского классика. Совсем младенчиком, в пять лет, его увезли в Россию, а как он сохранил и передал язык родины.

Ах, как мы вспоминали теперь уже далекий праздник славянской письменности и культуры в Минске! Неужели это невосвратимо – та радость, то ощущение любви и единения и принадлежности к одной семье? Нет, нет, все вернется или мир погибнет. Рассорят славян – и мир задохнется в злобе.

А пока, пока мне все время было невыносимо стыдно за Москву, за московские газеты и телевидение. И не стыдно ли мне было признаться, что русские писатели, такие авторитетные во всем мире, ничего не значат для бесов нынешнего телевидения, которые правят бал в захваченном ими телепространстве. Случайно ли, что в октябре 1993-го люди пошли не банки брать, не вокзалы, не телеграф, а именно ненавистное им телевидение как источник всяческой заразы? Таковым оно и продолжает быть. Поставляет пропитанную духом разврата, пошлости, насилия продукцию, транслирует всяческие игры, вроде «Поля дураков», «Что, где, почему», «Угадай мелодию за валюту» и тому подобные, где любое действие оценивается деньгами. То есть постоянное приучение к мысли о материальном восприятии мира. Тогда как славянский мир – прежде всего мир духовный, жертвенный, бескорыстный.

Нил Семенович Гилевич смотрел-смотрел на московское телевидение и не выдержал, написал стихотворение «Докуль жа?», оно напечатано только что в белорусской «Звезде». Закончу белорусские впечатления публикацией своего, вольного, перевода этого стихотворения, потому что мне очень созвучны переживания белорусского поэта. А ведь и в самом деле, подумаем, что несет Москва в бывшие республики? И захотят ли они нового союза с нами, если видят только то, что видят? Но как им сказать, что телевидение Москвы – это не русское телевидение, не Россия. Думаю, что многие начинают это понимать.

Доколе?

Несчастные люди несчастной страны,
Иль души у нас стали темным темны,
Иль сердце зачахло, иль кровь загустела,
Что столько уж лет мы глядим онемело,
Как с телеэкрана со смаком свинячьим
Бесовский народец нас хитро дурачит,
Поганит, как будто бы место пустое,
Все то, что от века нам было святое.
Пристойность забыта. Во вражеском стане
Свершается действие на телеэкране,
В нем много актеров и фарса и драмы:
Кривляки, паскудники, циники, хамы.

Все жду не дождусь, может быть, вот сегодня
Увижусь с крестьянином, а не со сводней,
Иль в цехе с рабочим, со светлой любовью...
Нет, снова о золоте, крашенном кровью.
Но где же Купала, где Пушкина мысли,
Где думы Шевченко?.. Нет, снова нависли
Пошлости тучи, насилье и ложь,

И мерзость, и похоть, и пуля, и нож.
Какой там Купала, какой там народ!
В экран, как в окошко, вползает урод,
Насмешки, издевки из каждой рекламы:
Кривляки, паскудники, циники, хамы.

Отколь эта мерзость? И кто же ей рад?
Ты, новый хозяин, иль ты, демократ?
Вы, те, кто за стеклами телеэкрана,
Смеетесь над нами и поздно и рано,
И вам не указка ни честь, ни законы,
Да что вам законы, вам судьи знакомы.
Вы пляшете – стонет родная страна, –
Но скоро заплачет и ваш сатана:
Воскреснет народ и погибнут химеры,
Воскреснет на камне культуры и веры,
Тогда побегут прочь своими ногами
Кривляки, паскудники, циники, хамы.

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО – ЯЗЫК

Не согреси словом...

Цивилизация Запада в целом зашла в тупик, теперь уже это муравейник, который управляется только долларом. И поэтому спасение мира только и осталось в России, только во Христе, только в Православии, и это крупнейшее наше счастье.

«Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский», – говорил Гоголь молодому писателю...

Мне кажется, я никогда не буду писателем на историческую тему, ибо все время буду себя ловить за руку на том, что я сочиняю, что я впадаю в грех, что я вру. Ну как я могу знать, что и как было когда-то? Что говорит монах, пришедший к Патриарху, да еще начинает тереть ему спину, разговаривать? Как, вставляя ногу в стремя, Иван III думал, что он не успел договорить с митрополитом. Это же фантазия.

Она, историческая проза, может быть, сделала доброе дело, вызвала у людей интерес, но все-таки, уверяю вас, мы скоро увидим, что рынок насыщен этой литературой, и она не будет пользоваться интересом.

Давайте говорить об исторических романах. «Бесь» – это исторический роман? Исторический. «Преступле-

ние и наказание»? Исторический. «Капитанская дочка»? Несомненно.

Но она была ведь современником написана! Пугачевский бунт отстоял от Пушкина едва ли не ближе, нежели от нас отстоит Великая Отечественная война. Поэтому писать надо: о том, чему ты являешься свидетелем, свидетелем эпохи, а со временем это будет читаться как историческая проза. Поэтому я многим не верю – вернее, я пытаюсь верить, но мне уже кажется, что это сочинено, что здесь писатель впал в грех, а мы не имеем права на это.

Наша цель, цель писателей – помогать священнослужителям. Помощь эта остро необходима. Вот уже долгие годы, имея огромное количество знакомых батюшек, иерархов, я вижу, насколько же это самоотверженные, великие люди, насколько это спасительные люди в России.

Владыка покритиковал священнослужителей, и я его понимаю, это взгляд изнутри Церкви. Но вы знаете, самый бедный, самый несчастный приход с каким-то, может быть, недоучившимся семинаристом все-таки делает огромное дело.

В то же время образом на батюшек часто грешили русские писатели. Помните, у Чехова: «А, это такое-то село, где дьячок икры объелся...» Хотя Чехов тут же написал и «Студентов», и «Черного монаха», и «Архиерея». И Салтыков-Щедрин сатирически описывал священнослужителей, и Лесков. Такие вещи, к сожалению, часты в нашей литературе. Вспомните, например, сельский крестный ход на Пасху на картине Перова...

Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы мы с вами, братья по оружию, понимали свою огромную обязанность, раз уж Господь нам дал такую возможность – связывать слова во фразы, фразы в абзацы.

Это очень ответственно, потому что слово – такое оружие, которое режет прежде всего нас самих, спастись пишущему почти невозможно. Помните об этом все время, потому что адские дни гораздо ближе к пишущим, нежели к другим людям.

Мы уже не будем говорить о том, что творится всякая свистопляска в овладении словом, но мы-то, православные люди, конечно, будем ценны народу настолько, насколько воцерковимся. Эту формулу никто не может отменить. Это так же, как существует формула, исходя из которой сейчас совершенно справедливо негативное отношение к властям нашим.

Потому что они забыли эту формулу: народ настолько предан властям, насколько они преданы Христу...

Язык церкви

Свергнуть многовековую твердыню Православия никогда и никому не удавалось, но всегда были нападки, и всегда именно со стороны считающей себя образованной части общества. Ну, не придет в голову бесхитростно верующего человека мысль о перемене слов в молитве. Он знает, что и до него многие сотни лет произносили точно такие слова молитвы, точно такие были распевы в литургической службе. Почему он должен молиться поновому, а не так, как преподобные Сергей и Серафим, святители Ермоген и Тихон, блаженные Ксения и Матрона? **Церковный язык – язык Богообщения.** Посягающий на этот язык рвет наши связи с Богом.

Зададимся вопросом: чего такого непонятного, сложного в церковнославянском? Почему лучше говорить «Вот человек», а не «Се человек»? Почему торже-

ственное «Рече Господь» надо заменить бытовым «Сказал Господь»? Почему и для кого нужно упрощать фразу о соблазнах: «Аще ли рука твоя или нога твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе...», превращая ее (фразу) в язык уголовного протокола – «рубь ее и брось от себя»? Чем не понравилось известное место из 18-й главы Евангелия от Матфея: «И аще око твое соблажняет тя, изми е и верзи от себе...»? Из того же Евангелия, глава 16-я: «Он же отвещав рече им: вечеру бывшу, глаголете: ведро, чермнует бо ся небо». Что непонятного? Слово «чермнется»? Вот и случай узнать, что оно означает. Тут же мостик к названию моря – Чермное (не Черное).

Церковь Христова – не экономика, ее не надо реформировать. И не политика, и не идеология. Христос сегодня – Тот же самый, что был на Фаворе, являя ученикам Божественную сущность, Тот же, что при Крещении, где Дух «в виде голубине» сходил на Него, Тот же, что на Голгофе и при Вознесении.

Мы молимся Христом данной молитвой «Отче наш...» и теми богодухновенными молитвами, что переданы нам от святых отцов. Им они внушены Божиим откровением. А какие жизненные и молитвенные подвиги свершили те, кто составлял молитвенные правила, последования церковных служб! Что говорить! И что дерзать при нашем малодушии и маловерии что-то добавлять или изменять!

Довод, что церковнославянский труден для изучения, серьезной критики не выдерживает. Все дело в том (об этом говорилось выше), что церковнославянский язык – это, по сути, не язык, а молитва. Неслучайно его ценность сравнивается с чудотворной иконой. Язык Божественной литургии становится понятен уже после 20–30 литургий. Много? Вспомним, как настоятель одного монастыря го-

ворил о недостатках молодого инок: «Ничего, лет за 10–12 они исправятся». Нам некуда спешить – мы живем в вечности. Язык священной молитвы не может изучаться вне молитвы. Изучение церковнославянского языка – это и есть воцерковление. Выступающие против него (языка) или за его осовременивание выступают против воцерковления. Если какое-то выражение не поддается сразу истолкованию, ничего особенного – постепенно оно прояснится. Вспомним опять же, как инок говорит старцу, что не понимает смысла молитвы. «Ничего, читай, бесы понимают и трепещут», – был ответ.

Мы поднимаемся к молитве, а не опускаем ее до своего слабого понимания. Постижение языка молитвы – это наше восхождение по лестнице. Никому еще не удавалось одолеть лестницу в два прыжка. Она требует прохождения каждой ступеньки. Есть тайна воцерковления, неподвластная нам. Воцерковление свершается независимо от нас, и не скоро, не быстро – в свои, единственно полезные для нас сроки. Ты читаешь утренние и вечерние правила, стоишь на службе, слушаешь батюшку, обретаешь духовника, посещаешь святые места, читаешь великие книги столпов Православия... Все же не сразу.

И вот ты уже приходишь к тому, что язык Церкви становится тебе не только понятен, а он уже твой, родной, он в тебе, он единственный, на котором тебя услышит Господь.

По-прежнему все впереди

До осени 1968 года я всюду писал и печатался. Пропивая в Сандунах свои гонорары, мы обычно шу-

тили так: «Старики, а ведь мы – писатели». – Тут пауза и дальше хором: «Но неплохие!»

А осенью шестьдесят восьмого на ходу, в метро, открыл свежий номер «Нового мира». Пробежал оглавление: «Бухтины вологодские завиральные». Конечно, начал с них, ибо у вятских с вологодскими историческое противостояние. Когда в вятских лесах нет белок, значит, вятский лесник проиграл их в карты вологодскому. На первой же станции я выскочил из вагона, помчался наверх. Мне надо было куда-то приткнуться, чтобы остаться одному. То, что я начал читать под землей, меня потрясло. Примерно такое же потрясение, с годами исчезнувшее, было при чтении «Одного дня Ивана Денисовича». Но там была политика, сенсация, разоблачение. А на них далеко не уедешь. Здесь же было все настолько просто, все такое пережитое мною, моей родней, моим народом и написанное с такой легкостью, с таким юмором, обличающим высочайший талант, что читал, забывая дышать. Вцепился в журнал, боясь, что он исчезнет, как приснившийся. Дочитал и поднял голову. Я сидел у подножия памятника Пушкину.

Я понял, что жизнь моя, как писателя, закончилась. Писать после вот этого, написанного не мною, было бессмысленно. А ведь прочел о том, свидетелем чего был сам, сам испытал все эти издевательства над народом в послевоенные и в кукурузные времена, гонения на Церковь, обнищание людей, давление идиотской идеологии марксизма-ленинизма, снос деревень, высокомерие и хамство номенклатуры, нищету людей и их незлобие, их терпение и объединяющую всех нас любовь к Отечеству. Да, был «уже написан “Вертер”» и всякие «штуки посильнее “Фауста” Гете», но до «Во-

логодских бухтин» им было как до звезд. Там была литература, здесь жизнь.

С боязнью и трепетом начинал читать «Привычное дело». И недавно, спустя сорок лет, перечитал. И вновь, как и при первом прочтении, разревелся в том месте, когда Иван Дрынов сидит на могиле Катерины и потрясенно и безропотно спрашивает жену: «Катя, ты где есть-то? А я вот, а я вот, Катя...» И горе пластает его на холодной земле. Ни разу не посмел я спросить Василия Ивановича, как он писал эти строки? Думаю, он и не помнит. Думаю, многие страницы беловской прозы написаны за него его ангелами.

Счастлив я, имея в этой жизни брата во Христе Василия. Счастлив, что жил во времена создания великого «Лада» – этой поэмы о России, о русском народе. Это подвиг, равный «Словарю великорусского языка» Владимира Даля и «Поэтическим воззрениям славян на природу» Афанасьева. Даже больше. У Афанасьева все-таки очень силен элемент язычества, а у Белова все освещено фаворским сиянием христианства.

Помню трескучую зиму 79-го, когда впервые приехал в Тимонику. Тогда же начал снимать родину Василия Ивановича его друг Анатолий Заболоцкий. Мороз был такой, что не могли завести машину. Ходили за кипятком на ферму.

Баню топили. Ту самую, о которой есть знаменитое стихотворение «По-черному топится баня Белова» и из которой когда-то в ужасе выскочил японский профессор, крича: «Тайфун!» Тогда же я с размаху, выходя из дверей, треснулся головой о верхний косяк. Вскоре приложился и Анатолий. Василий Иванович, огорченно охая, все приговаривал: «Да что ж вы это все о косяк-то трескаетесь? И Передреев, и Горышин, и Горбовский, и Женя Носов.

Личутин же не треснулся. И ни Абрамов, ни Балашов». – «А Астафьев трескался?» – «Он вас поумнее, заранее нагнулся». Когда в Тимонику, эту священную Мекку русской литературы, поехал Распутин, я предупредил его насчет косяка. Он поехал, вернулся. – «Ну как?» – «Ну, как иначе, надо ж было отметить».

Помню гениальный ответ Белова на мои хвастливые слова. Мы сидели с ним, и я, раздухарившись, заявил: «А ведь я, Василий Иванович, тебя перепису». Он посмотрел и серьезно спросил: «От руки перепишешь?» Слышите, нынешние молодые? Займитесь. Это будет великая школа. Не все же Чехову лермонтовскую «Тамань» от руки переписывать.

Вообще зря сейчас замолчали и не обсуждают роман Белова «Все впереди». На него тогда так торопливо набросились, так вульгарно и примитивно истолковали, будто речь о грядущей схватке евреев и русских. Если бы только так. Конечно, евреи, как всегда, как люди попредприимчивей, настригли с перестройки побольше купонов. Но благодаря им и русские зашевелились. Но все это видимый, верхний и безвредный для основ жизни слой. На самом же деле все сложнее и страшнее.

Перестройка и демократия, как способ дальнейшего уничтожения России, набирают обороты. Врагам нашего спасения ненавистна русская культура, и особенно наша любовь к России. И тут врагам России будет абсолютна безразлична национальность любящих ее. Ты не хочешь променять Родину на общечеловеческие ценности? – умирай. Для тебя Христос дороже жизни? – умирай. Для тебя Русская земля не территория, а мать – сыра земля? – ложись в нее. Вот что такое – все впереди.

Так кто же спасется? И как спастись? Но об этом к следующему юбилею Василия Белова.

В бою не застенчив

Предваряя беседу с известным сегодня прозаиком, главным редактором журнала «Москва» Владимиром КРУПИНЫМ, хочешь не хочешь, а вспоминаешь всячески обруганные и заклеянные «застойные времена». Глядя на то, что происходит в литературе сегодня, поражаешься: как тогда все было ясно и определено, как просто было выловить все по-настоящему одаренное, как легко было отличить конъюнктурщика и лакировщика действительности от писателя, художника... Та честность, искренность, своя, ни на кого не похожая интонация, сразу выделили Владимира Крупина в особый ряд писателей, которых называли тогда «деревенщиками». Сегодня этот термин совершенно справедливо забыт, ибо значение прозы, обозначенной им, было и остается поистине общечеловеческим. И если вдруг в свое время вы прошли мимо «Живой воды», «Ямщицкой повести», «Бокового ветра», «Повести о том, как...», «Прости, прощай», «Варвары», настоятельно рекомендую вернуться к этим и многим другим замечательным повестям и рассказам русского писателя Владимира Крупина.

Илья Толстой: «Жили вятские мужики плохо, но этого не знали. Жили и жили. И думали, что живут хорошо. Но пришел захожий человек, сказал им: “Чего это вы так живете, что хуже вас никто не живет?”» Владимир Николаевич, эта сказка деда Кирпикова из «Живой воды» писалась Вами, когда мы, «вятские», жили еще хорошо. Какое бы она получила продолжение сегодня?

Владимир Крупин: Пресса нам внушает, что мы нищие, живем хуже некуда... Но кто объяснит мне, по-

чему Запад, да и Восток, с таким напряженным интересом снова всматривается в нас? По-прежнему Россия – сфинкс. Мне кажется, что, когда будет разгадана загадка России, кончатся тайны мира, кроме каких-то высших, творческих. Поэтому я, например, не знаю, что такое жить плохо. Многие считают, что если их не окружает роскошь, если они не пользуются всеми благами цивилизации, не ездят на машине, не едят изысканных блюд, значит, живут они плохо. А я всегда вспоминаю жившую в нашем селе Аннушку-нищенку. Всегда такая чистенькая, аккуратная. Всем она несла радость, привет, все ее любили. Так вот, она говорила: мне какая вещь на дню три раза не понадобится – я ее выкину. Вот отношение к жизни. Поэтому люди сейчас делятся и размежевываются даже не по национальному признаку – это ужасно, когда кровь начинает говорить; кровь тоже есть тайна, она давным-давно перепуталась. Я бы их разделил на тех, для кого главенствует материальное, и тех, для кого важнее – духовное. Недаром во всех религиях, будь то православие, мусульманство или буддизм, – всюду есть самоограничения. Так что для начала нужно определиться: что такое «жить хорошо»? Если сегодня сидеть дома, слушать радио, смотреть телевизор и читать газеты, то хоть не живи – везде тупики. А выходишь на улицу – ничего. Не погибли. Люди с голоду не падают, одежда без заплат. А ведь могло быть хуже.

Всегда люди говорили о равенстве, ибо разговор о равенстве – это разговор о справедливости. Но есть всеобщее неравенство, повальное неравенство: старик не равен ребенку, женщина – мужчине, короткий – длинному. Это неравенство физическое. А есть еще неравенство духовное: существуют люди талантливые, выделенные особой метой, есть – бездарные. Но кто из них живет хо-

рошо? Талантливый более ощущает несовершенство свое и мира, в котором он живет, а через это сильнее страдает. Бесталанный же мучается оттого, что завистлив. Тут все не так просто. Но есть вещи, которые зависят только от нас: порядочность, совесть, воспитание души. Вот начались перестройка и гласность, и мы узнали, что живем плохо. Люди стали больше ездить за границу, сравнивать, и сравнение это было явно не в нашу пользу. Причем это, может быть, явление чисто русское, не занесенное извне, а может, и занесенное – постоянное сопоставление себя с другими. Я долго никуда не ездил, а когда стал ездить, увидел своими глазами и роскошные витрины, и изобилие в магазинах, и разнообразное барахло. Но не мог не заметить и другого – тупиков бездуховности. Я ходил по Европе, как по музею, по миру, который в прошлом. Да, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль. Да, Лувр, Ватикан... А что дальше? Возникало иногда чувство, что главное у них в прошлом. Потрясающим открытием для меня стал Ближний Восток – Сирия, Ливан, Палестина. Ощущение силы, жизни, энергии, напора, ясности и воли. Я поймал себя на мысли, что это, может быть, самая древняя земля, которую я посетил, и вместе с тем страна живая, устремленная в будущее. Несешься в машине; за рулем набитого электроникой «мерседеса» араб. Скорость за 200 километров в час, а он мурлычет под нос арабскую песню. Они очень бережно хранят традиции. Рядом сидит переводчик, полудремет, потом кивает в сторону обочины: «Вон могила Авеля». Я вздрагиваю: «Как?!» Он равнодушно говорит: «У Адама и Евы были два сына – Каин и Авель. Каин убил Авеля, вот он тут и похоронен». Просто дрожь по телу: какая-то вдруг нервная система, идущая из глубины веков, напрягается. Потом тебе показывают вечнозеленую ветку, которая за

2000 лет ни разу не пожелтела. Ну и так далее. И тут же рядом реалии сегодняшнего дня: страна, живущая в непрерывной опасности, здравомыслящая, трезвая. Страна, которая учит своих студентов во всех краях земного шара. Страна с огромным будущим. Им ведь тоже есть что с чем сравнивать. Но измеряют они по-другому – по степени свободы, духовной раскрепощенности.

Всегда кто-то будет жить материально лучше. И если уподобиться сварливой бабе, постоянно попрекающей мужа тем, что у них квартира меньше, чем у соседа, жизнь действительно превратится в сущий ад. Поэтому, закольцовывая разговор о понятиях «жить хорошо – жить плохо», скажу, что они как основывались, так и продолжают стоять на догматах христианства – зависть, несребролюбие, негордыня и так далее.

И. Т.: Сегодня мы, безусловно, находимся на переломе, когда решается судьба России и народов, которые она объединяла. Вы, как человек думающий, не могли не прогнозировать, что нас ждет. Каким Вам видится наше будущее?

В. К.: Не знаю. Наша страна настолько непредсказуема, что если, к примеру, поднять газеты 1985 года, начала перестройки, там не найдешь и намека на то, что мы имеем сейчас. Пожалуй, один из немногих, кто не ошибся в прогнозах за последние 30 лет, – это Игорь Шафаревич. Что ему дало такую возможность? Видимо, то, что он как личность не был подвержен сиюминутным поветриям, не бегал задрать штаны ни за одной модной идеей, вынашивал их в себе. Он глубоко православный человек – теперь об этом можно сказать, – и это, видимо, имело значение. А я предсказывать не берусь, да и хорошо ли? Понятие достаточности, рынка – это нормально. Но понятие плана считаю неестественным. Как

планировать свою жизнь, если завтра мне может упасть на голову кирпич! Нам предсказано второе пришествие, и все приметы конца света налицо: лжепророки (правда, смешные лжепророки – экстрасенсы, лопаются как мыльные пузыри, их сразу высвечивает корысть), катастрофы, глады, моры, землетрясения, наводнения, пожары – все уже сбылось, а люди живут. И надо жить. И думаю, что и завтра живы будем.

Вспоминаю себя молодого. Мне сейчас кажется, что я всегда знал то, что знаю сейчас. С молодых лет страдал и мучился за Отечество. Вначале, по примеру Зои Космодемьянской, Александра Матросова, хотелось умереть за Отчизну. Потом я понял, что лучше все-таки за Отечество жить. Ведь культ гибели – на миру и смерть красна, культ революционный – в общем-то вреден. Ибо человек, который хочет умереть, перестает многим дорожить. Зачем, если он сейчас пойдет на эшафот? Это была очень жестокая мечта. Так вот, боль за Россию жила во мне всегда. Причем за такую Россию, какой она и была в действительности, – многонациональную, многоязыкую. Я рос в вятском селе. А рядом были деревни чувашские, марийские, татарские, удмуртские. Эти народы постоянно жили рядом. Но что важно подчеркнуть – не было смешения. Да и лишний раз друг к другу не бегали – за солью, за спичками ходили к соседям. Но все прекрасно знали – скоро сабантуй. И все ждали, потому что татары делали праздник, на который собирались из всех близлежащих деревень, независимо от национальности. Представить, что там могло что-то случиться, что кто-то кого-то избьет, ранит, убьет, – невозможно. Никакой милиции не было, и татары, делавшие этот праздник, брали на себя ответственность за порядок. Так же собирались и на ма-

рийские, и чувашские и наши, русские, праздники. Вот образец национального сосуществования.

Это уж потом началось: татары любят лошадей – ликвидируем, не едят свинину – давай-ка им организуем свиноферму. Марийцы не хотят сеять кукурузу – выдерем у них весь лен, который они исстари выращивали. Ах, не хотят вместе жить – соединим в колхоз «Интернационал». Так же были задеты глубокие нравственные чувства старообрядцев. И уж последнюю лепту в процесс национального разобщения внесли тогда, когда стали убивать все национальное. Когда обвиняют в этом «Москву», имея в виду именно русских, – это дико и несправедливо. Не было никакой «руки Москвы» – были руки партийные, ведомственные, министерские, аппаратные, – Россия тут ни при чем. Это не значит, что национализма нет. Есть русский национализм. Есть армянский, азербайджанский, литовский – какой угодно. Но он вспыхивает тогда, когда что-то неблагополучно, когда в нации просыпается инстинкт самосохранения. Национализм – это реакция на космополитизм, когда всех хотят переделать на одну колодку. Поэтому национальный вопрос такой напряженный, и я предвижу, что нас еще ждут потрясения. Правда, я бы их назвал не столько национальными, сколько административно-конституционными. Хорошо бы обошлось дебатами, криками, пусть ссорами, митингами – лишь бы кровь не лилась.

И. Т.: Я много поездил по стране, в том числе и по Вятской губернии, и был потрясен количеством брошенных, уже не умирающих, а умерших и истлевших деревень, поруганных, ограбленных церквей. Невыносимо больно смотреть на все это. Особенно когда видишь во круг плодороднейшие земли, нетронутую природу, прекрасные леса и реки. И остается только догадываться, ка-

кой могла быть тут жизнь. Как возродить крестьянский быт, российскую деревню?

В. К.: Предпосылки сейчас для этого есть все. Я имею в виду принятые Верховным Советом СССР законы, и прежде всего о земле и о собственности. Но что ходить вокруг да около: будут люди – будет возрождение. И дело даже не в деньгах. Приведу примеры, казалось бы, не связанные впрямую с тем, о чем говорим. Кто в той же Вятке знал о Слободском музее? Да никто не знал. Пришел человек, Матвей Гребенкин, пенсионер, его уже нет в живых. На сто десять рублей пришел. И года за два, за три создал такой музей, что он стал одним из лучших в Российской Федерации. Там была потрясающая купеческая комната: с мебелью, утварью, посудой – такое великолепие открывалось, такие глубины народного искусства, размеренности, осмысленности жизни (он, кстати, называл ее избой среднего крестьянина). Все это производило такое впечатление, что районное начальство перепугалось – ее даже пытались закрыть. Как это так – при проклятом царизме так хорошо жили. Планетарий, лучший в РСФСР, открыл. И все один человек.

Так же и с землей. Я был на Кавказе, в районе Кисловодска. И нас пригласил в гости один карачаевец. Когда сели за стол, я подивился изобилию: и молоко, и творог, и брынза, и различные мясные блюда, и овощи, и фрукты, и зелень – все выращенное своими руками. После обеда он повел меня осматривать хозяйство. Оказалось, что всю землю для огорода он перетаскал на собственных плечах, поскольку поначалу не то что техника – ослик не мог забраться в гору, где находится его дом. Пришел человек, хозяин, трудяга, и вокруг него появляется жизнь. И такие есть везде, в любом народе.

Мы у отца, трое сыновей, один другого здоровее были. Если бы, скажем, вернуть те времена, когда я окончил школу или когда старший брат пришел из армии, многое мы могли бы переверотить. Ведь старший брат на тракторе работал, младший – плотничать мог. А сестры у нас какие работящие! В семье все трудиться умели. Оба деда мои пострадали, их раскулачили, выслали в Нарымский край. И что любопытно – ирония судьбы. В Уржумский уезд, откуда выслали одного из моих дедов, прислали раскулаченных родителей Твардовского. Для Смоленска Вятка была глушью. А нас, Вятку, гнали уже куда подальше. И опять же – нет худа без добра. Господь не оставил: отец там Томский лесотехнический техникум окончил и был уже по тем временам интеллигенцией – лесничий. Не лесник – лесничий! Поэтому когда он за маму посватался, то она от него просто бегала: как так, простая колхозница, а он – такой – сватает! Но я отвлекся. А что касается восстановления российской деревни – этот вопрос от многого зависеть будет: от властей, Церкви и, конечно, от людей в первую очередь.

И. Т.: Сейчас много говорится о восстановлении поправанной в прошлом справедливости. Но на деле все происходит очень медленно и не там, где нужно бы в первую очередь. Я, например, убежден: все до единой церкви должны быть возвращены тому, кому они по праву принадлежат. Ведь до тех пор, пока в стране будут оставаться обезображенные и оскверненные храмы, развал будет сохраняться и в сознании людей и ни о каком гармонически развивающемся обществе не может идти речи.

В. К.: Именно так. С одной стороны, сама Церковь переживает сегодня нелегкие времена, с другой – идет активное сопротивление чиновничества, которое всячески старается воспрепятствовать возвращению, именно

возвращению (а то у нас хитрое слово придумали – передача) храмов Русской Православной Церкви. Разбойник отобрал – он обязан вернуть, да еще с поклоном, с извинениями. Вот не так давно я в числе других деятелей культуры подписал письмо о возвращении Покровского собора на Красной площади. И знаете, кто активнее всего препятствует этому? Ни за что не догадаетесь – музейные работники храма Василия Блаженного! А иконы древнерусского северного письма, присвоенные музеем им. Андрея Рублева? По высшему счету иконы никаким музеям не принадлежат, они церковные. И нигде в мире, в том числе и в славянских странах, нет никакого противоречия, антагонизма – и церковь, и музей. У нас во Владимире есть хороший пример: кто-то молится на творение рук Андрея Рублева, кто-то разглядывает светотени. Почему одно другому должно мешать?

И. Т.: Помню, как потрясло меня в Суздале сияние куполов над городом и какое пережил разочарование, когда понял, что большинство церквей – просто музеи, а в некоторых даже гостиницы расположены. Такой храм – как мертвый человек: внешне вроде тот же, но без души – лишь оболочка от прежнего. У меня вообще создается впечатление, что ради валюты некоторые сегодня готовы на все.

В. К.: Это – совершенно лакейское, холуйское мировоззрение чиновничества нашего, которое благоговеет перед Западом. А Вы посмотрите, как эти западные туристы бесцеремонно идут по Эрмитажу, Русскому музею, как они громко разговаривают, жуют, но раз платят долларами – пожалуйста... Да, Вы правы. Но есть, к счастью, и то, что радует. Например, часовня Рождества Богородицы на заводе «Динамо», где захоронены Осябья и Пересвет. Я туда пришел в первый раз в 1978 году. Страшное

это было зрелище. Долго за нее боролись: сколько было собраний, заседаний, просьб, писем и прочего. А люди делали дело. Некоторые по 50 воскресников отработали.

Мы все время говорим о смирении, о терпении, и это правильно. Но когда речь идет о святынях – тут нужно быть борцом. К сожалению, наше время показало, что и богослов может быть безбожником. Не нужно все это. Мы уже дожили до того, что пострижение в монахи снимается и показывается по телевидению. Почему Церковь-то на это идет? И мы видим, что Церковь становится вдруг слепком с государства и показывает нам образцы каких-то светских склок, интриг. Так что Церковь тоже переживает сегодня огромные трудности, испытания и искушения: гласностью, разрешенностью.

Безусловно, надо вернуть Церкви отобранное у нее. Но важнейший вопрос – кто придет, какой клир будет, какая духовная шкала будет у духовенства. Ведь оттолкнуть от веры может пустяк совершенный. Особенно вначале, тогда, когда в священнике видят нечто особенное. Вот у меня мать – верующая, а отец всю жизнь был безбожником. А почему? Он на квартире у попа стоял, а тот в пост сало ел. Вот и все. Но Бог-то при чем? В нашей деревне дядя Костя живет. Так вот он говорит: я в Церковь тогда пойду – и перечисляет три условия: когда храм будет отапливаться дровами; когда не будет электрического освещения, а только свечи, сколько принесут – столько и света; и когда батюшка пешком ходить будет или хотя бы на лошади ездить. А когда батюшку шофер подвозит – дядя Костя этого ужасно не любит. То есть он смотрит на личность.

Православие несуетно и консервативно. Но это и хорошо. В Западной Германии в одном из храмов я видел целое представление: один юноша играл роль змия, дру-

гой – Адама, и девушка – Евы. Изображалось грехопадение. Все это сопровождалось электронной музыкой. По экрану дисплея бежали слова псалмов – чтобы не трудились лишний раз, не учили. Пришли, посидели, посмотрели на грехопадение, на экран, спели хором – пошли. Мне все это показалось мероприятием. Это ощущение мероприятия, картонности, оперности было у меня и в Ватикане. Эти охранники в банановых штанах, кардиналы – мне все казалось, что сейчас грянет музыка Верди. Православие, оно строже и в то же время милосерднее, как-то оно умеет жесткость в отношении к человеку сопровождать любовью, прощением. Вот атеисты возмущаются: «Страх, страх перед Богом». А когда понимаешь, что страх этот рядом с любовью, – сразу становится легче. Хотя Вы говорите далеко не с праведником, а с человеком, погрязшим во тьме грехов. И вслед за Толстым повторяю: «Нет греха, которого бы я не совершил».

И. Т.: В обществе, в основном, конечно, в интеллигентской среде, произошло достаточно четкое размежевание на западников, цели которых совершенно конкретны и ясны, и, скажем условно, славянофилов, или тех, кто придерживается «русской идеи». Поскольку Вы тяготеете более к последним, охарактеризуйте, пожалуйста, хотя бы в общих чертах суть того, что понимается под «русской идеей».

В. К.: Это вопрос, на котором ломались не только копья, но и судьбы. Скажу сразу: мне не очень нравится само определение – «русская идея». Поскольку идея – все-таки нечто несущее в себе тактический замысел. Человек идеи – это скорее человек партии, поскольку партия не может без идеи. Само определение возникло потому, что «русской идеей» увлечены в основном люди пишущие и умствующие. Но она, видимо, все-таки не

зависит от наших благих пожеланий. Более того, вообще в тех потрясениях, которые испытала Россия, как раз и виноваты господа интеллигенты. Весь XIX век: «Все плохо, к топору зовите Русь», «На святой Руси пелухи поют». Что-то вроде нынешней оппозиции. Ведь как легко быть в роли критикующего. А «русская идея», она подспудна, сокрыта в духовной жизни народа – вот там ее и надо угадывать.

И. Т.: Мне бы хотелось подойти к этому вопросу в несколько другой плоскости. Проханов на VII пленуме правления СП РСФСР сказал, что «теперь в среде русских писателей возникло это ренессансное движение. Оно зародилось в патриотических писательских организациях, таких как “Товарищество Русских художников”, “Единство”, “Отечество”, захватило широкие круги культуры, вылилось в рабочую, научно-техническую, армейскую среду... Возникнув в недрах гуманитарных кругов, оно вышло на широкий форум, приняло участие в предвыборной борьбе... По существу, это зародыш будущей партии национального возрождения». Все это так. Но мы же знаем результаты выборов, знаем, что кандидаты патриотического направления потерпели поражение. Почему, на Ваш взгляд, они не были поддержаны народом?

В. К.: Начну с конца вопроса. Люди у нас еще очень верят печатному слову. И вот это пока сработало. Потерпели поражение, потому что противники этого движения оказались более речистыми, более изворотливыми; у них в распоряжении оказалось больше печатных станков, рупоров, микрофонов. А может, и не только поэтому. Но я совершенно спокойно к этой ситуации отношусь. Повторяю: легко быть в оппозиции, в роли критика. Теперь, получив реальную власть, нужно доказывать на деле, чего

стоишь. Как сказал мне один умный мужик: «Мозоли должны быть на руках, а не на языке». Сейчас у многих мозоли именно на языке.

Что касается партии, о которой говорит Проханов. Я вообще-то человек, давно, с юности принадлежащий Коммунистической партии. Но если она самораспустится, надгробных стенаний от меня не услышат. Вместе с тем выходить из нее сегодня я тоже не собираюсь – как легко сейчас швырять партбилет, быть смелым. В партии я никогда никакой личной выгоды не искал. И не имел ничего, кроме обязанностей, кроме того, что тратил без конца свое свободное время на различные поручения. Так же и мой отец, братья, сестра. Но и в возникновении огромного количества новых партий я тоже смысла не вижу. Развернется с новой силой межпартийная борьба, и люди получат новую порцию ни на чем не основанных обещаний. Сколько их уже было! Собрать бы их все, вывесить – все вранье. А люди доверчивые. Вот и сейчас: одиссеевы сирены голосистее оказались у демократического блока – вот люди туда и приклонились.

Вы в своем вопросе упомянули западников и славянофилов. Но тогдашним оппонентам – и тем, и другим – дорога была Россия...

И. Т.: Кто-то из славянофилов писал примерно следующее: «Мы, как двуликий Янус, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»...

В. К.: Вот-вот. Теперешние же западники и славянофилы, к сожалению, заняты в основном борьбой друг с другом: кто кого уест посильнее. Хотя и там, и там немало честных, порядочных людей. Да, те, кто ратует за национальный путь развития, потерпели поражение. Но вместе с тем я по собственным наблюдениям, на примере собственной жизни убеждался не раз, что учат не по-

беды, а именно поражения. Если бы мы отдавали себе ясный отчет в том, что за семидесятилетнюю историю еще ни разу не победили, начиная с ужасов революции и Первой мировой войны, продолжая бездной Второй мировой войны, когда по соотношению потерянных людей, техники, пространства мы, конечно же, потерпели поражение. Если бы мы признались себе, что все это поражение, а не победы, мы бы гораздо скорее возродились.

Сейчас пришли к власти люди с западной ориентацией. Теперь у нас есть парламент, и консенсус, и квота, и рейтинг, и кворум, и не какие-то там преступники-вымогатели – рэкетеры, значит, уже есть движение. Все это – обезьянничанье, пение по чужим нотам. Куда мы пойдем? Не знаю. Необходимо учитывать, что мы живем в стране, необъятной по своим просторам. И из истории знаем, что суровость законов в Российской империи смягчается их невыполнением. Так что, возвращаясь к Вашему вопросу о прогнозах, могу только повторить вслед за мудрыми людьми: мы только тогда что-то поймем, когда с пяток начнем себя объедать. Тоскливо, но точно. Мой отец незадолго до смерти, послушав в очередной раз депутатские дебаты, сказал: «У них у всех будто голова в желудок опущена». Если так будет продолжаться, вряд ли можно ждать чего-то хорошего.

И. Т.: Владимир Николаевич, Вы говорили о том, что поражения нередко дают в понимании жизни больше, чем победы. Сыграли ли роль неудачи в Вашей судьбе?

В. К.: Мне повезло – я рос в трудовой семье. Отец работал лесничим, мама с нами сидела. Держали и огород, и корову – мы все время работали. И, хотя приходилось тяжело, сейчас вспоминаешь: было и счастье огромное. Мне с самого детства хотелось писать. В интервью литераторы часто говорят: «Я никогда не собирался стать пи-

сателем». А вот я всегда хотел стать писателем. Откуда появилось это желание, не знаю.

И писал. Сотрудничал с районной газетой. Потом ее расширили, перевели на 4 полосы, и меня взяли в штат. Мне тогда 16 лет исполнилось. Конечно, был еще и комсомольским активистом, членом райкома. Дважды пытался поступить в Уральский университет, но, по счастью, провалился. И что-то к этому времени стало подсудно назревать: то ли понимание, что чем-то я не тем занимаюсь, куда-то меня не туда несет, то ли еще что-то. В общем, ушел из газеты. Работал слесарем, ремонтником. Попал в армию, отслужил три года, причем служба была не теперешняя.

Повезло мне. В каком смысле? А если бы я из газеты да поступил прямиком в университет, на журналистику, то снова бы стал ездить, пугать несчастный народ. И считал бы, что я его осчастливил? Потом повезло, что начальственного покровительства избежал, что долго не печатали, не выпускали за границу. Повезло даже, тут и это надо сказать, что бывал и в пивных, – это такое живописное дно, причем там люди далеко не павшие, помните, по Достоевскому: «Человек, пока жив, может спастись». Мне все это очень помогло в познании народной жизни. А если бы все сложилось благополучно, что бы я знал? Я многое делал в жизни, что, казалось бы, не имело отношения к тому, чему посвятил жизнь. Но, как ни странно, это очень много давало мне в творческом отношении. Я так и вижу: чем больше ты во что-то вкладываешь нервов, души, жизни самой, тем более это потом оплатится, отблагодарится. Другое дело, что высшее нам, видимо, не дано воплотить. Толстой не кокетничал, когда говорил к старости, что вот только сейчас стал понимать, как надо писать. И Микеланджело утверждал

примерно то же. За каждую потерю – обретение. Поэтому, старея, лысея, седея, мы что-то, надеюсь, и получаем: какие-то духовные накопления, хочется сказать, но страшно – мудрость. Высшие взлеты, мне кажется, мы уносим все-таки на тот свет.

И. Т.: Писательство, как охота, – дело одинокое. И вот так же, как охотники, собираясь скопом, компанией, выпив и пошумев, выходя на промысел, больше распугивают, нежели добывают, так, мне кажется, и писатели, соединяясь в группы, проводя бесконечные сходки и говорильни, литературу просто отпугивают. Вообще, вся ситуация, сложившаяся в писательской среде, на мой взгляд, не на пользу литературе. Политика, проникая в нее, как вирус, разъедает живое, духовное – убивает нечто такое, чему трудно дать точное определение, но что, собственно, и делает литературу литературой. И то, что за последнее время мало написано значительных произведений, – тому, видимо, подтверждение.

В. К.: Политика сегодня влияет на литературу. А смысл политики – борьба за власть. Я никогда не соглашусь с мнением, которое довелось услышать, что, мол, Белов и Распутин занялись политикой оттого, что исписались. В них просто очень сильно развит толстовский синдром – «Не могу молчать!». Они не могли остаться в стороне в труднейший для страны момент. Например, Валентин Распутин, хоть он и участвует во всей этой политической борьбе, только что передал мне для журнала работу – не знаю, как по жанру определить: это и не очерк, и не статья – это именно распутинское – о преподобном Сергии Радонежском. Уверяю Вас, что ничем не хуже прежнего Распутина; это каждый раз какое-то новое качество – глубина мысли при сдержанности высказываний, достижении краткости, ясности мысли. А в

основном, к сожалению, идет именно борьба за власть. Что такое власть в Союзе писателей? Нельзя представлять себе, что это нечто призрачное. Это отнюдь не так: это тиражи, это издательства; это в конце концов, влияние на умы. Стараешься быть от этого подальше, поскольку противно бывает до брезгливости, но не всегда получается. А в стаи сбиваются писатели от бездарности, хоть ты лопни – это так. Ему недодано. Он знает, что живет, пока живой, вот и старается урвать. Талантливый писатель шарается от власти. И, хотя талант от нас не зависит, порядочность, совесть, сдержанность, терпение – это-то ведь каждому человеку доступно. Я не беру на себя смелость судить или быть над схваткой, просто говорю о своих наблюдениях: люди небольшого таланта в этой борьбе теряют остатки способностей; одаренные, к сожалению, начинают писать хуже.

Когда я слышу жалобы, что того или того-то не печатают по каким-то групповым соображениям, я в это не верю. Я не верю, что сегодня талантливая вещь не будет напечатана, – теперь вообще всех печатают. Левые, правые, серо-буро-малиновые – все ищут смелые, оригинальные, талантливые произведения.

Не знаю, чем все это кончится. Сейчас слышно тех, кто громче кричит. У меня одна надежда – на читателя. На кого еще можно надеяться? «И как нашел я друга в поколении, читателя найду в потомстве». Вот на это хочется надеяться. А борьба? Борьба есть и будет. С треском от нас отдираются писательские организации: прибалтийские, видимо, то же будет и с кавказскими, может быть, и со среднеазиатскими. Но вот в чем штука: этот процесс, при всей его болезненности, естественный. Поскольку в литературе национальный элемент – самый важный. Язык!

То, что русский является языком межнационального общения, – это нормально. Но он много и потерял, пострадал оттого, что докатился до утилитарности. Его, подобно английскому, здорово покалечили. Я не про-рок, но вижу, что теперешний английский язык Диккенса нам уже не даст. Слава Богу, явление Распутина, Астафьева, Белова, Носова, Шукшина, Троепольского, Абрамова, Тендрякова, Овечкина, Яшина говорит о том, что русский язык еще жив. Превращаясь в средство общения между народами, он, хочешь не хочешь, упрощается. Слова должны активно употребляться. Как в природе: если какой-то орган не развивается, он постепенно, в процессе эволюции, отмирает; так и слова: без употребления уходят в небытие. А потом, говоря словами Заболоцкого, «мертвые слова, как в улье запустелом», будут шелестеть потихоньку, уходить в словари. Но ведь сокращение слов в языке показывает снижение уровня мышления нации...

И. Т.: Усыхание мозгов...

В. К.: Конечно. Тыканье в кнопки компьютера угрожает тем, что человек сам становится роботизированным. Приглаживаясь и упрощаясь, язык перестает быть живым, превращается в набор клише, начинает обслуживать лишь потребности физической, но не духовной жизни.

И. Т.: Кстати о штампах. Вам не кажется, что современная жизнь настолько уводит человека от самого себя, что постепенно обезличивает его? Мы редко остаемся наедине с собой, когда только и может происходить наше полноценное духовное развитие. Общение, митинги, телевидение, чтение газет: человеку постоянно подбрасываются готовые политические блоки, штампы, и уже не разберешь: где свое, а где – чужое.

В. К.: Стадность – это всегда ужасно. Митинговая стихия превращает личность в человека толпы, в плохом смысле этого слова, человека черни, по выражению Блока, человека-недоумка – не будем искать более мягкого слова. Личность не может созреть в толпе. Мысль – дитя сомнения и одиночества. Но Вы знаете, на одиночество, на уединенность способны только сильные люди. Многие сегодня уже не могут без включенного телевизора, не могут, чтобы кто-то не бормотал. У одной женщины, которую я знаю, телевизор автоматически включается, когда она приходит с работы, – так его воспитала.

Одиночество, подвижничество очень для многих непереносимо. И не понимают, что дух-то как раз исходит от молчания. Есть притча давняя, как одна богомолка без конца обращалась к Всевышнему: Господи, дай того, другого, третьего – все требовала, требовала и потом возопила: «Господи, ну почему Ты мне ничего не отвечаешь?» А он ей говорит: «Да ты мне слова не даешь вставить». Так что надо все-таки иногда и молчать, даже в молитве.

И. Т.: Ну и последний вопрос. Он Крупину не писателю, а новому главному редактору журнала «Москва»...

В. К.: Я долгие годы был членом редколлегии журнала «Новый мир». В то же время печатался и поддерживал «Наш современник». И теперь меня спрашивают: что это будет, второй «Новый мир» или второй «Наш современник»? Но это ведь никому не нужно. Должен быть единственный в своем роде журнал «Москва».

С моим назначением не очень-то ловко все получилось. Объявили давно. Я был в двусмысленном положении, не соглашался. Наконец согласился. Потом загорелся, раз уж согласился. Затем чуть не загас, потому как очень медленно все свершалось. Но, как моя мама

говорит: «Впрягся – так не вылягивай». А планы вполне конкретные: нужно работать на соединение людей, на то, чтобы как можно больше любви разливалось в этом мире. Ведь сказано в Писании: когда любовь разольется, то утишатся и страдания и горе. А как это делать? Давать больше духовного чтения, через публикацию неоправданно забытого, через просвещение – в прямом смысле. В прозе и поэзии я, как и любой другой редактор, не могу ничего организовать, тут уж как Бог даст. Вот веду переговоры с Виктором Астафьевым. Конечно, раз он был в числе тех, кто меня рекомендовал на это место, конечно, он даст что-нибудь. Вместе с тем ждать только от именитых писателей – тоже ненормально. Надо ставить на новые имена. Надо искать – читаю до покраснения глаз. Вот очерки, публицистику, критику организовывать и можно, и должно. Здесь бы хотелось все-таки избавиться от крайностей, которыми грешат иные наши издания. Но и быть над схваткой, и оставаться в стороне от сложностей современной жизни – негоже. Тогда слишком легко жить, когда ты этакий либерал. Ну а каким быть? Нужно все-таки отталкиваться от понятий: Родина, Отечество, Держава, Государство – такое время напряженное, что надо эти понятия смыкать. У нас нет запасной Родины: нам тут жить, тут умирать. Конечно, личность главного редактора играет большую роль. Он должен создать, выражаясь физически, магнитное поле. Какое оно будет? Кого станет притягивать, кого вовлекать в свою орбиту и сферу – вот что важно. Мне бы очень хотелось, чтобы потянулись на огонек «Москвы» не те, кто преследует в литературе корыстные цели, а люди совестливые и талантливые. Получится ли это, не знаю. Ссоры, во всяком случае, неизбежны. Я уже со многими ссорюсь. Но если начну жаловаться и хныкать, это будет не по-мужски:

нормальные трудности. Я человек, к сожалению, иногда слишком мягкий. Но вместе с тем, когда дело доходит до принципиальных вещей, упорства хватает, иногда даже упрямства. Я не хотел бы, чтобы обо мне кто-то сказал, как Суворов об одном офицере: «В бою застенчив».

А закончить хочу вот чем. Я отца похоронил, и он не снился мне долго. Есть примета такая: когда не видишь во сне, значит, он не обижается, а когда увидишь – напоминает, надо свечку поставить, значит. Один раз я увидел его, но так тяжело, что и рассказывать не хочу, а вот о втором рассказу – очень мне сон запомнился. Будто бы вижу село свое, но вместе с тем оно как будто не мое. Оно и не оно. Потому что так уж там хорошо, такое благолепие. И не день, и не ночь. Ни звезд не видел, ни луны, ни солнца. Как северная ночь. Какое-то ровное, ровное сияние. И не зима, и не лето – такая теплая свежесть. Все вокруг в полной красоте и силе: и тополя, и березы, и травы. Не помню, босиком я был или обутой, потому что пыль помню на дороге – такая легкая. Все серебристое. Потом церковь удивительной красоты – вся светится. И вот думаю: что-то я загулялся, отец-то ждет, беспокоится. (А где я был, где гулял – не знаю. И какого возраста – тоже не знаю: то ли молодой с гулянки шел, то ли теперь?) И сильно ждет. Думаю: надо идти, пора. А в доме нашем света нет, и вокруг так тихо, так тихо, но небезжизненно. Просто птица летит – тихо вверх. Собака бесшумно пробежала, овцы. Так все радостно, так как-то душевно спокойно. Лишь одно беспокойство – отец ждет, надо идти. Подхожу к дому и думаю: а может, он уж уснул, а я начну стучаться и как-то обеспокою? Уж лучше потихоньку сам открою и лягу, чтобы его не беспокоить. Но, думаю, дай хоть еще посижу. Крыльцо какое-то удивительно красивое. Сижусь, и там так мне хорошо так уж

мне, не знаю, бестрепетно, бестревожно. Но надо идти. Поднимаюсь, начинаю искать ключ. Ищу, ищу – вот тут проснулся. Рассказываю жене: знаешь, я видел тот свет и мне не хотелось возвращаться. Она говорит: тебе не надо так много работать, – женщины, они умеют приземлить. Но если это тот свет – умирать не страшно. Тем более что отец меня ждет. Но ключ я не нашел – пока он меня еще отпустил сюда. Хороший сон, радостный, легкий. Надо жить. Умирать рано.

Мысль — дитя сомнений и одиночества

Марина Ларина: Сейчас все интеллигентские кухонные разговоры, недовольство властями, сплетни, интриги – все заменилось тревогой: идет ли уже третья мировая, затронет ли нас? Как вам видится происходящее в мире?

Владимир Крутин: Оно видится лучше не из Москвы, а из глубины России. Этот год у меня счастливый, я много жил в Вятке, в родном доме, том самом, откуда сорок один год назад меня увезли в армию, в Москву. Война? Конечно, идет. Земля вообще непрерывно омывается кровью с момента братоубийства Каином Авеля. Все мы стремительно подвигаемся к неизбежности Страшного суда. И то сказать: время атеизма сменилось на время сатанизма, а сатане главное – ввергать людей в преступления. Столкновение Америки и мусульманского мира было неизбежным, его во многом спровоцировала сама Америка, но нам в этой ситуации надо бы держать достойный нейтралитет. Мы сильная страна, чего нам суетиться, чего шестерить перед Бушем? Конечно, очень жалко безвинно погибших, но наше соболезнова-

ние должно звучать так: глубоко скорбим по поводу того, что американский народ вынужден такой дорогой ценой платить за политику своего правительства. Покаяние, осознание вины перед Творцом – вот путь к спасению. И Россия к спасению ближе остальных стран. Она больше других страдает, но опять же вспомним: кого Бог любит, того наказывает.

М. Л.: То есть, по-вашему, вся надежда на Господа.

В. К.: Больше надеяться не на кого и не на что. Судите сами: на наших глазах распался Советский Союз. Что ж это его не удержала военная мощь стран – участниц Варшавского договора? Что ж так быстро обрушилось славянское единение? Совет экономической взаимопомощи – это же тоже не пустые слова, была взаимопомощь. И что еще скрепляло, кроме военной мощи и экономики? Конечно, идеология, учение Маркса, «Моисей» последних времен, объявлялось всемогущим, где оно? То есть ни оружие, ни экономика, ни идеология не смогли удержать братство народов. Вместе с тем оно необходимо для противостояния злу. Что же может нас сплотить? Только вера в Бога. Только понимание, что мы братья и сестры во Христе.

М. Л.: Значит, сейчас последние времена?

В. К.: Последние времена начались с момента Вознесения Христа с Елеонской горы. Но в наших силах эти времена продлить и отодвинуть. Нельзя поддаваться крикам, что наступили времена Гоморры и Содомы. Нет, слава Богу, мы пока в Ниневии. А жители Ниневии также были приговорены к гибели за разврат и жадность. Но они, в отличие от жителей Содомы и Гоморры, покаются. Царь ниневитян оделся в нищенское рубище, сел на дорогу и посыпал себе голову пеплом. И помилована была Ниневия. Вот наш путь.

М. Л.: Как-то не очень представляется Путин в лохмотьях, сидящий на Красной площади и кающийся.

В. К.: Прижмет, и сядет. Золото ничто по сравнению с жизнью. России ставятся неверные ориентиры – путь материального благополучия. Путь России – духовный путь. Духовное тело мира – славянское тело. А что бывает с телом, когда из него выходит душа?

М. Л.: Далеко не все разделяют с вами такие взгляды.

В. К.: О Боге? Душа же бессмертна. Я уже на темы религии и не спорю и никого ни в чем не убеждаю. Просто говорю: ты что, бессмертен? Нет, тоже умрешь, как любой из родившихся. Сколько ты еще проживешь? Двадцать, тридцать? Пусть пятьдесят лет, все равно же это крохотное время, вот там и встретимся.

М. Л.: А если нет?

В. К.: С вами тоже встретимся. Вот встретимся ли с золотым миллиардом – сомнительно: весь будет в аду.

М. Л.: Мы упомянули президента. Ему был выдан кредит народного доверия. Оправдывает он его?

В. К.: Не начальство, а мы сами виноваты в своих бедах. Путин настолько останется в истории России, насколько он поймет, что у России свой путь, своя миссия в этом мире. Быть лучшим другом Буша несложно, надо только одобрять бомбежки и гибель мирного населения от них, а вот сказать твердо: у России было великое прошлое, она во все века сдерживала зло в мире, и поэтому у России будет великое будущее, – тут надо нечто большее, чем владение немецким и английским. Уже чувствуется, что ему начинает нравиться быть хорошим, это тревожно.

М. Л.: Обратимся к литературе. Сейчас выходит книг в несколько раз больше, чем десять-пятнадцать лет назад. Но почему же значение литературы так упало?

В. К.: По заслугам. Наказание за гордыню, за возношение, за то, что писатели хотели быть пророками, вещать. Прикармливались изрядно. Так что полезно пожить после дворцов в хижинах. Хотя хорошая литература никому не нужна, я имею в виду идеологию времени, нужна обслуга: поднимает партия целину, сочиняй, пишущая братия, стихи и романы о том, как губят землю. Сажает партия кукурузу, пиши кукурузе оды. Писали же.

М. Л.: А сейчас?

В. К.: Сейчас задание – представить Россию криминальной, пьяной, так что пиши и снимай детективы, чернуху, порнуху, раздевай женщину, превращай любовь в партнерство, показывай и пиши про насилие, кровь, а больше того, покрывай все слоем пошлого гоготания над всем... И что? И это все исполняется пишущими, снимающими, играющими.

М. Л.: Вычитала у вас выражение: кого Бог любит, того прячет...

В. К.: Ну, поменьше надо мелькать, прятаться надо. И еще есть выражение: чем человек значительнее, тем он незаметнее.

М. Л.: Но вы часто выступаете...

В. К.: Значит, пока незначителен.

М. Л.: Каждое ваше выступление вызывает дискуссию.

В. К.: Не нарочно же я говорю, чтоб кого-то задеть, говорю то, что думаю, вот и все. Сказал свое мнение об исторической прозе, обиделись Личутин и Сегень. И Проскурин. А Балашов, светлая ему память, понял меня. То есть, по-моему, проза эта – фантастика наоборот. Ну не бегал же автор романа с магнитофоном за Иваном Грозным. Даже уже и мысли читают. О чем ду-

мает патриарх, сидя в ссылке. Или обиделись писатели, когда я говорил о гордыне литературы. Она же не приводит к спасению, она действует на чувства, душевна. А спасение должно быть в духе, духовно. Разные же вещи. Вот если бы художественная литература приводила к чтению литературы святоотеческой, вот это ей бы зачлось. А так в лучшем случае она взывает к нравственности. Или выступил с русской идеей, сказал: ну что копыя ломать? Русская идея – это Православие. В нем все: и народность, и государственность, и стояние на земле, и вписанность в вечность. Нет, надо умничать, затевать новую бердяевщину.

М. Л.: Но писательство от Бога или от лукавого?

В. К.: Талант всегда от Бога, а использование таланта – это как раз та самая данная нам свобода. На кого мы работаем, от того и получим награду. Многие уже и при жизни получают.

М. Л.: Например?

В. К.: Можно без фамилий? На стариковские седины не поднимается рука. Сколько было классиков при жизни, сколько было объявлено гениальными произведений, где они? Авторы живы, книги забыты. Вот и плата. Писателям спастись очень трудно. Они впадают в два тяжелейших греха: они судят раньше Божьего суда и они мнят себя творцами. Один в мире Творец – Господь. Мы не творим, а вытворяем.

М. Л.: Ну, Владимир Николаевич, как же вы сами-то пишете? Грешно.

В. К.: А я давным-давно ничего не выдумываю. Начиная, может быть, с «Сорокового дня» пишу только от первого лица и о том, что сам видел и пережил. Я просто свидетель эпохи. Что-то при мне случилось. Что видел, то и записал.

М. Л.: Помнится, в «Сороковом дне», еще в 81-м, вы сравнивали Останкинскую башню со шприцом, который вливает в эфир разврат, пошлость и насилие...

В. К.: Ой, мне бы не хотелось ни о «Сороковом дне», ни о «Живой воде». Я написал десятки повестей, роман, сотню рассказов, а мое имя связывают только с этими повестями. Вышли они в свет искалеченными, изрезанными **редактурой и цензурой**, а критика вспоминает только их. Мне ничуть не менее дороги повести «Крестный ход», «Великорецкая купель», «Прощай, Россия, встретимся в раю», «Слава Богу за все», «Как только, так сразу», «Люби меня, как я тебя», «Мы не люди, мы – вятские», «Ловцы человеков», а говорят только об этих давних. Беда в том, что мне их уже не восстановить, у меня дважды был пожар в квартире, на второй раз она выгорела вся. Вместе с книгами, картинами и рукописями. У меня рукописи горят, они же из бумаги. Вообще, пожар облегчил мне жизнь. Сохранились бы рукописи, переиздал бы «Сороковой день», «Живую воду» в полном виде, и что? И кто бы из критиков прочел? Да ни в жизнь.

М. Л.: А вообще, какие у вас отношения с критиками?

В. К.: По-моему, никаких. Да я и сам критик. Я сотни статей написал, всяких предисловий десятки, много писал о русском языке. Последняя **работа о его непереводимости и непонятности для иностранцев**: «“Ол-райт”, – сказал Емеля».

М. Л.: А молодые писатели тянутся к вам?

В. К.: Уже меньше. Хотя я их люблю и жду от них многого. От Артемова, Козлова, Попова, Николаева, Трапезникова, Сегеня, Громова, Смоленцева, Переяслова, Хабарова, Семенова, Богомолова... То есть они уже не

молодые и не вслед идущие. Они уже реально влияют на литературный процесс.

М. Л.: Дышат в затылок?

В. К.: В литературе не должно быть спортивных терминов, соперничества. Все решит время. Надо каждому из нас умереть, а потом подождать хотя бы лет двадцать. Куда спешить русским писателям? Россия, в отличие от остального мира, живет не во времени, а в вечности. То есть хорошо бы нам хоть как-то заработать прикосновение к ней. Биологически-то мы во времени. Вот я проехал юбилей, шестьдесят лет, и почувствовал, какой я старый. Оформляю пенсию. И, видимо, придется выходить из Союза писателей. Мне бы и не хотелось выходить, но пенсия так мала, а живу я так трудно, что даже не знаю. Не жена бы, не знаю, как бы и жил. Еще же и дети.

М. Л.: А вообще, как вам работается?

В. К.: Нормально. Правда, много суеты, поездок. Сейчас делаю «Православный детский календарь» и «Библейский словарь для детей», готовлю переиздание своей «Православной азбуки». Эти труды – радостное следствие семи лет преподавания в Московской духовной академии. Конечно, условий для работы у меня никогда не было. То есть сравнительно с другими писателями. У меня никогда не было ни кабинета, ни дачи. Квартира – сорок метров, две семьи. Вот в июле вспыхнула надежда – президиум Международного Литфонда выделил творческую мастерскую в Переделкине, выписку дали. И прежние хозяева оказались людьми очень порядочными, обошлось все полюбовно. Они выехали, но все равно меня не пускают.

М. Л.: *Писатель – это личное или общественное служение?*

В. К.: Ну, пока есть силенки, конечно, общественное. Без писателей северные реки уже на юг бы текли.

М. Л.: Надо ли писателю идти во власть?

В. К.: Если он во власти делает добрые дела, тогда почему бы и нет. Мало кто знает, сколько добрых дел свершил Распутин, будучи в президентском совете. Уж я-то знаю, чего это ему стоило. Другому власть идет во вред. Бог всем судья.

М. Л.: Сейчас писатели делятся на патриотов и западников. Вы, конечно, патриот?

В. К.: Вообще, писателей я бы делил только по признаку любви к России.

М. Л.: А разве западники не любят Россию?

В. К.: Своеобразно. Все почему-то считают, что мы отстаем от Запада. В чем-то да. Может, в дезодорантах, но нам они ни к чему, мы в бане моемся. Россия идет своим путем. А вообще писатель – человек одинокий. И это нормально. Мысль – дитя сомнений и одиночества.

М. Л.: А какие у вас отношения с интернетом?

В. К.: Никаких.

М. Л.: И не хотите сотрудничать с ним?

В. К.: Нет. Зачем мне зрители, мне читатели нужны. Они у меня есть, я ими дорожу. Да и потом вся эта техника до поры до времени. Вот Чубайс возьмет и отключит электричество, вот и опять своими мозгами надо будет шевелить. Кстати, почему я стал писателем? Потому что вырос без телевизора. И сейчас почти не смотрю. Даже я так заметил: мужчина, который не смотрит телевизор, умнеет, а женщина становится красивее. Это легко проверить. Выкинуть телевизор, и результаты будут всего через месяц.

М. Л.: А новости?

В. К.: Новость одна – ничего в мире не меняется, Мир во зле лежит, и от того, что я буду узнавать все но-

вые и новые подтверждения этого, лучше ли мне будет? Один крупный милицейский чин говорил мне о том, что процент преступности в России куда как ниже, чем в странах капитала. Ужасно, конечно, думать, что во всем мире дела еще хуже, чем у нас. Но пока мы не перестанем запугивать людей, пока не обратимся к народу, который, несмотря ни на что, единственный двигатель истории, до тех пор дела, прежде всего интеллигентов, будут плохи.

М. Л.: Не очень-то веселые картины вы рисуете.

В. К.: Реальные. Верить надо в Россию, в Бога, вот и все. Ведь в Бога верить легко и радостно. Веришь, и тебе безразлично, кто какую премию получил, кто в чести, кто вниманием обласкан, смешно все это становится. А верить в Россию тоже радостно. Россия – дом Пресвятой Богородицы, разве Она допустит, чтоб с Ее домом что-то случилось?

Гоголь: «Бросьте мою книгу, возьмите Евангелие»

Читатели жестоки. Если им чем-то понравится новый писатель, то они уже только продолжения такого же ждут от него. Гоголь, появившись в печати, очень и очень потешил своих мгновенно появившихся читателей. Свежесть темы, юмор, вкрапление в русскую речь украинизмов было встречено на ура. И молодой Гоголь сам с восторгом рассказывал, как наборщики смеялись, работая над «Вечерами на хуторе близ Диканьки», рассказами «пасичника». Но и «Ночь на Рождество», и «Майская ночь, или Утопленница», и «Страшная месть», даже и «Вий» – все это были подступы к настоящему, созревающему душой Гоголю.

Любители, так сказать, южного цикла не воспринимали петербургских повестей, поклонники петербургских ругали итальянские работы. Вырастая, Гоголь разочаровывал читателей. Имя его было у всех на устах, но с тем только, чтобы ругать его, как не оправдавшего ожиданий. Он и сам давал повод к такому отношению, постоянно говорил о малости своей, о том, что он еще только собирается сказать свое слово.

Но ведь уже была и потрясающая своим обличением бездуховности «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», была и поэма супружеской любви «Старосветские помещики», но в первой увидели бытовую картинку, во второй забавную зарисовку о старичках.

«Ревизор». Ну что «Ревизор»? Сценически гениально, по мысли публицистично. Посмотрите нынешние развратные постановки «Ревизора», что это? О переживаниях Гоголя после постановки пьесы известно. И доселе «Ревизор» ставится как позорящее Россию действие на потеху той публике, к которой относятся слова Городничего: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь».

Второй том «Мертвых душ» не по указанию отца Матфея Константиновского был превращен в пепел, это было сознательное решение мастера, который не хотел, чтобы Россию представляли по тем типам, которые выведены в первом томе. Но изобразительная сила великого таланта была такова, что даже и Плюшкин, и Ноздрев, и Собакевич, не говоря уже о Коробочке, оказались такими живописными, что и их великодушная русская душа приняла за своих.

И зачем нам так долго топтаться у камина, в котором сгорели рукописи, да гадать на пепле от них. Сгорели, и что? И хорошо, что рукописи горят. Писателям

вообще надо раз в пятилетку устраивать сожжение накопленного за столом мусора. Сжег сознательно, значит, так надо. Державин, пишет Николай Васильевич, сильно «повредил себе тем, что не сжег, по крайней мере, целой половины од своих».

А Тютчев? Собираясь в Россию, по ошибке спалил нужные рукописи. Утром стал переживать, но «воспоминание о пожаре Александрийской библиотеки меня утешило». И без библиотеки Иоанна Грозного как-то не вымерли. Однажды меня вразумила очень интеллигентная, много перестрадавшая старушка. Я ей привозил книги и изумлялся, что она, при широте ее ума, их не касается. «Миленький, зачем? Есть же Священное Писание».

Гоголь всегда давал возможность всяким интерпретаторам: тогдашним, большевистским, демократическим – показывать Русь заполненной нечистой силой, торгующей мертвыми душами, пьющей, ворующей... Скажут: но было же, но и есть же такое. И взятки, и не только борзыми щенками берут, и женятся на Агафьях по расчету, но спросим: зачем тогда русская литература? Показать нам самих нас, как в зеркале? Хорошо. Обличить недостатки? Еще лучше. И что дальше? Русская литература от «Слова о Законе и Благодати» была православной. А примерно с Алексея Михайловича начала уклоняться в обслуживание не души, а тела. Мысль о спасении души гложла в водевилях. Еще держалась немецкая литература Гете, Шиллера, Гердера, русская Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Пушкина, но массовая мода поворачивала к Франции. И русским дамам и кавалерам веселее было читать о Солохе, да о галушках, да щекотать нервы Вием и утопленницами, нежели думать о том, что за все свершенное на земле придется дать ответ.

Мощь православной мысли во всю силу начала разворачиваться в «Тарасе Бульбе». Запорожцы являются миру исполнение евангельских слов о высочайшей в мире любви, о смерти «за други своя». Когда приходит известие о нападении татар на Сечь, казаки, осадившие Дубно, не могут все вместе кинуться спасти плененных татарами. Ведь и в Дубно находятся полоненные казаки. И неважно, что сами они виновны в пленении, «курнули» лишнего, они – братья во Христе. Войско делится на две части, и обе части понимают, что прощаются навсегда. Но, и это никогда не понять не любящим и не понимающим Россию, мысль о неминуемой смерти не угнетает их, а вдохновляет. Спасти братьев – это долг. «Долг, – пишет Гоголь – это святыня». Эту истину Андрий заменил страстью к полячке, а Янкель страстью к деньгам, и неизвестно, кто из этой парочки губительнее для России.

В главном труде жизни, в «Выбранных местах», который опять же был прямо освистан современниками, много говорится о высшем назначении писателя – быть проповедником. И прежде всего – православным. «Общаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку».

А ключевое слово для Гоголя – любовь. Он объясняет это на примере поэта такого огромного таланта, как Языков. Тогдашняя Россия знала наизусть: «Созови от стран далеких ты своих богатырей. Со степей, с равнин широких, с рек великих, с гор высоких, от осьми твоих морей». А дальше такую ноту Языков не вытянул. Почему? «Не силы оставили, не бедность таланта и мыслей, не болезни... другое его осилило: свет любви погаснул в душе его – вот почему примеркнул и свет поэзии».

Будем помнить гоголевский завет: «Если кто помыслит, чтобы сделаться лучше, то непременно встре-

тится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие».

Написано это для нас из 1847 года, из «прекрасного далека», из Италии, и читается как главное завещание, наряду с завещанием похоронить если не в церкви, то в церковной ограде. При всех трудностях перезахоронение все-таки легче осуществить, чем бросить светские книги и взять в руки Евангелие. Но оттого и нужны светские книги, чтобы привести нас к Евангелию. Другого назначения у них, особенно написанных на русском языке, быть не должно. Не то сейчас время, чтобы искать в литературе отдохновения, забвения, развлечения, щекотания нервов, сведения счетов... Юбилей Гоголя явился к нам очень вовремя. С одной стороны видим, что даже и такой пророк, как Гоголь, ошибся в предсказании о русском человеке, сказавши, что он будет таким, как Пушкин лет через двести. Двести лет со дня предсказания скоро пройдет, пока не получается.

Будем жить дальше.

«Дети! Последнее время!»

Так воскликнул апостол Иоанн, ученик Христа, обращаясь к братьям, начавшим проповедь христианской любви во всех концах Вселенной. Последними он назвал времена, наступившие после Вознесения Воскресшего Христа. Ко Кресту Его пригвоздили люди своими грехами. Не были они вразумлены ни водами Вселенского потопа, ни огнями Содомы и Гоморры. Приход Сына Божия на землю был последней милостью Бога-Отца к грешному человечеству. На Голгофе кон-

чилося избранничество какой-либо нации и наступило время деления людей на тех, кто идет за Христом, и на тех, кто служит сатане. Что общего у света с тьмой, у Христа с Велиаром? «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской». (Кор. 10–21). Третьего не дано. Ад или рай. И тут ни при чем лукавые католические сказки про какое-то чистилище.

Всем дана свобода воли, каждый может быть кем угодно: мусульманином, иудеем, буддистом, протестантом, кришнаитом, но должен знать главное – судить будет Христос, Сын Божий. А Суд неизбежен.

Понятия «русский народ» не было до Крещения Руси, была Русская земля, после Крещения стала Святорусская земля. И это не пустые слова – Святая Русь сродни небесному Иерусалиму. Оттого мы непобедимы, что не дорожим земной жизнью, знаем: наше Отечество в небесных пределах, на земле мы в гостях. Но заработать место у Бога можно только на земле, борьбой за то Отечество, в котором было суждено появиться на свет, за свою душу. Она не наша, Божья. Мы ее получили чистой, чистой и сдать должны.

Самые счастливые люди на планете – славяне. Потому что душа у мира – православная, славянская. Душа славян живет не во времени, а в вечности. Какие бы политики, как черные вороны, ни накаркивали нам беду, как бы ни разделяли, мы тянемся друг ко другу. Чувство соборности в славянах заложено на генном уровне. Как и чувство братства. А соборности и братства не может быть без нравственного начала. Кстати, на западные языки «соборность» переводится как «симпозиум», «саммит». Уже отсюда понятно, что им нас не понять, а значит, им хочется принизить нас до своего

понимания, даже унижить. Считали славян унтерменшами и считают.

И мы слышим неумолчную трескотню политиков и писак о России – империи зла, тюрьме народов, стране криминала. Но тратить время на их разубеждение – бесполезно. В это только ввяжись. Выдуманно, что Сталин, выпив в дни Победы рюмку за русских, любил их сильнее других, но кто же, как не он, вскоре выступил против создания компартии России, хотя таковые были во всех республиках. Придуманно, что мы Иваны не помнящие родства, но кто более славян дорожит памятью предков, а уж родовая память у нас вообще щепетильна, хотя не переходит в тщеславие, и на первом месте у нас не происхождение, а деловые качества. Придуманно, что мы – пьяницы еще с докрещенских времен, но как же мы ум-то свой за полторы тысячи лет все никак не пропьем, ведь все в мире: и наука, и искусство – держится русскими, славянскими талантами. Придуманно, что мы – лодыри, а кто же за нас облагородил шестую часть планеты? Мы все обороняемся, а надо наступать. Какая может быть политкорректность, когда обо мне говорят гадости, а мне и правду нельзя сказать. А толерантность означает привыкание к заразе.

Я не говорю, что славяне лучше всех, но спрашиваю: есть в мире вселенская иерархия? Есть. Без нее нельзя. Кто на ее вершине? Нет, это никакое не мировое правительство, это, конечно, Господь, создавший мир. А дальше? А дальше те, кто к нему ближе. И кто же ближе тех, кто хранит в чистоте евангельское учение, апостольские предания? Конечно, славяне, конечно, православные.

Время летит к концу света, убыстряется. Старцы говорят: «Прошли времена, остались сроки». Время – главная ценность, оттого так велики усилия сата-

нинских слуг, чтобы украсть его у нас. Заполнить его пространство чем угодно. И прежде всего заменить нравственные ценности ценностями материальными. Это главное бесовское ухищрение. Ведь кажется, жить можно – нет явных гонений на веру, на плаху за убеждения не тянут. Но это внешнее. Не преследуют люди, но обступают бесы. Что есть разгул пороков, хулиганства, проституции, омужичивание женщин, шествия педерастов, наркомания, как не успешные усилия врага рода человеческого? Страшны огни адские, но огни похоти страшнее. Они постоянно, как фейерверк в ночном клубе, разжигаются усилиями слуг сатаны, особенно с помощью искусства. А что основа любого искусства? Слово. То есть то, чем был создан мир, превращается в орудие убийства мира. Либералы славят только то из написанного, что развращает, порочит все святое. И зовут в какое-то якобы цивилизованное мировое общество. В какое? В английское, где дядечек венчают? В американское, где считают, что деньги могут все?

Долго мусолили фразу: «Красота спасет мир», она уже над всеми сценами конкурсов красоты, там, где девушек измеряют как породистых сук на собачьих выставках. Нет, мир спасет святость – последнее, что не удастся сатане использовать в свою пользу.

Это опять-таки не объяснить тем, кто считает, что материальное состояние человека определяет его сущность. Вот Янкель. Он же совершенно искренне не понимает, за что Тарас Бульба негодует на сына. За что? Сын полюбил полячку, а отец ее – воевода, да такой богатый, дочка у него такая красивая, повезло тебе, запорожец. И знатное родство, и деньги. А слова о родине, вере православной, о чести и безчестии для Янкеля просто непонятны. Он такой был, такой остался. Янкель сейчас

в советниках у начальства, он уже и сам банкир, у него с ладони и депутаты, и журналисты клюют. Его не переделаешь. Вспоминаю маму, которая в таких случаях о таких людях говорила: «С такими не связывайся. Плюнь да отойди». Это народный перевод начала Псалтыри: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста и на седалище с губителями не седе».

Именно классика сохранила народное чувство семьи, родины, веру христианскую. Взорвали церкви, убили и заточили священников, сожгли священные книги, Хрущев, стуча ботинком по трибуне ООН, обещал показать с нее последнего попа. И что? Классика в основе своей была православна, она, как пушкинская царевна в лесном домике, вначале «затешила Богу свечку», а уж потом «затопила жарко печку». И не протест мифическому «темному царству» смерть Катерины из «Грозы», а не может она вынести всплеска совести, этого голоса Божия в человеке, ибо осквернила брачные узы. «Поздно, – говорит Дубровскому Маша Троекурова, – я обвенчана с князем Верейским». Русская литература не оправдывала нарушения нравственных законов. Более того, обвиняла в несчастьях человека его самого. Вот «Тихий Дон». Конечно, и Свердловы, Штокманы и Чапаевы убивали казачество, ну а сам Григорий Мелехов? Он доводит Наталью до попытки самоубийства, и, как возмездие за грех, умирает его с Аксиньей дочка, рожденная в блуде.

За сто лет до «Слова о полку Игореве» было создано «Слово о Законе и Благодати» – учебник нашего отношения к жизни, указатель водораздела между отношением ко Христу, противостояние иудаизма и христианства. Это противостояние – главное в мировой истории, и вся история заключается в одном: мир или приближается ко Христу, или удаляется от него. И теперь явно, что физи-

ческое уничтожение церквей и православных людей не смогло удалить от Престола Божия, а теперешние гонения на душу удаляют.

Нам, славянским писателям, надо терпеливо продолжать делать свое дело, ведь наше дело правое, читатели нам верят, пора и нашим руководителям понять, что православное славянство никогда не будет похожим ни на кого в мире. В Отечественную войну мы воевали не только с Германией, а вообще со всей обезбоженной Европой. Чехи делали для Гитлера танки, болгары кормили захватчиков, свободолюбивые французы залили оккупантов вином, завалили закуской, в союзе с фашистами воевали хорваты, румыны, итальянцы, финны, норвежцы... И это те, кто не был лишен ни храмов, ни религиозной литературы. А гонимые за веру русские люди встали на защиту того государства, которое их убивало. Они защищали не систему, не идеологию, а Отечество, свои святыни.

Литература для славян никогда не была ни развлечением, ни наживой, она была борьбой за человека, его душу. Чистота и прозрачность славянской поэзии и прозы в лучших ее образцах была родниковой. Таковой и должна остаться. Вспомним евангельское, что не может чистая вода течь из замутненного источника. В применении к литературе источник – это сердце писателя.

И нечего нам стесняться: в духовном смысле мы – ведущие в мире.

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Пушкина не перекрестить

Когда много лилипутов вешается на великана, то дело плохо для великана. Вспомним Гулливера – вынудили его лилипуты кланяться лилипутским порядкам. Но он-то жив был, и смог спастись. А как с теми, кто ушел в лучший мир и в здешнем уже не может себя защитить?

В применении к Пушкину лилипутами я называю истолкователей его творчества. И особенно тех, кто по своему разумению, а чаще по велению времени избражал великого поэта. И не своему даже мнению, а в угоду кому-то или чему-то. К таким лилипутам я отношу авторов книги «России первая любовь». Она заслуживает подробного разбора, но, не имея на то времени, приведу хотя бы какие-то примеры, показывающие прежде всего ничтожность попыток авторов загнать Пушкина в социальные, идеологические рамки и заодно обгадить Россию.

По порядку. Начинается с Тынянова, с его исследования о Ганнибалах и роде Пушкиных. Так, первая жена (далее цитата) «абиссинца-арапа, гречанка, не хотела выходить за него замуж. И он в скором времени замучил ее. Темная кровь осталась в губах, в крыльях носа, в вы-

пуклом лбу, похожем на абиссинские башни, и еще криком, шуткой, озорством, пляской, песней, гневом, веселостью, русскими крепостными хhareмами, свирепостью, убийством и любовью, которая похожа на полное человеческое безумство, – так пошло русское ганнибальство, веселое, свирепое...», думаю, хватит цитаты. Это все Тынянов ведет к тому, «что и само русское дворянство было и шведским, и абиссинским, и немецким, и датским... Дворянство задумало и построило национальное великорусское государство из великоруссов, поляков, калмыков, шведов, итальянцев и датчан». Дворянство России, по Тынянову, «блюло местничество, шарило в постелях». Главная цель Тынянова, другой не вижу, обгадить «неустойчивый род дворян Пушкиных». «Отцы были женоубийцы, дети стали пустодомы». Пушкин, «минуя востроногого сластолюбца-отца и брюхастого лепетуна (поэта!) дядю, у которого были только карманные долги – он выбирает свою родословную». Нет, не хочется больше цитировать. В конце статьи Тынянов старательно обгадит и жену и потомков поэта.

Павел Антокольский живописует поэта в Болдине. Размышляет поэт о том, как «миллионы рабов подпирают империю, а вдруг и шатнут колонны: что тогда?» Свершил верховую прогулку, «едва заметил, что у плетня стояли мужики. Они глядели на приезжего барина угрюмо и растерянно... напоминали не то леших, не то фавнов. Это были его рабы». Навещает опального Пушкина арзамасский священник. Кушают. Подает «миску дымящихся пельменей все та же Арина, на этот раз принаряженная, в цветном сарафане, в татарских туфельках, шитых бисером, в бусах... священник... тут же трижды поцеловал девушкины заалевшие щеки. Совершив нехитрое это дело, он снова захохотал...» Поттрапезничали.

Благородный Пушкин «шагу не сделал, чтоб его проводить, медленно пошел к себе, в чем был, повалился на диван, лицом в подушку. Откуда только слетаетесь вы, зловещие вороны в рясах и вицмундирах, соглядатаи, наушники, иудино племя?» Приходит позднее «Арина, чтоб постелить ему на диване».

Но дальше уже совсем! На смену батюшке и Арине является император. Живописуется так: «На дворе болдинской усадьбы у коновязи замешкался Медный всадник. Приторачивал (!?) запаренного, жарко пышущего скакуна». Но сам всадник не спешит, попыхивает голландской трубочкой, «поплеывает на блеклую бурую траву». Далее встреча. «Александр Сергеич, что у тебя в бочке плещется, уж не брага ли?» – «Да нет, квас. Только боюсь, не протух ли, не ужожу». – «Пущай протух. Мне бы только губы смочить, глотку сполосну. Знаешь, я ведь нынче трезвенник». Поэт не верит: «Ой ли? Не жалуешь анисовой в бессмертье, Петр Алексеич?» – «Куда там анисовая или перцовая, когда пожар в груди. Внутри себя ношу свой ад. Это, брат, не шутка».

Далее все такой же бред.

Очень горько и за Гейченко. Так много сделавший для Михайловского, фронтовик, он совсем, оказывается, был темен. Пушкин в его рассказе везет тело матери, томится тем, что служат по дороге панихиды. В Святых горах Пасха, все пьяны. Стучит в монастырские двери, еле сдерживает себя, чтобы «не заехать в заспанную рожу» привратника. Пожалеем старика Семена, не будем пересказывать далее.

В конце концов можно и поплевать на эти блеклые строчки, но ведь они ушли в среду читателей, они действуют. Вся эта несусветность издавалась многотысячными тиражами. А люди доверчивы. И эту их христи-

анскую доверчивость используют такие авторы. И ведь, уверен, все крещеные. И ведь не по глупости писали, сознательно.

Ладно, Бог всем судья.

А особенно обидно за Паустовского. Писатель отрочества, юности, наряду с Гринем. Как читали! А и он тут, голос из хора, порочащий священство, царя, Пушкина, то есть Россию. И его, жалея, не буду много цитировать. Как плетется священник в соломенной шляпе ловить уклеек, как, опять же поплевав на ладони, плотники говорят о нем: «Куда только их сила подевалась, и где теперича их шелка-бархата?»

Неужели такими текстами спасались? Показывали лояльность, готовность обгадить все и вся, чтобы угодить духу времени?

Не знаю. Не знаю и не сужу.

Как сам себя наказал

У меня долго не было первой книги. Очень я этим мучился. Еще бы, никем, кроме писателя, быть не хотел, писал с десяти лет, печатался с пятнадцати, до армии в газете работал, в армии и в институте всю писал, а книги нет и нет. Уже и сценаристом побывал, уже и телефильмы шли, в нескольких журналах был своим, и рукопись давно составил, а книга все отодвигалась.

В издательстве было правило – включать рукопись в план издания только при наличии двух положительных рецензий. У меня они были, было даже предисловие, написанное прозаиком Владимиром Тендряковым, – честь немалая. Но все-таки что-то не продвигалась книга, вязла. Иногда я осмеливался напомнить о себе редактору.

Он успокаивал, но выходил очередной перспективный план, а в нем опять же моей фамилии не было. Наконец редактор сообщил мнение начальства – послать рукопись еще на одну рецензию. Веселого в этом было мало, но что спорить с начальством? Редактор не скрыл, что велели послать критику Олегу Михайлову. «А он режет всех подряд. Кому-то, видно, хочется тебя утопить».

Но такое решение меня не убило. Даже и хорошо, если прочтет критик такого уровня, как Михайлов. Послали рукопись ему. Потянулось очередное время. Пока-то рукопись по почте до него дойдет, пока-то он прочтет, пока-то рецензию напишет. Сколько ждать? Ждал месяц, ждал два, три ждал. Звоню редактору. «Я ему вчера напоминал, он прочел, говорит: понравилось, говорит, что сейчас сильно занят, репетирует пьесу в Ермоловском. А ты сам ему позвони. Не говори, что я телефон дал».

Вот такая была секретность. Робею, но звоню. Это ведь еще и дозвониться надо. Дозвонился.

– Кто, кто? Какая рукопись? – спрашивал критик. Наконец вспомнил. Даже нашел. Слышно было – папка хлопнулась на стол. После молчания утешающие слова: – Да, давно лежит, да, пора. Я тут из нее читанул что-то. Неплохо, неплохо. – Я даже ощущал, как он скользит глазами по наугад выбранной странице. – Ну-к что ж, на днях намолочу, отошлю.

– Ой, Олег Николаевич, это и долго и хлопотно. Я приеду, возьму, отвезу.

– Совсем, батенька, отлично. Позвоните через... недельку-другую.

Ясно далее, что звонки были бесполезны, он всегда был занят, «в затыке», «на прогоне», «конференция в ИМЛИ, доклад» и всякое такое. Мне уже и звонить было

стыдно, но в издательстве верстали план очередного, послебудущего года. Да и сам Михайлов чувствовал, что затягивает. Однажды сказал:

– Вы можете тогда-то подскочить к Ермоловскому?

Я подскочил. Олег Николаевич достал из портфеля мою рукопись. Но рецензии при ней... не было.

– Слушай, – хладнокровно сказал он, – некогда мне читать. Ты же лучше знаешь свою рукопись, напиши рецензию сам. За моей подписью. Смело рекомендуй. Давай! Ну, конечно, не взахлеб хвали, сделай там для виду пару замечаний. Позвони, как будет готова.

– Завтра будет готова!

– Что ж, на том же месте, в тот же час!

Через сутки, у Ермоловского, Олег Николаевич, не читая, что там написано за его подписью, подмахнул рецензию, и я понесся с нею в издательство.

А дальше? А дальше... мою рукопись снова не включили в планы. Ужас! Почему?

– Начальство сказала, – огорчился вместе со мной редактор, – что в рецензии говорится: рукопись нуждается в доработке.

– Но какая же не нуждается? Он же рекомендует!

– После доработки. Видишь – написано: после доработки. И приказали после доработки снова послать ему на отзыв.

– Но ты-то знаешь, что я сам писал эту рецензию.

– Вот и не надо было себя так ругать.

Виной всему было то, что я, собиравшийся и без редакторов и рецензентов что-то в рукописи доделать, что-то убрать, что-то добавить (я же не сидел без дела эти изнурительные месяцы ожиданий), эти свои задумки по улучшению рукописи и изложил. Видимо, перестарался.

Олег Николаевич хохотал:

– Ты потом, как книга выйдет, переделай рецензию в статью, и мы ее где-нибудь тиснем.

Ему смех, а мне было каково? Еще на год отодвинулась моя первая книжечка. А впереди были десятки замечаний, сотни придирок, ожидание чистых листов из цензуры. Все делалось будто специально, чтобы убить радость от появления первой книги. И вышла она, когда мне было тридцать три годика.

Но была радость, была! Вышла книга весной. Печатали в Белоруссии, и я сам ездил получать сигнальный экземпляр. А потом, уже на Курском, видел, как ее купили с лотка. Купили мама с дочкой. И не положили в сумку, а понесли в руках.

А с Олегом мы не то чтобы подружились, но при случайных встречах были рады друг другу. И мне он сказал то, что говорил десяткам других:

– Леонов пишет венозной кровью, а Шолохов артериальной.

Оба тогда были еще живы.

Книга моя называлась «Зерна». Видимо, от этого значительную часть тиража привезли в магазин «Урожай» на Садовом кольце. В отдел «Хранение и переработка зерна». Вначале это даже обидело, а потом оказалось очень удобным. В других местах книга быстро исчезла, но я всегда знал, что «Урожай» не подведет.

Теперь этого магазина нет. Жаль. Может быть, в память о нем последнюю книгу назвать «Урожай»? Зерна же тогда были засеяны, на каких обочинах, среди каких сорняков колосились они? Колосились ли? В какие закрома попали, кого насытили? И кому эти вопросы? Себе, конечно. Но чего-то вдруг это я умничаю? Или, наоборот, глупею.

А Михайлов – загадка. Пьет без передышки десятилетиями, оставаясь при этом ясно мыслящим, много ра-

ботающим. Книги выходят, на телевидении выступает. Веселый, ироничный. В теннис играет.

Леонова и Шолохова уже похоронили.

Последний дом

К моей жизни очень подходит пословица: «Дали белке орехи, когда зубы выпали». То есть все приходило ко мне очень поздно. Все прошел: казармы, общежития, коммуналки, глухое непечатание, постоянное безденежье. Теща литровую банку борща приносила и с состраданием смотрела на дочь. А дочь, моя жена, учительница, прятала от учеников ноги в худой обуви под учительский стол. Конечно, стыдно было перед ней, ведь часто изо всего человечества только она и верила в меня. Но позднее признание для писателя даже и спасительно. Появились бы деньги, слава, привели бы гордыню. А так: всегда бедствовал. Но как-то же выкарабкались. Даже и не успев заметить ход жизни, я стал надеяться на спокойную старость. Мечтал, что мемуарный возраст будет спокоен и длителен. Буду сидеть у камина, вспоминать. Есть что и есть кого вспомнить. Жена будет в оренбургской шерстяной шали на плечах сидеть под зеленым абажуром, вязать мне носки. Буду читать ей вслух... Чем плохо? Ведь заслужили?

И вот – дожили до демократии и – не один я такой – унижительно и постоянно думаю, где взять какую копейку и какую прежде заткнуть дыру.

А так, внешне, я очень благополучен. Сейчас. Квартира, дача, полдомика в ближнем Подмоскowie, пристанище на родине в доме детства и юности. Куда с добром! Но как же поздно все это пришло! Всегда блага

жизненные обходили меня за версту. Дача и то не моя – аренда в Переделкине появилась в шестьдесят лет. Да ведь я своими книгами и переводами на иностранные языки своих книг сто раз заработал эту аренду. А этот полдомик в Никольском, стиснутый заборами кладбища и соседей, тоже сумел купить, когда голова вся была седой. И в дом на родине, где прошло детство, отрочество, юность, откуда ушел в армию, вернулся, когда въехал в старость.

И нигде в этих домах, не говоря о московской квартире, нет мне покоя. Никакого. Все время что-то кому-то должен. Может, это налог какой? Должен приехать, выступить, должен написать статью, предисловие, послесловие, ответить на постоянные письма и бандероли, позвонить туда-то, тому-то, попросить кого-то за того-то. А иначе сколько обид. Жена родная, и та: ты православный человек, должен помогать. А писать кто за меня будет? Тут следует убийственный ответ: хватит, ты уже много написал. Да я еще ничего не написал, только-только начинаю понимать, как надо шевелить пером.

Сил нет, здоровье уходит. И это все естественно, и не ропщу, но сказал же духовник: «Преподавать за тебя смогут, писать ты должен сам». Должен-то должен, а что напишу? Но это опять интеллигентское слюнтяйство.

Во всех домах у меня есть все, что надо для трудов и молитвы. Везде красные углы с иконами и лампы, запасы свечей и подсвечники, везде молитвословы и много духовной литературы. Творения святых отцов. И везде ноутбуки. А когда-то таскал за собой тяжеленную машинку. На столах пачки первосортной бумаги, везде сплошные «паркеры», только пиши. Все есть, времени нет. А нет – сам виноват. Все старался для всех хорошим быть, а надо было прежде себя и близких спа-

сать. Сколько же на меня вешали свои проблемы, но так мне и надо. Уж хотя бы зачлось.

Да, только живи в любом из домов. И везде достают. Вроде даже и какое-то самолюбование можно усмотреть – какой я знаменитый да незаменимый. И ведь отказываюсь от девяти приглашений из десяти, все равно. Раньше сам лез на все трибуны, сплошная комсомольская пассионарность. Как это, куда-то не пригласили, как это не дали выступить, как это не упомянули!.. Сейчас: лишь бы никуда не звали, лишь бы не выступать, не писать, не встречаться. Каждая встреча отягощает последующими обязательствами. Просят прочесть рукопись. «Но у меня же теперь ни журнала, ни издательства». Не прошибает. «Вы только скажите свое мнение». О-хо-хо. Говоришь о недостатках, звонят через неделю: «Я все исправил, посмотрите. Вам же теперь на надо все читать». Если понравилось – еще хуже. – «Можно, я в редакции скажу, что вы читали?» Через день: «Они говорят, что напечатают, если вы напишете предисловие».

Такие жалобы турка. Но, усталый раб, и я замыслил кое-что. Созидается в вятских просторах, на высоком берегу родной реки, под тополями и березами, избушечка! Кельечка такая. Господи, помоги, чтоб сбылось пожить в ней, помолиться и поработать во славу Божию!

Не надо мне ни палат каменных, ни камней самоцветных, ни кушаний заморских, ни одежд многоцветных, хватит мне избушки с русской печкой, с красным иконным углом, перед которым горит алая лампада. Хватит мне подполья, в котором картошка и капуста, и банка меда. Да коробка с чаем стоит на полочке над плитой. Вот такого я и душа моя чаем. Маленький стол, много хороших книг, которые можно брать наугад и открывать на тех страницах, которые сами откроются.

Да-а. Прибьются ко мне пес с котом. Кот будет лежать в ногах на деревянной постели, зимой громко мурлыкать и просить, чтобы я пустил пса погреться. Конечно, это естественно, да он уже и сам тут, у порога. Яростно чешется, а ночью взвизгивает во сне. Кот будет хорошо ко мне относиться, только жалеть, что я плохой рыбак, никак не накормлю его свежей рыбкой.

Дров у нас будет запасено много. Это все будут бывшие березы и ели, которые выросли на месте бывшей церкви, и их надо спилить, чтобы было место для ее возрождения.

Еще у меня будет евангельская окрестность. Река наша – прямо Иордан. А тут холм – гора Елеонская. Там, где родник (я знаю, где он был, я раскопаю), там поток Кедрона. Подальше, к востоку, Фавор. К югу – любимый Вифлеем. Это все надо устроить. И ни у кого помощи не просить, только сил у Бога. Там, где подойдет место для Хеврона, тоже пониже по течению к югу, там надо посадить побольше дубов. И из желудей, под зиму, в хорошую землю, и натаскать молоденьких дубочков.

Будут у меня и рябины, и черемухи, и смородины, и яблони. И буду с ними разговаривать. Еще, конечно, птицы. Кругом снесенные, уничтоженные, сожженные деревни, тоскливо на холодных развалинах птицам, вот и прилетят ко мне.

А главный мой гость – наш батюшка. Это именно он вывезет меня из города и привезет в эту избу. Уж как я ему буду рад, когда он приедет. Ни за что не отпущу в тот же день. Будем вместе долго пить чай, вспоминать будем многое-всякое, в основном радостное. Как церковь вернулась в село, как потянулись к ней. Жалеть будем Витю – работника с золотыми руками, да вот и с горлом тоже золотым. Опять, опять сорвался. Будем и

за него молиться, когда перед сном встанем на вечернее правило. Золотыми лепесточками будут трепетать вершинки горящих свечек.

Разойдемся для сна. Батюшка, всегда измученный и уставший, уснет быстро, а я буду лежать и глядеть в окно, на которое все никак не заведем шторы. За ним еще одно окно, в стеклах двойное отражение луны. И видны ветви деревьев и звезды на них как игрушки. И если ветви шевелятся, значит, ветер. Если луна увеличивается – к холодам, уменьшается – к оттепели. Если потрескивает сруб – тоже к морозу. А все вместе взятое – к весне, к Пасхе.

«И еще буду родиться»

Стою в родном селе у родильного дома. Вот именно здесь я появился на белый свет. Дом сохранился, хотя уже совсем-совсем старенький. Помню, мама рассказывала, как мы с ней шли к реке, к парому, и она сказала: «Вот здесь ты родился». – «А ты, до чего мне это дивно было, ты говоришь: “Я здесь родился и еще буду родиться!”»

Постоял я около дома и осмелился войти. Поздоровался с дежурной сестрой, женщиной в годах. В коридоре красят стены два парня в колпаках, сделанных из газет.

– Капитальный ремонт?

– Какое там. Хоть немного подмазаться. Их военкомат положил на обследование, а так-то они здоровые, чего им?

– Ну как, обрадовали сегодня страну пополнением?

– Обрадовали. Татарка родила, да узбечонок родились.

– Дед, – уважительно обратились парни, – на сигареты не поможешь?

– Пойдем.

Пошли с одним из парней. Бумажный колпак он бросил под ноги и отопнул.

– В армию, значит?

– А чего тут дождусь? Сопьешься или статья.

– А статья почему?

– Да как? Выпил – надо продолжать. А на что?

– И в армии можно спиться.

– Там-то все-таки... – В свою очередь и он поинтересовался: – А вы зачем в роддом пришли? Внучка на сохранении? Это ваша, такая молодая, красивая, все ревет? Ваша?

– Нет, я сам тут родился.

Парень посмотрел на меня, как на ожившего мамонта.

– Так это значит, что наш роддом такой капитальный? Да-а. Круто! Я ж тоже тут выскочил. Надо же! Я думал – у тебя внучка на сохранении. Надо же! Ну, дед, ты сигаретами не отделаешься.

– Мне и сигареты-то тебе неохота покупать, а тебе еще и вино. Давай лучше куплю коробку конфет, отнесешь этой девушке.

Парень задумался.

– Ну, а что? А давай! А что? Я уж заговаривал, дичится. Сестра сказала, что сволочуга тут мелькнул, охмурил, она и поверила. Так-то она мне нравится.

– Жалко ее, – сказал я, – она, думаю, хорошая. Видишь, на замужество не надеется, а аборт не стала делать. Хорошая будет мать. А подлецу за нее Бог отомстит.

– Да-а. – Парень поскреб в затылке. – А давай и коробку и... а?

– Нет, – решительно отказался я.

Мы уже подошли к магазину. В витрине парень разглядел красивую упаковку.

– Главное, что отечественные, – одобрил я выбор парня.

– Но сигарет ты тоже все ж таки купи, – попросил парень. – Я же не могу таким рывком, как в сказке. И не пить, и не курить, да еще и жениться. Буду курить и думать.

Мы простились. Он пошел к роддому. Я шел-шел и оглянулся. Гляжу, и он тоже.

Опять это кваканье

Лучше бы не включать телевизор, спал бы спокойнее. Нет, позвонили: смотрите, смотрите обязательно. А это была передача о Нобелевской премии. Стал смотреть. Набор говорящих обычный, то есть сильно облибераленный. Ведущий – пишущий телециник, приглашенные – пишущие ценители любых процессов, и литературных, и политических. Конечно, прежнее давление на кнопки тоталитаризма, кагэбизма, сталинизма. Хоть бы кто подумал: сейчас-то, при завоеванной свободе болтать что угодно, что же ничего равного произведениям, созданным при советской власти, нет и близко не видно. И мне усатый батяка – не икона, но представить русскую литературу только в борьбе с режимом – даже уже не смешно, а дико. Была Россия, есть Россия, будет Россия – вот главное измерение. А кто ей на голову во все времена садился – дело другое. Вот вы уселись, например, на шею русской литературе и ножки свесили. Да так все умно вещают, да так уверенно.

И талдычат, вбивают в головы свои ориентиры. Лучшие из лучших у них, возьмем поэзию: Пастернак, Ман-

дельштам, Ахматова, Цветаева. «Да! Да! – кричит, будто кто ей тут возражает, перезрелая критикесса с юной прической. – Да! Это лучшие поэты двадцатого века».

Надо же. Прямо так? Для нее так, для меня иначе. Но что ей до меня, она мнение западников знает. Но для меня главное – народное признание, а оно безобманно. Запрещали Есенина, народ сохранил. Замалчивают Некрасова, народ не даст забыть. А Пастернак, что Пастернак? Средний поэт, раздутый до политического звучания. Прозаик очень слабый. Как и Окуджава. Почему честно не признать: Николай Заболоцкий на десять голов выше всей названной четверки?

И всегда меня справедливо возмущает молчание о поэзии Александра Твардовского. Это специально, ибо либералам он нужен только как публикатор их якобы смелых антисоветских сочинений. Твардовский Солженицына вывел в оборот разговоров, а тот его так гадко описал потом в своем «Теленке». Ладно, Бог всем судья. Солженицын был нужен Никите Хрущеву, чтобы перевалить все репрессии на Сталина, вот и вся загадка появления и успеха «Одного дня». Конечно, у Твардовского «Никита Моргунок» неприятен по финалу – конь, которого ищет Никита, оказывается у бродячего попа, но надо судить по поэмам «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью даль», по стихам, таким как «Армейский сапожник», а они на такой вершине, что стиходелье с нее не видно. И как бы ни надрывались, с каким бы пафосом ни вещали участники передачи, все их «подзащитные» станут, словами Блока говоря, «достояньем доцента». И только.

Но они, эти участники, они – подельщики в совместном преступлении проталкивания на вершину русской поэзии не духовной, а головной литературы, разве при-

знаются, что, например, Кузнецов, Рубцов, Горбовский, Сырнева, Кан, Чепурных – поэты уровня не ниже Пастернака, Мандельштама, более даже народны, чем они. «Скрещенья ног» у них нет, что ж делать, но ощущение величия России, ее единственности, есть.

Умеют хоронить своих, умеют

Вдруг из радио послышалось причитанье знакомого голоса. Это же Борис Ефимович, одессит, предполагавшийся сменщик запойного Бориса. Что-то не сладилось у них, и остался Борис младший без президентства. Но его либералы берегли, как других своих. Рассовали по фондам, институтам, кормили, пасли на информационных полях. Так что же Борис Ефимович? Оказывается, умер его товарищ, господин Гайдар. Сочувствую его горю и горю родных, только не понимаю, зачем при этом понадобилось, назвавши Гайдара «умнейшим, честнейшим, как отец и его дед», еще поливать грязью Россию, в которой «не умеют таких ценить, а ценят жестоких, циничных, подлецов, предателей», лихо. Далее: «Сейчас они (кто?) заткнутся на пару дней», ну и прочее. То есть и лексика и ораторские приемы остаются у демократов даже на похоронах прежними, это хамство и наглость. И никак они не отступятся от прежних уверений, что именно реформы, загнавшие Россию в нищету и зависимость от капитала, в распущенность нравов, гибель образования, наркоманию, разврат, проституцию, что именно эти реформы спасли Россию. Как же их им не оправдывать, они же их делали, на них же наживались. Иначе же надо признаваться, что именно они убивали русскость в России. Гнули Россию под Чикаго. А что не по ним, то они

быстро забывают. Например, то, что Союз правых сил был народом резко отринут еще на по за тех выборах.

Нулевое сознание у нулевого километра

При входе на Красную площадь, перед Воскресенскими воротами, проходя которые люди всегда крестились, находится на земле знак. Он означает нулевой километр автодорог Российской Федерации и показывает направление к сторонам света. Знак как раз напротив входа в Иверскую часовню. Именно ее было принято посещать перед дальней дорогой.

Казалось бы, как хорошо сошлось: и знак начала всех дорог, и Божия Матерь Иверская, дар Святой Горы Афон. И постоять, помолчать перед странствием, и зайти помолиться, свечку поставить.

Вот и проверьте на себе, пойдите к этому знаку и к часовне. Вы ужаснетесь. Тут такое дикое языческое гадание. Тут люди становятся к знаку спиной и бросают через левое плечо монету. Смотрят, как упадет. Около знака пасутся сборщицы монет, которые гадающим советуют кидать монету на счастье покрупнее достоинством, а друг с другом ссорятся.

Медные монеты по десять и пятьдесят копеек не поднимают, не поднимают и никелевый пятак. А как раз на этих монетах образ святого великомученика Георгия Победоносца. И по нему ходят грязными подошвами. Скажут, это не икона, но не будем же мы наступать на фотографию родных людей, не будем их бросать под ноги.

Как все понять? Может, вот это соотношение числа гадающих и числа входящих в часовню и есть показа-

тель числа верующих и остальных? Но нет, начинаешь спрашивать, отвечают, что и в часовне были, и свечи ставили, но что интересно и погадать. Все-таки нулевой километр.

Тут же место работы ряженных «Ленина», «Сталина» и, Бог их простит, «Николая Второго». Конечно, это издевательство над историей. Но с ними фотографируются. Раз было холодно, и «Ленин» грелся в часовне. Заскочил «Сталин»:

– Куда ты, охломон, скрылся? Иди, встань для композиции.

И ведь привыкли уже. Уже и дежурная в часовне не гонит переодетых кощунников, и батюшка, который служит.

Все это толерантность, то есть привыкание к заразе. А нам говорят, что толерантность – это терпимость. Но терпимость напоминает о доме терпимости.

«Еще и встать надо»

С детства тяга к записыванию всего, что видел, была во мне очень сильна. От этой болезни меня исцеляли переезды, когда приходилось бросать блокноты и тетради, а также пожары. У меня бумаги горят, и прекрасно горят, как и любые другие. Со временем я стал бороться с желанием все записывать, ведь это только кажется, что происходящее сейчас будет важно и потом. Все смывается в черные дыры времени. Может быть, польза записей и была, чтоб понять – все повторяется. Уж какие там спирали, ходим по кругу, заглатываем все те же наживки, спираль-то есть, да она не вверх, а вниз. Как же я боролся с сим графоманским

недугом? А просто, выходя из дому, не брал с собой ни ручек, ни карандаша, ни бумаги. Ах, надо бы что-то записать, да нечем и не на чем. Ладно, вернусь домой, запишу. А вернулся – вроде и записывать нечего: измельчал случай, заслонился другими. А тут и благотворная усталость, тут и бумага осталась чистой. Даже и целую теорию в оправдание своей лени сочинил: если что-то помешало записи и она не вспоминается потом, то и не надо было записывать. То же и с замыслом. Замыслил, зачал, а что-то мешает сесть и работать, не волнуйся, это во благо – забылся замысел, так ему и надо, а помнится, плачет где-то внутри, хочет, значит, выродиться. Еще что-то помешало – ничего, крепче будет. А уж если так и не смог выносить и родить – жаль! Так и будет плакать где-то в полумраке другой твоей жизни, несвершенной.

Сидел в больнице, по какому случаю, забыл, а помнится высокий седой человек. Ходил медленно по коридору. «Садитесь», – я подвинулся. Он остановился: «Сесть-то можно, но ведь надо будет вставать...». Так и ходил. Потом мы с ним стояли в очереди поставить печати на рецептах. Мужчина говорил мне уже как знакомому:

– Это ведь мы, – он, видимо, принимал меня за сверстника, – все свое геройство лечим. Ура! И в ледяную воду! Ура, и сутки лежишь в снегу. Ура, и по неделе есть нечего. И все за великое будущее. За победу.

– Мы же русские.

– То-то и есть, что русские. Служил я потом на дизельных подводных лодках. Когда их рассекретили, пришли американцы. Как на экскурсию. Не то что повернуться, протиснуться невозможно. Нет, они говорят, у нас бы никто ни за что тут служить бы не согласился. А мы считали за честь идти в подводники.

– И во всем так было. Во всем. А нынешние будут так же, а? – спросил я.

Мужчина развернулся ко мне и широко улыбнулся:

– Давай печати поставим да пойдем на улицу, спросим.

– Давай.

Ну вот, запомнил этого мужчину, сразу не записал, потом он вспоминался, и вот – записал. И что? А ничего. Хорошо, что не забыл хорошего человека.

«Я стал доступен утешенью»

Ожидание радостей меня оставило, когда начал осознавать свою греховность. За что мне радости? Имею в виду не те, о которых говорят акафисты, начиная при прославлении святых мучеников каждую строку со слова «радуйся», а о радостях жизни. И это хорошо. Какая разница, осетрину ты ешь или кильки в томате, бархат на тебе или сатин, какая разница? Не все ли равно – сытым или голодным в гробу лежать? Да еще хорошо, если в гробу. А то свалят в общую яму, а то и вовсе не свалят.

Но одна невольная, и она же вольная, радость у меня осталась. Это птицы, животные и растения. И музыка. Приезжаю в Никольское и чай пить не сяду, пока цветы не полью и пока птицам еды не вынесу. И, конечно, всегда голодной худющей соседской собаке Найде, которая, чуя меня, давно сидит на крыльце.

И какая же радость – пить чай, сидя у окна. На подоконнике растут цветы, и царица среди них Неопалимая купина с Синая. Да, растет. Растет, слава Богу, по милости Его прижилась в наших температурах. По радио вариации на тему какого-нибудь Кончерто грос-

се, ансамбль, например, Канта э вива, что означает живое звучание. Потом, в течение дня, обещаны и Бетховен, и Глинка, и Чайковский, и Свиридов, и Шуберт, и Гаврилин, а также вводящие их в атмосферу звучания Евгений Светланов, Клаудио Аббада, Герберт фон Караян, чего больше?

На рынке просил сала несоленого. И вынесли из подсобки длинную, толстую ленту, розовую с одной стороны. Вначале отрезал и подцепил на ветку яблони один кусок. Потом, видя, так сказать, ажиотажный спрос, добавил еще кусок, и еще. Всего четыре. То-то отрадно – видеть, как птички припархивают, как ловко цепляются сбоку и снизу, и тюкают клювиками. Небось, ночью, где-то под крышей, нахохлившись от холода, спокойно все-таки чувствовать, как в животишке живет и греет в морозную ночь полезная пища.

А вообще синицы вредные друг к другу. У людей, наверное, научились. Вот, вроде висит четыре порядочных куска, долби знай, нет, надо вначале других отогнать. Особенно одна синичка. Конечно, это не она, а он, я и назвал его Синец толстопузый. Такой сытенький экземпляр птичьего народа. И такой, о ком говорят: сам не гам и другим не дам. Сам не клюет, а всех разгоняет. Но интересно, что именно он подлетает к окну, укрепляется коготками за раму и тюкает в стекло. Вроде как докладывает, что рьяно охраняет мои корма.

Найда пасется под кормушкой. Рада и самой малости, падающей от трапезы птичек. В кормушку сыплю измельченные крошки хлеба или покупаю просо. Это для воробьев. Но и их Синец толстопузый гоняет. И опять подскакивает к окну для доклада.

Редкие медленные снежинки. Может быть, и солнышко даже покажется. Нет, день прошел, не соизволи-

ло. Хотя в утешение был такой нежно-малиновый закат. Но такой коротенький. Взглянул в окно – восхитился, отошел к плите, почистил пару картошек, покрошил, поставил сковородку на огонь, вернулся для возобновления любования – нету малиновой нежности. Да, видно, крепко нынче виновата Москва – живет без сияния небесных лучей. Всю позднюю осень туманы и долгое безснежье, потом глухие снега, потом резкие морозы, внезапные прыжки в оттепель, сейчас обещают метели. Да, а куда ни позвоню, или кто из России позвонит, всегда спрашиваю: как у них за окном? А у них везде солнце. И морозцы для румянца щек и для бодрости. Ну, и чего жалуясь, поезжай туда и живи там, кто не дает? А не дает канатами привязанное сердце к любимым деточкам. Да, так вот, не знал я, не думал, не гадал, что главная любовь меня ждет в старости, что все юношеские и взрослые волнения крови – так все крохотно по сравнению с любовью ко внукам.

Старость моя естественна для них. Они меня молодым не знали. «Дедушка, – говорит Анечка, – ты уже старенький, ты уже можешь ногами шаркать». Или, еще смешней: «Дедушка, а почему ты не учишь английский язык?» – «Я в школе немецкий учил». – «Надо английский учить». – «Мне уже поздно, Анечка». – «Да, – соглашается она, – язык выучишь, а сам помрешь». – «Вот именно, – зачем мне потом английский?»

Очнулся я, обнаружив себя в дымовой завесе – сгорела моя картошечка. Анечка, это ты виновата, так я тебя люблю, что и время не замечаю, когда о тебе думаю. Думал, вот бы Анечка любовалась синичками. Да, у них такие крепкие клювики, что отдалбливают даже сильно замерзшее, прямо каменное сало, и скоро, много через неделю, останется от большого куска только легкая

шкурка, и синицы, качаясь на ней, будут поглядывать на окна дома – где там хозяин, что не идет на рынок? Мы бы слетали, да у нас денег нет.

Меня не пустили в церковь

Да, именно так. Не пустили. И кто? Русские солдаты. И когда? В День Победы. Заранее собирался пойти на раннюю Литургию девятого мая. Встал, умылся, взял написанные женой записочки о здравии и упокоении, еще приписал: «И о всех за Отечество павших», и пошел. А живем мы в начале Тверской, напротив Центрального телеграфа. И надо перейти улицу. Времени было половина седьмого. Вся улица была заставлена щитами ограждения. За ограждением стояла уже боевая техника: современные танки, также и танки времен войны. Рев их моторов мы слышали все последние недели на репетициях парада. Я подошел к разрыву в ограждении. Но меня через него к подземному переходу не пустили. «Я в церковь иду». – «Нельзя!» – «Но я же в церковь, я тут живу, вот паспорт». – «После парада откроют». – «Милые, еще до парада почти четыре часа». – «Отойдите».

Вот так. Сунулся к переходу у Моссовета – закрыто. К Пушкинской – бесполезно. Вот такие дела. И смотреть на всю эту боевую мощь не захотелось. Меня же не пустили, когда я шел молиться, в том числе и за воинов нынешних.

– Вы что, не православные?

– Приказ – не пускать!

Такие дела. Конечно, я вернулся. А все ж горько было. Конечно, плохой я молитвенник, грешный чело-

век. Но вдруг да именно моя молитва была нужна нашей славной Российской армии?

Вот так вот. И смотрел парад по телевизору. Человек в штатском, без головного убора, называемый министром обороны, объехал выстроенные войска, ни разу им не козырнув, выслушав их троекратные «ура», подъехал к трибуне и доложил об их к параду готовности главнокомандующему, тоже в штатском, тоже обошедшемуся без отдания чести, ибо, как нас учили в армии, «к пустой голове руку не прикладывают».

Грянул парад. Дикторы особенно любовно отмечали в комментариях марширующих иностранцев. Потом проревела техника. А потом, прямо над крышами, понеслись самолеты. Некоторые неимоверной величины. Диктор сказал, что если бы они еще снизились на десять метров, то все бы стекла в окнах и витринах вылетели.

Потом горечь прошла. Цветы, ордена, дети, музыка. Что ж, значит, не заслужил я великой чести помолиться о живых и павших в храме. Встали с женой перед иконами в доме и прочли свои записочки. И пошли на улицу, и ощутили, что Победа 45-го достигла и до нас.

Молоко киснет

Конечно, без прогресса никуда. Но в искусстве лучший прогресс – это следование традициям. Европа оттого вознесла русский модерн, что уже пресытилась своими выкаблучниками. А так, модерн бездушен. Козе понятно, что это выдрючивание есть обслуживание своего круга. Но «свой круг» хочет постоянно расширяться и влиять на все круги, и внаглую доказывает, что, например, черный квадрат – это гениально (куб, вечность,

тайна, бесконечность, приход в Россию большевизма... всего наплетут), а васнецовские «Три богатыря», «Аленушка», например, – раскрашенные фотографии.

Ну, ладно. Все это было. Эренбург, например, называл статуэтку, изображающую спокойного слона, пошлостью, а скульптурку слона в период половой страсти, поднявшегося на дыбы, задравшего хобот, гениальной («Люди, годы, жизнь»). Все им бури хочется.

Тот же черный квадрат. Дикость же. Для дураков. Но горланят! Загнали же испуганное правительство в необходимость покупать эту черноту за миллионы.

Но ладно. Расскажу об опыте, бывшем недавно и, конечно, нашими тэвэшниками народу не рассказанном. Опыт таков. На стене были помещены репродукции картин Нестерова, Левитана, Куинджи, Малевича, Шагала, Кустодиева, Кандинского, еще кого-то. Перед каждой картиной был поставлен столик, а на него был поставлен стакан молока. Молоко свежее, налитое в стаканы из одной банки.

Вопрос: в каком стакане молоко скисло всех быстрее? Подсказать? Зачем, все и так сразу сообразили. Конечно, у черного квадрата. Всех позднее у «Березовой рощи» Куинджи. Вспомним ее радость, простор, свежее дыхание.

Еще доказательство, показывающее не только пошлость, но и вред модернистов всяких. Коровы прибавляют надой, когда звучит классическая музыка, и, соответственно, убавляют его при грохоте всяких тяжелых и легких металлистов.

Птицы несутся лучше, цветы цветут, а не вянут, когда слышат, а они слышат, Чайковского и Глинку.

То есть коровам и траве понятно то, что не доходит до демократических искусствоведов.

Время горящей спички

В отрочестве и юности бывают такие безотрадные дни, когда хочется умереть. Тебя никто не понимает, не любит, а я-то такой хороший, вот умру, вот будете знать, кого потеряли. Вот уж поплачете, а я, гордый и красивый, поплыву в последней жизненной лодке, в деревянном гробу в сторону заката.

Нет, говорю я сейчас себе, тому давнему юноше, надо жить долго. Долго, чтобы понять, что жизнь ментальна и что сравнение ее с горящей спичкой рядом с сиянием солнца очень верное. Время горящей спички – вот наша жизнь, а солнце – это вечность, которая суждена нашей душе. Нынче эта солнечная вечность заявила о себе такой жарой, таким пожигающим все живое зноем, что стало всем понятно, от президентов до сторожей: мы ничто перед волей Божией. И хотя ученые стали торопливо валить все на аномальные явления, хотя политики стали изображать заботу о людях и обещать много чего, жара воцарилась как справедливое наказание за наши грехи, и как раз в дни ее владычества я и приехал в родное вятское село, называемое теперь поселком.

В моей родине есть такая сердечная магнитность, что не надо и причин, чтобы ехать сюда. Но нынче была еще и особая причина – исполнялось ровно пятьдесят лет с той поры, как меня увезли отсюда. Из села, самого лучшего на всем белом свете. Да, поверьте, ибо за полвека я успел походить, поездить, поколесить, полетать, поплавать по пространствам планеты и мог все со всем сравнивать.

Полвека. Никто тогда не спросил, хочу ли я уезжать, меня просто призвали в славные ряды защитников Оте-

чества. Наголо остригли, привезли на сборный пункт, а там шагом марш в товарный вагон.

И – жизнь прошла. Видимо, и не могла пройти иначе. Мы, в отличие от нынешней молодежи, не выбирали судьбу, она выбирала нас. Мы не искали в жизни выгоды, жили по потребностям Отечества.

Так вот, полвека. И отлично осознаю, что прожил бы их как-то иначе, если бы все эти годы не жила в моем сердце Кильмезь. Ее красота, ее люди, ее труды, ее уроки. Здесь была прожита первая полнота чувств, и такая полнота, силы которой потом я уже не испытал. Эти влюбленности до того, что сердце колотилось в горле, эти обиды до горьких одиноких слез, это ликование совместных трудов на сенокосе, на воскресниках, эти восторги летних купаний и зимних полетов на лыжах с крутых гор, что в московской жизни могло все это заменить?

Вообще, в мире ничего не меняется со дня сотворения его. Человек тот же, как и прародитель Адам, да и истории у человечества нет, только одно – мы или приближаемся к Богу, или удаляемся от Него. В годы, когда нас насильно удаляли от Бога, даже казалось, что мы вырастаем без Него, кто же спас Россию, как не Господь? Других защитников у России нет. Кто нас хранил в дни войны, голода, лишений, сиротства?

В то раннее утро перед отправкой в армию, когда я пошел прощаться с селом, было попрохладнее, но все было то же: земля, река, небо, наше кладбище, на котором уже тогда были могилки дедушки и бабушки. Прошел по тем улицам, где жили друзья и подруги. Их уже и не было в селе, все где-то или учились, или работали. Безхозно и сиротливо белела около Дома культуры, оккупировавшего здание церкви, танцплощадка и летний кинотеатр. Поднимая пыль, растянувшись на сотни

метров, брело стадо коров. Из репродуктора на столбе, напротив библиотеки, передавалась бодрая утренняя зарядка, и, будто под ее команду, энергично хлопал длинный пастушеский бич.

Обветшала и обречена на снос библиотека, обрушились школьные здания, не идет утром и вечером по улице такое огромное стадо, сгорели и исчезли многие дома, знакомые с детства. Но память моя, как вообще наша память, сильнее пожаров и тления. Нет дома на углу Троицкой и Школьной, а я помню, как он горел, как мы его тушили. Но если исчезали дома, не умирала Кильмезь, целые улицы и переулки появлялись, например, на месте аэродрома и кирпичного завода, и на полях колхоза «Коммунар» в сторону Троицкого. Так что я много счастливее тех, кто приезжает к местам детства, на которых пустыри и следы пожарищ.

За ночь затянуло дымом небо, но это даже принесло облегчение, ибо солнечные палящие лучи теряли в дымных облаках свою жгучесть. Я пришел на кладбище, где ждали меня милые мои дедушка и бабушка. Могилки их заросли хвощом, уже пожелтевшим, золотистым, и еще изумрудной красоты добавляли иголки, осыпавшиеся с широких елей. Вот где отраднo думалось о краткости жизни. Не дивно ли – мгновение назад стоял над свежевырытыми могилами, а вот, уже старик, и сам думаю о своей.

Признаюсь, были в жизни моменты, когда я завидовал умершим, и отлично понимаю отца, сказавшего перед кончиной: «Слава Богу, умираю, не увижу, до какого срама Россия дойдет. А уж до какого дошла». Теперь, отец, она еще до большего дошла. Но жива. И жить будет. Эта уверенность крепнет во мне. Еще бы: я так много жил, помню Отечественную войну, прожил фактически

несколько эпох, смену правительств, идеологий, денежных систем, для любой страны такие встряски были бы губительны, Россия выжила. А ведь все в мире против России. Ее не смогли победить в войну, когда не только Германия, вся Европа убивала нас. Как убивает и сейчас. Тогда убивали тело, сейчас душу. Сейчас тоже идет Отечественная война, война света с тьмой. Все мракобесие мира накинuloсь на Россию, навязывает ей дикие нормы поведения, развращает молодежь, учит цинизму, восстанавливает детей против родителей, опошляет чистоту отношений, издевается над всем святым...

Я пошел к реке детства. Заставлял себя думать о хорошем. Здесь была кузница, там, направо, в логе, чистейшие холодные родники, тут, у моста, лесопилка, дальше по берегу опять родники. И мы пили из каждого. Это же на всю жизнь. Сколько красной и черной смородины, ежевики. А за рекой нескончаемые поляны клубники. А в сосновых лесах рыжики, земляника. Мера радостей жизни была мне отпущена преизлиянная. Но не только же Божии дары природы мы вспоминаем из безоблачной поры детства. Ведь главным в родине была та любовь, в которой мы выросали. И тот труд, который выращивал нас. Мы рвались к работе, мы с детства старались ухватиться за взрослые инструменты. И позднее, когда приезжали в отпуск из армии и на студенческие каникулы, конечно, прежде всего мы старались чем-то помочь. Труд был радостью.

В одном месте решил спрямить дорогу, я помнил, что была тропинка меж огородов. Во дворе играли дети, крутилась лохматая собака и сидела старуха, их наблюдавшая. Я поздоровался.

– Могу тут я пройти напрямую?

– Можно, можно, как не можно.

– А ваша собачка не тронет?

– Да что ты, что ты, она у нас такая ли ласкуша.

Я и пошел напрямую. И тут собака кинулась на меня, да так яростно и злобно захрипела и залаяла, и прыгала, что я стал отступать и нагибался, притворяясь, что хватаю с земли камень или палку. Дети подбежали к собаке, стали ее оттаскивать, старуха стала раскачиваться на табурете, чтобы встать. Наконец собака умолкла.

– Хороша ласкуша, – сказал я, – чуть не сожрала.

– Нет-нет, она очень добрая, – заступилась за собаку старуха, – да ведь у ей сейчас ребенки. А так-то наш, не наш, все идут.

Пошел я дальше, убедаясь в том, что не все еще собаки меня знают.

Жара после обеда превратилась в духоту. Я много ездил по странам Африки и Ближнего Востока, а там такие градусы – норма, поэтому российскую жару, тем более на родине, переносил легко. Шел и вспоминал святителя Иоанна Златоуста, поставившего в прямую зависимость погоду и нравственное состояние людей. Текла Израильская земля «молоком и медом», стала безжизненной иудейской пустыней. «Преложил Господь землю плодоносную в сланость от злобы живущих на ней», как говорит Писание. Так может случиться и с нами, если... Если что? Если не прекратится этот накат цинизма, похабного юмора, вся эта бесовщина ненависти к России – самой целомудренной стране мира. Отчего погибли Содом и Гоморра, Карфаген, Помпея? От разврата жителей. Далеко ли нам до них?

На аллее, близ памятнику солдату, сидели печальные люди, пившие лимонад. Увидев меня, повеселели и сообщили, что обманывают милицию, которая не дает распивать пиво в общественных местах, и они перели-

вают пиво в замаскированную под лимонад емкость. Почему-то эти граждане полагали, что деньги в моих карманах также и их достояние. Но строго воспитанный отцом Александром, я сказал, что еды им куплю, а об остальном не мечтайте. Хотя магазин, куда со мной пошел небритый человек средних лет, как раз назывался «Мечта». Человек сказал, что у него есть стихи о России. Я попросил прочитать. Он стеснялся. Тогда я выдрал листок из блокнота и попросил переписать хотя бы одно стихотворение. «А я пока куплю чего поесть, гонорар такой тебе». Вскоре мы обменялись. Я ему еду, он стихи. Дома их прочел.

«Эх, Россия-матушка, чего ты только видела. И, наверно, моря три горьких слез ты выпила. Эх, Россия-матушка, где же царь твой батюшка? Что стоишь-качаешься, пьяная, не каешься? Эх, Россия-матушка, похмельная головушка, протрезвись, взгляни кругом, чья же это кровушка? Не царя ли твоего, не за твою ли братию, кровь же к Богу вопиет, ты нажила проклятие. И пришла, Россия, ты к последнему порогу. С покаянием припади на колени к Богу. В чем соборно ты клялась, в том соборно кайся, и на бой последний ты встань и поднимайся».

Пошел его похвалить, но он уже, выменяв еду на спиртное, меня не узнал, вновь прося сумму на дополнительную поправку здоровья.

Жена звонила и говорила, что в Москве ужасы жары доходят до каждой квартиры. Не спасают и кондиционеры, так как прохлада из них полна запахов гари. «Да еще этот асфальт».

Да уж, асфальт. Думаю, что все наши несчастья от этого асфальта. Родина его – Мертвое море, оно так и называлось, Асфальтовым. Именно оно погребло разврат-

ников Содома и Гоморры. В словаре Даля приводится московское название асфальта – «жидовская мостовая». Асфальтом заливали тела покойников и приспособились заливать землю. А земля никогда не умирает, и под асфальтом жива. Все мы видели, как весной появляются трещины на асфальте, это растения пробивают крышку своего надгробия. И трещины заливают, и новым асфальтом закатывают, и вроде побеждают растительную жизнь, но все равно есть ощущение внутренней, загнанной в темницу жизни. Асфальт, его испарения, вызывает раковые заболевания. А в жару мы в городе только ими и дышим. А если бы снять корку асфальта с земли, как бы она вздохнула, как благодарила нас чистым воздухом и прохладой.

Но разве не так и Россия? С ее единственностью, неповторимостью, она убивается, закатывается асфальтом чужебесия, иноземных нравов. Зачем нам их навязывают? Какая же это мировая цивилизация, которая одобряет гомосексуализм? Это-то и есть содомия, названная так по имени города Содом, провалившегося в Мертвое море.

За поселком, на проводах, я увидел стаи стрижей. Это редчайшее зрелище – сидящие, а не летающие стрижи. У нас их всегда было много. Небо моего детства покрыто крестиками стрижей. Это не ласточки, хотя они и похожи, и не ласточки-береговушки, которые иссверлили все обрывы по берегам рек, это именно стрижи. Ловкие, легкие, красивые. Они не могут взлететь с земли, у них большой размах крылышек. Однажды в детстве я шел в поле и увидел, что стрижи кричат и летают стайей над одним местом. Я увидел птенца, уже большенького, но беспомощного. Он пищал и крутился на одном месте. Рядом был сарай. Я сразу решил, что

надо птенца поднять на высоту, а там он взлетит. Но как? Поймать-то я его поймал и под рубашку посадил, но стрижем был непонятен мой порыв, и они кричали, и пикировали. Да и птенец больно скребся под рубашкой. Я лез по углу сарая, боялся и, подбадривая себя, разговаривал с птенцом: «Хочешь жить, а? Хочешь, конечно. А как же?» Птенец царапался, подтверждая волю к жизни. Стрижи меня атаковали и с размаху тюкали в голову. Долезши до крыши, я ухватился одной рукой за ее край, другой вытащил пищущего и бьющегося в руках птенца и посадил на замшелую поверхность. Потом сорвался на землю, вскочил и отбежал. Стрижи поняли мою им помощь и больше не нападали. А птенец вскоре полетел вместе со стаей.

Конечно, эти, сегодняшние, стрижи были потомками именно того стришонка. Весело и заслуженно я поздоровался с ними. «Помните своего предка? А тут и мои тоже».

Я все тот же, родина моя. Тот же босоногий мальчишка, любящий тебя уже только за то, что здесь появился на свет Божий. Так мне было суждено. Это только подумать: ни за что, просто по милости Божией мне была подарена такая родина. Такая река, такие леса и луга, такие люди. И за это счастье никогда не устану благодарить Бога.

Черный дым

(О мертвых — или ничего, или правду)

Только не надо напоминать мне известное правило: о мертвых — или хорошо, или ничего. Я это правило знаю. Но наши демократические тэвэшники и журна-

люги сделали так, что папа римский вечно живой, как Ильич для большевиков.

Шаманское камлание вокруг умирающего врага России было, говоря языком смишников, беспрецедентным. Как болел папа, нам все рассказывали и показывали. Как он, бедняжка, подползал к окну и, явно страдая всеми болезнями, маячил рукой миллиарду католиков, а заодно и нам, смотреть на это было очень переживательно. Ну дайте же вы человеку умереть спокойно. Тем более, открылось вскоре, что уже чуть ли не в 85-м году прошлого столетия папа уже составлял завещание.

Но и не только это мы узнали. Оказывается, в Ватикане весьма суровое правило проверки, в самом ли деле папа умер или еще нет. Чтобы убедиться в этом, папе по голове стучат молотком (все-таки не кувалдой, да и молоток золотой), стучат и называют по имени. Если откликнется, еще поживет, если нет, надо хоронить. Рассказали нам, и как папа велел кардиналам при голосовании о новом понтифике менять почерк, рассказали и о черном дыме над Сикстинской капеллой, и о белом тоже над ней. Видели мы и тотализатор, в котором делали ставки на кандидатов в папы, как на скаковых лошадей. Шоу было грандиозным. Какие там нужды, надежды и страдания России, когда папа помирает. Как страдали, особенно энтэвэшники, от того, что бедного папу не пустили в Россию. А ведь как рвался, кругами ходил: Украину, Прибалтику, Кавказ, Среднюю Азию потоптал и проехал в застекленной клетке папамобиля (нам и про папамобиль рассказали). Но в Россию Господь не допустил.

Ни за что бы я не стал братья за перо по поводу папы, но вынудили. Казалось бы, все знают о наших давних противостояниях с католиками, о продолжающейся опасности католического нашествия, но сколько же в эти

дни было криков о том, что католики – лучшие друзья России. Надо же! Что ж тогда великий князь Александр Невский видел главную угрозу для Руси от католиков, а не от восточной Орды? Что же тогда Смутное время, спровоцированное, организованное католиками? А Наполеоново вторжение? И следствие его – декабризм. А франко-английское присутствие в Крыму, когда они дружно сплотились вроде бы со своими врагами, мусульманами, против России. Что говорить о революции, сделанной сплошь на католическом капитале. Что такое немецкие деньги и запломбированные вагоны, что такое пароход с троцкистами из Америки? И последняя война, салют по которой еще светится в московском небе, разве это не дело рук католиков и соработников их? Вопрос: был бы итальянский фашизм без Ватикана?

И из папы делают великого миротворца, смешно даже. Взрывы американских бомб и ракет, разрушение сербских церквей в Югославии было музыкой для Ватикана.

И еще: если папский престол исповедует Христа распятого, то что же папа Иоанн Павел II (первый из пап!) пошел на поклон в синагогу к иудеям, врагам Христа? Это как?

Так что о мертвых или ничего, или правду. Закончим стихами. В необыкновенной по своему поэтизму и высокой мысли поэме Заболоцкого «Рубрук в Монголии» рассказывается о миссии католического посланника в Золотую Орду. Цель миссии – склонить монголов к союзу с Ватиканом, естественно, против России. А не получается. Почему? Ведь «в глуши восточных территорий... как первобытный крематорий еще дымил Чингизов путь». Но восточный ум не западный. Здесь «любой монгольский мальчуган всю казуистику Ру-

брука, смеясь, засовывал в карман». И на переговорах, щурясь на иноземца, хан справедливо говорит: путь у нас различен, ведь вы, Писанье получив, не обошлись без зуботычин и не сплотились в коллектив». Монгол отлично понимает всесветные аппетиты католиков. Им всегда будет мало захваченного.

Подальше от них. Как говорит русская пословица в отношении ко врагам: «Дай Бог им здоровья, а нам терпения».

«Земля еси и в землю отыдеши»

Надо напомнить одну истину, которую все знают, но которую как-то забывают. Она проста, но именно она сбудется на каждом из нас: мы все умрем. Мы пришли на этот свет, ничего не принеся с собой, и уйдем, ничего не захватив, кроме тех дел, которые успеем совершить в своей земной жизни для спасения своей души или для ее гибели.

В православном обряде отпевания, утешающий смысл которого в том, что день земной кончины – это день рождения в жизнь вечную, есть великие слова, обращенные и к уходящему, и к провожающим, они о человеке, как о сотворенной Божией твари: «Земля еси и в землю отыдеши». Первый человек Адам был сотворен из земли и в нее же ушел. А вслед за ним пошли и идут остальные.

И по тому, что человеческая плоть содержит в себе земные элементы, и по тому, что земля нас держит на себе, по тому, что кормит, она – великая тайна. Тайна ее в том, что она живая. Землю носили в ладанке на груди воины, на их могилы, выпавшие быть в чужой стране,

привозили родной землицы. В обряде заочного отпевания предусмотрена освященная земля, которую отвозят на место захоронения. К земле припадали слабеющие в борьбе русские богатыри, и она давала им силу. Землю «слушали» перед боем. Известно из Сказания о Куликовской битве, как князь слышит, припав ухом, предсказания земли, как горько кричит мать язычника и как тихо плачет русская вдова.

У любого из нас самое малое три матери, а у крещеных четыре. Матерь Божия, Мать – сыра земля, родная мать и мать крестная. Оттого-то так страшна матерная ругань. Уходя в дальние походы, люди целовали родную землю и целовали, возвращаясь. Высочайшая русская пословица: «Умри, а с родной земли не сходи» – как раз объясняет безстрашие и непобедимость русского воина. Молитвенно и коленопреклоненно наше отношение к своему Отечеству, которое стоит на материнской земле России.

Земля обладает магнитной тягой к себе. Великое счастье – видеть, как появляется на свет Божий росток из посаженного тобой семени, как ходят по земле скворцы, как забываемы по вкусу плоды и овощи, выращенные тобою. Почему они лучше покупных? Не только от отсутствия пестицидов-гербицидов, они выращены с любовью.

Земля – категория не экономическая, а прежде всего нравственная. В народном сознании всегда возвышались два человека: пахарь и воин, и прежде всего пахарь, земледелец, хозяин на земле. И всегда осуждался и клеймился позором торговец землей, перекупщик. Дико представить, что пахарь Микула Селянинович, помогающий Вольге, торгует своим наделом. Напротив, он не берет за свое участие в помощи ничего и возвращается на свою

полосу, к своей сохе, которую не могли вытащить из борозды и бросить за ракивов куст «тридцать молодых без единого». Конечно, и свою бурушку-косматушку, как у него ее ни торгуют, не отдает ни за какие деньги. Напомним, что и великий Святогор, богатырь такой мощи, что «не с кем было ему и силой помериться», побежден не каким-то соперником, а «тягой земной».

И с этой тягой земной спорить бесполезно. Ее надо любить, ей надо служить, иначе она попросту стряхнет с себя или же перестанет кормить. От русских былин обратимся к Израилю, его ветхозаветной истории. Высшее проклятие, которое звучит в Давидовой Псалтыри, это: «Да потребится от земли память их» (108, 15). Землю ни в коем случае нельзя ничем оскорблять. Земля «была поругана» приношением жертв. Когда была «пролита кровь неповинная», то «убиенна бысть земля их кровьюми» (105, 38). Превращаются «реки в пустыню» и «земля плодоносная в сланость», то есть в солончак, бесполезный для возделывания, не только от пролития крови, но и, объясняет 106-й псалом, «от злобы живущих» на этой земле. Вспомним страшные, безжизненные взгорья иудейской пустыни.

Славянские сказания, былины, легенды, сказки, половицы, поговорки сплошь говорят о главном для человека и его Отечества, о земле. И только в превосходной степени. Добра мать до своих детей, а земля до всех людей. Какая земля, такая и вера. Держись за землю – трава обманет. Главный поклон перед иконами называется у нас земным. Земля с могил святых спасает от бед. Место земной жизни Иисуса Христа называется Святой Землей. Именно из щепоти земли Спаситель творил «брение» для прозрения слепорожденного. Как можно было обидеть землю, плюнуть на нее? Страшнейшее проклятие:

«Чтоб тебя земля не приняла!» И земля действительно не принимала самоубийц, пьяниц, отлученных от церкви, колдунов, ведьмаков и ведьм.

Соединение земного человека с землей было сродни празднику. Покойников неслучайно обряжали во все чистое. Старухи щепетильно берегли «смертное», чистое ненадеванное белье. Боярыня Морозова, сидевшая в земляной тюрьме в Боровске, просила стража постирать ей ее единственную рубаху: «Не могу я возлечь в недра матери-земли в нечистой одежде». Могильная земля давит, поэтому отсюда обычай бросания в могилу трех горстей земли и приговора: «Пусть земля будет тебе пухом». Земля благодарна за заботу, она назем раз примет и девять лет помнит. Не жадничай, говорит народная мудрость: вся земля твоя – саженка вдоль, да полсаженки поперек, и будет с тебя.

Их всех четырех стихий: воды, воздуха, огня, только земля имеет день именин, когда так и называется: Земля – именинница. Это День Пятидесятницы, день, когда Спаситель покидал землю, оставляя на ней для нашего утешения дар Святаго Духа. Святитель Иоанн Златоуст ставил в прямую зависимость погоду и урожаи на земле от нравственности. А нравственность в высшем понимании – это торжество духа над плотью. Если иначе – беды: засухи или же, наоборот, наводнения, землетрясения, бури, ураганы. Как бы мы ни объясняли научно совершенно внезапное нашествие гигантской волны в Юго-Восточной Азии, объясняет ее явление развращенность посетителей тех мест, едущих на тамошние курорты как в дешевый публичный дом.

Почему Господь был всегда милостив к России? И если наказывал нас большевиками, коммунистами, а теперь либералами, то есть всегдашними интернацио-

налистами, то во вразумление и в назидание за отступления от воли Божией. Грехи допотопного мира были смыты вселенским потопом, но потом было и еще доказательство праведного гнева Божия, это уничтожение городов Содома и Гоморры в Израиле. Содомский грех, как тягчайшее преступление против созданного по образу и подобию Божию человека, был истребляем также и бичом Божиим Тамерланом. Картина Верещагина «Апофеоз войны» показывает пирамиды черепов не воинов, а гомосексуалистов Ближнего Востока, которых уничтожил Тамерлан. Когда он двинулся на север, то русичам казалось, что чуть ли не смерть наступает, ибо такого полчища не бывало на Руси со времен Чингиз-хана. Но Железный Хромец, таково было прозвище Тамерлана, внезапно поворачивает от Ельца свои войска. Ибо явилась Божия Мать и повелела уходить, ибо содомского греха в Русской земле нет.

Да и как могли бы прижиться грехи в святой земле, которая вся была освящена трудами и молитвами крестьян, которые определяли лицо России во все времена. Меняли плуг на меч в годину напастей и вновь возвращались к плугу. Вся Русь-матушка была исхожена крестными ходами, оглашена молитвами, песнями странников, паломников, путников, когда в ней была великая поэзия соединения неба и земли. Задолго до изображения святого великомученика Георгия на Руси был известен образ Перуна-громовника, поражающего змия. Семицветие радуги толковалось как мост от земли на небо или как небесное коромысло, с помощью которого Божия Мать черпает воду в реках и озерах и потом орошает поля. Это была райская дуга, рай-дуга, в которую впрягались огненные кони, подобные тем, на каких вознесся к небесному престолу Илья-пророк. А зимние святки, когда

крестьяне отдыхали от трудов праведных, а Крещенские купели в безчисленных по Руси Иорданах, а колокольные звоны, а пасхальное сияние играющего в небесах солнца, а «зеленые святки» Троицыного дня, хороводы во-круг увитых лентами березок. А единственность выбора спутника в жизни, одного и навсегда. «С кем венчаться, с тем кончаться». А величайшая преданность родине, культ избы, очага, колыбели, чистота семейных отношений. Высокая поэзия жизни, в которой просто не было места грязи, ни бытовой, ни душевной.

Разве мог вытерпеть такую Россию обезбоженный западный мир? Погибающий в материальном взгляде на жизнь, неспособный поднять взор к небесам, кланяющийся Ватикану, а не Богу, он, этот мир, назвал Возрождением обращение к античности и стал цепляться за дохристианские идеалы, то есть возрождал язычество. Хотя и просвещенное. В нем было все: наука, техника, зрелища, моды, не было самого главного, святости. Вот слово, разграничивающее наши миры. Религия для Запада – прикладное явление, имеющее только практическое значение («помоги, Господи, купить дом на побережье»), для нас святость – спасение бессмертной души. Именно святость, ибо выражение: «Мир спасет красота» затерлось и обезценилось. И проститутка красива, и циничная телеведущая. Красоту можно подменить, замазать, святость нетленна. Объяснить понятие святости Западу невозможно. У них нет понятия соборности, у них саммит, симпозиум, нет различия между словами: правда и истина, да что там – у них и гостинец – презент. И ярмарка – супер-, а тепер уже и гипер-маркет.

Разнузданная свобода нравов, власть капитала, не знающего понятия совести, – вот куда нас толкают либералы, не желая понять, что для западной цивилиза-

ции наступила тьма, небытие. Венец всего – постоянные убийства безо всякой причины, просто хочется острых ощущений, к которым зовет любая реклама. Разврат как норма, одобрение бомбежек мирного населения – в этот мир Россия никогда не войдет. В просвещенной Англии венчают гомосексуалистов...

И почему мы никак не вылечимся от застарелой болезни считать Запад образцом для подражания? С чего? Это варвары, закосневшие в гордыне и своей непогрешимости. А мы со своим смирением и терпением для них отсталая нация. Спросим: есть в мире иерархия ценностей? Обязательно должна быть, иначе все расплывется. Какова высшая ценность? Человек? Нет, это по масонской теории гуманизма, то есть для профанов. Гуманизм заканчивается фашизмом. Не человек высшая ценность, не его житейское благополучие, а Господь Бог. И кто в мире всех ближе к небесному престолу? Конечно, тот, кто наиболее принял Христа в свое сердце. И это именно Россия. Как у смертного тела есть душа, так и у мира есть душа, это православная Россия. Если что случится с Россией, остальной мир погибнет автоматически. Конечно, это опять же очень русское – спасти гибнущих, но настала пора спасать себя.

И спасение пойдет не от политиков, от крестьян. Они – кормильцы, этим все сказано. От гайки по-прежнему не откусишь, к тому же эти гайки все дорожают. Прежнему гегемону, свершившему несколько революций, обычно достается после них стучание касками по асфальту. От стука по земле каски не слышно. А крестьянам стучать некогда, надо коров доить. Не вернется прежняя община, но вернется и уже возвращается осознание главного счастья – труда на земле. Теперешний рабочий класс уже и забыл, как выезжал на воскресники

в село. И очень жаль. Жаль невозвратного времени, когда нас посылали «на картошку» А на картошке, как в артели, все видны как на рентгене. Вспоминается и еще одна мудрость: «Выбирай невесту не в хороводе, а в огороде». Исполняя народную примету, я свою спутницу жизни увидел и полюбил именно в студенческий сентябрь.

От сохи, от печки, как говаривали ранее, идет возрождение. Не в западном, а в русском понимании. А это – осознание единственности и неповторимости России. У нас нет запасной родины, нам ни к чему двойное гражданство. И главным героем возрождения становится человек на земле. Это объяснимо правом первородства профессии, ибо первое искусство, данное человеку, было земледелие. Первым оно и остается. Какие бы громокипящие речи ни изливались на нас, какими бы историческими ни назывались политические события, двигатель истории один – человек труда, хозяин земли.

О, Русская земля! Ты не за холмом. Ты велика, но вся умещаешься в нашем любящем сердце. Мы любим Тебя, и Ты сохранишь своих сынов и дочерей. А тех, кто торгует Тобой, кто смотрит на Тебя только как на территорию для наживы, тех Ты стряхнешь с Себя. Тебя, земля наша, много раз ненавидели, но наша любовь к Тебе все переборет.

От обороны к наступлению

Да, надо спасти Россию. Но прежде отгородясь от пустословов, болтающих о спасении России. Господи Боже мой, сколько же я видел за последние двадцать лет фондов, движений, партий, ассоциаций, соборов всех

мастей, и все они писали уставы, выдвигали программы, и все кричали о спасении России. Так что ж она никак не спасается? От гордыни и карьеризма организаторов таких движений, а паче всего от их безбожия. Кричит же Жириновский, например, о России, но мы же понимаем – болтун, циник и пошляк. Если уж договорился до продажи девственниц за валюту. Постоянно плавают за стеклами телевизора два причесанных первых зама и рассказывают подготовленным слушателям, как они любят Россию, как стало жить хорошо. Болтает Зурабов, но мы видим его безразличие к старикам и больным. Да ты хоть прямо при нем помри, не вздрогнет. Болтает Греф, сорит цифрами, но настолько похож на Троцкого, что думаешь – это же клон. Журчит Фрадков, но испуганно озабочен: лишь бы не трогали. Юлит, вибрирует Фурсенко и, страха иудейска ради, послушно губит русскую школу. Хамит, хотя и трусит, Швыдкой. Кого не забыли? Японскую трихакамаду? Рыжего электрика, прочитавшего по складам Достоевского? Чукотского комбинатора, любителя футбола? Петербургскую дамочку, уничтожающую облик северной Пальмиры? Все они вставлены в систему, как элементы демократической таблицы, и наивно думать, что они будут поступать иначе. Всегда будут врать, что им дорога Россия. Что ради нее умрут и отдадут леса и перелески своих загородных дач под детские сады и дома ветеранов. Что переведут счета в зарубежных банках на счета сельских школ, библиотек, обществ ветеранов оболганных афганских и чеченских войн.

Есть наивная русская сказочка о добром царе и нехорошем его окружении. И ее опять нам внедряют, а поуголовному, впаривают. Якобы Президент очень-очень хороший, но вот обсели его нехорошие дяди, в основном

северо-западные. Но сам же он их призывал, сам совал в руки портфели, сам ездил к пьяному убийце русских детей советоваться, сам его окружил тройными стенами, сам начал передвигаться по миру, уверяя, что Россия рвется к мировой цивилизации.

Но неужели же нет в его советчиках хоть одного, кто сказал бы, что такое нынешняя цивилизация? Это казино, это дом терпимости, это ад, в котором венчают гомосексуалистов, как в Англии, детей бомбят, как американцы, и надо же, наконец, людям, стоящим у власти в России, понять, что у России в этом мире свой путь, своя высочайшая миссия спасения мира, которая осуществится только при условии сохранения тысячелетних традиций порядочности, нравственности, чистоты и целомудрия. Что Россия – подножие Небесного Престола, Дом Царицы Небесной.

Демократы – те же самые большевики, у них те же методы удушения с ними несогласных, только более изысканные, те же самые коммунисты, создающие главную загребушую партию, правда, позволяющие жить партиям и завидушим. Все же они кричат о главной своей задаче – о благосостоянии народа. Но вот я – народ, народ – моя родня, мои вятские земляки, и я их знаю куда как лучше любого либерала. Нам не нужно ни больших денег, ни яхт, ни стриптиза, ни ВТО, нам нужна спокойная жизнь. Когда нам не врут, когда мы уверены в завтрашнем дне, когда знаем – родина защитит. А главное, знаем о краткости земной жизни, о бессмертии души, о том, что каждого ждет отчет за свои поступки на неизбежном для всех Страшном суде. Думаю, что рабу Божию Александру Лукашенко будет на суде гораздо легче, нежели его российскому коллеге рабу Божию Владимиру.

В России власти и народ живут отдельно. Народ религиозен, власти притворяются, что и они тоже. Но властям, видимо, нравятся письма нобелевских лауреатов, направленные против влияния Церкви на общественную жизнь. Эти лауреаты вместе с Дарвиным, в обществе тех, от кого произошли, прыгнули с дерева, но дремучесть лауреатов обсуждается властями всерьез. Или же вопли нового отряда интеллигенции, демократического, которая скрывает пустоту души интеллектом. Слышат же ее власти.

Но когда же власти услышат голос народа? Когда этот народ сплотится и начнет не только защищаться от все новых и новых нападений на отечественные святыни, но и будет нападать на одолевшее Россию мракобесие? Ну не зрители же мы постоянных комедий выборов.

Таким крепнущим голосом, по моему выстраданному мнению, обладает сегодня только Народный Собор. Его дела за последнее время конкретны, о них нет нужды напоминать. В руководстве Собора люди некорыстные, любящие Россию. Знающие, что тело мира погибнет, если что-то случится с его славянской душой. Знающие, что преступно шестерить перед Бушем, будь он хоть сын, хоть отец, хоть внук. Что даже при условии любой блокады: экономической, военной, юридической, при любых визгах средств информации Россия спокойнехонько выживет. Наша Родина, есть такое слово, самодостаточна.

Все разделы предсоборных документов ориентированы на созидание сильной, в полном смысле независимой России. Что важно – высоконравственны. Без кукиша в кармане, без камня за пазухой. Ощущается поддержка людей, которые понимают, что капиталы в России можно наживать только для одного – для траты их на народные нужды, на добрые дела.

Таким добрым делом, важнейшим звеном в крепкой цепи, возвращающей Россию на исторические пути развития и роста, является осенне-зимний Народный Собор. Но есть непереносимое пожелание, оно в том, чтобы делегаты на Собор, пришедшие с мест, принесли с собой и отчитались за свои конкретные дела. Какие?

Ответ: спасающие Россию. Москвичи должны отчитаться, что вынесли памятники ненавистников России Маркса и Энгельса на свалку истории, переименовали станцию имени убийцы русского царя Войковскую во Всехсвятскую, или хотя бы в Петербургскую, начали возрождение Страстного монастыря, снесли для этого стеклянный зверинец кинотеатра, поставили хотя бы часовню на месте Свято-Георгиевского монастыря (рядом с Думой) (а святой великомученик Георгий – покровитель Москвы).

Дело, и только дело. Пусть небольшое, но это та теория малых дел, которую усиленно клеймили большевики, им все мировой пожар грезился.

А депутаты Вятской земли доложат, что они убрали с областного центра позорную кличку – клеймо пламенного болтуна и сталинского лизоблюда Кирова, который еще прежде отказался от фамилии предков Костриковых, взяв псевдоним царя Кира, освободителя иудеев. И вообще все депутаты должны прийти на Собор с уже свершенными делами во славу России. Вот чего более всего страшится враг нашего спасения. А нам-то чего страшиться? Мы на своей земле, мы здесь не тысячу лет в гостях, у нас нет запасной Родины, но нам уже стало противно, что заезжие хамы, которых мы пригтели в силу своей русской приветливости, сели не только за наш стол, нас объедая, но и ноги положили на стол. Нет, так дело не пойдет.

Собор нужен. Собор как соборная встреча и Собор как постоянно действующая организация единомышленников. Мы уже по горло, до тошноты, сыты болтовней и сотрясением атмосферы. Конечно, и российское телевидение, самое развратное, самое пошлое и самое трусливое в мире, и самая продажная в мире российская пресса постараются замолчать надвигающееся событие, но есть и наши издания, есть и, что сейчас важнее всего, патриотический интернет.

Нужное, единственно необходимое дело взялся осуществлять Народный Собор. Это мужская работа – спасти Отечество, Державу, Государство, Россию. Сколько же вокруг нас не людей, а англочирикающих биороботов с электронными мозгами, что с того? Жива в мире только Россия. И только мы поняли, что нет у Господа Бога смерти. Отсюда и огромное желание – обрушить этот сатанинский мир в адские бездны. Мы-то спасемся, мы-то взлетим в Русь Святую, мы-то, даст Бог, войдем в малое стадо Христово.

О НАЗНАЧЕНИИ ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ

Русские тезисы

У всех своя судьба. Все похоже в одном: если родились, значит, умрем. Но это тело умрет, а душа будет жить и отвечать за все, что натворил хозяин тела в земной жизни. День земной кончины – это день рождения в ожидание Страшного суда, который неизбежен. Верь, не верь – неизбежен.

Земля – центр Вселенной, Россия – центр земного мира. Как у каждого тела, так и у мира есть душа. Это Россия. Случись что с нею – остальной, суетный и причастный тлению мир погибнет тут же. Спасение его – в понимании главной роли России на планете.

Православие на землю принес Сын Божий. Секрет души русского народа – она выращена Православием.

Не то сейчас время, в последние времена, чтобы еще убеждать неверующих в присутствии Бога на земле. Да их и не осталось. Времена атеизма сменились временами сатанизма. Исполняется масонская мечта – религия объявляется частью мировой культуры (пение, архитектура, живопись), но вера православная не религия, «ибо (Хомяков) религия может соединять

людей, но только Вера связует людей не только друг с другом, но еще и с ангелами и с Самим Творцом людей и ангелов».

Когда что-то не получается в России, говорят о любых причинах: экономических (коррупция, техногенные катастрофы, невыгодная торговля), политических, (не с теми в союзе), социальных (бедность, сиротство, проституция, наркомания), то есть говорится все, чтобы не сказать главное – причина одна – отход от Бога. Долго не было ясной погоды, и сказала старуха: «Живете без Бога, так живите без солнышка». Вот это «без солнышка» относится ко всему. Св. Иоанн Златоустый выводил неурожаи, наводнения, засуху из нравственного состояния людей.

Последние времена начались с момента Вознесения Христа с Елеонской горы. Приход Христа к нам был последней милостью Господа. Ни потоп, ни огни Содомы и Гоморры не вразумили людей. И самая великая Крестная жертва, показавшая все величие любви Божией к Своему творению, спасает лишь малое стадо. Но и это предвидел Господь, сказавший ученикам: «В мире гонимы будете». И это малое стадо – православная Россия.

Есть иерархия ценностей? Как же без нее. Кто главный в мире? Создавший его. А дальше? Дальше те, кто наиболее воспринял Христа. Представить, что впереди России Англия – дико. У них передовое только то, что венчают гомосексуалистов да женщины епископы. Совершенно неумный курс на интеграцию в мировое общество. Какое? То, которое радостно аплодировало братоубийственному октябрю 1993 года?

Россия одинока в мире, только те, в которых еще сохранилось Православие, надеются на нас, остальные не любят. И это уже пора признавать нормой. Не любят нас за нежелание жить так, как живет остальной мир. У нас, как ни прививай, никогда не привьется материальное отношение к миру. Это же самоубийство.

«Живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8, 8). От угождения плоти погибла Византия. Но Россия – не Византия. Хотя есть, например, полное сходство роли венецианских купцов в гибели Византии и купцов генуэзских в попытках убить Русь руками Азии. В Куликовской битве участвуют генуэзские полки. А чего они потеряли на берегах Непрядвы? И Мамай бежит после поражения в Кафу (Феодосию) в колонию генуэзцев.

Но в остальном? Хлеба и зрелищ? Русские быстро перемалывают напор массовой культуры. С потерями, к сожалению, но перемалывают. И порнографию, и детективную, и кинятину, подобную «Царю», подделкам о сталинских временах, сериалам о заградотрядах, бандитах, школе... Здесь цель – развратить молодежь и извратить историю. Есть много хороших, нужных документальных фильмов о духовности, сострадании, милосердии, есть и православные фестивали, но их участников на экраны просто не пускают. От страха, что подлинное искусство высветит ложь и клевету тенденциозного.

Пора остановить это чисто русское стремление – спасти всех. Сколько ж можно было отдавать последнюю рубаху? Для чего? Чтоб стать «клятым москалем»? Вот уж воистину, по русской, опять же, пословице: «Не вспоивши, не вскормивши, врага не наживешь». Спасти себя – вот сегодняшняя задача, взойти на корабль спа-

сения, который идет по волнам моря житейского. Корабль – Православная Россия, предтеча Святой Руси.

Большевистской уравниловки в России не получилось, демократические уверения в создании класса богатых для того, чтобы не было бедных – полное вранье. Болтовня о рынке обернулась наживой для жулья. Где все эти долготязыкие Познеры, Сванидзе, Соловьевы, Киселевы, Швыдкие, Ерофеевы, Адамовичи, Старовойтовы, Заславские, Черниченки, Хакамады, Ковалевы, Стреляные и другие ударники и отличники школы Новодворских? Выпускники этой школы договорились до того, что Сталин и Гитлер – одно и то же. Но это признак того, что с головой у них не все в порядке.

Деньги – категория нравственная. Они даются для добрых дел, иначе приведут к гибели. Но какие добрые дела угодны Богу? Те, которые делаются не для самовосхваления, не для отмывки денег. В России всегда было делание «потайной» милостыни. Если благодетель, именуемый сильно русским словом спонсор, везет в детский дом телевизор, а за ним тэвэшники, снимающие доброго дядю для рекламы его фирмы, какая же это милость?

В России всегда работало правило: Господь позволил мне разбогатеть, я возвращаю богатство Отечеству. Когда кто-то богатеет, значит, непременно кто-то беднеет. В памяти народа остаются только те, кто тратил деньги на добрые дела. Примеры: Третьяков, Мамонтов, Морозов, Солдатенков. Но, конечно, и Березовского, и Чубайса, и Абрамовича не забудут. И гордый выкрик Немцова: «Мы – люди не бедные». Вы не бедные? Что

ж вы такие злые? Так что бросьте, либералы, болтать, что русские воруют. Побойтесь Бога. Кто же возглавил главное воровство в истории России – приватизацию 90-х? Причем, это не только ограбление, но убивание России. К слову, частушка народная: «Были-жили, не тужили, вдруг пришли мазурики: борьки, мишки, гайдаришки и другие жулики».

Не в России воруют, а у России воруют.

Вся наука мира держится русской мыслью. При Горбачеве наживались на продаже секретов, в том числе оборонных. Один украл средства слежения за низколетящими целями. Украл, продал, сбежал. Другой оборонщик: «Ну и хорошо, мы еще получше сделаем». Вспоминается Суворов, отдавший австрийцам-союзникам против турок трофейные пушки. «Ваше сиятельство, но ведь австрийцы бежали». – «Отдайте, отдайте, где им, бедным, взять, мы еще добудем». Он же, перед штурмом Измаила: «Мы – русские, какой восторг!»

И с чего бы захватившие Россию заокеанские большевики меняли свои фамилии на русские? С чего бы мракобесные приказы подписывали не они, а русский выкрест Калинин? И лагерями Соловков и Беломорканалом командовал русский Киров- Костриков? С чего? Боялись.

Не дураки и дороги – беда России, а то, что дураки указывают дороги. Но это не русские дураки, русские Иваны-дураки давно в раю. А демократы, если и были умными, то одурели от жадности, а хитрость – часть жадности. Мы – русские, безхитростны, оттого нас любит Господь.

По всей России жадно шарят вербовщики русских талантов, соблазняя их сытой жизнью. Но преступно перед народом оправдывать свой отъезд материальными причинами. Благополучие не увеличивает дарование.

Всегда были в России села, деревни, поселки, теперь же все они обзываются поселениями. Это все к тому, чтобы нас унижить, отнять родину. Поселение, что это? Какое? Военное? В поселении в отличие от деревни и села есть что-то тюремное, временное.

Большевики в 17-м: «Мы захватили богатейшую страну мира. Как будем к ней относиться, как к своей или как к чужой?» Решили, как к чужой. Но, спросим, почему же она была богатейшая? Во-первых, по милости Божией (недра), во-вторых, толково хозяйствовали.

У демократов методы большевиков. Правы только они. Не согласен? В отбросы! Вдобавок жадны и циничны. Жадны, видимо, от природы, циничны от безнаказанности. И еще считают, что осчастливили Россию. Чуть ли не солнце над Россией зажгли. Такое их солнце не освещает, а выжигает Россию. Достижения демократов: вырастили преступность, детскую безпризорность (три миллиона безпризорных детей!), расплодили проституцию, чуть ли не узаконили взяточничество, коррупция уже как норма, наркомания растет, пьянство, туберкулез вернулся. Нищим дали счастье умирать в свободной стране. Только одно снизили – рождаемость. Да, еще вырастили вокруг городов, в зеленых зонах, дома-дворцы, хозяев которых можно наугад судить по любой статье УК РФ.

Но самая главная их цель – уничтожение русских. Смертность в России со времен Ельцина опережает рождаемость.

Что ж мы-то такими лопоухими оказались? Сказал же нам отец Иоанн Кронштадтский: «Демократия в аду», сказал? Увы, не ему, а Горбачеву поверили.

Обозвали нас россиянами, опять проглотили. А в Чечне воевали с бандитами, оказывается, какие-то федералы. За что так унижить русских солдат?

Оберегали себя предки от «взирания в окаянную иностранщину». Чужое надо оценивать с точки зрения ее полезности для России. Кстати, чужь и чушь – одно.

Не подражать же, например, в доказательстве организации Вселенной то от начального взрыва, то от возникновения живой клетки в грибках и плесени, то поиски «переходного» черепа меж обезьяной и человеком. Коллайдер этот. Дикость же, но что угодно готовы сделать, чтоб отказать человеку в праве быть Божиим творением.

Вообще о знаниях. Евангельское: Знания надмевают, любовь назидает. Сейчас надежда на интернет. Но «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (Кор.8, 1–2). Интернет уже поставлен на службу развращения молодежи и на пожирание самого дорого, что есть у человека – времени. Интернет не делает умнее, он делает самоувереннее. Человек – приложение к нему. Не он на нас работает, а мы на него. Отношение к овладению знаниями как к средству зарабатывания свернет жизнь до бытового уровня.

Наука при капитале – обслуга капитала. Примеры – последние аферы с организацией паники вокруг птичьего и свиного гриппов, которых не было. СПИД – болезнь гомосексуалистов. Запугивание болезнями – путь

к прививкам, а через прививки вживление микрочипа (нанотехнологии). Для православных болезни – благо: Господь посетил.

Самое заезженное слово политиков: прогресс. Какой, в чем? В средствах уничтожения друг друга? Тут да. А в остальном? «Материальный прогресс обязательно низводит человека до уровня вещей» (экономист С. С. Уваров). А вещи агрессивны. Стяжание вещей: «Бери от жизни все, не дай себе засохнуть» – это из дьявольской оперы торжества физиологии. Вспомним и С. Франка: «Прогресс – необратимо ведущееся созревание человечества для Страшного суда». И еще цитата: «Научный, технически материальный прогресс – это вызов Богу, жалкая попытка гордыни потягаться с Творцом» (экономист С. С. Гогоуцкий). Упование на экономику, на деньги – тупиково. Бедность, конечно, дело невеселое, но она освобождает от страха.

Вообще, холодная война и железный занавес были бы России во благо. В первую очередь в нравственном смысле. Гонореи, сифилиса, триппера не было у нас до Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Во вторых, произойдет оздоровление продуктов питания. Пока поедаем отраву, всякие суррогаты. А, вспомним, когда отказались от «ножек Буша», в три месяца заработали отечественные фабрики. Земли России, невольно отдохнувшие, оживут. Мы самодостаточны во всем. Пример – Белоруссия. Ее спасает вера народа в правительство. Почему наше не такое? Сколько ж можно шестерить перед ненавидящим нас мировым сообществом? Уж, казалось бы, закончили разговоры с поляками о войне, нет, надо угодливо дарить им секретные документы.

О власти. Выборная власть ссорит и обедняет, наследственная сплачивает и обогащает. Президентская власть держится угождением толпе, монархическая сильна исполнением заповедей Божиих.

Власти не владеют умами. Это-то должны они понимать. Как и то, что они всегда временщики. Как раз это понимают прилипалы к властям, успевающие поворовать и вовремя отскочить. При демократии количество проходимцев и подлецов во властных структурах увеличилось. А государственно думающих уменьшилось.

Лужков утратил доверие? Для начальства. А для народа и армии давно утратили доверие министры образования и обороны. Кстати, Лужкова мировое правительство возненавидело за то, что он запретил педерастам идти по Москве.

О патриотизме. Япония после Хиросимы, Германия после поражения воспрянули, восстановили промышленность и сельское хозяйство исключительно благодаря патриотизму. А воскрешение Москвы после Наполеонова нашествия. А наши тридцатые, а сороковые годы? Любовь к Отечеству материальна. Экономику определяет и укрепляет нравственность.

Но не те патриоты, что считают себя смелыми от того, что требуют смелости от других. Пример выступления: «Не с крестами надо ходить, а с автоматами». Ну и ходи, что сам-то ж не ходишь?

Бисмарк: Побеждали на поле боя учителя истории (то есть те, кто учил патриотизму). Поражения в спорте — следствие замены деньгами любви к родине.

Пропаганда сытого образа жизни меняет образ мышления, ведет к зависти, зависть съедает душу, рож-

дает злобу. Особенно калечит молодежь. Жить хочется как живут на экране, а в жизни нельзя. Молодежь призывного возраста идет не в армию, а в тюрьмы. И в тюрьмы больше, чем в армию.

Законы. Надеяться на них бесполезно. Их постоянное появление, изменения, истолкования дают пищу для питания истолкователей. Законы всегда как дышло. Суд, даже и суд присяжных, покупаем. Нужен традиционный для России Совестью суд. «Судить по совести» – выражение русское, – оно от успешного действия церковного суда, начатого митрополитом Алексием в 14-м веке. Вспомним Писание: «Милость превозносится перед судом» (Иак. 2, 13)

Итоги приватизации не пересматриваются. Пусть. Но юридически правомерно

пересмотреть цены, за которые недвижимость приобреталась. Ты купил комбинат за десять миллионов? А он стоит сто. Верни разницу. Ты перепродал завод в сто раз дороже? Заплати проценты.

Вопрос семинаристам (студентам): Что делал Господь до Сотворения мира? Ответ: Готовил ад для любопытных. Есть же пределы человеческого разума? Не надо горшку судить за горшечника.

Учителям. Ходим по золоту. Почему дети склонны ко злу? Не знают великих уроков прошлого. Где в школах житийная литература, былины, сказки, пословицы, поговорки, песенное богатство? Почему такая безграмотность? Был же год русского языка, и что? Как в насмешку уменьшилось число часов на русский язык и литературу.

Почему учителя английского получают больше учителей русского? Откуда ЕГЭ? Он же выращивает бионедоумков. Прозвища неслучайные: егэ на палочке, баба-егэ. К нему не готовят, на него «натаскивают».

Метод тыка. Возможность списать, увеличение взяток. Смешно – школьники Кавказа знают русский язык лучше школьников средней России (итоги ЕГЭ).

И преподавать не краеведение, а родиноведение.

Гонку вооружений в мире сменила гонка технологий, образования. России навязаны самые отсталые образцы образования. Подсунута система, давно отвергнутая и давно отставшая. А русские умы по-прежнему дороже всех.

Телевидение. Если на экранах постоянная пропаганда пошлости, насилия, разврата, хлещет кровища, постоянный культ богатства, засилие удовольствий и нет показа тех, кто движет колесо истории, то есть людей труда, то кому же выгоден такой экран? Демократии, плодящей подлецов. Именно телевидение (даже башня Останкино горела от позора) увеличило разводы, преступность, проституцию, наркоманию, сократило одно – рождаемость. И как ни защищай демократию, она убийственна.

Но и она добавляет опыта. Хотя, казалось бы, куда еще? Весь 20-й век – опыты. Всем верили, все на себе перепробовали, покрыли Русь крестами и памятниками со звездочкой. Пора возвращаться к себе.

Говорили, цитируя: «Красота спасет мир». Какая красота? Проведение развратных конкурсов «Мисс такая-то» как раз под этим лозунгом. Нет, Россию спасет святость. Не Восьмое марта, а день свв. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, день святых

жен-мироносиц, не обманный день католического Валентина, а день свв. Петра и Февронии, не день первоапрельских обманов, а начало Благовещенской недели, не «чертова» дюжина – число тринадцать, а двенадцать апостолов и Христос. Надо возвращать утвержденное предками.

Формирование мировоззрения и нравственности на примерах литературы. Сказки (Курочка Ряба, и фильм, опошляющий русскую жизнь, с таким названием, Финист – Ясный сокол, Царевна-лягушка...), былины (Вольга и Микула, Илья Муромец и Соловей-разбойник, Садко...), повести Древней Руси: Поучение Владимира Мономаха, Об убиении Андрея Боголюбского, Моление Даниила Заточника, Слово о Законе и Благодати (на сто лет раньше Слова о полку Игореве), О разорении Рязани Батыем... Повесть о Горе-Злосчастии, афоризмы, пословицы, поговорки, житийная литература (свв. Александр Невский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский...). Литература «Хождений»: игумена Данила, Афанасия Никитина... Послания, Изборники, Маргариты, Домострой. Народная мудрость и нравственность «Голубиной книги».

Литература, не приводящая к церковной ограде, не возводящая на папёрт, не подводящая к алтарю, такая литература бесполезна. Она, даже лучшая, не заменит веры. Пушкинское переложение великопостной молитвы в стих «Отцы пустынники и жены непорочны» не заменит молитвы святого Ефрема Сирина, и «Объяснение Божественной Литургии» Гоголя не есть Литургия. Но такие стихи и такая проза действуют благотворно, особенно на умы еще не воцерковленных,

помогают им заменить смутное чувство необходимости веры на саму веру.

Истоки: «Если начаток свят, то и целое, и если корень свят, то и ветви» (Рим. 11, 16). Приходишь к реке, течет, конечно, к морю, а откуда истекает? И всегда хочется идти к истоку, к чистому роднику начала реки.

Русская философия начиналась с Евангелия, былин, сказок, житийной литературы. Родоначальники ее Владимир Мономах, Даниил Заточник, Нил Сорский, Григорий Сковорода, Максим Грек... Данилевский, Лентьев, Тихомиров... шагу не могли ступить без ссылок на Священное Писание. Западники – упор на достижения науки и славянофилы – основа в нравственности. Уехавшие из России Бердяев, Булгаков, Лосские... потеряли вместе с воздухом родины русское отношение к истории.

Лучший из них, конечно, Ильин: «Идея цельности человеческого духа есть условие полноты человеческой жизни». Труды, особенно «Религиозный смысл философии» и «Аксиомы религиозного опыта».

Единственный путь спасения – сплочение вокруг русских вековых святынь.

Борьба и трагедия русских умов середины и конца 20-го века: Кожин, Палиевский, Ланшиков, Семанов, Селезнев, Михайлов, Петелин... Много сделавшие, они не смогли помочь противостоянию нашествия бесовщины в Россию в 80–90-е годы, ибо были не воцерковлены. Это сказывается.

Успех булгаковщины этим объясняется («Булгаковская тропа»). Дутые величины: Пастернак, Окуджава, Бродский. Ахматова? А великий Заболоцкий?

Исаковский, Твардовский, Фатьянов. И что такое Вознесенский перед Рубцовым?

Приход в народное сознание литературы книжного периода, противостояние русской и западной традиций. Что есть европейское Возрождение? Реанимация античного язычества. Дидро, Вольтер, Аламбер, Руссо – демократы, Гете, Ломоносов, Шиллер, Гердер, Пушкин, Достоевский, Тютчев, Леонтьев, Данилевский – монархисты. Декабризм и масонство. Отпадение Ватикана, это именно самочинное отпадение, вовсе не «разделение церквей», безблагодатность папства. Католическая церковь, какая ж это «церковь-сестра», чужая хитрая тетка. Сейчас реальная угроза экуменизма под видом борьбы с терроризмом, наркоманией? И дело ли это церквей?

Судорога поисков спасения: Локк – чувства, Кант – разум, Шопенгауэр – воля, Ницше – сверхчеловек, отсюда фашизм. Очень помог фашизму Дарвин: раз мы дошли от амебы до обезьян и человека, надо идти дальше. Эволюции нет, мы те же, что Адам и Ева. И Христос вчера, сегодня, завтра все тот же. Эволюция и гуманизм готовят революции. Говорить, что времена изменились, надо сближаться с католиками, преступно перед Христом. Они сами отпали от Христа, сами и возвращайтесь. А нас учить нечему.

И всегда первой предает народ интеллигенция. Предает царя и веру Курбский – демократы величают его первым русским интеллигентом. Чернышевские, Рылеевы, Добролюбовы, Белинские, Писаревы, им подобные, влекущие Россию в беды, – вот вскочившие на шею народа властители умов. А как изображали русско-

го человека возвеличенные Тургенев («Записки охотника»), Бунин («Деревня»), Чехов («Мужики», «В овраге»). Зачем бы потом появились «Окаянные дни», «Солнце мертвых», «Щепка»? Великая литература «Тихий Дон», но лучше бы его не было, то есть не было бы событий, в нем описанных.

Формула революции: к революции подстрекают провокаторы, в революции гибнут лучшие, плодами революции пользуются сволочи. Никоим образом нельзя звать к восстанию. Перетерпим. Терпение – великая сила. А толерантность, которая переводится как терпимость, напоминает о доме терпимости. Вспомним и евангельское: молчанием Бог предается.

То же с политкорректностью. Тоже штамп: вдалбливают, что надо быть политкорректными. Но политкорректность есть трусость. Лучше пусть резко, но все высказать, это остановит пролитие крови.

Молчание, конечно, золото, но когда надо говорить, особенно в защиту России, то говорить надо. Отмолчался – предал Россию.

Большевики бредили пожаром мировой революции. А бред – это воспаление, а воспаление – болезнь. Все масштабы грезились. Какая там теория малых дел – нам глобальность давай! И коммунисты внедряли: раньше думай о родине, а потом о себе. Но когда кричат о государственных интересах, человек забыт. И почему не думать о себе? Это-то как раз спасительно для родины, если ее жители думают об образе Божиим в себе, мы же по Его образу сотворены. И какое человеку государство, если у него мать умирает?

Есть вина общества, вина государства перед человеком? Конечно. Но: «Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (Кор. 1, 11–31). То есть причина всех несчастий человека в нем самом. Все страдания человечества от того, что оно захотело жить без страданий. Счастлив тот, кто считает несчастья нормой.

Был еврейский холокост? А русский? А он и не заканчивался и продолжается. Это аборт. Фашистов сменили врачи-убийцы, на страже которых законы. Старец Паисий Святогорец: «Когда евангельскую заповедь нарушает один человек, то и отвечать надо ему. Но если что-то противоречащее Заповедям делается государственным законом, то гнев Божий падает на весь народ, дабы его вразумить». Нужен закон о запрещении абортов.

Был украинский голодомор? Был. А что ж опять клянут москалей, а не организатора его Кагановича? А русский голодомор? Поволжье, Средняя Россия.

Была Хатынь? Была. Но у нас в Белоруссии и на Смоленщине таких Хатыней было по три-четыре в каждом районе.

Рядом новая напасть – ювенальная юстиция. Почему у казаков отроки и юноши не залетают в тюрьмы? Да потому, что подрались они из-за девчонки, их выпороли, и все. Встали, подтянули штаны, поклонились старикам, благодаря за науку. А у нас – подрались и сели. А девица гуляет с другими. А на драчунах уже клеймо тюремщика. Ювеналка – это гранаты, которые полетят в семьи, вырывая из них детей, обездоливая их. Она еще и от того, что однополым семьям педерастов и лесбиянок нужны дети.

Перестройка – это взбаламучивание общества, при котором поднялась вверх неуправляемая правительством свора жадных. В народе тоска по хозяину, (похороны патриарха Алексия показали). Президент же не отец нации, менеджер.

«Сила государя в верности Богу, сила государства – в преданности государю». (митр. Моск. Филарет).

Застарелое несчастье России – «янкелизм». Так назовем его по имени Янкеля из «Тараса Бульбы». Ведь Янкель совершенно искренне не понимает гнева Тараса на сына Андрия. За что негодовать? Андрий полюбил красавицу, она его. А у нее отец такой знатный, такой богатый, это же такая тебе, Тарас, удача. Для Янкеля ничего не значат понятия чести, родины, долга, он такой. И его не переделаешь. Он такой был, такой и остался. И сейчас Янкелей мы видим на всех уровнях государства. И не двести лет мы с ними вместе, а они тысячу лет в гостях. И надеяться, что они будут другими, – глупо, но еще глупее вступать с ними в какие-либо дела. Особенно в банковские, кормить их драконовскими процентами. И вообще, проходя мимо банка, полезно для здоровья плюнуть в его сторону. Были же в России банки: крестьянский, общественного призрения. Они, верим, вернуться.

Главное противостояние мира – отношение ко Христу. Случайно ли вся литература Древней и Средневековой Руси – это тема противостояния иудаизма и христианства. Палея Толковая, Иларион Киевский, Кирилл Туровской, Климент Смолятич, Иосиф Волоцкий, какие умы, и все они об одном, об опасности нашествия на Русь идеологии иудаизма. Митрополит Иларион в «Слове о

Законе и Благодати» сравнивает хазарское царство, где господствует иудейская религия с высохшим озером, а Русскую землю с полноводным источником.

Западники выращивают биороботов с помощью музыки («Музыка в государстве – дело государственное». Платон). Шум, децибелы, приказывающий ритм, но не мелодия, не народный мелос. Децибелы и деби-лы – слова-близнецы. Музыка если не убивается, то искажается аранжировками и интерпретациями. Культура, не зависящая от нравственности, обязательно падает в грязь (как Швыдкой в «Культурной революции»). Но солидарность пошлости пока крепче противостояния ей. Школа тычет в интернет, но и в нем засилие разврата. И улица сейчас сильнее школы.

Есть тайна русского духа. Главный пример: Отечественная война. Вся обезбоженная Европа (румыны, итальянцы, финны, норвежцы, французы, болгары, чехи, поляки...) – вся шла против измученной России. У нас молчат колокола, сброшены кресты, взорваны церкви, сожжены богослужебные книги, священники расстреляны или посажены в тюрьмы. А сытая, холеная Европа с храмами, пасторами... чего им не хватало? И почти вся сдалась Гитлеру. Мэр Праги оправдывал свою трусость тем, что архитектуру жалко и оттого вывесил везде белые флаги. А Россия победила. Почему? Она не идеологию большевиков спасала, свои святыни. «Победил Никита Кожемяка врагов русского народа, и не взял за свой труд ничего, и опять пошел кожи мять».

Командующие фронтами, армиями, вообще командиры, когда речь шла о пополнении, всегда просили прислать русских.

Русская духовность неуничтожима. Ее запасы превышают запасы любых месторождений. Главное ее составляющее – любовь. Кто победил в войну? «Катюша» – гвардейский миномет, или девушка Катюша, ждавшая своего любимого? «Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет».

Есть разные цивилизации, такими нас Господь сотворил. Есть коды этих цивилизаций. И ни в одну не вкладывал Господь агрессивности к другим, это уже нации сами нажили себе свои ныне влияющие на мир черты. Генерал Л. Г. Ивашов, профессор, так характеризует коды цивилизаций, отталкиваясь от Н. Я. Данилевского:

Русская: совесть, внешнее проявление – справедливость.

Романо-германская: порядок, внешнее проявление – склонность к захвату.

Англо-саксонская: выгода (материальная), внешнее проявление – экспансия.

Китайская: добродетель (для внутреннего потребления), внешнее проявление – настойчивая целеустремленность.

Исламская: долг, внешнее проявление – незабываемость ислама.

В России, как нигде, сильна народная память. Как ни надрываются очередные историки очередного правительства «сделать» историю по заказу, народ помнит своих героев. Какая там «хрущевская оттепель», когда сам Хрущев был палачом и разрушителем церквей, и окончательного злодея из Сталина не сделать. Кто ж тогда победил в главной войне столетия? А вот как вспомнят

нынешних лет через пятьдесят? «А, это те, при ком были парады гомосексуалистов»?

От предков мы получили лучшее, что есть под небесами: совесть и справедливость. И любовь, и жертвенность. Но нельзя поднимать знамя патриотизма выше Креста – вот главное. Вначале Крест. И Голгофы, и Русский Крест, и свой собственный.

Блаженно то земное Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного. Да, все мы – смертные, но и мы должны стараться обезсмертить Россию. Спасая ее, спасемся и сами. Сейчас время накопления духовной энергии. Умы, не просвещенные духовностью, обязательно темнеют. А духовность без Церкви, без принятия Святаго Духа – одна видимость.

Сейчас время молитвы. И это самое главное сейчас. «Спасись сам, вокруг тебя спасутся тысячи» (преп. Серафим Саровский). Ему вторит поэт: «И реки вернутся в свои берега, и станет вдруг ясно тебе, что ныне страшнее меча для врага свет тихой лампы в избе» (А. Ребров).

Да, нас стало и становится все меньше. Но кто сказал, что остающиеся трусливы или недостойны имени русских? Мы были, мы есть, мы будем! Быть русским тяжело, но ведь и награда велика – впереди Святая Русь.

И за нами Святая Русь. Надо насытить русскую жизнь русской памятью. Сколько исторических дат, юбилеев идет к нам на помощь с пройденных дорог!

Время молитвы может перейти во время исповедничества. А это означает готовность умереть за Христа и за возлюбившую Его Россию.

Смерти боится тот, у кого совесть нечиста, а покаяние, исповедь и причастие очищают ее.

И молиться так каждому, что именно только от его молитвы зависит спасение России. И терпеть. «Бог терпел и нам велел». И эта пословица много раз спасала русских. Она ненавистна врагам нашего спасения. А на них есть другая пословица: «Жадность фраера сгубила».

Мы не Иваны не помнящие родства. Наша национальная память возвращается, как возвращается цвет и свет на старую икону, когда она чудесно обновляется. Так и память очищается от наслоений идеологии, от навязанных мнений, ненужных знаний.

Сказал женщине у церкви: «Сегодня по старому стилю новолетие». Она сурово поправила: «Не по-старому, а по-Божескому». Если у властителей хватит ума, Россия (и остальные) вернутся к юлианскому летоисчислению.

Для властителей враждебного нам мира мы всегда были недочеловеками, унтерменшами, гоями. Чем нам хуже, тем им лучше. Наше возмущение, собрания, митинги – для нас борьба, для них – жалкое трепыхание обреченных. Не нравится вам большое количество вывесок на иностранных языках, мы это количество увеличим. Не хотите рекламы пива, сигарет – мы ее будем продолжать. Не нравится ювенальная юстиция – а мы ее протянем.

И так далее. Никто с нами не считается. Уже понятно, что Министерство образования – враг образования (а образование в первом смысле – приведение человека к образу Божию), вот оно уже собирается ликвидировать педуниверситеты, вводить платное обучение. И так во всем.

Мы оккупированы чужебесием извне и изнутри, ненавистью ко всему русскому. Даже русские солдаты для демократов – это, мерзко вымолвить, – федералы. А бандиты названы героически, боевиками. Русские мы или россияне? Так Боннэр Ельцину велела нас называть. Она-то не русская россиянка.

Наступило время отблагодарить предков за наше спасение. Именно они: Владимир, князь Киевский, Александр Невский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Минин, Пожарский, Скобелев, Мусин-Пушкин, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Димитрий Донской, многие и многие другие поднимали наш дух и делали Россию непобедимой. Сейчас идет удар и по ним, по русской истории. Ее отдавать нельзя – история России была великой, как Россия.

Ничего с Россией не случится. Главное – не унывать. Уныние – радость врагам, да и грех это – уныние. Почему надо верить всяким Фукуямам и Къезе? От того, что был Шпенглер и его «Закат Европы»? Ну и что? Так то Европы. Заката России не будет. В ней всегда рассвет. Не случайно весь Ближний Восток, исключая одно государство, тянется к нам.

А вообще, по большому счету, истории как таковой нет. Есть одно: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Мы долго удалялись, пора вновь приближаться. Спасемся только этим приближением.

У нас нет запасной родины, только Россия. И именно на Россию ополчилось все мировое зло. Нас убивают в самом прямом смысле слова.

Брат мой! Ты русский? Ты православный? Тебе не на кого надеяться, только на Бога и на себя. Терпи. Терпение – сила. Носи крестик и неси Крест и радуйся, что именно в твое время тяжело жить России, что именно тебе выпала честь ее спасения. У тебя два пути: или в ад или в Русь Святую. Ты – боец, ты на Третьей и последней мировой войне за Отечество. А на войне надо забывать все, что мешает быть хорошим бойцом. Не за награды бьемся, за главное – за спасение души мира, за спасение своей души, за Россию!

Карлы и Клары украли город

Когда вятский человек, живущий в городе Кирове, сообщает, что он собирается на Клару, а потом на Розу, в его словах нет ничего неприличного, ему надо побывать на улицах имени Клары Цеткин и Розы Люксембург. Конечно, это не улицы этих женщин, да женщин с такими именами и нет давно, это улицы, названные в их честь. Конечно, куда как более прилично и по-русски звучало бы: «Сегодня буду на Спасской, завтра на Никольской». Но вот пока Клара и Роза живут на вывесках в богоспа­саемом граде Вятке, жителям приходится объясняться не совсем приличными фразами. Может, жители и привыкли, но ведь это дико звучит: «У меня квартира на Кларе». Или того чище: «Я живу в Кирове». Киров – это человек? Да. Так как же ты в нем живешь? В какой его части? В голове? А может, гораздо ниже?

Но пока идут суды-пересуды по возвращению исторического имени столице области, обратимся к названиям улиц в ней. Причем это очень даже не локально вятская проблема, а очень типичная для всех российских

городов, и областных и районных. Вообще немцы, приезжающие к нам, вполне могут думать, что они ходят по колониальным германским городам.

Итак, для начала обратимся к Розе и Кларе. Как они, заморские пташки, не бывавшие в Вятке, все-таки залетели в вятские пределы? В революционном угаре, от которого угорели все, кроме его организаторов, они прежде всего старались убить все русское. Особенно ненавидели названия улиц и селений, напоминающие о Боге. Называли своими именами. Это имена тех, кто убивал Россию. Мы живем на улицах имени убийц России. Уверен, что необходимо хотя бы кратко рассказать, кто они такие. Повторяю, их имена типичны вообще для всех городов и поселков России.

Роза ЛЮКСЕМБУРГ. Польская еврейка. Учится музыке, в университете изучает юриспруденцию, тянется к революционерам. Организатор польской социал-демократической партии. Неистово левая, одобряет террор. Тесно сходится с Карлом Либкнехтом. В 1901-м знакомство с Лениным, восхищение идеями красного террора. В революцию 1905-го года организатор уличных беспорядков в Варшаве. Тогда Варшава – часть России. От тюрьмы спасается фиктивным браком и принятием прусского гражданства. Преподает классовую политэкономиию в партийной школе. Отстаивает идею использования военных трудностей для свержения правительств. Радикальна. Борьба для нее главное. Повторяет: «У меня нет личной жизни, только публичная». Хотя в личной жизни весьма активна. Проповедует феминизм. Роман с сыном Клары Цеткин, который моложе ее на пятнадцать лет. Организует «революционное» движение немецких проституток, выводит их на демонстрации. В Первую мировую войну лозунги: «Обрушить молот на голову господствующей

щих классов! Сломать сопротивление железным кулаком, с беспощадной энергией!». Создает «Союз Спартака». Члены его бесчинствуют. Арестованная вместе с Карлом Либкнехтом, не дожидаясь суда, толпа ее растерзала. Ее ненавидели за пролитую кровь, за то, что, угрожая пистолетом, заставляла бастовать. Труп ее бросили в канал.

Теперь о Кларе ЦЕТКИН. Нет, лучше вначале о Карле ЛИБКНЕХТЕ. Они и в скороговорку вошли, в ту, где у Клары Карл вчера украл кораллы. Хоть на это пригодились, на развитие речи.

Карл – сын Вильгельма Либкнехта, друга Маркса и Энгельса. И Бебеля. Был на Вятке пароход «Бебель», укравший имя у одного из пароходов Булычевской компании. Какого, легко установить. С детства Карл успешно учился и в гимназии, и в университетах, Лейпцигском и Берлинском. Служил в саперах. После адвокатура. Защищает в основном красных. У него много детей, которыми он не занимается. Занимается созданием «Юнгштурма», молодежной террористической организации. Говорит, и справедливо: «У кого в руках молодежь, у того и армия». Завоевывает внимание молодежи, пьянствуя с нею ночи напролет. Бредит кровью Парижской коммуны. В первую мировую, как и Ленин, выступает за поражение своей страны. «Гражданская война вместо гражданского мира!» Спартаковцы захватывают власть в Германии на два месяца. Далее арест, конвой в тюрьму, но толпа вырывает Карла у конвойных и расправляется с ним сама. В России за Карла большевики расстреляли много заложников – обидно было, гасло пламя мирового пожара.

Клара ЦЕТКИН дожила до 1933 года. Из семьи учителей. Мать Жозефина учила дочку петь «Марсельезу». Дочка очень способная. Получила диплом учителя в женской семинарии, но вскоре бежит из дома с Осипом

Цеткиным, беглецом из России. В записке пишет, что отряхивает с себя груз буржуазного прошлого, так как должна (кому? – В. К.) призвать рабочих к оружию. Муж умирает, Клара пропагандирует женское равноправие и «сексуальный феминизм». На Учредительном конгрессе Интернационала заявляет о разрушении семьи, ибо главное назначение женщины – революционная борьба. Устранение хозяйственной занятости поможет женщине обрести право менять сексуальных партнеров. По ходу борьбы вышла замуж за художника Цунделя, бывшего на 15 лет моложе. Она была обеспечена, и Цундель, обобрав ее, сбежал от революционной жены.

Именно Клара на конференции социалисток предложила отмечать день 8 марта. Из речи: «Над клокочущей, восстающей массой, подобно буревестникам, реют требования женщин: мира, хлеба, свободы, уравнивания в правах». Устраивает праздники свободной любви для коммунистических боевиков. Мобилизует «сознательных» женщин, предлагающих свою любовь «сознательным рабочим, отказывающимся выполнять военные заказы». Регулярно вояжирует по России, затем по СССР. В Германии ее ненавидят. Спасая Клару, большевики привозят ее на жительство в правительственный санаторий «Архангельское». После смерти сожжена и похоронена у Кремлевской стены.

Моисей Соломонович УРИЦКИЙ, палач. Председатель Петербургской ЧК с марта 1918 года. Палач образованный, патологически ненавидевший Россию. Дзержинский, сам тоже палач, хвалил его, а комиссар по культуре Луначарский называл Урицкого «железной рукой, которая реально держала горло контрреволюции в своих пальцах». Урицкий расстреливал демонстрации, топил баржи с арестованными офицерами в Финском заливе, имя его

наводило ужас. Это он готовил разгон Учредительного собрания – высшей выборной власти в России. А матрос Железняков, который, согласно народной песне, «лежит под курганом, заросший бурьяном», анархист, просто от имени Урицкого объявил о прекращении заседаний «учредиловки». Доселе склоняется фраза Железнякова: «Караул устал». Не караул устал, а Урицкий старался убивать Россию. Урицкого казнил другой еврей, Канегиссер, эсер. Большевики похоронили палача на Марсовом поле в центре Петербурга и справили кровавые поминки, расстреляв многие сотни и тысячи заложников из «непролетарских классов».

ВОРОВСКИЙ Вацлав (партийные клички Адамович, Фавк, Шварц) родился в Москве, в польской, даже дворянской, семье. Семья – участник антирусского польского восстания, пользуется всеми российскими льготами. Вацлав учится в средней школе при лютеранской церкви, затем университет, Московское техническое училище (в скобках – будущее МВТУ им. Баумана. Но о Баумане сказать нечего, кроме того, что ненавидел и Россию, и Православие). Совратил актрису Андрееву, которую любил Савва Морозов, и через нее вынуждал фабриканта давать деньги на революцию. Вацлав – ярый польский шовинист. Организовывал революционные кружки, распространял нелегальную литературу. Сослан для вразумления в Вятскую губернию. Вразумлялся тем, что изучал марксизм. С 1902 г. в Женеве, сотрудник ленинской «Искры», редактировал большевистские журналы «Вперед» и «Пролетарий». Агитировал за поражение России в 1-й мировой войне. Далее работа в Скандинавии членом Заграничного бюро ЦК партии большевиков. Возвращение в Москву. Вот уж кто ненавидел Православную Церковь, так это Воровский. Похлеще иногда, чем Свердлов

и Губельман. Разжигал внутрицерковные конфликты, обворовывал Церковь под предлогом помощи нуждающимся. Объявил Церковь «одним из инструментов страдания народа». Массовые репрессии против духовенства на его совести. Был полпредом в Риме. На конференции в Лозанне убит русским офицером М. Конради. Русские эмигранты (писатель Иван Шмелев, историк С. П. Мельгунов, другие) передали в суд такие материалы о красном терроре в России, что суд оправдал Конради.

Пепел, оставшийся от Воровского, очень помпезно похоронили на Красной площади.

У меня нет ни малейшего желания обидеть тех, кому дороги имена врагов моего Отечества. Бог всем судия. Но мое нравственное чувство оскорбляется тем, что в России живут, хотя бы в названиях, палачи и негодяи. Неужели еще неясно, что марксистско-энгельсовский «призрак коммунизма, бродивший по Европе», был прежде всего дьяволом, боровшимся с Богом и отлучавшим от Бога? А с обезбоженными людьми можно было делать что угодно. То есть и делать ничего не надо было. Они становились никому не нужны. «Что же нас Бог не защищает?» – вопили многие. А как Он будет защищать, если вы от Него отказались?

МАРКС и ЭНГЕЛЬС – враги России. И мозги Ленина, далеко не из последних мозги, были ими отворочены от русских интересов и заменены чем угодно: классовостью, ненавистью, социальностью, экономикой, философией, но только не пониманием присутствия Бога на земле. Одна старуха молилась за Ленина. Он ей явился и сказал, что это бесполезно: он на дне ада. А как иначе? Прочитать одну его записку о расстреле священников, где он требует свершить казни с особой жестокостью, и уже понятно, что его душа и до Страшного суда осуждена. А

его идиотская фраза об «идиотизме деревенской жизни»? Вся Россия вышла из деревни, создана ею, держится ею.

«Революции, батенька, в белых перчатках не делаются», – говаривал вождь мирового пролетариата. Да уж. Не до белых перчаток, когда была в большевиках такая всеобъемлющая нечистоплотность, даже грязь, включая и личные качества, что омерзительно становится. Энгельс, главный спонсор коммунистического движения, тянул деньги с отца. Тот неохотно давал их. Энгельс пишет другу: «Мой старик должен будет мне дорого за это заплатить, и наличными». – «Старик твой – сволочь», – поддакивает друг Карл Маркс. Интернационал был создан в год, когда Энгельс стал полноправным совладельцем фабрики (1864 г.). Слуга сатаны первейший. «Борьба с христианским миропорядком... является нашим единственным насущным делом». Ненавидел Россию, мечтал дожидаться ее краха. А Маркс? Гонял жену за деньгами к родственникам, сам утешался в постели служанки, а когда у нее (Хелен Демут) появился от него сын, отказался его видеть. Славян Маркс, предвзято Гитлера, называл «недочеловеками». Сам еврей, он умудрился и единоплеменников ненавидеть: «...эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства». Хотя для большевиков-евреев был мессией, Моисеем (бородой похож).

И вот, ходим по улицам Ленина, Энгельса, Маркса. Привычка, вспомним Пушкина, «замена счастья». Замена. Не счастье. И какое счастье может быть на чужом несчастье? Не Ленина улица, а Николаевская. И не Большеви́ков, а Казанская, не Карла Маркса, а Владимирская. Конечно, крестные ходы идут и по ним, и ад содрогается, но и сатана все еще надеется на реванш.

Теперь напомним, чем прославились и русские враги русских.

ГЕРЦЕН. Вот Герцена все-таки жалко. Чего ему свербило писать фразы о каких-то «цепях, налагаемых на независимую мысль», о подчинении России «какому-то монастырскому чину азиатской церкви, всегда коленопреклоненной пред светской властью»? Да, обличал крепостничество. Так и славянофилы его не воспевали. Мысли Герцена и Энгельса сопоставлял протоиерей Василий Зеньковский, находя в них полное сходство. Герцен (наследство умершего отца) человек не бедный, ездит по Европе, помогает революциям, звонит в «Колокол», который, по словам Ленина, «будит Россию». Но ведь полагал же развитие социализма из крестьянской общины: «Человек будущего в России – мужик, точно так же, как во Франции работник». С чего вдруг стал ярым врагом правительства? Ссылали в Вятку? Но ведь ссылали справедливо. И что за ссылка, посмотреть только на его «ссылный» дом. Речи говорил, библиотеку открыл. А за границей поддерживал антирусские выступления поляков. Кстати, эта его поддержка сократила тираж «Колокола» в несколько раз. Русская аудитория отхлынула от газеты Герцена. Вскоре «Колокол» и вовсе умолк. Но дело было сделано, уже создалась организация «Земля и воля», стали действовать террористы социал-революционеры. В личной жизни Герцен вряд ли был счастлив, особенно как отец. Одному сыну пишет по-французски, другому по-английски. В конце жизни впал в тяжчайший пессимизм, что является несомненным знаком безбожия. Да, боролся вроде за Россию, а стал врагом ее государственности и вдохновил врагов ее. Похоронен в чужой земле, в Ницце.

Общественное мнение почему-то щадит Михаила Ивановича КАЛИНИНА. Такой козлотородый всесоюзный староста. Он при жизни умудрился слыть защитником несчастных. Он из крестьян, тверяк, он весь свой.

Американец-журналист Джон Рид восторженно приводит его слова: «Я сам такой же, я по себе знаю, я такой же, как вы». Это он говорит голодающим, угощая Рида кремлевским пайком. Тысячи воплей о помощи шли к нему. И что? Кому помог, кого освободил? Донской казак Миронов горько напоминал слова Калинина, что никого насильно не будут загонять в колхозы. А на деле? Тех, кто смел жаловаться всесоюзному старосте, «хватали за горло, арестовывали. Удивительно ли, что жалоб становилось все меньше». Калинин и родную жену не защитил, когда ее арестовали и приговорили к 15 годам лагерей. Жалкая, продажная жизнь. Выкрест. Но опять же, что судить? Но как жить на улице или даже в городе его имени? Привыкли? Да, как не восхититься труженниками идеологического фронта, которые так прочно вбили в умы ложные понятия о мире, о происхождении человека от обезьяны, заставили думать о палачах, что они желали счастья народного? Какого счастья? Какому народу?

Кинофильм и особенно анекдоты мифологизировали полководца Василия Ивановича ЧАПАЕВА. Хотя анекдоты как раз показывают народное отторжение от навязываемого трафарета. К столетию Ленина их плотину прорвало. «Наденька, а что в спальне такой грохот?» – «Это, Володя, железный Феликс упал». Чапаев – человек недалекого ума, но великого тщеславия. Храбрый до безрассудства. Большевики его прикормили похвалами. Тут же и необъяснимая личная ненависть к казачеству. В романе Фурманова его облик искажен в угоду большевизму. Да и сам Фурманов – рьяный гонитель врагов революции. Не тонул Чапаев в реке, не погибал Петька, защищая его. Чапаев – самый настоящий палач уральского казачества. «Чапаев пленных велел не брать ни казачишка. Всех, говорит, кончать, подлецов». Это из

воспоминаний Фурманова о нем. Образованных Чапаев ненавидел: «Все вы – сволочи. Интеллигенты!» Сам он учиться не хотел. Направленный в Академию Генштаба, он оскорблял преподавателей, добился посылки обратно, в свою дивизию, где был деспотом. Фурманов восхищается: «Самобытная фигура! Плеткой колотил высокопоставленное лицо, другому отвечал матом по телеграфу». Подавлял плетью и пулей крестьянские волнения в Саратовской губернии. Возмездие настигло под станицей Лбищенской. «Василий Иваныч, белого привезли». – «Нет, Петька, с похмелья хочу красного».

А Николая Александровича ЩОРСА Сталин называл «украинским Чапаевым». То есть дальше можно не расшифровывать. Те же методы, то же плетение лжи. Сочиненная про него песня сообщает: «В холоде и голоде жизнь его прошла». Это вранье. Окончил школу, духовное училище, Полтавскую семинарию, Киевскую военно-фельдшерскую школу, наконец, Виленское военное училище. Все за государственный и церковный счет. Где тут холод и голод? После февраля 17-го стал натравливать солдат на офицеров, помогал разложению царской армии. Возглавлял 1-й Украинский советский полк им. Богуна. В феврале 1919-го – военный комендант Киева. Любящих Щорса отсылаю к сведениям о работе ЧК в Киеве в то время. Щорс то ли сам погиб, то ли его убили сами большевики в рамках негласной кампании по устранению популярных командиров, в лояльности которых были сомнения.

Павел КОРЧАГИН. Интересная фамилия. Интересно на том, что такого человека нет, есть литературный герой романа Островского «Как закалялась сталь». Это как если бы в Симбирске была улица Обломова, а по соседству Штольца. Корчагин – симбиоз ненависти не только

к буржуям, вообще даже к людям, к их чувствам. Может только командовать. Электрик на один эпизод, да еще берется для примера за лопату на строительстве узкоколейки, которое возглавляет. Начинает автор романа описание своего героя с того, что он геройски насыпал махорки в пасхальное тесто для куличей. «Никому не прощал Павка своих маленьких обид... озлобился, затаился». И это читалось, одобрялось, множилось. В женщине Корчагин женщину не видит, она всего лишь «соратник по партии и товарищ по цели», все другие чувства – «буржуазное разложение». А улица Корчагина длиннющая, да она еще и в поселке имени КОМИНТЕРНА.

Но тут остановимся. Что такое КОМИНТЕРН? Коммунистический интернационал. Их было три. Первый основали Маркс и Энгельс, Второй продолжал Первый, но загас в Первую мировую войну вследствие раскола на «пораженцев» и «оборонцев». Третий Интернационал, ленинский, начал с переворота в Венгрии. К Бела Куну, до того руководившему вместе с Розалией Залкинд (Землячкой) расстрелами в Крыму, Ленин послал 300 красных агитаторов. Республика, провозглашенная в Будапеште, прожила 133 дня. За это время Ленин послал Бела Куну 218 телеграмм, в которых руководил созданием трибуналов, требовал расстрелов «социал-демократов и мелких буржуа... и их прихвостней», требовал «беспощадно сурового и решительного насилия». И германские «спартаковцы» (Либкнехт, Люксембург) – это дети на содержании Интернационала. В Манифесте Интернационала он объявляется «интернациональной партией вооруженного восстания и пролетарской диктатуры». Куда уж яснее? Все организаторы и вдохновители тогдашних кровавых «оранжевых» революций содержались на деньги, наворованные у народа. Очень политически корректно это

воровство называлось: экспроприация экспроприаторов. В переводе это: воруи, грабь, глотай суверенитет сколько влезет, говоря по-ельцински. Уводишь с крестьянского двора корову, и не воруешь, а свершаешь социальную справедливость, экспроприируешь. Кстати, размеры воровства в самом Интернационале чудовищны. Деньги на революции всегда неподотчетны. Бела Кун, Георгий Димитров, Григорий Зиновьев, Эрнст Тельман, Николай Бухарин, Хо Ши Мин, Пальмиро Тольятти – все это «экспортеры» революций. Потерпев поражение в Европе, интернационалисты обратились к Востоку и спровоцировали «Восстание осеннего урожая». Но оно провалилось. Все службы Коминтерна находились в ведении Главного разведывательного управления спецслужб, ГРУ, существующего и поныне. Опыт Коминтерна используется врагами России и по сей день.

Степан ХАЛТУРИН. По-своему несчастен. Прекрасный столяр, краснодеревщик. Иначе разве пригласили бы отделявать императорскую яхту «Александрия»? Но русская, усиленная вятским характером, доверчивость сослужила Халтурина губительную службу. Ходила уже по провинции народническая литература, внушавшая народу мысли о его нелегкой доле. А когда и чья доля была легкой? И кто сказал, что на земле, в юдоли страданий, может быть благополучие во всем? Человек смертен, и никакие народники ничего с этим поделать не могут. Так они находили причину страданий в правительстве. Халтурин хотел ехать в Америку, в тогдашний заманчивый «рай», но у него украли паспорт. Организовал вместе с Обнорским «Северный союз русских рабочих». Затем «Народная воля». В горячую голову Халтурина западает мысль об убийстве царя. Сколько при этом может погибнуть людей, его не волновало. Лев Тихомиров, знавший

его, вспоминал потом, что Халтурин любил повторять: «Пусть погибнет 50–100 человек, лишь бы до “Самого” добраться!» Пронес в дворец, работая столяром, три пуда динамита. Жертвами теракта стали солдаты, недавние крестьяне, за свободу которых якобы боролся Халтурин. Убиты были и три солдата-земляка Халтурина, вятичи. Террорист скрылся, работал на юге. Организовал покушение на прокурора Одессы Стрельникова. Был повешен. Имя Халтурина с особым цинизмом было присвоено улице Миллионной, на которой стоит Зимний дворец – место взрыва, произведенного Халтуриным. Почему погубивший невинных людей преступник пользовался почетом, а не, например, его земляк, вятич, корифей русской и мировой медицины Владимир Бехтерев? В момент взрыва Бехтерев находился в Зимнем, потом оказывал помощь раненым. Их было пятьдесят шесть.

Пожалеем ГОРЬКОГО (Пешкова), все-таки писатель, все-таки драматург. Бог ему судья за воспевание рабского труда (Беломорканал, Соловки), за ненависть к крестьянам, главным людям на земле. И за чудовищную статью «Если враг не сдается, его уничтожают». А враги-то – русские люди. И почему он ненавидел главных кормильцев России – крестьян? Воспевал бродягу пьяницу Челкаша, а над человеком, который старается заработать на корову, чтобы прокормить детей, издевался? Откуда это? От безбожия.

Палача ГАЙДАРА (Голикова) жалеть уже не нам. Да, писатель. Очень революционный («РВС», «Школа»). Но прежде – палач, лично расстрелявший многих. Они ему снились потом, когда он пил запоями, резался бритвой. И не «Голубая чашка», не «Чук и Гек» вспоминаются, когда идешь по улице его имени, а именно то, как он приказывал выстраивать безоружных у обрыва и шел

вдоль строя и убивал, и убивал. Однажды враз сто человек. Это напоминает и большевика АЗИНА, тоже есть улица, ему посвященная. Он лично расстреливал оставших в Ижевске. Шел и стрелял, а адъютанты несли на подносе и подавали ему заряженные пистолеты.

И весь этот ужас был на Русской земле. И отголоски его, его несмолкаемое эхо цепляется за нас и мешает идти к Святой Руси.

Мы где живем? В России? Тогда при чем тут Карлы и Клары? Где, например, улица имени Шестой роты псковских десантников? Один их жертвенный подвиг в Чечне, когда они знали, что погибнут, и не уклонились от сражения, перевешивает всю эту большевистскую нечисть, убивавшую Россию. Нечисть эта в аду, но нам-то тем более зачем пачкаться ее именами и фамилиями?

Письмо губернатору

Высококочтимый Никита Юрьевич!

Сердечно поздравляем Вас с приходом на пост губернатора нашей родной, единственной в мире, области. Самое многочисленное из всех московских землячеств и самое значительное по составу вятское землячество надеется, что сроки Вашего правления останутся в памяти вятских уроженцев как благодатные и значительные.

Мы (меня уполномочили написать Вам В. П. Савиных, А. Ф. Ведерников, А. А. Лиханов) не искали в жизни ни московской прописки, ни легкой доли, жили и служили Отечеству там, куда оно призывало. И никогда, ни на день, ни на час, не забывали мы о своем вятском происхождении. Именно родная земля давала нам жизненные силы, и мы всегда ощущали себя ее посланцами.

Как вы понимаете, речь идет о самом наболевшем для всех нас вопросе, о возвращении городу и области исторического, насильственно отобранного имени Вятка, Вятская область. Об этом уже столько говорилось и писалось, что совершенно не нужно повторяться и отнимать у Вас драгоценное время. Пусть бы даже Сергей Миронович Костриков (большевистская кличка – Киров) был осыпан золотом доблестей и свершений во славу России, при чем здесь Вятка? Тут даже не пристало говорить, что он и в Вятке не бывал, что был пламенным ленинцем и исполнительным сталинцем, курировал Соловки и строительство Волго-Балта, что с того? Время такое выпало ему, Бог ему судья, но за что Вятка доселе претерпевает вавилонское пленение, обреченная жить под псевдонимом?

Вятка – удивительное, неповторимое, ласковое, материнское имя. Еще прячется за семью печатями тайна этого народа – вятичей, вятчан, их неповторимая стать, характер, выносливость, незлобивость. Даже и сейчас, когда напор разврата, накопительства, пошлости и издевательства над всем святым перехлестывает через край, даже и сейчас Вятская земля являет миру пример стойкости и героизма в переживании напастей, пришедших в Россию.

Словом, Никита Юрьевич, примите нашу земную просьбу в содействии возвращения исторического имени городу и области. Именно, и области. Нельзя повторить ошибку Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, сохранивших большевизм в наименовании областей.

Ваш приход на место кормчего вятского корабля, идущего по морю житейскому, вызывает надежды и ожидания на возрождение культуры и экономики вятских пределов.

От имени вышепоименованных земляков

Владимир Крупин

Письмо читателю

Письмо губернатору уже давнее. Оно, как ответили нам, было передано в специальную комиссию, которая изучает все мнения за и против имени Вятка. И, казалось бы, простой вопрос, который надо решить спокойно, то есть восстановить справедливость – вернуть отобранное имя городу, не решен доселе. Более того, страсти кипят нешуточные. Недавно в библиотеке им. Герцена на меня набросился чуть ли не с кулаками пожилой мужчина, кричал мне: «Ты – Иуда!» Смирненно терпя поношения, я пытался говорить с ним, но это было невозможно, он был как одержимый. Решил ответить письменно.

Напоминаю пылко влюбленному в Кирова читателю, что Иуда предал Христа, а не Кирова, так что сравнение хромает. Также скажу, что во всей многолетней полемике по имени города (это уже лет двадцать пять) я нигде почти не переходил на личность самого Сергея Мироновича, уважал его поклонников. Говорил: да вы его, Кирова, хоть золотом всего осыпьте, Вятка-то при чем? И то сказать, если кто-то все еще любит Кирова, то и любите на здоровье. Например, я люблю русского поэта Николая Заболоцкого, уроженца тех же мест, что и Костриков, а имени Заболоцкого нет на карте области. Ничего страшного – он у меня в душе. Кто кому запрещает молиться стойкому большевику? Читайте пламенные речи трибуна, кладите их на ночь под подушку, разве этого мало для любви?

Нет, что-то сдвинулось в плохую сторону в сознании многих. Говорят: мы привыкли к Кирову, живем в Кирове. Хорошо, я спрошу: Киров – это человек? – Да. – Значит, вы в нем живете? В какой его части? В

голове, животе или еще ниже? Вспоминаю прозаика Олега Волкова. В 70-е годы Союз писателей построил два дома в Безбожном переулке. Волкову предложили квартиру. «Ни за что, – ответил он. – Как можно жить в переулке, названном Безбожным? Нет, лучше коммуналка». И переехал, когда переулку вернули имя Протопоповский.

Таким, как моему оппоненту в «герценке», видимо, комфортно жить в городе и на улицах имени убийц русского народа. Но позвольте мне жить в России, а не в оккупированной чужеземием стране. Все эти Розы, эти Клары, Инессы, кто они, эти Люксембурги, Цеткины, Арманды? Откуда свалились на доверчивые наши пространные, чтобы залить их русской кровью, Свердловы, Троцкие, Урицкие, Володарские, Либкнехты? Противно и перечислять. Но это-то хоть все нерусские, и от этого хоть как-то полегче – сотрем с карты, как со школьной доски, их имена

и забудем. А русские? И прежде всего Киров-Костриков. Но, увы, в семье не без урода. Выкресты есть и у русских.

Мальчика Сережу по бедности в семье отдали в детский дом. Чувства семьи не было в нем. Сестры не знали о нем долгие годы и узнали уже по портретам в советских газетах. Уржум Сергей не любил, не вспоминал, Вятку, слава Богу, не топтал, в ней не был. По мере взросления крутился меж партиями и движениями как уж. Сотрудничал с меньшевиками, писал для кадетов. Это после Казани, в Томске, Иркутске. На Кавказе уже в РСДРП исповедует лозунг «Вся власть демократии». Большевицких взглядов не разделял. Программу Временного правительства угодливо называл «гражданским евангелием». Нос по ветру держал всегда и захват

власти большевиками использовал для переброски в их лагерь. На митингах публично врал, что Ленин живет «в лачугах питерских рабочих». Но в партию большевиков вступил все-таки не сразу, выжидал. В 1919 в Астрахани доводит до голода население, вводя «классовый паек, единственно справедливый». Тогда же берет себе фамилию Кирова, хотя, казалось бы, большевики из подполья вышли и кличку можно было не брать. В Астрахани, как у него и везде, пьянки-гулянки. В городе забастовки. Несогласных подавляет пулеметами. Огромные жертвы. Баржи с ранеными затапливает. Переброшен полпредом в Грузию. Отчитываясь позднее, говорил, что действовал на Кавказе «умело». «Мы создали там анархию, возбуждая одну группу населения против другой, и старались в это время организовать рабочих. И это нам удалось. Мы должны создать международную анархию... и это нам удастся». Далее Армения, Азербайджан. Баку залит не нефтью, кровью. Киров замечает мелкого шпика азербайджанской контрразведки Лаврентия Берию и стремительно поднимает его по служебной лестнице. Троцкий в это время очень силен, и Киров, конечно же, троцкист. А в 24-м перекидывается к Сталину, поддерживает его, и вскоре он кандидат в члены Политбюро, вскоре и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома и вообще всего Северо-Западного бюро ЦК. В подчинении и в его ведении и Соловецкие лагеря смерти, и усталый трупы Беломоро-Балтийский канал. В самом Ленинграде остро стоит жилищный вопрос. Гениальный Киров выселяет в Сибирь и на Кольский полуостров всех, кто «непролетарского происхождения», а это десятки тысяч. Позднее, в войну, большой отряд ленинградцев, прибывший в Вятку и не имеющий вятских корней,

прижился тут, ибо им отдавали все лучшее, и именно теперь они и их последователи как раз и мутят воду в ясном вопросе возвращения имени.

Еще немного о жене пламенного большевика. Это Маркус. Для ее характеристики достаточно того факта, что она возглавляла колонны проституток во время праздников на проспекте Урицкого (ныне вновь Невский).

Более жестокого политика при раскулачивании (то есть уничтожении) крестьян, чем Киров, не было. Он автор закона, названного в народе «Пять колосков – пять лет», закон этот даже Сталин назвал драконовским. Слова о высшей мере наказания, то есть о расстреле, – любимые в лексиконе Кирова (для ссылки хотя бы «Правда» от 6 авг. 1932 г.).

Киров ревизирует аппарат сотрудников Академии наук, она до 1934 года в Ленинграде. Фабрикуется «дело Платонова». Ссылки, расстрелы. Партия бросает Кирова в Казахстан для организации хлебозаготовок. Расстрелы и репрессии против «саботажников».

Речи Кирова всегда лизоблюдские в адрес вождя. На Сталине не осталось мест, не вылизанных Кировым. Лично же Киров великий бабник. В насмешку над этим Мариинский театр оперы и балета был назван Кировским. Гуляли в основном во дворце, когда-то принадлежавшем балерине Кшесинской.

Убил Кирова муж его любовницы.

Сказано мало об этом красном большевистском чудовище, еще прибережем, но достаточно для ответа читателю, который обозвал меня Иудой. Ничего, потерпеть напраслину – дело Божеское. Но терпеть позорную кличку на имени целого русского города – дело постыдное.

Все-таки многое сдвинулось. В Москве станция метро «Кировская» теперь «Чистые пруды», улица Киров-

ская вновь Мясницкая. Армяне и азербайджанцы тоже отчистились от этого имени. Кировабад вновь Гянджа, Кировокан вновь Ванадзор.

Будет и Вятка Вяткой. И при чем тут Киров?

Камни Цхинвала

Первой книгой моего детства была книга «Родные поэты», второй – стихи Коста Хетагурова. Меня просто потрясло стихотворение о том, как мать обманывает голодных детей, говоря им, что она варит ужин, что надо подождать. Они от усталости засыпают, а она гасит огонек под котелком. В нем не готовился ужин. «В котелке варились камни». Пронзительность строк была такова, что они помнились всю жизнь, и вот – спустя шестьдесят лет стою у могилы поэта. «Ты знаешь, Коста, что творится на твоей земле?» – «Знаю и скорблю, – отвечает он. – Но знаю, что Господь и Россия не оставят моей родины».

Просвещенная циничная Европа и давно охамевшая от безнаказанности Америка внушали миру, что это осетины и русские напали на Грузию. Это дикое вранье вскоре было посрамлено, явились неоспоримые доказательства, что именно грузинская армия, вкупе с наемниками, натренированная американскими инструкторами, снабженная первоклассной техникой, именно она убивала стариков и детей, мяла танками легковые машины, на которых пытались уехать во Владикавказ осетины. Фашисты, ненадолго захватившие Северный Кавказ, и те не бомбили и не обстреливали церквей и больниц, а эти, нынешние, свершали свой оплаченный долларами бандитизм с такой жестокостью, что при рассказах свидетелей о нем холодеет сердце.

– Вот вы – священник, – допрашивает журналистка батюшку, недавно принявшего священнический сан, – и вы были снайпером. Как же вы убивали?

– Я не убил ни одного человека, – смиренно отвечает батюшка, – я убивал зверей в человеческом обличье.

За что напали на осетин?

Найдите на Кавказе более миролюбивых людей, чем осетины. За это? За то, что не торговали во все времена на рынках России мимозой, гвоздиками? Не занимались уже при демократии организованной преступностью? За это? Фашисты, и те не врывались в госпитали, не вспарывали животы раненым, не бомбили церквей, здесь все это было.

А был еще 1990-й год, еще свежи могилы той войны. И мало кто знает о нашествии грузин на Осетию в 1920-м году.

И вот, новые развалины, новые могилы. Может быть, теперь грузины опомнились, извинились, помогают разбирать завалы, строить дома? Как же! По-прежнему беспокойно на границе, тревожно на сердце за судьбу Южной Осетии. Теперь это самостоятельное государство. Всюду красивые осетинские флаги – трехцветие: белый – чистота души, желтый – хлебное поле, красный – кровь, пролитая за родину.

С детства так призывно и завораживающе звучало: «Дарьяльское ущелье», «Царица Тамара», «Терек воет дик и злобен меж утесистых громад», «Как сладкую песню Отчизны моей люблю я Кавказ», или: «Поэты Грузии, я нынче вспомнил вас», или «На холмах Грузии лежит ночная мгла», «...но почему пережила тебя любовь моя?», можно еще цитировать. Зачем? Лишний раз кормить грузинскую спесь? Откуда взялся дух превозносительства в их нации, та уверенность безнаказанности за убивание

людей, которые единодушно решили жить самостоятельно, откуда? Что вас много, а их мало? Что не изменили России, не одобрили низкопоклонства перед НАТО? Что, просто зависть берет на эти прекрасные земли?

Нет, не верится, что Грузия забудет о спасительной роли России в ее судьбе. Не будь России, быть бы Грузии вначале под персами, а потом под турками. Неужели и это надо доказывать?

Наивные верят, что политика царизма на Кавказе была захватнической, вздор! Народы Кавказа понимали, что без защиты сильного они попадут в рабство хищного. Добровольно искали защиты у России, и Россия приходила на помощь своим подданным. Защищала свои народы. Другого объяснения пребыванию русских, российских войск на Кавказе нет. Осетины пришли под руку московского царя в 1828 году, с тех пор они братья нам.

Политики могут думать иначе, я же, любя и Осетию, и Грузию, и Эльбрус, и Казбек, и Терек, и Куру, и Коста Хетагурова, и Шота Руставели, верю, что политики научатся наконец слушать голос народа, а не заокеанского дяди.

Давно ли был последний съезд писателей СССР? Все рядом. Писателей тогда уважали, заседали в Кремлевском дворце. Тогда-то грузинская делегация, психанув по поводу рассказа Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», покинула заседание. Тогда-то и прибежал на съезд Шеварднадзе уладить конфликт. А с чего было изображать великую обиду? Что там в этом рассказе обидного для грузин? Да ничего. И пошел старик Гавриил Троепольский на трибуну извиняться перед гордыми грузинами.

А потом было «глотание суверенитета» и растущие аппетиты.

Много раз бывал я в грузинском монастыре Святого Креста в Иерусалиме. Это теперь греческое владение, и, к великому сожалению, не очень ухоженное место. А монастырь велик, прекрасен, необходим. Как утратили его грузины, говорить поздно, но ведь можно же вернуть и иметь в православном сердце мира свой монастырь. Можно. А вот Святая Гора Афон. Ведь был же среди двадцати афонских монастырей и грузинский, был. А теперь нет. Вот куда бы приложить усилия политиков, вот чего бы ужаснуться – ослабления молитвенного духа нации, ведь от этого все. Конечно, на возвращение монастырей нужны средства, и немалые, но они в сотни раз меньше тех, что затрачены на агрессию против православных осетин. А интересно, что ответит дядя Сэм на подобную просьбу – помочь Грузии вернуть свои монастыри? «Да вы что, – скажет, – да я же на сатану работаю, да я же только могу смерть сеять, да мечтать Россию на колени поставить, а вы мне такое предлагаете?»

В монастыре Святого Креста могила монаха, великого Шота Руставели. О, как гордятся им грузины, и говорят, что пока еще плохо перевели на русский его поэму «Витязь в тигровой шкуре», может быть. Но ведь уже переведена главная строчка поэмы: «Кто себе не ищет друга, тот себе заклятый враг». Что же ему не следуют единоплеменники монаха-поэта?

Помню покойного Нодара Думбадзе, Тбилиси, осень 81-го, международный симпозиум по проблеме романа, выступления Чабуа Амiredжиби, Отара Чиладзе, застолья. Как забыть? Столько благодарностей выслушивали мы, русские, за то, что выводили грузинское слово на международную арену. Ведь годами работали на них, земляк мой, величайший русский поэт Николай Заболоцкий, сколько извел времени на переводы Давида Гура-

мишвили, Григола Орбелиани, Ильи Чавчавадзе, Важи Пшавела, Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Карло Каладзе, Григола Абашидзе, Михаила Квилидзе. Было за что благодарить. Где вы теперь, застольные литераторы? Что говорят ваши языки, так много изливавшие слов о величии России? Как смогли вам их привязать, чем? Деньгами? Или просто страха ради?

И еще немного о литературе. Говорим о ней, стоя у памятника Пушкину на углу улиц Сталина и Пушкинской. По устному преданию, грузины пришли к Сталину и стали жаловаться на Лермонтова, который написал в поэме «Демон» строчку «Бежали робкие грузины». Вождь всех времен и народов отвечал: «Поэт прав, он же написал: “Бежали робкие”. Робкие бежали. Он же не писал, что бежали смелые». Интересно, учат ли сейчас стихи Лермонтова в Грузии?

Высказываю ту мысль, что, может быть, грузины еще оттого так высокомерны, что Сталин – их выходец. Да нет, возражают мне, он осетин.

Аксакал осетинской литературы Нафи Джусойты читает перевод стихотворения «Румяной зарею покрылся восток». Удивителен и музыкален осетинский язык, происходящий из семьи иранских языков. Как раз стоим у памятника знаменитому лингвисту Васо Абаеву, прожившему сто один год и сказавшему в конце жизни о безграничности познания языков, которых он знал множество. Музей его имени уничтожило разрывом снаряда и голову у памятника оторвало. Вспоминаю Приднестровье, Бендеры, расстрелянный памятник Пушкину. Варварам всегда мешает культура.

Центральные улицы хоть как-то уже приводятся в порядок. Хотя разрушены учреждения, изуродован театр, но видно, что многое делается. Открыта новая школа –

дар Москвы Цхинвалу. Окраины и окрестности являют собой то, что называется пейзажем после битвы. Ничего, все наладится. Здесь я ощущаю себя тем русским, которому и назначено от Бога быть русским, то есть защитником справедливости, освободителем от ига. И выслушиваю такое количество благодарностей. И в осетинском, строго церемониальном застолье сейчас добавился неприменный тост. Тост за Россию. Встаем. Вздыхаем бокалы! Будто принимаем не заслуженную нами награду. Мы же лично не воевали, не хоронили друзей. Но именно тут я испытал счастье, что мой народ – народ величайший, народ-герой, он выполняет завещанное ему от Бога назначение – спасти угнетаемых. Нет, такого чувства никогда не испытать никакому американцу. В любом месте, где они наследили: в Ираке, Югославии, Афганистане, Вьетнаме, их проклинаяют.

Школа. На две трети разрушена, занимаются в три смены. Цветы, цветы. Есть ученики – сироты из интерната, дети погибших родителей уже этой, обжигающей доселе войны. Красивые строгие темные костюмы и белые рубашки учеников, темные юбочки и белые кофточка учениц. Звонко и торжественно звучат стихи:

– С неба сыпалась смерть все сметающим огненным
градом,
Содрогалась земля, угасала надежды свеча,
Лишь Великая Русь встала насмерть с Осетией
рядом,
Разрубив на века смертный узел по-русски, сплеча!

После встречи в школе меня провожают старшеклассники, попросил их показать церковь. Денис и его друзья немногословны. Да я и не спрашиваю. Только

интересуюсь, к какому жизненному пути они склоняются, куда собираются после школы.

Оказывается все они – все! – хотят пойти в военные училища. Даже те, кто до августа восьмого года собирался в какой-то гражданский вуз.

– Они (здесь не говорят – грузины, говорят: они) они загоняли людей в трубы и заваривали электросваркой и оставляли умирать.

Заходим в церковь, ставим свечи: и к Распятию за погибших, Божией Матери за живущих.

Говорю с рабой Божией Маргаритой. Служит при храме.

– Только церковью и спасались. Батюшки под обстрелом и сами, и через людей разносили иконы и свечи по подвалам и убежищам. Молитвы не прекращались ни на секунду. Страшно, когда вот эти минометы «Град», все рушится. А с молитвой и это пережили. Одна учительница говорит: сидели при обстреле на первом этаже, некуда уйти. Вдруг будто кто велел встать и перейти в другой угол. «Я больного мужа перевела, тут удар, взрыв, стена, у которой сидели, обрушилась, а мы живые. Гляжу – под иконочкой сидим». Вообще, – говорит Маргарита и крестится, – в эти дни, когда они напали, вера в Бога увеличилась.

Недалеко река Леуха. Слышно издалека – ревет вода у плотины. Внизу такая мощь кипящей воды, и в нее, с высоты, и немаленькой, прыгают мальчишки. И своих знакомцев я разглядел. Как прыгнуть в эту бездну? А прыгают. Все с нательными крестиками. Прыгают. В каких глубинах и как крутит их тела сильная река, непонятно. Выныривают в разных местах. Смеются. Опять карабкаются вверх. Да разве можно таких мальчишек, таких отроков, таких юношей победить?

Иду по берегу. Одинокая могила. «Борис Цвохребов. 1989 – 2006».

Потерял очки. Потеря традиционна, но как без них? В «Оптике» рассказывают, что нервные потрясения отражались не только на психике, на физическом состоянии, но очень влияли на зрение.

– Проводили многим коррекцию. Иногда зрение падало до минус семи.

Буду беречь купленные здесь очки, может, перестану терять. Первое, что прочел сквозь их стекла, сообщение о том, что Саакашвили свершил очередную амнистию заключенных, в том числе уголовников. Конечно, уголовники, благодарные ему, будут такую милость отрабатывать.

Встреча в погранотряде. Невозможно сказать что-то неискреннее, не от сердца идущее вот этим прекрасным скромным юношам, солдатам, увидевшим на заре жизни лицо смерти. Главное измерение любви к Отечеству – готовность умереть за него.

Ночлег на границе. Выходишь перед сном из летнего домика, тут же из темноты возникают солдаты. «Не волнуйтесь, гуляйте, все будет нормально». И в самом деле возникает ощущение защищенности, спокойствия. И как-то окрыленно под этими отвоеванными от захватчиков кавказскими звездами читаются молитвы перед сном. Дай, Господи, сил этим удивительным людям, пограничникам, миротворцам в полном смысле этого великого слова. Вспомним Заповеди блаженств: «Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся».

А утром счастливое раннее пробуждение, будто кто сыграл знакомую с армейской юности побудку. Вскочил и побежал к реке. Вечером спросил направление. Старался, как предупредили, с тропинки в сторону

не сходить. Замечал по сторонам открытые окопы, пулеметные гнезда.

Река оказалась быстрым, чистым ручейком. Пойду за ним, куда-то же он бежит-торопится. Торопился он к водопадику. Я осмелился, разделся и вошел под его освежающие холодные струи. И так радостно взбодрился и заторопился обратно. Но задержали два обстоятельства. Первое – камни. Надо сказать, и те, кто любит русскую баню, меня поймут, что главное в бане – парилка, а главное в парилке – камни, которые, накаляясь, производят целебный пар. Камни эти должны быть необычайно прочны. Долгие годы я всегда привожу в свою парилку камни отовсюду. Конечно, тяжелые не под силу, а на килограмм-полтора-два в самый раз. Как их выбрать? Не знаю, как другие, а я пытаюсь облюбованный камень разбить. Если вытерпит немилосердные удары о другой, более крупный, камень – годится. Есть у меня камни и с родимой Вятки, и с Урала, и с Байкала, и из Вологодчины, белгородский кремешок есть. Последний камень с берега реки Березины в Белоруссии, от той переправы, где в последнем бою с французами русские победили в соотношении: на сто погибших французов один наш. Хотел привезти камень и из Полтавы, но не получилось поискать, сильно нас торопили организаторы празднования 300-летия Полтавской битвы слушать выступление шведского посла. Не одни русские, и шведы были под Полтавой.

Здесь же все камни были крепкие. Звонко, высекая искры, отскакивали они от тяжеленного валуна, и все хотелось увезти. Выбрал один камешек – гладкий, круглый, ласковый на ощупь крепыш. «Поехали, милый, будешь меня в зимние дни одиночества согреть и лечить».

А второе задержало – это росточек дуба. Крохотный, но со взрослыми листочками дубочек пророс у

корней сосны, будто у ней искал защиты, к ней прижался. Он пережил ужасы войны, наслушался воя снарядов, свиста пуль, разрывов бомб, но растет. Я оглянулся окрест – много таких дубочков начинало жить на родной земле. А этот, от корней сосны, я решил увезти в Россию. Стал искать, чем выкопать. Поискал какую-либо железку. Железа хватало, но все крупноформатное. Нашел острый сучок и выкопал этот дубик. Завернул в носовой платок. Напоследок окропил водичкой родины и повез на новую. Тем более теперь у нас уже общая родина. Я уверен – росток приживется.

Было дело под Полтавой

Первым, кого я встретил, ступив на поле Полтавской битвы, был священник. Мысль мгновенно мелькнула: как хорошо в таком святом месте первым делом получить благословение, и я рванулся к нему, привычно складывая ладони. И тут же меня отшатнуло – а вдруг он филаретовец. Но уже и батюшка делал шаг навстречу. Все-таки я спросил:

– Благословите, батюшка. А, вынужден спросить, какой вы юрисдикции?

– Той, что надо, – отвечал он, крестя меня и приветливо улыбаясь.

Надо ли говорить, что украинский раскол, начатый митрополитом Филаретом, явление не только религиозное, но и нравственное и даже политическое. Не будь его, разве б мыслимы были такие щиты с портретом изменника и надписями на них: «Мазепа – победа украинской державы»? А плакаты были размером как щиты с рекламой пива.

Жовто-блакитные знамена подавляли все остальные. На втором месте были шведские, на третьем российское трехцветие. Жупаны и папахи, длинные усы и лихие оселедцы, красные просторные шаровары, сапоги гармошкой – все раньше казалось бы каким-то костюмированным праздником. В общем-то это и был праздник, и великий праздник – 300-летие Полтавской битвы, но сразу было понятно, что хозяева незалежной, незаможней, самостийной, щирой Украины присвоили его полностью себе. Да, еще поделились со шведами, которых тут тогда побили, а сейчас они были тут дуже желанными. Сегодняшняя Украина присвоила себе не только территории Российской империи, но и ее прошлое. Героическая битва, которая спасла Россию, сейчас от России была насильственно отторгнута. Теперь получалось, что она не в России произошла, а за границей. Дюжие парубки, конечно, были ряжеными, но были не актерами тут, а заправилами. Они тут были хозяева. Нас, российскую делегацию, не то чтобы зажимали, нет, ставили в первые ряды, но как-то постоянно давали почувствовать, что мы здесь гости. Но хлеб-соль были так хороши, так красивы дивчины в венках, лентах и монистах, что это перебарывало горечь. Гремела бравая музыка, но почему-то эстрадная, а не марш Преображенского полка, который напоминал бы о погибших здесь русских воинах.

Все теперь умные, и некому сказать, что нет уже никакого толку от перемывания истлевших царских костей, особенно Петра I-го. Все власти черно-белые. То есть полный злодей – это сам сатана, а прислужникам своим он дает возможность для оболъщения людей свершать еще и добрые дела. Ирод избил младенцев, и течет доселе водопровод Ирода, тот же Мазепа и храмы строил. Взять и Берию – о беспризорниках заботился. Все это

к слову. Петр – явление, как и Сталин, промыслительное, и не нам, земнородным, понять их всецело. Достаточно сказать: «Бог всем судья».

Так вот, Полтавская битва – может быть, да и не может быть, а точно – главное свершение Петра. Здесь уместнее прибегнуть к цитатам из работ, вышедших в свое время к 200-летию Полтавской битвы. Победа в ней покончила с хозяином Европы Карлом XII-м, переменяла западный взгляд на нас, русских.

Далее выписка из книги «Храм во имя Сампсония Странноприимца на поле Полтавской битвы», издание 1895 г., Полтава: «Все теперь должны были переменить свой взгляд на “варварскую Московию”, на ее царя гордые соседи стали смотреть с почтением, дорожили его дружбой и не смели оскорблять русского флага, который стал развеваться на водах Балтийских... Народ стал доверчивее относиться к своему Государю, примирился со всем, что раньше казалось ему тягостным, и уже безропотно смотрел на внутреннее преобразование, видя в нем причину недавней славы и необходимое условие будущего величия. Не забудем, наконец, и еще одного весьма важного последствия бранного дела под Полтавой. Ведь всего полвека прошло с тех пор, как Богдан Хмельницкий вырвал многострадальную Малороссию из рук Польши и присоединил ее к единой Москве. Значит, не успела еще Польша забыть этой потери и поджидала только удобного случая, чтобы возратить утерянное. Проиграй мы сражение под Полтавой, тогда бы не отстоять юго-западной России своей независимости и воротились бы к ней те страшные времена унии, когда святые места наши отдавались в аренду жидам, и храмы православные запечатывались, и имения церковные отбирались в пользу католического духовенства и прочее. Теперь же Польша не

смела спорить с Петром, обессиленная еще раньше теми же шведами, она навсегда похоронила свои надежды на Малороссию... Полтавская победа принесла нам великие блага: она сразу и, даст Бог, навсегда сделала Россию могущественнейшим государством мира, государством единым и нераздельным. Недаром благодарные потомки назвали эту победу Русским Воскресением».

И я, благодарный потомок, шел по полю битвы, оглушался орущими динамиками, бодрыми криками увеселителей и все пытался понять, почему мы, славяне, так легко сдали врагам славянства главное – наше братство? Как смогли украинофилы вбить в умы дикую мысль об украинской национальности? Это же, как и русские, народность одной семьи. Причем всегда самостоятельная. Еще с Алексея Михайловича малороссам давалась свобода сношения с внешними соседями и государствами, исключая поляков и турок.

В самом слове «малороссы» только упертый ум увидит нечто обидное для украинцев. Не украинцы малые, они не меньше любых других, а Украина – малая родина русского славянства. Малая родина – это самое дорогое для человека, любящего свое отечество. Малая, то есть та, где ты родился, мужал, любил, откуда уходил в мир. Мать городов, Киев, Крещатик – это навсегда для нас Малая Русь, давшая жизнь Руси Великой, крестившая и Белую Русь, это ли не самое почетное в семье славян? А уж для меня-то тем более: Киев – город моего небесного покровителя святого Владимира.

В армии я служил с хлопцами из Украины. Были там и левобережные, и правобережные, западэнцы. Доть, Аргута, Коротун, Титюра, Балюра, Муха, Тарануха, Поцепух, Пинчук, Падалко, Гончар... Где вы, теперь уже седые друзья-однополчане? Что нам было делить и тогда, и что

делить сейчас? Я как любил вас, так и люблю. Ну да, звали вы меня москалем, и что? Какая тут обида, вы и сами хохлы. Хоть и кацапом зовите, меня не убудет. Своя же семья. И кто сейчас обижается на всякие прозвища? Макаронники итальянцы, лягушатники французы? Смешно. Смешно же вам было, когда москали не могли правильно выговорить, по вашему мнению, слово «паляныця», тут вы чувствовали превосходство, но и это смешно.

Между тем радио на четырех языках: русском, шведском, английском, украинском пригласило делегации к возложению венков на могилу павших воинов. Идем. Нам раздали по две розы. Впереди всех, конечно по праву, военные. Очередь медленная и огромная. Несем привезенный увесистый венок – дар Москвы. Но идти благоговейно не получается. По крайней мере у меня. Пристал спутник, непрерывно говорящий, киевский пишущий человек, шутник. Представился: Олесь. «Коротич – така дуже невеличка персона, а наделал дилов, да? А слыхали шутку: “Вы нам Чернобыль, мы вам Коротича”»?

Он сильно моложе меня, поэтому я особо с ним не церемонюсь:

– А тебе не будет выволочка за то, что с москалем разговляешь?

– Та ни, – радуется он разговору. – Вся Украина за союз с Россией.

– Но есть же и заюленная Украина.

– То запад заполяченый.

– Помнишь присказку советских времен, – говорю я, – «москаль на Украине, хохол на Сахалине»? Конечно, все ее знали. Что же хохлы Сахалина, Сибири, центра России не возвращаются на незалежню, незаможню, самостийну? Потому что им и там лучше всех. Украинцы у нас везде и везде в начальстве. По Сибири, по нефтя-

ным местам, может, только пока банки у евреев не отняли. Думаю, временно. Есть же пословица: «Где хохол прошел, там трем евреям делать нечего». Говорю с гордостью за украинцев. Нас-то евреи переевреили, телевизор посмотри – убедишься.

Спутник мой смеется и вскоре его растворяет толпа.

Могила – высокий рукотворный курган рядом с церковью. На вершине большой гранитный Крест, водруженный в 1894 году при Александре III-м и возобновленная им надпись, сделанная собственноручно Петром I-м после захоронения убитых: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога-Слова 1709, июня 27 дня». 1345 человек погребено под крестом. Тогда же Петр особым указом выразил пожелание «в память сей преславной виктории» построить на поле битвы мужской Петро-Павловский монастырь с приделом в честь Сампсония Странноприимца. Почему Петро-Павловский? Потому что император хотел вступить в бой в день Петра и Павла, но обстоятельства вынудили начать битву на два дня раньше, в день святого Сампсония.

Но очень нескоро исполнились царские предназначения. Лишь в конце XIX-го века был освящен храм на исторической земле. К юбилею усилиями православных Украины и при помощи посольства России в Украине храм отремонтирован, виден отовсюду, прямо сияет, очень красиво сочетаются белые стены и голубые наличники, зеленая крыша и центральный золотой купол.

Идем к нему. По расписанию торжеств сейчас Литургия. Служит несколько архиереев и несколько десятков священников.

– Церковь Московского патриархата, – с гордостью говорит старуха в белом, обшитом по краям кружевами

платочке. – Иди, брат, за мной. – Она тут своя. Проводит меня поближе к певчим, к амвону. Хоров два, оба необычайно молитвенные и слаженные.

Храм просторный, весь переполненный нарядными людьми. Центральный образ – Христос, раскрывший объятия, но еще не на Кресте. У ног Его ангел, подающий Ему чашу. «Отче наш» и «Символ веры» гремят мощно и единоустно. Еще бы – запевалы такие голосистые, рослые дьяконы. Проповедь на украинском наречии вперемежку с русским.

– Через триста лет откликнулись души воинов, услышались нами их голоса.

Крестный ход. Колокола. Сквозь них слышится радио, дикторы читают приготовленный текст: «Прапори России, прапори Швеции та Украйны».

Нас направляют к так называемой «Ротонде примирения». Сказал я «к так называемой» специально, ибо так ее называют и так написано, к моему недоумению, в программе. Почему не часовня? Да, вот и она. Да, часовней эту садовую беседку не назовешь. Ладно, хай будэ ротонда. Три опоры символизируют что? Нет, не Святую Троицу, а три государства: Россию, Украину, Швецию. Ударил гимн, вначале российский. Так по алфавиту. Украинскому гимну подпевали, но мало. «И покажем, шо мы браття козацького роду». Шведский гимн был без слов, но рядом стоящий высокий седой старик сорвал с головы шляпу (а до того был в ней) и во все горло запел. Значит, швед.

Но освящающий ротонду архиерей называет ее часовней.

– Освяченна часовня полеглих воинов.

Ветер хозяйничает в микрофоне, шатает древки флагов и знамен, трещит полотнищами. На ротонде на

трех языках написано: «Время лечит раны». Лечит, да, но наносит новые, вот печаль.

– Шановна громада, – меж тем говорят ведущие, – ласкаво просимо!

Дают слово приехавшим гостям и хозяевам. Открывая, один из хозяев: «Пусть Полтавское поле будет полем туризма и на нем мы найдем новых друзей». Посол Швеции напомнил о величии Швеции и сказал интересную фразу, что благодаря Полтавской битве Швеция обрела теперешние границы и живет в мире с соседями и «с самой собой». Далее о сотрудничестве, инвестициях, далее о том, что «битва помогла шведам обрести историческую родину». Надо же. Я записал. И еще: «Нельзя допустить истории править балом». Может, эта молодая переводчица неточна? Кто ж тогда правит балом, как не история? Только вот кто кому подчинился, Карл XII-й или она Карлу? Петр-то был вынужден биться за Россию и сохранил ее в истории, а Швеции что тут было делать? Зря им Петр шпаги вернул. Они снова здесь. И уже учат разврату, образцу шведских семей.

Это я сердито сказал товарищу по делегации. Он примирительно коснулся моего плеча:

– Не кипятись, надо быть политкорректным.

– Политкорректность – это трусость, – не уступал я. – Политкорректность приводит к тому, что политики запускают болезнь до того, что лечит ее народ своей кровью.

Программа дня продвигалась далее. Представительница Украины сильно хвалила Мазепу. «Дал шанс Украине». О так от. Еще же ж у них и Петлюра, и Бандера, много героев. Они на портретах не стареют. Стабильность. Предательство нынешних властей опирается на предателей в истории.

Узнал, во сколько собираться перед обедом, и пошел по полю. Сотни и сотни автобусов, тысячи и тысячи машин. Обилие флагов, пестрота эмблем на них: и солнце с человеческим лицом, и трезубцы. Нарядные люди отовсюду. Нет, есть, есть сегодня ощущение праздника, единения славян, есть. Был свидетелем встречи двух отрядов казачества. Шли они друг к другу. Одни шли к ротонде, другие от нее. И первые грянули: «Любо, терцы!» И вторые в ответ еще громче: «Любо, донцы!» Вот это любо так любо. А ведь были в истории казачества такие раздраи, непримиримость такая, что и вспоминать не хочется. И не надо. Забыть их и жить дальше.

Две дивчиноньки, пичужки такие, торгуют под плотняным навесом водой, пивом и мороженым и зовут:

– Диду, ходи до нас. Диду, вы с Москвы? Так в вас же кризис, визьмить, – протягивает мороженое, – то бескоштовно. И русские рубли берем. По курсу. А долларив нема?

– Та вин же ще не диду, – говорит другая, – вин ще дядько.

Обе такие веселые, молодехонькие хохотушки. Говорю:

– Все-таки Мазепа предатель. Это не мое мнение, это историческая правда. А вы как розумиете?

– Та нам-то шо, – отвечают они и хохочут.

Тут налетел такой порыв ветра, что повалил навес, девчаткам стало не до меня. Помог им и стал возвращаться к церкви. Навстречу большая группа молодежи. Несут соломенное высокое чучело. На его желтой груди плакат «Мазепа – Иуда». К нему привешен картонный кружок с надписью «30 гривен». К молодежи подскакивает милиция, требует уйти. «Гэть видсиля!» Насильно заворачивают. Милиции помогают подскочившие парубки в

национальных кафтанах. Начинается даже драка, но уже зажигалками подпалили снизу чучело. Солома трещит, пылает и вскоре дымится.

У меня звенит колокольчик мобильного. «Ты где?» – «Где я могу быть? На поле» – «Тут везде поле. Где именно?» – Я оглянулся – недалеко остановка автобусов. – «Я у зупинки». – «Какой?» – «Сейчас прочту. “Институт свинарства”». – «Выдумал?» – «Иди и сам смотри». – «Скоро обед».

Меня останавливает старик моих лет, украинец в рубашке-вышиванке. Я почему-то радостно подумал: не сослуживец ли? Пожал протянутую руку:

– Вы в 60-м, 63-м не служили в ракетной артиллерии в Подмосковье, в Кубинке?

– Там не, – и весело говорит, видимо, уже не раз прозвучавшую от него шутку, – служил в засадном полку украинского вийска в Полтавской битве. Було його не треба, отсиделся. Вы туточки впервой? Показать вам памятник хороший полковнику Келину?

– Конечно!

Мы идем и вскоре стоим у памятника герою. Келин удерживал крепость Полтавы против шведов, когда превосходство их в численности было в несколько раз против русских.

– Эй, Полтава! – раздается крик из толпы на площадке среди зелени. – Эй, Полтава! Посвистим, покричим, побрякаем! Диджей, вдарь!

На земле расстелен огромный лист линолеума. На него поочередно выскакивают хлопцы в широченных штанах, майках с иностранными надписями, ловко под музыку пляшут, крутятся, скачут. Вдруг начинают выделять невообразимое: вращаются на животе, на спине, на голове даже. Руки летают как пропеллер, ну

орлы! Загляделся и потерял провожатого. Да уже и пора к своим. Обедать, на конференцию и на аэродром. Лететь до дому, до хаты. Еще замечаю на парковой скамье крупные буквы: «Тут была группа “Ниочем”. Тепа и Максим». Хотелось и просто походить по улицам, и в магазины зайти, но время поджимало. Только вывески и достались. «Жиночи та чоловічи чохи та панчохи. Одяг». То есть женская и мужская одежда. Плакат против «кишковых захворюваний».

Обед замечательный, украинский. Борщ, сало, пампушки, галушки. Так и вспоминается гоголевский Пацюк и песенный казак Грицько, который «любил соби дивчину и с сиром пироги», потом, когда надо было сделать выбор, то заплакал и сказал: «Вы, кляты вороги, визмить соби дивчину, виддайте пироги». То есть дороже дивчины они оказались для Грицько.

А по дороге на конференцию опять утренний спутник. Олесь хочет знать причины нашей теперешней размолвки.

– Знаешь, кто вас сделал несчастными? Подожди, не возражай. Конечно, несчастные, как это – славяне, и вдруг бежать из семьи славян? А дуракам бросать листовки: «Москаль зъил твое сало, москаль истопил твой уголь». Шушкевичи, Кравчуки, Ющенко, они – слабовольные жертвы, главная вина на католиках и протестантах. Да еще Тарас Шевченко. Его искалечили поляки и пьянство. Попал в Польшу совсем молоденьким, за два года до польского восстания 1831-го года. Вся Варшава была пропитана ненавистью к Москве, заразился. Какой ужас в «Кобзаре», сколько ненависти к царю, Богу, России. Церковь православная как прыщ, это что? Призыв девственниц к блюду, издевательство над всем святым, призывает «явленними» иконами «пич топити», церков-

ные одеяния «на онучи драти», от кадил «люльки закуряти», кропилами «хату вымитати», это что? Сколько пошлости и сальности в его виршах. Олесь, «погани мы москали», по его слову, или братья по крови Христовой?

– Розумию, шо мы всегда будемо рукопожатными.

– Еще бы. Куда вы без нас? НАТО вас защитит? Или Москва? Давай ще пидемо зараз до поля. – Я даже неожиданно для себя постоянно вворачивал в свои слова украинизмы. – Ты же знаешь историю. Почему же у вас такие политики? Сказали на Переяславской раде: «Волим под царя Московского», что еще? Народ волил! А политики? Умер Богдан, тут Выговский, волит противу Москвы. Пришел Юрий, сын Богдана, волит под Москву. Деление на право- и левобережные Украины. И опять политики мутят воды дружбы: и правобережный Дорошенко, и левобережный Брюховецкий отдаются султану, волят под него. Когда хоть вы, бедные, вздохнете? Мало вам, что президент выписывает за народные деньги певца-педераста и ставит с собою на трибуну над Крещатиком? Или и этим чаша не полна? Или этим развратником в виде Сердючки. Дикость же! Это «сестра» наших пошлых «бабенок» из «Аншлага». То так?

– Но Тарасе? – растерянно спросил Олесь.

– Убрали бы его памятник из Москвы, я бы недолго переживал. Многие ли заметили, что ельцинисты стреляли из танков по Верховному Совету именно от гостиницы «Украина», от памятника Шевченко? А на его бы месте поставить памятник дружбы народов наших.

– Какой?

– Сделать опрос мнений. Там берег Москвы-реки. Я бы предложил так: «Нэсе Галя воду, коромысло гнэцця, а за ней Иванко як барвинок вьэцця», а? О, как я помню украинку Галинку. Мы в армии ехали, в Шахтах стояли,

разрешили выйти на десять минут. Десять минут, а память на всю жизнь. Галя. Вынесла с бабушкой на станцию вишни. Боже мий, яка ж хороша та Галя была. Потом так вспоминал! «Ты така хороша, дай хоч подывицца!» У меня брат после института в Шахтах работал, все к нему хотел поехать, но уже женатый был. Да, Галя. Узнал, что Галя, ей бабка говорит: «Галю, швидче накладай». Они вишню в бумажных кульках продавали. Тут парни из вагонов подвалили, на нее обрушились с комплиментами, но я-то знал, что она меня заметила. Да, так вот, Олесь. Меня жгло, взглянуть боялся. И она застеснялась.

Вскоре началась и конференция. Для начала наградили нашего посла, видимо за вложенные в подготовку юбилея русские деньги. Потом пошли речи. Конечно, наши первенствовали, украинцы осторожничали. Как осуждать? Мы улетим, а им тут жить. Испытанные бойцы Валерий Ганичев, Сергей Глазьев, Александр Крутов, Леонид Ивашов говорили ясно, четко, доказательно. Выступления их при желании легко найти в интернете. Смысл: нам не жить друг без друга. И дело не в газовой проблеме, дело в братстве.

Мы крепко запаздывали к самолету. Но так как он шел не по расписанию, был чартерный, то есть купленный, то летчики и не сердились. На аэродроме даже дали двадцать минут на отдых. Я этим воспользовался и отошел подальше от аэродромных огней. Хотя и лето, а уже смеркалось, и луна без опоздания выходила обозревать свои владения. Еще немного сохранилось в Полтаве тех мазанок, которые освещала вот эта же луна, что и сейчас, и трепетали все те же «сребристых тополей листы». То есть не те, такие же. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не в силах воздух, чуть трепещут сребристых тополей листы...»

и так далее до «Ликует Петр и горд, и ясен». Тут его выносил в центр истории «ретив и смирен верный конь». Тут «Карла приводил желанный бой в недоуменье». Отсюда утаскивали носилки с ним в безславие, отсюда бежал предатель Мазепа. Здесь сошла с ума соблазненная им крестница Мария, дочь оклеветанного Мазепой полковника Кочубея. Тут скакал всадник с зашитым в шапку доносом от Мазепы Петру...

И вот – граница меж нами, какая дикость! А как отец мой пел украинские песни! И как мы браво топали в армии под «Маруся, раз, два, три, калина, кудрявая дивчина в саду ягоду рвала»! А эта известная во всех краях: «Было дело под Полтавой, дело славное, друзья». И уж что говорить о пословице, употреблявшейся повсеместно как знак поражения: «Погиб, как швед под Полтавой».

И что? И опять гибнем, как шведы под Полтавой? А? Да ничего. Славянская семья все равно останется семьей. Мы, славянские народы, – все равно братья. Ну, а как же политики? А политики тогда заслужат благодарную память в потомстве, когда будут слушать народ.

Москва – столица мракобесия или небесный град?

Напомню, как либералы и демократы праздновали свою победу в 93-м, после расстрела Верховного совета. Помимо круглосуточных шаманских вакханалий по телевизору они устраивали самые настоящие сатанинские шествия в Москве. Их очень тянуло на Пионерские пруды к дому, в котором, по роману Булгакова «Мастер и Маргарита», обитала нечистая сила. Наименование прудам было возвращено, Патриаршие. Но лучше бы, может

быть, пока не возвращалось. Какое патриаршество, когда тут правит бал кощунство и издевательство над всем святым? В сентябре 93-го ряженные в бесов люди устроили здесь шествие. Разные лозунги кричали им организаторы в мегафоны, и толпа нечистых на все отвечала криками «Ура». – Да здравствует советская милиция! – Ура! – Да здравствуют советские проститутки! – Ура! – Долой советскую цензуру! – Ура!

Вскоре на прудах закипела адская машина совращения молодежи. Объявления пестрели на столбах: «Приглашаются ведьмы, вурдалаки, колдуны, экстрасенсы». Плакатики: «Убей, ограбь, укради!».

Кощунство дошло до того, что однажды сцена для очередных беснований была выстроена в форме креста и на нем (на Кресте!) паясничали и кривлялись взрослые и юные кощунники. Тэвэшники радостно подставляли микрофоны. И все прикрывалось именем Булгакова. Но не ангел света водил рукой писателя, когда он воспевал блуд и восхищался похождениями нечистой силы. Страшно за его душу, и молиться надо за грешного Михаила, а не плясать на его костях. Увы, именно он дал повод для таких праздников сатанинских слуг.

Пропаганда XX века называла веру в Бога «мракобесием». Мол, свет – это наука, просвещение, а вера – это невежество, темнота, мрак. Вот такой перевертыш был в ходу, хотя как раз люди, отрицающие Бога, неминуемо становятся рабами бесов.

Сегодня ширится река церковной жизни, строятся храмы и монастыри, идут по России крестные ходы, поворачивается к Церкви школа. Но разве не досадно это бесам? Они двигают свои войска: подпольные казино, игорные дома, дискотеки, ночные клубы (мало вам пермских огней?), по телевизору и в прессе идет непрерывная

реклама блуда, пьянства, убийств, власти денег. Ты против? Как ты смеешь, значит, ты не толерантен. Смотри, в Европе по улицам гуляют педерасты, и в их сторону никто не плюнет, камня не бросит. Но здесь Россия – в этом все дело. Целомудренная страна, и толерантность здесь воспринимается в своем изначальном смысле – это опасное привыкание к заразе, а мы заразными не были и быть не хотим. Затащить нас в коллективный «дом терпимости» ни у кого не получится.

Но тащат, и тащат усердно. В Замоскворечье, у метро «Новокузнецкая», воздвигли фонтан «Адам и Ева». Москвичи хорошо знают, сколько действующих храмов расположено вокруг – на Большой и Малой Ордынках, на Пятницкой, Новокузнецкой улицах. К ним идут тысячи христиан, старых и молодых. И вот – перед их глазами – дерево с шаровидной кроной (надо понимать, «дерево познания добра и зла»), извивающийся змей и сидящие на сучьях голые мужчина и женщина. Она протягивает ему яблоко.

Адам и Ева не только для православных, но и для христиан любых других конфессий, почитающих Священное Писание (Библию), полагаю, что и для иудеев, – это не мифические персонажи, а Святые Прародители всего человечества. Вспомним из Священного Писания, как был наказан один из сыновей праотца Ноя – Хам, за то, что, увидев своего отца обнаженным, посмеялся над ним и не скрыл его наготу. А в московском Замоскворечье толпы людей теперь взирают, кто с усмешкой, кто равнодушно, конечно, многие и с возмущением, на бесстыдную наготу Святых Прародителей. Хамов грех, открытый для внимания. Не страшно вам, создатели такого? Последствия могут пасть на судьбу потомков, как на сына Хама – Ханаана.

Вернемся к Патриаршим. В газете «Известия» (30.04.2009 г., с. 13) опубликовано интервью с гендиректором культурного центра «Булгаковский дом» Николаем Голубевым под названием «Мы собрали подписи за создание в городе “Булгаковской тропы”». Это известие в «Известиях» сродни Хамову. Несколько лет назад удалось отстоять пруды от установки памятника Булгакову в виде комплекса персонажей из романа «Мастер и Маргарита». По замыслу это был 12-метровый фонтан «Примус» с нечистой силой, льющая вода с которой освящала и Патриарший пруд, и, через канализацию, и воду в Москве-реке.

Теперь, как говорит Голубев, будет поставлен «автомобиль с Мастером и Маргаритой» (скульптор изготовил его вместо злосчастного примуса, который всех так раздражал). Далее: «На тротуаре на Садовом кольце – Коровьев с Бегемотом». Это как раз у дома, где расположен «Культурный центр», рядом – ночной клуб. Логично – входящих и выходящих из злчного места будут встречать образы нечистой силы.

Дальше «Булгаковская тропа» прокладывается через сквер по дороге на пруды. Здесь собираются поставить Понтия Пилата, Иешуа, Левия Матвея. Голубев скромно умалчивает о том, что «сквер по дороге на пруды» – это место снесенной в 30-е годы церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы с приделом священномученика Ермолая (конца XVII века). Первоначально же на этом месте в 1610 г., в Смутное время, святым Патриархом Ермогеном был построен деревянный храм, посвященный памяти священномученика Ермолая (имя, которое носил св. Патриарх до монашеского пострига).

Храм снесен, но, несомненно, остались его фундаменты, захоронения умерших священнослужителей и

прихожан. Но главное, по твердой вере Православной Церкви, Престол в алтаре храма освящается до скончания веков и св. Ангел-хранитель пребывает при нем, даже если храм уничтожен.

Уверен, авторы размещения скульптур памяти Булгакова отлично понимают, что запроектировано очередное нашествие на святость Православия. По прежнему замыслу фигура Иешуа (пародии на Иисуса Христа, персонажа из «евангелия от Воланда») должна была размещаться на воде, в окружении 12 разрушенных колонн. Полная ассоциация, что это символ проповеди 12 святых апостолов, но угасающей в современном мире. В новом варианте – та же мысль, но выраженная уже совсем нагло. Храм разрушен, и на месте Святого Престола – предавший на смерть Сына Божия и «умывший руки» Понтий Пилат.

Вновь цитата: «А скамейку и Булгакова – на Патриарших, по диагонали от памятника Крылову». Что ж, именно у Крылова есть замечательная басня «Разбойник и сочинитель». Разбойник и сочинитель попали в ад. Под котлом разбойника был разведен огромный костер, который запылал и погас. А под котлом сочинителя – костерок, который чем дальше, тем больше разгорался. Сочинитель возопил, что суд несправедлив. Ему явилась грозная Мегера и сказала, что разбойник людям страшен был, пока жил. А ядом сочинений писателя продолжают разрушаться души. «Так по делам тебе и мера, – сказала грозная Мегера. И крышкою захлопнула котел».

Опять же скажем, не нам судить Булгакова, на то есть Суд Божий, но почему сатанисты из всех его произведений почтили только роман «Мастер и Маргарита»? В романе нет сопротивления злым силам, они даже смакуются. И диакон Андрей Кураев наивно считает, что «роман в романе» о Иешуа Га Ноцри – это не кощунство со

стороны Булгакова, так как его писал не Булгаков, а Воланд. А кто же сочинял этот текст от лица Воланда (т.е. сатаны)? Или Булгаков уступал ему кресло и авторучку, а сам отходил в сторону?

В журнале «Шестое чувство» (3\2008) профессор Ю. Минералов выступил «В защиту Мастера». Главный редактор журнала прот. Михаил Ходанов не согласился с утверждением автора статьи, что «читатели Булгакова делают (выбор) однозначно в пользу сил Добра. Взрастив немало христиан, роман не взрастил сатанистов».

Может быть, Ю. Минералов действительно встречал людей, у которых роман «Мастер и Маргарита» пробудил впервые интерес к христианству. Но чтобы стать христианами, надо полюбить Христа, а не «затравленного великого философа». А Христа нет в романе.

Еще, приводя слова св. Иоанна Кронштадтского «о бесконечной благодати и правде Творца... ибо кто был прежде сатана и его ангелы: какие светы, какие сокровищницы великих благ, и чего лишились по своей решительно-произвольной неблагодарности, злобе и зависти против Господа?», Ю. Минералов пишет: «Как представляется, Булгаков как раз стремился своим творческим воображением “схватить” такую противоречивость природы зла». Ну, это уже домысел. Какая противоречивость у зла? Зло и есть зло. О. Иоанн говорит: «...его нечистые носители были сотворены Господом благими и светлыми, но пали во зло и тьму».

А дела падших духов всегда лукавы и злы. В романе же Булгаков пытается изобразить противоречивость не их природы, но их дел. Мол, хочет Воланд сотворить зло, а получается «добро». Ладно уж, голая Маргарита, сделаю тебе удовольствие, не будут больше показывать кровавый платок, успокойся. Бегемот, плесни ей еще спирту.

Возможно, раньше, когда роман ходил по рукам в машинописных распечатках, да и время было потише, без такого циничного разгула зла, он не оказывал на души людей такого губительного влияния.

А чтобы не возникло обвинений в несправедливой оценке нынешних почитателей романа «Мастер и Маргарита» – прочитайте внимательно статью на той же странице «Известий», где интервью Н. Голубева, – «Дом 10 на Большой Садовой. Чертовщина живет и даже иногда побеждает».

Нет, нет, это не саморазоблачение, а вновь перевертыш понятий, с которого мы начали. Чертовщиной, которая «иногда побеждает», здесь назван не культурный центр «Булгаковский дом», а православные жители района Патриарших прудов и дома № 10. В их числе Александр Морозов, который «каждое воскресенье приходит во двор с крестным ходом и предаёт своих недругов анафеме».

Корреспонденты «Известий» привычно для себя клеветают. Небольшая группа верующих обходит с молитвой квартал, в котором расположен дом № 10, идет по тротуарам, не мешая никому, это что, недемократично? Приходите и присоединяйтесь. И только по глупости или по злему умыслу можно назвать анафемой произносимую во дворе дома молитву Кресту. Креста как раз боится нечистая сила. Если обитатели музеев Булгакова такие хорошие и невинные, так чего они боятся?

Булгаковских музеев два – государственный, возглавляемый литературоведом Мариэттой Чудаковой, располагающийся в «нехорошей квартире», и культурный центр Н. Голубева. В статье признание мимоходом: «Эксплуатировать писательскую славу вдвоем неудобно...» Ждать защиты русской святости от Чудаковой? Да

вы что! Прочитайте хотя бы ее книжечку для детей (для детей!) «Приключения Жени Осинкиной», то, как девочка тщательно готовит убийство сестры, конкурентки на наследство папаши. Такая вот булгаковщина.

В культурном центре (цитаты): «Крошечное кафе на 5 столиков... На стене – список экскурсий, среди которых несколько ночных...»

«Юные девушки-экскурсоводы из культурного центра сыплют байками, упирая на хорошо продаваемую мистику, и разрешают погладить черного кота Бегемота.

«...Если прийти к “нехорошей квартире” ровно в 12 и поцеловаться, то будет им большая и чистая любовь, как у Мастера и Маргариты».

Бедные, задуренные молодые люди! Куда, в чьи лапы их толкает роман? Возведенная в романтическую «любовь» Мастера и Маргариты – это примитивная блудная страсть, ради которой они соглашаются на помощь Воланда (сатаны). А куда денешься, писатель уже изменил жене, Рита мужу. И они продают души дьяволу. За это им обещан после смерти – вечный покой. Какой же покой может дать душе сатана? Ведь в его власти – только ад. С этой точки зрения, и скульптура Мастера и Маргариты в автомобиле – тоже памятник власти сатаны.

Заботливые сотрудники культурного центра предусмотрели «неформальный способ донести до провидения в лице Булгакова свою жажду любви». Вот пример: у туалета Культурного центра вся стена исписана мольбами о «любви», например, такими: «Люблю тебя, Дашенька. Твоя Саша». Да, для такой «любви» отхожее место подходит всего больше. Неужели еще куда-то выносить признания в содомском грехе?

Такие черты деятельности «Булгаковского дома» его хозяева, видимо, считают вполне безобидными. А к

чему другому может привести культ нечистой силы, которая в статье названа «обаятельной»?

Будто каким тараном пробиваемая идея создания «Булгаковской тропы» от «нехорошей квартиры» до Патриарших прудов – это не любовь к литературе, это служение силам зла, это создание в столице центра сатанизма. Если это случится, тут же подобное возникнет и в других российских городах. Чем это грозит? Вспомните пляски на Кресте.

Еще и без «сатанинской тропы» во что сейчас превращается сквер Патриарших прудов в вечернее и ночное время? Компании пьющей, орущей молодежи. Сидящие друг у друга на коленях мальчики и девочки... Ночной клуб под открытым небом.

Москву планомерно и сознательно пытаются превратить из столетиями создаваемого образа «Небесного града» в Вавилон или Содом. И противостоять этому может и должна Церковь и весь православный народ.

Чего нам бояться? Мы-то в России – в доме родном, а вся нечисть заезжая.

Горе горькое

А знаете ли вы, что президента настроили действовать именно так, как он действовал, господа писатели? Они этого не только не скрывают, они этим гордятся. В одном из номеров «Русской мысли», вышедшем за день до расстрела, философ-экономист Селюнин и литературовед Чудакова с редчайшим холуйством описывают, как их позвал обедать (а они еще и ужинать остались) президент. Теперь это история, которую даже бесхребетный независимый листок осудил. Пи-

сатели просто-напросто, говоря современным языком, наезжали на президента, нависали, требовали громов и молнии для оппозиции (хотя оппозиция, по мнению умов, – естественная часть демократии); мало того – критик Юрий Карякин запретил президенту уходить в отпуск, пародист Иванов требовал, за недостатком тюрем, отправлять патриотов на стадион. Ну, и остальные соответственно. Селюнин, уже упомянутый, от полноты чувств забыл русский язык. Он подсмотрел, сколько выпил президент. Примерно сто пятьдесят с прицепом. «Но что такое для такого мужчины сто пятьдесят, это как слону груша». Напомним Селюнину, что выражения «как слону груша» нет, есть «как слону дробина», а груши околачивают, но это уже в другом выражении.

Впервые в истории кремлевских застолий один из гостей, а именно фермер-очеркист Черниченко, пришел со своим продуктом – с бутылкой меда. Почему мед принесли в бутылки, Селюнин не объясняет, но наблюдает и докладывает, что президент разболтал часть меда в бокале с минеральной водой и понемногу отхлебывал. Так что он, выпивший сто пятьдесят и запивший сие медом фермера, был самым трезвым в компании. «Мы-то, сами понимаете, – сообщает Селюнин, – случая не упустили». То есть, говоря проще, надрались на халяву.

Только уж как-то жиденько получается с застольем у главы государства. Уж как ему создают культ «подписанты», как пыжатыя вровень с историей встать – не тянут. Не они, не Короля играет окружение, лакеи создают хозяина. Признаки лакейства – радоваться застолью с хозяином, восторгаясь тем, как он набивает трубку (Сталин), заваривает чай (Мао), размешивает в минералке мед...

И чем же продолжилось застолье? Приятными воспоминаниями? А продолжилось оно – кровью.

Крови бы не было, если б кто успел сказать президенту, что не надо было слушать собравшихся, что не писатели это были, а журналисты-политики, а мстительнее и недалновиднее политиков-журналистов никого не бывает. Но президент, кормивший приглашенных, думал, видимо, так: «Это же цвет нации, совесть ее, как же можно их не послушать?»

И вот сейчас, после октябрьских братоубийственных событий, я думаю: «Демократы снова победили. Победили блистательно. Но почему же снова и снова они нерадостны, не полны, как победители, великодушия, а кричат, срываются на оскорбления и ругательства? От страха, от неуверенности? Но они же победители».

Подонками и бандитами именуется восставших журналист Адамович. Не он ли узрел у августовской революции лицо Ростроповича? И нынче был Ростропович, да только уже без лица. «Ребята, хотите жить – добейте гадину!» – визжал по радио Черниченко, накормивший медом президента. Кто ребята, какая гадина? Конечно, компартия, конечно, советы, ведь Черниченко на митинге звал на первые антисоветские выборы. Но советы и компартия состоят из живых людей. Их добивать? И вот они, после пролития крови, требуют еще и еще расправ и кары. И даже, это очень смешно, требуют закрыть «Правду» навсегда. Произнесем вслух – закрыть «Правду». Но как? Разве не возвещал (вслед за Вольтером) Генрих Боровик, автор политпьес, принцип: «Мне не нравится то, что ты говоришь, но я умру, чтобы ты имел возможность высказаться». Получается, и не умирают, и высказаться не дают. Ну, менестрель Окуджава ясен, ему, бывшему коммунисту, может быть, радостно – в центре его религии, на Арбате, надписи: «А ты заколбасил коммуняку?», «Добей коммуняку!» и им подобные. Правда, там сильно

энергичные надписи и в адрес Лужкова, Ерина, Гайдара; конечно, и президент не забыт: «Не бывать Бориске царем на Руси!» и другие, очень непечатные, мы их не помещаем сюда, хотя и они – правда истории; вот опять слово «правда», никуда без нее.

Бесовщина в том и состоит, чтобы прикидываться святостью. На праздник Рождества Богородицы, ни раньше ни позже, началось противостояние, логически рассчитанное на переход в братоубийство. Дни противостояния вспоминаю как зрелище ада: русские избивали русских. То-то было счастья бесам, сидящим у телевизоров, наблюдать бойню. Воспетый Невзоровым ОМОН был особенно жесток, некоторые надевали черные тряпки на лица, но в основном лупили в открытую.

Думаю, что я нагляделся на всю жизнь. Вот женщина, ее волокут за ноги по булыжнику Красной Пресни, вот мужчина, седой, старый: «Сынки, сынки, я ж воевал, сынки!» И его бьют сынки. Тут и заграничные прозрачные щиты, тут и запах «черемухи»; где же Борис Васильев со своим возмущением от тифлиских событий? Вот уже и кровь – мужчине щитом рассекли лицо.

Где вы, фонды и партии, ассоциации и движения, куда делись? Где ваши громокипящие программы и уставы, где гром оваций ваших съездов и конференций? Все это было болтовней и трепом сытых амбиций. Чего ж вы склоняли имя России на все лады, где теперь те щели, куда вы забились? Да выползете, небось, к выборам, тут вам, при вашем честолюбии, не устоять. И оппозиция у нас будет на диво. Скажет один федеральный думец: «Президент – хороший реформатор», но тут же выскочит оппозиционер и смело заявит: «Я не согласен: президент не просто хороший, он очень хороший!» Вот такая будет оппозиция.

Русские стояли против русских. Русские оскорбляли русских. Из-за политиков? Да. Чугунными лбами уперлись политики, разделяя людей.

Но уже неподконтрольное им состояние злобы разжигали не политики, а провокаторы. Я их много раз видел. Техника провокации проста: надо лаять на оцепление, доводить до такого же лая рядом стоящих, подзуживать к действиям, а самим в последний момент скрываться.

Точно по этой модели действовали провокаторы средств массовой информации. И левые и правые. Они разожгли толпу, толпа требовала действий. Одной толпе кричали: «Долой Ельцина!», другой – «Гони всех палкой в рынок!»

Ночь перед расстрелом Дома Советов была ознаменована приходом демократов на защиту Моссовета. Этот Моссовет сами же они разгонят через два дня, а пока создавали кукольные баррикады, одолеть которые мог бы молоковоз. Жители близлежащих домов радостно валили с балконов ненужное старье, также волокли помойки на колесиках, стаскивали елочки и липы в деревянных кадках, но в основном пили и ели. Утром пустая заграничная тара гремела и звенела под ногами. Но тщетно старушки пытались отыскать бутылки на сдачу – нет, кооператоры поили своих защитников нестандартным пойлом.

Этим утром по радио сказали, что шесть военно-полевых кухонь повезли завтрак защитникам Красной площади. Я пошел посмотреть. Нет, кухонь не было, как и защитников. Баррикады, опять же игрушечные, топорщились у Исторического музея и у собора Василия Блаженного. От Белого дома, который вскоре почернеет, слышались выстрелы. Знатоки говорили: «БМП, теперь БТР». У мавзолея сменился караул. Но не примаршевала смена от Спасских ворот, а вышла из-за мавзолея, от бю-

стов Сталина и Калинина. Вышла без карабинов, взяла их у тех, кто отстоял, и встала на их места.

Как-то все в Москве сразу запаршивело и опаскудилось: мусор никто не вывозил, транспорт в центре лихорадило. Люди шли пешком.

Думаю, что пропускали к Белому дому специально, чтобы одно из двух: или увеличить число убитых, или загородить храбрую технику, обстреливающую прямой наводкой здание. Приученная демократическим телевидением к непрерывным зрелищам убийства толпа как-то не воспринимала, что убийство идет не в кино, а всерьез. Когда стали бить тяжелые орудия танков, вот тут многие поняли: в сегодняшней России может быть все что угодно, в ней нет закона, есть сила, нет права, есть оружие. Пулеметные и автоматные очереди сливались в небывалый барабанный бой, близкий свист шальных пуль заставлял приседать даже отчаянных. Когда тащили раненых, а может убитых, к ним особенно прытко неслись телеоператоры. Еще бы – самый заработок.

Потом, на завтра, я сходил к тому месту, где стоял в день обстрела, около трансформаторной будки. Уже мальчишки искали гильзы, уже туристы покупали их за валюту, уже мир, ближний и дальний, насмотрелся на братоубийство в прямом эфире. Помню отчетливо, что иногда, когда пули сухо и звонко обозначались вблизи или чиркали по асфальту, охватывало чувство: «А! И пусть убьют! Так и надо! Чем я лучше любого из тех, кого убивают?»

Разве же дело в Руцком, в Ельцине? Дело же в России. Как ей жить, куда ее тащат, на какое всемирное позорище, какие упыри и вурдалаки присосались к ее артериям, за что нам такое издевательство? Когда это было, чтобы желтый телец правил бал в России, чтобы ползали на брюхе перед заезжей валютой и называли это вхожде-

нием в мировой рынок? Чтобы все застарелое барахло, всю питьевую и продовольственную залежь валили к нам, как в дыру, а?! Доллар только на сутки испугался и отполз немного, а вскоре опять воспрянул.

Били прямой наводкой страшными снарядами, визжали пули, толпа стояла. Нет, далеко не все радовались попаданиям, в основном молчали. Полковник, стоявший рядом, стал говорить, что вот если бы пойти всем к танкам, то танки бы не стали стрелять, что можно плащом закрыть смотровые щели. «Идемте!» – сказал я. Полковник отказался – он в форме, неудобно. И только подвыпивший парень все ходил за мной и все говорил: «Батяня, пошли на танки!», только он.

Демократы любят Карамзина за его ответ на вопрос: «Что делают в России?» – «Воруют». А что же сейчас делают в России? – Трусят. Начиная с меня.

Но после драки кулаками не машут. А если б до драки не махали, то и драки бы не было. Паки и паки повторим, что главная вина в случившемся – на демократической интеллигенции. Ведь даже воевавшие писатели Ананьев, Бакланов, Анфиногенов и примкнувший к ним сибиряк-самородок требовали и требуют жестокости. До каких низин преисподней надо было опуститься, чтобы назвать – да кого угодно! – «тупыми негодьями, которые понимают только силу»?

Махали кулаками, скандировали: «Са-вет-ский-са-юз!» Какой там союз – Россия, только Россия. И это совершенно идиотское шаманство с преклонением красных знамен у мавзолея, не дикость ли? Конечно, жалко людей, у которых ничего в жизни и не осталось, кроме Ильича, но Россия – не Ленин. Знамена того Октября обогреты кровью, отяжелели от нее, тлетворный запах гниения идет от них – как можно идти под ними?

Но вообще-то все эти крики о знаменах (триколор – это власовское знамя, внушали «Секунды», толпа часами требовала убрать «матрас» – так прозвали трехцветные полосы; другие спорили о других знаменах, вот и время шло), эти умело направляемые выбросы энергии на защиту природы, памятников старины (сколько же жизней в прямом смысле положено в борьбе против поворота северных рек и тому подобное) – где те крики о доме Фамусова и где тот дом? Очень, очень радостно бесам такое использование творческой энергии. Зачем бесам природа, памятники культуры, старины – смешно! Бесам нужны власть и деньги – все! Они этого блистательно добились и никуда от нас не собираются. А сколько с того же балкона Белого дома кричали о самолетах, которые стоят на аэродроме в готовности и ждут, что на них демократы улетят из России. Не улетят.

А еще на следующее утро разбирали баррикады, уже старуха тряпкой, сделанной из сарафана, промывала окно рекламы американских сигарет, уже уходили хмурые войска, видя кое-где кукиши в толпе сограждан, уже вновь сияли витрины колониальных товаров, уже герои-победители начинали разборки, кто больше заслужил почестей, уже хохмач Хазанов, выступавший в баррикадную ночь с балкона Моссовета и в этом стоянии на балконе повторивший Ленина, отбыл в свою запасную страну, все поехало своим путем-дорогой, солнце сияло, и будто ничего не случилось. И вот это было и есть самое страшное – будто ничего не произошло. Произошла национальная трагедия, космический сдвиг, нельзя же теперь делать вид, что ничего не было.

Да что там космический – с каждым произошло. Я занимался психиатрией, там много примеров, как кро-

хотное событие навсегда калечит психику. Солдату, ударившему старика, видевшему его хотя бы долю секунды, этот старик будет являться во сне и наяву, и сопьется солдат. Офицер, отдававший приказы теснить и бить людей, сойдет с ума. Омоновец, пьяный и в маске, получавший за владение щитом и дубиной валюту, – конченный человек, не будет у него семьи, а если будет, не будет в ней счастья. Могилы зарастут крапивой у тех, кто бил братьев и стрелял в братьев. Только блохастые собаки будут грызть кость, отобранную у вороны, на их могилах...

И если бы даже события остановились перед убийствами, то все равно было бы страшно за Россию. «Убитых нет», – бодро докладывали журналисты, говоря о событиях у Белого дома до октябрьских дней. Но как не было? А убитые души, сердца, надежды? А вера в то, что армия защитит народ? Армия так защитила, что долго не отмоется во мнении народном. Не дивно ли – обгаженная демократами, пошла их защищать?

Нам не на кого ставить, не из кого выбирать. Россия пока заслужила то правительство, которое имеет. Долгие годы познания и прозрения впереди. Они начались в солнечные дни запоздалого бабьего лета 93-го года.

Но уже навсегда, вровень с залпом «Авроры», будет звучать в нашем сознании залп двадцатипятимиллиметровых пушек, произведенный с набережной Москвы. Не холостой залп – смертельный. Брат убивал брата.

Ты русский? Значит, тебе тяжелее всех

Сильных, умных, самостоятельных не любят. Все же хотят быть сильными и умными. За что ж русским

даны сила и ум? Они же ж и такие, они и сякие. И какая еще нация, кроме русской, выдержала бы многовековое глумление над собой? То ли мы привыкли, то ли считаем, что так и надо, и за издевательства не мстим. Это уж когда явно начинали приставать и вторгаться в русские пределы цивилизованные дикари Европы и Азии, тогда приходилось им давать по морде для образумления. И тут же их и жалеть. Кто еще такой в мире, как русские? Жалеть врагов? Да, жалеем. Но дожалелись до того, что уже ненависть к России поселилась в ней самой. Россию ненавидят те, кому она дала приют, образование, работу. Всегда русским было труднее, чем инородцам, пробиться в жизни. Попробуй еврея в ВУЗ не принять: и не пробуй, и без тебя примут. А русского оттолкнут и дальше пойдут. Это отпихивание я испытывал многократно. Но как русский не обижаюсь совершенно. Те, кто отпихивал, где они? Всегда ощущал я в своей судьбе некую руководящую силу. Даже и называл ее строчками из стиха Бунина *«Некий норд моей судьбою правит, он меня в скитаньях не оставит, он мне скажет, если что: “Не то”»*. Этот «некий норд», воцерковившись, я стал именовать Господом.

Идеологи стеклянного телепространства внедряют в умы глотателей телепищи образ России совсем не русский. Смелые, честные, жертвенные русские люди изображаются трусами, ворами, стукачами. Особенно усердствуют киношники. Особенно это раскручивается в показе советского периода. Я его свидетель, я вырос в советское время, создался в нем как личность, и меня глубоко оскорбляет твяканье либеральных писак и либеральных радио и телетрепачей. Страдание мое в том, что ими воспитаны такие потребители журнальной, газетной, радио- и телепищи, что читатели и зри-

тели, как наркоманы, уже не могут без нее, непрерывно ее глотают, кой-как переваривают и испражняются ее остатками на историю Отечества.

Русские – трусы? Ну, ребята... Непрístupный Измаил брали, конечно, не русские. Шестая рота псковских десантников могла уклониться от боя с бандитами, которых было многократно больше?

Русские – воры? Да в России ли вы живете? Кто вас обирает, обкрадывает, кто придумал воровство приватизации? Лично я выросал среди селений, избы которых не знали замков. Войдешь – хозяев нет, напьешься воды и идешь дальше.

Стукачи? Нет, во все времена внедрялись в русскую жизнь чужаки. Слухачи, доносчики сочиняли нужные властям сведения на того, на кого указывали. Почему же Ленин и Троцкий после захвата России торопливо заставляют еврейских комиссаров и вообще евреев брать русские фамилии, почему же убийственные декреты об уничтожении священства и русской интеллигенции подписывает русский выкрест Калинин?

Увы, не всегда у нас в первых лицах России были Александры Невские. Но не хочу и против любых властей ничего говорить. Чтоб было понятнее, спрошу, нужна ли власть? Да, нужна. Пусть плохая, но она лучше анархии. Но чтобы трястись перед ней как осинка? Ни за что. Лишаете меня должностей, привилегий, плевать! Отлично помню, не выдумал же я, переделку многих официальных лозунгов и идеологических штампов. Сталин сказал: *«Жить стало лучше, жить стало веселее»*, тут же мгновенно пошла в разговоры переделка: *«Жить стало лучше, жить стало веселее, шея стала тоньше, но зато длиннее»*. Конечно, не ора-

ли на площади, но в общении меж собой такие шутки были повсеместны. Или этот масонский лозунг, мечтание большевиков о мировом пожаре: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*, и все знали его продолжение: *«... ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь!»* А уж про серп и молот шутки были похлеще. *«Это молот, это серп, это наш советский герб, хочешь жни, а хочешь куй, все равно... ничего не получишь»*. Или элегическое: *«Ну зачем, скажи мне, Петя, если так живет народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперед?»*

А частушки? Боже ты мой! В какие же, по мнению либералов, глухие времена культа личности слыхивал я и певал лихие куплеты. *«Ленин Троцкому сказал: “Пойдем, милый, на базар, купим лошадь карию, накормим пролетарию”*». Или: *«На бочонке я сижу, под бочонком кожа. Сталин Троцкому сказал: “Ты жидовска рожка”*». Кожа тут, конечно, только для рифмы. Или предсказание: *«Эх, кАлина, эх, МАлина, убили Кирова, убьют и Сталина»*.

В открытую анекдоты о властях начались... да, со Сталина. И частушка была, которую, думаю, вождь знал: *«Сидит Гитлер на березе, а береза гнется. Посмотри, товарищ Сталин, как он навернется»*. Это из серии: *«Сидит Гитлер на березе, дальше, например... плетет лапти языком, чтобы вишивая команда не ходила босиком»*. А уж про Никиту анекдоты травили по всем райкомам и обкомам. Он их и сам любил. К нему часто ходил первый председатель Союза писателей России Леонид Соболев, он перед визитом требовал у подчиненных вооружить его анекдотами: *«К Никите иду, с порога спросит»*. Брежнев умирал под анекдоты о своем маразме. *«Крупская спрашивает: “Леонид Ильич, вы помните моего мужа?” – “Товарища Круп-*

ского? Ну как же, как же”». А уже сменяющиеся часто Андропов, Черненко и анекдотов не заслужили. Нет, вспомнил один про Андропова. Ему докладывают: *«Мы создаем камерный оркестр. – “На сколько камер?”»* А Ельцина и Горбачева и без анекдотов за правителей не считали.

Соотношение личности и истории надо выверять применительно к духу народа.

Недавно на Северном Кавказе один горец говорил мне: *«Люблю тебя, другому не скажу. Вы – русские, всегда не умеете жить и всегда вами командуют. То варяги, то монголы, то немцы, то большевики, то коммунисты, сейчас евреи. А вы хороший народ, мы вас выручим, будет большой, во всю Россию халифат».*

Кавказец точно заметил: мы не то чтоб не умеем, но не любим командовать. Даже начиная со школы. Сидишь на классном собрании и под парту лезешь, чтобы никаким звеньевым не выбрали. Но что сие означает? Когда надо – у нас и Суворовы находятся, и Ушаковы, и Нахимовы, и Денисы Давыдовы. И Ермоловы.

Французские моржи

Много сволочей в мировой истории, но уж такую сволочь, как Наполеон Бонапарт, трудно отыскать. Не зря его именовали антихристом. Этот властолюбивый убийца сумел быть симпатичным для всех гостиных Европы. Загонял лошадей в Успенский собор Кремля, а Европа пела ему дифирамбы. Письма его к Жозефине цитировали восхищенные дамы. Какой-то полячке, подвернувшейся ему по дороге в Москву, доселе посвящаются произведения.

А он что такое? Ну да, храбрец. Эпидемия чумы, он входит в палатку-лазарет, здоровается с ранеными за руку, выходит, требует вареную курицу и ест ее руками. Бежит под пулями по мосту – тоже не каждому дано. Но все это не подвиги, а путь души, проданной дьяволу, к власти. Люди для него – сор, он предает кого угодно и когда угодно. Вот уж для кого Париж не стоит и полушки. А ведь доселе к его могиле едут и идут, а последние метры к ней надо проходить, сгибаясь в поклоне. Такой этикет у французов. А что он принес Франции, кроме горя? А нам?

Какую он Москву победил? Пустую. Стоял, ждал ключи от города. Вся Европа приносила их ему с поклоном. И гора, на которой он стоял, уже была названа Поклонной, и доселе так. Только поклона-то не дождался. Есть хорошее стихотворение, сравнивающее Европу и Россию. Про эти ключи: *«Но там ключи хранили короли, а здесь они хранились у народа»*.

Его гнали взащей из почерневшей от пожаров Москвы, удирал он трусливо. Настигали в теперешней Беларуси, он совсем перепугался и решил спасти только свою шкуру. Бросил раненых, обозы, перескочил по наведенным мостам Березину и велел их взорвать. Да, вот так. Поскакал дальше, ему докладывают, что через следующую реку мосты не взорваны. Он кричит, и шестерки при нем записали для потомков его крик: *«Моя звезда снова восходит!»*

Прискакал в Париж не с повинной головой, не с покаянием за огромное число погибших в России французов, а как победитель России. И еще много пролил христианской крови. А на Березине его войска попробовали сопротивляться, но были деморализованы бегством императора, и соотношение жертв было сто к одному. То есть на сто убитых французов один наш.

Березина – это река у города Борисова. Как раз в Борисове стояли наши войска. Там сейчас мемориал. Как водится, французские памятники лучше и прибранней, чем наши. То же самое и на Бородинском поле. Это уж как водится. Но не надо видеть в этом какую-то нехорошую черту, мол, вот какие русские, память не берегут. Есть и это. Но есть главное: не на земле у русских царство – на небесах, и в Царство Небесное ушли погибшие.

Пришел я к Березине в начале солнечного сентября, утром. Ночью был дождь, я весь, до колен, вымок. Но все же пробился к берегу, разделся и погрузился. И попытался даже заплывать, но ощутил ногами и животом такую густую траву, что скорее выскочил обратно.

Выбрался на сухое место под дубом, стал одеваться. Тихо-тихо. Подул ветерок. И вдруг стук, будто дятлы. Разогнулся, гляжу – крупный коричневый град сеется. Досталось и мне. Конечно, это не дятлы, не град, а сыпались желуди. Такие красивые, крупные. Стал собирать. Еще меня и по спине побарабанило. То ли сердились желуди, что в Москву их увожу, то ли просились. И тут совсем дивно: меня обступили ли белочки. Сидят на хвостах, глядят, как хор цыганок.

– Нет у меня орешков, нет семечек, – извинился я. – А желуди будете? Едите желуди? – протянул нагруженную ладонь.

И подскочила смелая белочка, схватила желудь. Потом другая. Ловко очистили ладошку. Прямо весело стало. Ну да, тут санаторная зона, приучили их.

Пришел обратно. Сторож поинтересовался:

– В Березине купались?

– Да. А вы не купаетесь?

– Купаемся. И французы у нас любили купаться.

Правда, зимой.

Ванька, не зевай!

«Очень уж простодушен наш русский Иван. Ведь несколько раз предупреждает Илья Муромец доверчивого Ваньку, стоящего на страже у русской святыни, чтобы не зевал. А бесы-то и обманули. А как? А запели русские песни, да так, что все им простил Ваня».

Это из сказки-притчи Василия Шукшина «До третьих петухов». Перекинем мостик в наше время. Бесовские слуги, облепившие демократическое телевидение, время от времени вспоминают, что они не до конца в Америке, что надо что-то дать и «коренному» населению. Ненавидя все русское, они издеваются над ним то впрямую, то изощренно.

У Василия Шукшина своя, единственная, только им покоренная вершина в искусстве слова. Ее подножие – народный язык. Шукшин более чем писатель, актер, режиссер, он – выразитель народного духа. В этом все дело. Нам все дорого в нем: его беды, страдания, радости. Радостей-то у него, в общем, почти и не было. Мама, сестра, дети, которых он нежно любил. Друзья, которым никогда ни в чем не изменял (а ведь это же продажный мир кино), и самое главное – Родина. Родина – до боли сердечной – единственная всепоглощающая любовь.

В «Слове о “малой родине”» Шукшин признается: «Я долго стыдился, что я из деревни... но потом заметил – чем открытее человек, тем меньше он чего-нибудь стыдится или боится... Смотрит какой-нибудь ясными-ясными глазами и просто говорит: “вяцкий”. И с него взятки гладки. Я удивился – до чего это хорошо, не стал больше прятаться со своей деревней. Конечно, Роди-

на простит мне эту молодую дурь, но впредь я зарекаюсь скрывать что-нибудь, что люблю и о чем думаю... Родина... И почему же живет в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда?»

Именно мысль в сердце, а не чувство. У Шукшина было мыслящее, любящее сердце. Оттого нет ни строчки в его прозе, не пропитанной кровью сердца.

Но вот на Родине не упокоился, похоронен на Новодевичьем. И могила всегда в цветах, и памятки об упокоении раба Божия Василия всегда пишутся, но все помнится Катунь, Пикет, Сростки, то кладбище, которое всегда навещал писатель и о котором писал. Как говорят старики: так уж земля заповедала.

И жизнь Шукшина уже не его жизнь, а наша. Нас все ранит: судьба матери, сестры, потеря сестрой мужа, первая дочка Катя, нас возмущает вторжение в семью Шукшиных разных Карабасов Барабасовых, мы вправе судить, потому что любим Шукшина, никогда не изменим ему, а любовь дает право на суд. И читать личные письма пришла пора. Уже и Василий Шюв, лучший, может, единственный друг Шукшина, отдал для печати письма к нему, уже оператор Анатолий Заболоцкий написал воспоминания о совместных трудах над «Печками-лавочками», над «Калиной красной», над «Степаном Разиным». Уже и сестра Наталья Макаровна рассказала все, что помнит. Уже мамины письма перед нами.

А и нечего скрывать. Весь он Шукшин – душа нараспашку. Больной, измученный разными профурсетками советской кинокультуры, никому никогда не мстящий, но страшно ранимый.

«Был у меня тут один разговор с этими... – пишет Шукшин Белову. – Про нас с тобой говорят, что у нас

это эпизод, что мы взлетели на волне, а дальше у нас не хватит культуры, что мы так и останемся свидетелями в рамках прожитой нами жизни, не больше».

Быть свидетелем прожитой жизни – не последнее дело, положим, но народные таланты Шукшина и Белова были шире и глубже проживаемых жизней. Их творчество, особенно Шукшина, – художественное освоение русской идеи. Идеи единственной в своем роде, простой и одновременно сложнейшей. Постигаемой только теми, кто любит Россию, и ненавидимой и непонятной тем, для кого Россия – только место проживания.

Откуда сила писателя Шукшина? От языка, и только от языка. Оружие писателя – язык, другого у него нет. Языком владеют все, все на нем общаются, но доверяется он только тем, кто его любит, кто вырос внутри его. Для доказательства – одно из последних писем его мамы Марии Сергеевны невестке:

«Лида, вот и два месяца прошло дитю моему, муженечку, папочке родному. А дите мое милое, сам рос, не слышал отцовской ласки и своих оставил. Господи, как он любил свою семеечку, голубь ты мой сизый. Как же ты мог расстаться?! И нас не забывал – обидеться не на что, ангельская твоя душенька. Не ждали мы этого горюшка, накрыла нас черная туча, придала нам боль невыносимую. Господи, помоги нам перенести эту боль несчастную. Ведь подумашь: голова больная, глаза не просыхают, зрение совсем не то стало. Ох, дите мое ненаглядное. Как же он меня обрадовал – сына хотим купить, а я до чего была рада, что легла спать, не могу уснуть, все думаю и думаю. И просто, не во сне и не скажу, что в яви, а вот гляжу, вроде у меня по полу бегают ребенок, мальчик. Не помню, как уснула и сонная все радовалась. Теперь я не увижу внука-мальчика. Милые

детки, сироточки вы наши несчастные, мало вы еще понимаете, родные вы мои...»

В каком это веке написано? Это написано в летящей русской вечности, это плач русских матерей по их сыновьям, так рано погибающим в борьбе за Россию.

Откуда берет силы русский талант, как он, попираемый и беззащитный, все-таки не только сохраняется, но и остается в памяти поколений? Да, не слушал Ванька предупреждений Ильи Муромца, много из-за этого перестрадал. Но победил же! А нам, оставшимся, передалось в наследство это предупреждение: «Смотри, Ванька, не зевай!».

Верить в Россию — значит верить в Бога

Наши церкви такие легкие на взгляд, что кажутся не построенными, а спущенными на время с небес. И такое ощущение, когда слышишь высокие слова: «Блажени плачущие, яко тии утешатся. Блажени кротцыи, яко тии наследят землю. Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся. Блажени милостивии, яко тии помилованы будут. Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное...», что так и кажется – вот-вот храм с молящимися незаметно и плавно отойдет от земли и будет взят на небо. Мы же у черты последних времен, «...близ при дверех» Страшный суд, и только верные будут «исхищены» от соблазнов мира. Тяжко жить в миру в последнее время. Демократы суть бесы, обольстившие легковерных. В последние дни, по словам апостола Павла, «...люди

будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы...» Это из послания святого апостола Павла к Тимофею. Все так и есть, как предсказано. Грешная наша жизнь. Земля, хотел сказать я, но земля ни при чем. Как земля дичает без ухода, так и душа человека приходит в запустение без стремления к Духу Святому. Без Божиего промысла ничего не свершалось на Руси. Без Божией помощи. Тамерлан пошел на обескровленную Русь в 1395 году. Казалось, победа его – дело решенное. Полмира у ног, столицы народов Азии завоеваны, сожжены, разрушены, впереди Москва. Обезлюдившая в битве с Мамаем, разоренная два года спустя Тохтамышем, что она для Тамерлана? Но несут крестным ходом из Владимира в Москву икону Заступницы рода христианского Владимирской Божией Матери. И там, где встречали ее, там сейчас Сретенский монастырь. И в это же самое время Матерь Божия является Тамерлану и повелевает ему уходить с Русской земли. И в страхе ушел Тамерлан, ибо знал, как велик Бог христианский. Именно так кричали отступавшие с поля Куликова Мамаевы воины: «Велик Бог христианский». И за что мы ни возьмемся, к какому событию русской истории ни обратимся, всюду видим следы Божией милости к России. Свобода выбора, данная нам, не всегда использовалась нами для нашего спасения. Да и бес силен, обольщал всегда скорыми благами, sireны его сладкими голосами звали Русь идти по западному пути развития. Господь долго терпит да больно бьет, говорит русская пословица. Также вспомним и народную

мудрость: чем заболел, тем и лечись. И еще одна истина, тоже в строку: «Кого Бог любит, того наказывает». Прельстила нас Франция Вольтерами да Руссо, да ма-нерами, вот вам и получайте – Наполеон идет французских лошадей в русские храмы загонять. Захотели рая на земле, побежали за бесами марксизма – получайте революцию. Захотели демократии – получили. Божия милость не оставляла нас ни в Смутные времена, ни в дни сражений последних времен. Может быть, для того была послана последняя война, названная не случайно Великой Отечественной, чтобы все поняли – без веры в Бога не победить. Ведь к началу войны Церковь не имела даже своего счета в банке, не имела юридического лица, была гонима и угнетаема. Но разве не Господь сохранил среди превращенного в руины Сталинграда единственное здание – церковь Казанской Божией Матери с приделом в честь преподобного Сергия Радонежского? Так же и в Старой Руссе: город в развалинах – храмы стоят. В блокадном Ленинграде устояли все храмы. Митрополит Ливанский Илия Салиб, скорбящий о бедах России, горячо и долго молился Божией Матери, прося Ее заступиться за нашу страну. Для молитвы он уединился в подземелье. И наконец его молитва была услышана, и Божия Мать возвестила, что не будет победы у России, пока не откроются закрытые храмы, пока не выйдут из тюрем священнослужители. Через русское духовенство митрополит связался с правительством СССР. В осажденном Ленинграде был отслужен молебен, и икона Казанской Божией Матери была обнесена вокруг города – фашисты отступили. Икона была привезена в Сталинград, икона шла вместе с войсками до границ России. Открылись духовные семинарии, Духовная академия, возобновился выход

православного журнала. Одерживали победы танковая колонна «Димитрий Донской», воздушная эскадрилья «Александр Невский». Священнослужители шли с войсками. Теперешний старец Троице-Сергиевой Лавры отец Кирилл рассказывал нам, как много бойцов в тяжелые минуты приходили к Господу, как многие, например, в Курской битве, видели над войсками Небесное воинство. А Курская битва на Прохоровском поле была такой, что вода из колодцев ушла на целый год, и привозили воду издалека. А в то первое утро после победы местные жители помогали убирать и свозить в братские могилы убитых. Мне рассказывали старухи в Прохоровке, что все наши воины лежали лицом к небу, а все немцы – лицом вниз. Сейчас в Прохоровке возведен храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. Именно в день их памяти, двенадцатого июля, была битва. А война закончилась в Пасху 45-го, на Георгия Победоносца. Но когда уже стариком Илия Салиб приехал в Россию, он попал во времена хрущевских гонений на Православие. Храмы вновь закрывались, сжигались, превращались в склады, мастерские, просто в руины. Сохраненные для показа иностранцам преобразовывались в бары и рестораны. Бесовская хитрость превращала алтари в отхожие места, языческие капища – «вечные» огни из газовых горелок зажигались на местах церквей и часовен. Но все равно сквозь слезы старец говорил: «Россия не погибнет, Россия спасет мир». Верить в Россию – значит верить в Бога. Верить в Россию любящим ее легко: будет Россия, будем и мы, не будет России, зачем тогда нам жить? Но она будет. Иначе зачем у нее такое великое прошлое, иначе зачем бы так любила Россию Божия Матерь, наша Заступница пред Господом?

Крестный ход

Вятская земля, сыном которой я являюсь, очень богомольна. Это отмечают все ее исследователи и историки. По свидетельству этнографа Д. Зеленина, в редком доме Вятской губернии нет святынь, принесенных паломниками из Палестины. Священнослужители, приезжавшие сюда из других мест, много дивились (например, преосвященный Неофит) набожности вятичей. Для преподобного Трифона не было большего горя, чем умереть вдали от Вятки. Даже в наши драконовские времена, когда государство обдирало Церковь как липку под видом добровольных взносов в Фонд мира, Вятская епархия вносила их более всех, как бы откупаясь этим от слуг антихристовых. И сейчас вятские храмы – нерушимый оплот православной веры, места воспитания и закалки воинства Христова. Конечно, тлетворные ветры экуменизма пытаются веять и здесь, но стоит православная Вятка. Слишком крепка основа, чтобы рухнуло здание. Господь много возлюбил Вятскую землю за терпение. Именно здесь была обретена вскоре после Куликовской битвы чудотворная икона святителя Николая. Один из храмов Покровского собора (тогда еще не Василия Блаженного) был освящен при Иване Грозном во славу Николая Великорецкого. Все эти столетия, ежегодно, образ святителя переносился из кафедрального собора в Вятке на место обретения на реку Великую, потом обратно, потом торжественно доставлялся в другие места губернии. Дважды подолгу «гостил» в Москве, производя многие чудеса исцеления. Даже брызги от весел ладьи, на которой стоял образ чудотворца Николая,

были целебными. Ладьи в Москву шли по Вятке, затем по Каме, Волге, Оке и реке Москве. Берега этих рек поныне помнят пение молитв сопровождавших образ богомольцев. Как и откуда начинались крестные шествия? Первое – это, конечно, крестный путь спасителя на Голгофу, все остальные в память его. В «Голубиной книге» я вычитал стихи о великомученике третьего века Феодоре Тироне (память в субботу первой седмицы Великого поста). Называемый очень по-русски Федор Тирин возвращается в Константинополь. Царь велит поднять иконы и хоругви и идти встречать освободителя Святой земли от неверных. Был знаменитый в России крестный ход в Курской губернии, посвященный обретению иконы Курской Коренной Божией Матери, ныне мироточивой. Был крестный ход из Волоколамска в Теряеву слободу, в Иосифо-Волоколамский монастырь. Был крестный ход в память Крещения Руси от Владимирского и Софийского соборов в Киеве до Киево-Печерской Лавры. Совсем недавно возобновился крестный ход от часовни Державной Божией Матери, от места, где был храм Христа Спасителя, ко Кремлю. Но в Кремль, подчеркиваю, в Кремль не пустила милиция. Та же самая, что подобострастно охраняла спокойствие собравшихся на иудейский праздник хануки в Кремле. Сколько же надо будет святой воды, чтобы произвести освящение православных святынь? Вспомним, что первый раз за русскую историю не пустили русских православных людей в Кремль на Пасху восемнадцатого года. Тогда молящиеся во главе с Патриархом Тихоном обошли Кремль, как бы отдавая ему душевные силы для выдержки испытания во все последующие годы бесчестия. Иудеи и большевики не могли создать ничего, что могло бы заменить по сво-

ей силе крестные ходы. Все первомайские и октябрьские демонстрации, все августовские шаманства – это крестные ходы в их бесовском перевернутом виде. Краткое официальное, насильственное веселье, продолжаемое допингом концертов и выпивок, могло только опустошить и вызвать ощущение потерянности. Праздники, не освященные духовным смыслом, всегда обманывали. Их могли взбадривать премиями, грамотами, дешевой распродажей, но чувство горечи все равно настигало. Но те крестные ходы, которые мы упомянули, они, как правило, кратки, однодневны. Добавим сюда крестные ходы из Сарова в Дивеево, из Шамордина в Оптину пустынь, из Казанского собора в Александро-Невскую Лавру и им подобные. Они расстоянием или несколько километров (от Сретенского монастыря до Кремля), или до десяти километров и более (от Владимира до Боголюбова или от Кремля до Донского монастыря), были и в несколько десятков километров, но это очень немногие. А вот такого длинного, трудного, многодневного, при этом общенародного крестного хода, как Великорецкий крестный ход, в России более нет. Скажут, а как же месяцами шли в Киево-Печерскую Лавру, на Афон, в Святую землю? И я еще помню рассказы, как бабушки насушивали котомку черных сухарей, брали три пары лаптей и шли. Это общерусское паломничество было делом любого православного. Оно не приурочивалось к какому-то событию, было круглый год. Шли по обету, шли помолиться: дети за родителей, родители за детей, жены за мужей. Или же, по благословию, шли с кружками для сбора денег на строительство или поновление храмов. Все это дела Божеские, но крестный ход несравним ни с чем.

Высокочтимый Александр Григорьевич!

Пользуясь правом давнего личного знакомства с Вами, считаю совершенно необходимым высказать свое отношение к тревожным событиям последнего времени, и прежде всего к заявлению президента РФ Д. А. Медведева. Оно никоим образом не выражает мнение народа России. Мнение это таково: нам бы такого президента, как Лукашенко. Любящего свой народ, ограждающего его от чужебесия.

Теперешняя демократия несет России гибель, и нравственную, и физическую: смертность за все годы демократии превышает рождаемость. Плоды демократии: увеличение преступности, воровства, наркомании, проституции, детской безпризорности, абортот. Что касается нравственности, то вместо великих образцов русской культуры люди постоянно видят на экранах телевидения, кино, в газетах и журналах похабщину, кровь, драки, постели, искажение и извращение истории. И покрывает все это непрерывное жеребьячье ржание юмористов, обхохатывающих все святое. Дошло до того, что молодежь выбирает профессию не по призванию, а по выгоде, а девушки желают не любимого мужа, а богатого. Куда дальше?

В стране, которая во все времена была олицетворением святости и целомудрия, собираются проводить парады содомитов-гомосексуалистов, этих мерзейших развратников, от которых Божья кара постигла города античности Содом и Гоморру, Карфаген и Помпею. В стране великих традиций образования и педагогики создается школа для выучки англоязычных биороботов, ЕГЭ-недоумков. В государстве, защитить которое

было высочайшей честью, армия унижена и оболгана, солдаты ее издевательски именуются федералами.

Обо всем этом болит душа моя. У меня нет запасной родины, только единственная Россия. А теперь еще и страшная напасть – нас искусственно ссорят. Дружба Великой и Белой Руси – последняя твердыня на пути мирового правительства к мировому господству. Я далеко не молод, видел-перевидел и голод, и холод. Но видел и главное, что держит нас на этой земле, – любовь нашу друг ко другу. Полное ощущение того, что правители наши все делают, чтобы не создать единого Союзного государства.

Держитесь, Александр Григорьевич! Я много бывал в белорусских пределах, видел непритворную любовь к своему «батьке», «нашему Григорьевичу», знаю также и ненависть Запада к Вам, как к человеку, не принимающему «мировой порядок». Но российский президент, он-то почему такой зависимый от мнения всяких Англий и Америк? Бог ему судья. Ему бы не ссориться с Вами, а учиться у Вас любить свой народ.

Сердечно кланяясь, желаю доброго здравия. И на прощание вековечную мудрость: скорее камни всплывут со дна, нежели русские и белорусы перестанут быть братьями.

Выступление на Пленуме союза писателей

Братья и сестры! Высокое собрание!

Северная Пальмира, Русская Венеция, Питер, Собчаковка, Ленинград, как ни назови, собрал нас, дал приют, мы очень благодарны нашей Северной столице.

Я очень понимаю живущих здесь, кто влюблен в свой город. Мне не повезло в том смысле, что я очень поздно увидел Ленинград и так и не полюбил его. Такое ощущение, что он принес русской литературе больше горя, нежели радостей. Все тут погибали и умирали: Пушкин, Достоевский, Некрасов, Блок, Есенин...

Ощущение взвинченности и нервности атмосферы города явственно слышится и в сегодняшних работах здешний писателей. И то сказать – город, поставленный своевольной рукой монарха, должен был, так или иначе, выбросить в пространство накопленную энергию недовольства. Недовольства чем? Тем, что русскость ломалась именно здесь и именно отсюда началось движение за народную Россию. Кронштадтский мятеж также можно приравнять к революции, к революции запоздало прозревших русских людей, задавленных еще не прозревшими, теми, кто прозреет позднее и тоже запоздало. Что оставалось писателям? Описание потрясений, у лучших писателей правдивое описание, у худших лизоблюдское, но и то и другое – это опять же запоздалое нытье, очень радующее врагов России.

Братья, нам надо навсегда оставить мысль о написании совершенных произведений, мы настолько греховны в своей сути, разве греховный человек создаст идеальное полотно? Разве из замутненного источника потечет чистая вода? Пишущему спастись труднее чем кому бы то ни было, ибо он впадает в гордыню творения своего, творчества – удел Бога, так же пишущие непрерывно судят всех и вся, разве так можно? Наше дело – стать мостиком меж мирской, светской жизнью в церкви, в этом все. Россию спасло, спасает и спасет только Православие. Своя воля нас губит, а спасает упование на волю Божию. Насколько мы растворим свою волю в

Божием промысле, настолько и спасемся. Неужели смирение – трусость, неужели терпение – сдача позиций? Нет же. Мир стоит молитвой, Россия – Дом Пресвятой Богородицы. Россия, кстати, никакой не Третий Рим, а Иерусалим Нового Завета. Римское и Константинопольское семихолмие легко насыпать в любом месте и сообщить: тут четвертый Рим, а пятому не бывать.

Дорога в Православие – это дорога в православный храм. Храм – не музей, пение в нем – не опера, иконы – не живопись. Мы же, овладев христианской лексикой, не подошли к главному – к страху Божию, к надежде на спасение милостию Божией. Пока же за что нас миловать? Вспомним статьи преподобного Иоанна Кронштадтского о пишущих, и в частности о Толстом. Разбойник, убийца легче прощается, чем писатель, вводящий людей в прелесть своего своевольного учения. Как можно договориться до утверждения (это я к Владимиру Гусеву адресуюсь), что Божья воля творится нами, как? Мичурин много чего хотел творить, да ни одной новой травинки не сотворил, все только скрещивал. И мы, грешные, скрещиваем свои помыслы с жизненным опытом. Помыслы тщеславны, опыт самонадеянный, чего получается?

Свергать правительство, как зовет Дмитрий Балашов, – глупо, по-моему. Оппозиция так и так придет к власти, пусть она придет бескровным путем (уже и коммунисты говорят о законности импичмента президенту, коммунисты тоже, как демократы, уже не могут без иностранных слов), пусть постепенно зреет в обществе мысль о возвращении России традиционных форм государственного устройства, монархии. Ведь все перепробовано, все испытано, от любой борьбы за свободу люди попадают в еще большую несвободу, разве не так? Теперешнее состояние хотелось бы назвать межеумочным, но

лучше назвать периодом осознания путей России. Для этого осознания в России сейчас очень хорошее время. Издается много нужной литературы, особенно религиозной. Упал интерес к развратному чтению. А то, что наши книги выходят малыми тиражами и редко, это тоже неплохо. Уж чему такому сильно спасительному мы можем научить? Да, Союз писателей России, пожалуй единственный из творческих союзов, поддерживает уровень нравственности эпохи, уровень все-таки высокий. Но более нас этот уровень держим не мы, а прошлое России. И мы будем прошлым, тогда, может, и мы пригодимся. А сейчас наше противостояние врагам России – в нашем воцерковлении. Свобода воли для православных в свободе совершенствования. Куришь – брось, выражаешься – перестань, не следуй похабщине Астафьева, пьешь – остановись, не возносись, не впадай в уныние, не осуждай никого – вот борьба.

Я грешнейший из грешных, говорю по-братски, любя каждого из вас. И если кого обижаю, прошу прощения. Не в осуждение, а в предостережение, хочется сказать именно об осуждении. И особенно об осуждении священнослужителей. Знаете ли вы, что, обязаны знать, что к нам при крещении приставляется один ангел-хранитель и один ангел-искуситель. Кто из них в какие минуты нашей жизни сильнее зависит от нас? Но вспомним, что при рукоположении во священника к нему приставляется семь, семь бесов-искусителей. Мы одного-то часто не в силах побороть, а каково и батюшкам и иерархам? А мы еще чешем языки и обсуждаем, там ли, так ли Патриарх выступил, то ли сказал Кирилл, это ли Ювеналий... Бог всем судья. Наше дело молиться за священников, как они молятся за нас. Мир, особенно Россия, молитвой стоит. Молитва – самый тяжкий труд.

Молиться тяжелее, чем круглое таскать, плоское катать. Приведу в пример Грецию. Прекрасное богослужение, величественные храмы. Службы идут, храмы пусты, паствы нет. Где паства? Распропагандирована тамошними либералами, демократической кампанией травли священнослужителей. У нас такую кампанию непрерывно развязывают демократические СМИ. Неужели русские писатели служат врагам России?

Что касается распада СССР, не будем грустить, бесполезно, в истории нет сослагательного наклонения. Он, СССР, создавался промыслительно, для одоления фашизма, и распался промыслительно, для сохранения России. Все-таки мы ездим и ходим не по Нечерноземной зоне, не в зоне мы, а в России.

Братья, я говорю такие азбучные истины и ощущаю такое недовольство своим выступлением. Да, мы очень мало значим, хотя уже одним своим существованием являемся костью в горле демократии, уже хорошо. То, что для меня классика – не авторитет, эту мысль я не навязываю, а говорю, так как она выстрадана. Конечно, надо учиться у Пушкина ясности, у Достоевского состраданию, у Бунина звериному обонянию и зрению, у Шолохова описанию потрясений, надо. Но для чего? Это все учителя, но не нравственные авторитеты. Грешные, земные люди, пища сплетен. Авторитеты для нас должны стать авторитетами, если мы желаем спастись и, дай Бог, спасти, это: святители Игнатий Брянчанинов, Тихон Задонский, Феофан Затворник, преподобный Иоанн Кронштадтский, новомученики, недавно опочивший митрополит Иоанн – вот наши вехи, а не Бердяй Булгаковичи, не «Вехи» начала века, где все то же, радующее наших оппонентов, нытье о том, что не того и не так хотела интеллигенция.

В конце паки и паки повторяю, что русская идея, о которой мы бесконечно печемся, это Православие. Другой русской идеи нет и не будет. Идея эта не навязывается нам, она владеет миром две тысячи лет. Россия наиболее приняла ее, оттого и стала Святой Русью.

В этой идее спасение и России, и каждого из нас. Един Бог без греха, для нас всегда будет недостижим образ Иисуса Христа. Но наше стремление к нему должно составлять смысл жизни. И вот это: понимание недостижимости, ведущее к смирению, и постоянное стремление как раз и составляют благотворное противоречие, наставляющее нас на путь истинный. Единственный путь. Остальные истоптаны и тупиковы.

Ломоносов. К понятию русской гениальности

Явление Ломоносова в мировой истории непреходящее. Имя его и дела его не канули в бездну бегущего времени, он с нами, он – наша русская слава, наша гордость. Именно русская. Гениев в мировой истории немало, но они гении, так сказать, вненациональные, а Ломоносов мог быть только русским. Тот его высокий Божеский дар, тот высший творческий ум, та самобытность могли раскрыться в нем только в России. Ну кто бы еще на его месте, когда он был уже всемирно известен, но жил в бедности, в постоянных нападках на него ненавидящих Россию ученых отказался бы от приглашений поехать в другую страну, где его ждали огромные деньги и условия для работы? Нет, его любовь к России превышала любые богатства. Страшно думать, *что* было бы с Россией, когда бы в ней стали править бал ученые типа Шумахера,

писавшие русскую историю и при этом не знавшие русского языка. Им противостал Ломоносов. И выстоял!

Помню, в наше вятское село приехала семья из Архангельской области. В наш класс пришел мальчишка из этой семьи. Отлично помню, как он задирает нос, превозносился над нами, еще бы: «У нас Ломоносов! – говорил он. – А у вас-то кто?» Нечего было нам возразить.

А ведь до Великой Отечественной войны все делалось для забвения русской истории, даже летоисчисление большевики хотели сделать не от Рождества Христова, не от Сотворения мира, а от октябрьского переворота 1917 года. Кровь, пролитая за спасение России, вернула нам и православные церкви, и русскую историю. Но, к сожалению, истолкование ее оставалось материалистическим. Так, мы и знать не знали, что Ломоносов был глубоко верующим человеком. Мало того, прекрасно знал Священное писание, был чтецом в церкви, был, как писали потом его односельчане, «охоч читать в церкви псалмы и каноны и жития Святых и в том был проворен». Так что он отправился в Москву не каким-то неотесанным деревенским парнем, а человеком очень грамотным. Русский Север, не знавший крепостного права, знал и любил грамоту. «Вратами учености» называл Ломоносов свои первые учебники «Граматику» Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого. В быту он был незаменимым работником, знал многие ремесла. Что такое крестьянин, рыбак? Это и кузнец, и плотник, и пахарь, и повар, и сетевязальщик... десятками специальностей владел Михаил Васильевич. Кроме всего прочего, он был необычайно крепок физически, уже в четырнадцать лет боролся со взрослыми поморами. Что касается его памяти, она была совершенно дивная, он знал такое множество былин, сказаний, легенд, что его наперебой звали в рыбацкие

артели, где долгие зимние вечера скрашивались устными рассказами из народного творчества. И удивляться ли тому, что Ломоносов знал потом практически все европейские языки, латынь, греческий и держал в голове, как в книжном хранилище, достижения как естественных, так и гуманитарных наук.

На такого видного красавца и работника засматривались девушки. А надо сказать, что родная мать умерла, когда Михаилу было восемь лет. И первая, и особенно вторая мачехи не любили Михаила, особенно его увлечение книгами. Много времени спустя, описывая свою жизнь, Михаил Васильевич заметил: «Меня оставил мой отец и мать, еще в младенстве, но воспитал меня Творец и дал жить в благоденстве». Отец хотел женить Михаила, но Михаила Господь призывал на большое поприще служения России.

Обязательно надо сказать, что все обозники из Архангелогородчины делали остановку в Антониевом Сийском монастыре. Отдыхали, молились, обязательно причащались. Монастырь этот был для Русского Севера второй по значению после Соловецкого, в нем с середины семнадцатого века была типография, и он имел подворья в Москве, Архангельске, Вологде. Ныне он также возрожден. Именно здесь раб Божий Михаил получил благословение на дальнейшую, уже московскую, жизнь. Но кто ждал Михаила в Москве? Никто. Биограф его пишет: «Овладела душой его скорбь, начал он горько плакать; пал на колени, обратил глаза к ближней церкви и молил усердно Бога, чтобы его призрил и помиловал».

И – не оставил Господь Своего избранника. Далее Заиконо-Спасский монастырь, Славяно-греко-латинская академия, заграница, возвращение в Россию, и труды, труды, труды. Как благотворно листать страницы вос-

хождения русского гения к вершинам наук! Одно их перечисление потрясает: механика, физика, математика, химия, оптика, горное дело, металлургия, гляциология, что говорить! Это первый русский академик, основатель Российской академии.

Что же касается его свершений в литературе, тут надо твердо сказать, что он – краеугольный камень русской классической поэзии. Всяко называли Ломоносова: русский Цицерон, наш Вергилий, наш Леонардо, наш Гете. Наиболее лестным было название: наш Давид. Это после того, как Ломоносов одним из первых стал перелаживать Давидовы псалмы на поэтические строки.

И в науках, и в поэзии для Ломоносова на первом месте Творец. В стихах постоянные мотивы смирения перед Богом, благоговения пред Его престолом. Вся Россия знала наизусть многие стихи и оды Ломоносова. Любой школьник читал на память ломоносовского «Иова». Вспомним, как Хлестаков в «Ревизоре», стараясь понравиться жене и дочери городничего, высокопарно цитирует: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек...». В этом стихе Бог спрашивает человека:

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить?
Ладье способный ветер направить,
Чтоб в пристани ее поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Чтобы безбожных с ней сопхнуть?

Последние строчки напоминают о Божием гневном наказании нечестивым: разрушение Помпеи, Карфагена, пото-

пленение Содома и Гоморры и образование на их месте Мертвого моря – это наказание жителей за разврат. И финал, как вывод:

Господь на праведных взирает,
И их в пути Своем хранит.
От грешных взор Свой отвращает
И злобный путь их погубит.

У Ломоносова есть великолепные картины описания земных красот. Но и они свершены ради показа славы Творца. Они так и называются: «Утренние размышления о Божием величии» и «Вечерние размышления о Божием величии». Вот, например, пишет он о северном сиянии (ему ли, помору, не знать его):

Что зыблет ясный ночью луч,
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди земли рождал пожар?

Удивительно! Мерзлый пар! А вот отрывок из «Утренних размышлений» (рассвет, солнце восходит):

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков.
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
Сия кипящая громада

Как искра пред Тобой (то есть
пред Богом. – В. К.) одна.
О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел.
От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
– Велик Зиждитель наш Господь!

Полное впечатление, что автор лично был на солнце и видел эти горящие дожди и кипящие, как вода, камни. А солнце – лампада пред Божиим престолом, как сказано! Невиданная дотоле смелость изобразительности. Интересно, что компьютер нашего времени непрерывно возмущается против, в его электронном понимании, «неправильных» слов и оборотов. Назидательно подчеркивает их то красной, то зеленой черточкой. Но слова-то, но обороты все наши, русские. И очень благотворно знать их.

Известно своеобразное состязание ТрEDIAKовского, Сумарокова, тогдашних властителей в литературе, и Ломоносова. Они, что называется, выпустили на троих одну книгу. Свои имена не обозначили с тем, чтобы сами читатели кому-либо отдали предпочтение. Задача была: поэтическое переложение псалма. Таковые труды были и ранее, известна «Псалтирь рифмованная» Симеона Полоцкого. Наши поэты взяли для переложения псалом сто сорок третий. Начало его: «Благословен Господь, Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на

брань». Чеканные строки Ломоносова запоминались сразу. Сохранялся и смысл псалма, и его молитвенность:

Заступник и Спаситель мой,
Покров и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда
Под власть мне дал народ святой.

О, Боже! Что есть человек,
Что ты ему себя являешь,
И так его Ты считаешь,
Которого так краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит,
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень...

Больше тогдашние классики с Ломоносовым не состязались. Да, вот так, дворяне и сын помора. Но в России ценность человека определялась не принадлежностью к сословиям. Тот же Ломоносов сказал о Горации: «Беззнатных род препятством не был, чтоб внести в Италию стихи». Кроме огромного таланта, откуда же у Ломоносова такое письмо? Конечно, и от устного и от письменного творчества русского народа. Русский Север сохранил былины Киевского цикла. На севере ходили в списках и «Сказание о Мамаевом побоище», и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, и «Слово о полку Игореве», и летописная «Повесть о Куликовской битве». Конечно, были известны труды летописца Нестора, его «Откуда есть пошла Русская земля», его жития святых. Ходили по рукам паломни-

ческие записки игумена Даниила о Святой Земле. Так что литература Ломоносова возникла не на пустом месте. Кстати заметить, как мог большевик Ленин сказать о Русском Севере, что на север после Вологды сплошь тьма, дикость, невежество?

Ломоносов всю жизнь изучал народное творчество, указывал на его высокую нравственность. Он прекраснейший драматург. Трагедии «Демофонт», «Тамир и Селима» и донныне читаются и представляются вполне приемлемыми для постановки. Их, в нашем понимании, немного старомодный слог по мере чтения вовсе перестает замечаться, и видится только действие, только герои, которые благодаря таланту автора легко перешагнули двести пятьдесят лет и стали нашими современниками.

Искусства ради искусства нет у Ломоносова. Он пишет, например, поэтическое «Письмо о пользе Стекла» своему благодетелю, графу Шевалову:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже минералов,

Приманчивым лучом блистающим в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше, чем краса...

Лекарства, что в Стекле хранят и составляют:
В Стекле одном оне безвредно пребывают...

Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал Творец пространство небесам...

И в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что Бог невидимых животных сотворил!...

Ну кто еще кроме Ломоносова мог назвать микробов «невидимыми животными»? Ученому было дано постигнуть и безпредельность космоса, и тайны живой плоти, и неживой материи.

Ломоносов был независим в своих суждениях. Да, он писал оды императрицам. Но как? Елизавете напоминал заслуги Петра Первого, а Екатерину Вторую призывал следовать делам Елизаветы.

Здесь следует включить в текст вот какое рассуждение: Петр Первый много наломал дров. Наряду с необходимыми преобразованиями армии, флота, горного дела, промышленности царь, что называется, ломал через колено и русскую старину, обычаи. Брадобритие – это не самое страшное. А вот постоянное приглашение в Россию иностранцев – это беда. Не один же Меньшиков из русских был способен к трудам. И вот здесь противником онемечивания, оголландивания, офранцуживания России выступил гений Ломоносова. Известно его великое высказывание о русском языке, который несомненно выше всех европейских, он высокодуховен, на нем говорят с Богом. Владеющие русским более других проникают в тайны мироздания.

Такой силы любви к России не могло бы быть у человека, выросшего при дворе, там, где порядочность заменена приличием, в Ломоносове – истинно народная Россия. Любовь к ней – норма его поведения. Однажды Ломоносов даже ударил ученого немца за неуважительное высказывание о русских. Его схватили, посадили в тюрьму. За такую выходку тогда могли повесить, и только по Высочайшему изволению он был помилован. Затрещина эта как раз сродни той пощечине, которую нанес святитель Николай Мир Ликийских нечестивому Арию.

Удивительно цельная натура, Ломоносов не разделял научное и художественное познание мира. Профессор Московской духовной академии М. М. Дунаев говорил в связи с этим «о нелепости противопоставления научного познания и духовных ценностей».

Подводя краткий итог, процитируем Ивана Ильина, ибо лучше, чем он, нам о Ломоносове не сказать:

«Ломоносов никогда не забывал благодарить и воспевать Господа Бога, даровавшего ему мощный разум и несокрушимую трудовую энергию. Все его творчество было славословием, хвалою Создателю мира».

Конец XX-го века

Мы дети одного Отца Небесного, значит, мы братья. А если мы братья, что же мы ссоримся? Кроме нашей земной матери нам дарована еще и общая мать – наша национальность, нация. Любовь к ней не только не противоречит любви к Богу, но и поддерживает ее. Оттого, что я люблю свой народ, я легче пойму человека другой национальности, тоже любящего свой народ. Всем тяжело сейчас, все мы надеемся на лучшее, особенно в начале нового века, нового тысячелетия. Уже одна радость того, что именно нашим поколениям даровано встретить смену эпох, должна нас не разъединять, а сближать.

Я православный, и я не могу не защищать свои святыни, свою веру. Но я уважаю всех живущих рядом и далеко. И мне странно, когда слышу: вы говорите о Православии, но у нас же еще много и других конфессий, они могут обидеться. Это напоминает недавние редакторско-цензорские усекновения, когда русские писатели говорили о любви к России, к русской культу-

ре, философии, музыке, а им заявляли: у нас же много других национальностей, они обидятся. Но уж сейчас-то, при такой разноголосице мнений, при таком шуме средств массовой информации, кому не дают высказаться? Всем дают слово. И опять получается – всем, кроме русских, православных. Вот какой парадокс свободы слова при демократии.

Читаю ветхие, желтеющие подшивки газет и журналов конца XIX – начала XX веков. Сколько же мечтаний и предсказаний счастливой жизни в наступающем XX столетии! Думаю, так же и эти наши газеты и журналы обветшают и высохнут, и так же будущий читатель скажет: фантазеры были в начале третьего тысячелетия. Ничего же не сбудется. Ведь ничего же не сбылось из предсказаний оракулов начала столетия. Ну, техника развилась, самолеты полетели, телевидение пришло – и что? Техника начала убивать людей, с самолетов было удобно бомбить, а по телевизору удобнее развращать и оглуплять. Дело же в нравственном состоянии человека. Только в этом. Все можно наделать, всякое барахло, предметы быта и удовольствия, а как создать душу человека? То есть как спасти ее? Она создана без нас и дана нам. Мы же наивно полагаем, что что-то можем свершить без участия в нашей жизни Бога, создавшего нас. По крайней мере если одним из итогов ушедшего века будет понимание, что от обезьяны произошел один Дарвин, то это уже хорошо.

Без Бога ни до порога – эта простейшая истина определяет все поведение человека. И уж тем более в России, в стране, которая издавна находится под омофором (покровом) Пресвятой Божией Матери.

Но одно пророчество непременно сбудется – это то, что зло будет увеличиваться, ему не положено предела.

Дети убивают мать за деньги, бабушки продают внуков для расчленения – все это потрясает нас, но тут же новые известия: людей превращают в рабов, пытают, жгут. Нет, безумие – норма обезумевшего человечества.

Спасение только в Боге. Только. Нет места на Земле, где бы не было печали.

От нее не убежишь на Гавайи встречать тысячелетие, не спрячешь в золоте, не утопишь в вине, не забудешь в разврате – печаль настигнет. Печали нет только в нашем сердце, но при одном условии: если в нем вера.

Мы перетасили с собой из декабря в январь и болезни свои, и заботы. Многих не досчитаемся, многих уже вскоре потеряем. И сами, учитывая крохотный срок человеческой земной жизни, особо не заживем. Но есть вечная наша душа, ее бессмертие и грядущий ответ за земную жизнь. Вот чего, единственного, надо бояться.

В чем сила верующего? В его полной независимости от внешних обстоятельств. Отберите у него имущество, дом, свободу, жизнь – вы же не отнимете у него Бога. Так что в новый век надо входить спокойно и с радостью: да, зло будет увеличиваться, но и наша надежда на Бога тоже будет расти.

Знакомый директор нефтехимического завода в начале 90-х годов говорил, что они, директорский корпус, очень надеялись: слова теоретиков демократии Гайдара, Бурбулиса, Чубайса о свободе предпринимательства, об инициативе снизу, которая поддерживается государством, окажутся не только словами. Не сбылось. Ну что ж делать – это теоретики. И вот в правительство пришли практики: Черномырдин, Шумейко, Сосковец. Думалось: это наши мужики, они понимают, они смогут. Но и у этих ничего не вышло. В чем же дело? А дело в любви к Отечеству. Основа же любви

духовна, а духовность религиозна. Религиозность же внесоциальна. Когда государство подчиняет себе религию, оно рушится.

Но почему в России к власти приходят подлецы? Первая причина – не в характере русских стремиться командовать. Тем более не в духе верующих. Вспомним, как преподобные отцы наши уклонялись от игуменства, как воспринимали возлагаемые на них бремена не как заслугу, а как тяжкую обязанность ответственности за братию. Но отчего же тогда именно русские военачальники побеждали во все времена любого неприятеля? Ответ тоже прост – поднимались на защиту Отечества. И тут генерал немногим отличался от солдата: все жили одной мыслью о победе.

Вторая причина – система выборности. Наворванное золото приводит к власти ворье. Деньги – категория нравственная и таинственная. Неправедно нажитые деньги никогда не служат добру. Церкви в двадцатые, тридцатые, шестидесятые годы рушились не только по попустительству бесовской злобе, но и потому, что некоторые были построены на нечестно нажитые деньги. Скопил человек состояние на чужих слезах, горе, обмане, чувствует – время помирать, становится страшно. Надо как-то душу спасать. Дай, думает, храм построю. А такой храм Богу негоден. Богу отныне и до века угодны две лепты, приносимые во все времена набожными людьми. Система выборности власти должна быть снизу доверху. Почему порушился институт президентских наместников? Потому что это были отголоски партийной системы.

Почему, как правило, главы районных администраций, небольших городов, поселков – люди достойные? Потому что их хорошо знают. Система, когда избира-

ются во власть приличные люди, есть и выверена. Это десятские, сотские, тысяцкие выборные от земель, от условий, но ни в коем случае не от партий. Смысл организации партии – в захвате власти. Другой цели у нее нет. Первая цель – захват власти, вторая – ее удержание.

Почему монархисты стоят за монархию? Потому что при ней исключается борьба за престол. Наследственная власть людей обогащает и примиряет, выборная – ссорит и разоряет. Обогащаются при этом, к слову сказать, «четверовластники». Об этой власти – журналистской – сказано и говорится достаточно. Тут, к случаю, вспомним пословицу: «Как собаку кормят, так она и брешет». Мы видим, что иных псов кормят хорошо. У них даже кости остаются, которые они бросают друг другу.

Вспомним, какую власть дает Спаситель Своим ученикам: «...се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью; и ничто не повредит вам». Когда же Его ученики, апостолы от семидесяти «возвратились с радостью и говорили: Господи, и бесы повинуются нам о имени Твоем», то Спаситель сказал им: «...тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на Небесах».

То есть власть, данная Спасителем, дается для усилий по спасению души. Власть же светская, мирская вводится тогда, когда падают нравы, растет преступность, когда требуются законы, чтобы как-то удерживать в узде человеческие пороки. И царь для многих воспринимается как Удерживающий зло в государстве. Отнимается Удерживающий – и государство падает. Вместе с тем мы не можем и не захотим сказать, что Россия с гибелью царя погибла. Монархический строй правления предпочтителен в России, но Россия выдер-

живает любые формы правления. Почему? Потому что Удерживающий живет в сердцах большинства, это Дух Святой, борющийся бесов.

Если мы затронули такую тревожащую всех нас тему монархизма, сделаем крохотный экскурс в ветхозаветные времена. 1-я книга Царств (10, 18–19): «Так говорит Господь Бог Израилев: «Я вывел вас от руки египтян и от руки всех царств, угнетающих вас. А теперь вы отвергли Бога вашего, Который спасает вас от всех бедствий ваших и скорбей ваших и сказали Ему: царя поставь над нами». Далее: «И было слово Господа к Самуилу такое: «Жалею, что поставил Я Саула царем, ибо он отвернулся от Меня и Слова Моего не исполнил». В чем Саул прогневал себя перед Богом?

«И известили Самуила, что Саул ходил на Кармил и там поставил себе памятник». Далее известное: «Избрал Давида, сына Иесеева из Вифлеема». И о рождении Соломона, сына Давидова (когда Давид послал Урию, мужа Вирсавии, на верную смерть и вступил с нею в прелюбодейную связь): Вирсавия «сделалась его женою и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа».

Время судей израильских было более благоденственно для Израиля, нежели время царей. Ведь и зачатый во грехе Соломон впал в конце жизни в язычество. Время же судей вспоминается в Ветхом Завете как время благоденственное. Когда евреи кричали Иисусу Христу: «Осанна!», они уже знали о чудесном насыщении пяти тысяч пятью хлебами, и они хотели именно такого царя, но их первосвященники вменили Спасителю в вину именно это слово: «царь». «И была над Ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: “Сей есть Царь Иудейский”».

Что же делать нам, знающим так много и так много опечаленным? Знающим, что к власти приходят с помощью золота или оружия. Что с помощью золота к власти приходят жулики, а с помощью оружия – дубинноголовые. Знающим, что выборная система разоряет и ссорит людей, что поведение властей диктует уровень нравов, вспомним «Арапа Петра Великого»: «Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа, пример был заразителен... французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые напевы сатирических водевилей». Уже знаем мы, что любые перевороты приводят к власти людей без чести и совести. Что делать? Ни в коем случае не свергать существующие власти, ибо заменяющие их будут еще хуже. Главное – бороться с врагами не своими, не государственными, а с врагами Христа. А кто же главные враги Христа? Мы сами, мы, своей греховностью постоянно пригвождающие Спасителя ко Кресту. И пока в России власти не богоустановленные, пока они, для вразумления нашего, Божиим попусшением, – антирусские, нам надо терпеть и улучшаться. Как? Очень просто: не пить, не курить, не материться, любить жену и детей, молиться, ходить в Божий храм, уклоняться от зла и творить благо. Скажут: это так мало. Ведь Россия гибнет. Но она гибнет и оттого, что мы бесчинствуем. Оттого, что надеемся на свои силы, а не на милость Божию. Надеемся лишь на вождей, которые растут и пузырятся от самомнения. Вспомним убийственно точную народную пословицу: «Кабы Бог пастуха слушал, все бы стадо передохло».

Теперь мы имеем власть в известной мере плутократическую. А именно плутократы (по Платону) в школе демагогов изобрели искусственную, но прочную систему демократии, при которой внушалось, что

власть якобы принадлежит народу. Но это, впрочем, такое же вранье, как диктатура пролетариата.

Сейчас в России диктатура денег, пошлости, разврата, насилия. Но нельзя не думать, что власть в России не означает власти над Россией... Как власть удерживается? Происками врагов. Никогда ни одно предвыборное обещание не было и не будет выполнено.

Но нечестными методами власть не удержать, как не удержать деньгами и пушками. Нам вдалбливали слова Ленина: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Прошло мало времени, и мы видим, что учение Маркса было всеильно, пока мы были сильны. В одночасье рухнула не только идеология марксизма, но и сила Варшавского договора. Нельзя нефтью и оружием крепить силу людского единства.

Главная власть в мире – власть Духа Святого. Искать Его, прибегать под Его милость – в этом смысл жизни.

Вспомним слова Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета (Дроздова) о соотношении веры и государства: «Возрастает вера – возрастает государство, процветает вера – процветает государство, преуспевает вера – преуспевает просвещение. Не то ложное просвещение западных нынешних мудрователей, которые, закрыв лицо свое от Солнца правды – Иисуса Христа, ищут свет во тьме, но просвещение истинное, исходящее Свыше от Отца Света и приемлемое верою в Единородного Сына Его. Тверда вера – твердо царство, колеблется вера – колеблется и царство, ослабевает вера – ослабевает царство, иссякает вера – иссякают источники благоденствия народа, исчезает вера – исчезает и царство...»

Мы ничего не оставили в прошлой жизни, в прошедшем веке. Обиды, раздражение, болезни каждый

отдельный человек принес с собой из декабря в январь. И государства не сменили политику в новогоднюю ночь. Но два чувства должны двигать всеми нами: это уроки прошлого, из которого надо брать только хорошее, и надежда на будущее, на то, что хорошее будет продолжено и усилено. Мы же не перестали радоваться солнышку, дождю, расцветающим цветам. Приходят в мир дети, тянут к нам свои ручонки, чтобы мы поднимали их. Ведь стыдно же будет уходить из этого мира, если мы не сделаем его хоть капельку лучше. Если хотя бы на миллиметр не подвинемся к пониманию, что земная жизнь – одна-единственная, но жизнь нашей, тоже единственной, души – вечна. Так что мы живем для души, для вечности, для России.

Отец Артемий

Литература для детей выделилась в самостоятельное направление позднее остальных. Где-то в середине-конце XIX-го века. Одной ветвью она вырастала из рождественских рассказов («Мальчик у Христа на елке» Федора Достоевского), другой, более основательной, была социальная, взывавшая к переустройству общества. Козетта и Гаврош Виктора Гюго пример тому. Как и «Маленький оборвыш» Джеймса Гринвуда, как и «История Тома Джонса, найденыша» Генри Фильдинга. Как и «Без семьи» Гектора Мало. Исключение: «Крестьянские дети» Николая Некрасова. (Хотя, в скобках, революционер Некрасов описывал их детство как единственное отрадное время в безотрадней крестьянской судьбе. Да и то: «Ну, мертвая, – крикнул малюточка басом, рванул под уздцы и быстрой зашагал»).

В России, в отличие от Запада, описание детских судеб было более нравственно. То есть сама жизнь при царе отличалась от жизни при капитализме в лучшую сторону. «Детство Темы» Гарина-Михайловского, книги для детей Тэффи и Саши Черного, «Жизнь прожить – не поле перейти» Клавдии Лукашевич, «Красавчик» Леонарда Пирагиса, «Детство» Толстого, «Детство Никиты» другого Толстого, «Мальчики» Антона Чехова, «Роса оранжевого часа» Игоря Северянина – это, при всех огорчениях героев книг, о детстве счастливом.

Но назревают в России тяжелые времена, литература становится революционной. Уже «Дети подземелья» Владимира Короленко и подобные им выводят на первое место сочувствие к тяжести детства, детской доле. Разница социального положения, когда одни дети в богатстве, другие в нищете, описывалась и Леонидом Андреевым («Петька на даче»), и Александром Куприным («Белый пудель»), и Максимом Горьким («Сказки об Италии»). Такая литература не была воцерковляющей, более того, вызывала не лучшие чувства.

Революция родила кровь, насилие и, особенно, сиротство, безпризорность. Появились «Республика Шкид» Леонида Пантелеева, «Педагогическая поэма» Антона Макаренко, «Рыжик» Алексея Свирского, «Ташкент – город хлебный» Александра Неверова. Книги все насковозь атеистические, хотя и нравственные. Ворвалась и идеология большевизма. Даже у Есенина пастушонок Петя мечтает быть комиссаром. У Маяковского вообще: «Возьмем винтовки новые, на штык флажки...»

Но вот что необходимо сказать. Ребенок выращивается словом. Оно ему просто необходимо. И если он его не получает от взрослых, начинает творить, скорее вытворять, сам. Годы моей детской жизни, сороковые-

пятидесятые, насквозь оболганы, преподносятся как что-то мрачное, сплошь гулаговское, стукаческое. Как же тогда наша детская считалка, я православный, врать не могу: «Ленин, Сталин, Полбубей ехали на лодке. Ленин, Сталин утонули, кто остался в лодке?» Неискушенный новичок простодушно отвечал: «Полбубей». Его щелкали по лбу и отправляли водить. Кричали считалки и ей подобные (например: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Ешьте хлеба по сто грамм, не стесняйтесь»). Были и похлеще. Кричали на все село. И ничего, живы. И еще: благодаря Великой Отечественной войне любовь к России была главной любовью. За родину хотелось умереть. Играли в Александра Матросова, в Зою Космодемьянскую. У меня дедушку по отцу еще до войны раскулачили и сослали вместе в Нарымский край, а дедушку по маме посадили в тюрьму, так как в Пасху отказался работать. И что? Разве от это я разлюбил Россию? Были большевики, коммунисты, сейчас демократы, Россия-то при чем?

То есть все выше сказанное сказано к тому, что к нашему времени мы подошли, не имея детской православной литературы. Именно православной. Ибо прежде всего воцерковление детей спасет Россию. И как могла не прийти перестройка, когда детская литература воспевала подростков как сильных, независимых от взрослых, противостоящих им. Сын обмещанившихся родителей рубил дедовской шашкой шифоньер и еще ничего не свершившие подростки требовали для себя самого лучшего места под солнцем. «Легко ли быть молодым?» – кричали они. Конечно, они не становились отроками, а превращались в тинейджеров и фанатов.

Но вот сейчас мы с вами присутствуем при большом, радостном событии – выходе в Божий мир этой книги.

Она изначально воцерковляющая, автор ее известный священник, протоиерей Артемий Владимиров. Книга исполняет проверенное веками правило, что быстрее всего Православие становится понятным не в рассказе о нем, а в показе, то есть в передаче личного опыта. Мы вдоволь наслушались нравучений, что литература может быть православной, если она даже не говорит о Боге. Но как не говорить о Боге? Только о Нем и надо говорить.

Слезы и обиды детства, ссоры и радости, старшие и сверстники, школа и дача, река и лес... все описывается автором для раскрытия роста души ребенка, затем отрока, на пути к Богу. Не утерплю и выпишу, по моему мнению, ключевые слова из книги:

«Миром правит любовь. Это хорошо чувствуют дети, нося в своем сердце теплоту любви. Что ожог от огня, что укусы змеи, то для них резкое и грубое слово, сказанное в состоянии раздражения взрослым человеком. Как весенние цветы вянут и умирают от внезапного заморозка, так повреждается младенческая душа, оказываясь в среде людей, исполненных злобы. Нет большего нравственного преступления, чем искалечить ребенка сквернословием, разрушить его личность истериками, вспышками ненависти, битьем...

Напротив, в спокойной и доброжелательной атмосфере дети расцветают и обнаруживают дивную красоту неиспорченных сердец. Божия благодать явственно веет там, где малыши, до корней волос прогретые родительской любовью, с широко раскрытыми, блестящими от радости глазками, выплескивают на взрослых живую воду мудрости, дарованную им свыше».

Может быть, когда появится исследование «Образ бабушки в русской и советской литературе», то в него по праву войдет и образ Любви Васильевны Севей,

бабушки отца Артемия. С такой теплотой, с такой любовью она описана. И так пронзительно чувство вины перед ней. Но нет в Православии смерти, не запаздывает наша любовь, лишь бы она появилась и не умирала. Бабушка вела к Богу – вот счастье внука. Но и бабушке счастье – каждый день поминается ее имя в Божьем храме внуком-священником.

Бабушка из повести Горького «Детство», бабушки Астафьева и Распутина, описанные очень впечатляюще, они, может быть, верующие «про себя», но не передающие веры внукам. И в жизни их семей все очень тяжело. Драки, тюрьмы в «Последнем поклоне». Старуха Анна из «Последнего срока» просит свою дочь после смерти не отпеть ее, а «обвыть». Конечно, тут вина не старухи Анны, а атеистической власти, где взять священника в дальнем поселке? Но и речи о нем не идет.

У отца Артемия, конечно, другая судьба. Все-таки Москва, православное окружение. Валентину Распутину было неимоверно тяжелее пробиваться ко Христу. Но пробился, ибо талант от Бога привел к Богу. Жаль, этого не случилось с Виктором Астафьевым.

Простота описания в «Высоте птичьего полета» такова, что даже и слова и строчки не видятся, а только люди и события. Мы теперь навсегда сдружились с героями повести, а отец Артемий будто провел свое детство и отрочество и вошел в юность на глазах у всех нас. Такова тайна талантливой прозы.

Какой прекрасный финал у повести – облегчающие душу слезы на первой исповеди.

Вот что надо читать и детям, и взрослым с детьми. От души поздравим автора с этой книгой, а всех нас с радостным событием, большой победой русской литературы для детей.

Не пачкать икону

Переход богослужения на современный язык – это измена Богу, предательство России, позор перед Святыми, это угождение сатане.

Именно так. Сказано нам, что Церковь Христова всегда будет гонима, и это постоянно сбывается. Атеизм сменился сатанизмом, мир не просто во зле лежит, в нем купается, безумствует и, как всякий заразный, пытается заразить и здоровых, в данном случае то последнее, что осталось в этом мире для спасения души – Веру Православную.

Кровь мучеников раннего христианства, кровь страдальцев нового времени вопиет к нам: за что они умирали, шли на Крест? За то, чтобы потомки отказались от главной иконы Богослужения, от языка, на котором свершается Богослужение? Переделывать язык Церкви в угоду современности? Да это позор, кощунство и надругательство.

Какая современность? Ее нет. У Бога нет времени, у Него все враз, а у нас только летящие мгновения жизни от рождения к смерти. И истории никакой нет, есть одно в мире: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Несомненно, реформа языка – это угождение сатане, удаление от Света.

Как можно испачкать икону, как можно исказить, изуродовать язык? Это все равно что замазать грязью огранный алмаз и этим погасить его сияние. Мир стоит молитвой, а она произносится Богодухновенными словами. Напоминать ли, как отрок был взят на Небо и принес оттуда молитву: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас»? Или приход

ангела в келью афонского монаха и начертавшего на камне начало молитвы: «Достойно есть»?

«Пад на выю облобыза его...», «Распныйся волею...», «Господь воцарися, в лепоту облечеса». И как вы, очередные реформаторы (о, сколько вас было), как это переведете? Мало вам примера латинян, протестантов, несчастных поляков, пошедших на сделки с духом века сего. Старокатолики Европы – это не старообрядцы России. При всех наших (очень незначительных) разногласиях, мы – братья по вере, ибо в основе у нас единый язык. Да и не надо переводить, есть же культура сносок, примечаний. И легко объяснить, что такое «чермнуется» и «дряселуется», и любое вообще место. Святые отцы в своих трудах шагу не ступят без ссылок на церковнославянские тексты. Смотрите, как они бережно истолковывают Писание. Казалось бы, святитель Феофан Затворник вполне мог бы упрощать слова церковных текстов, нет, он берет их как неоспоримое данное и истолковывает. Вот, например: «Яко стропотно ходит с ним в первых». Речь о душе. Разве она больше получит благодати, если хозяин изменит точности, благочестию молитвы? «Сердце, не умягченное благодатию – камень. Все святое или меркнет в нем или отражается назад, оставляя его холодным по-прежнему» (из «Писем о христианской жизни»). И далее: «Обращающийся грешник живо чувствует такую окаменелость и потому первее всего просит Господа, чтобы избавил его от окамененного нечувствия и даровал искренние слезы покаяния». Тут святитель ссылается на седьмую молитву, читаемую на сон грядущим, давая пример и нам идти к первоисточникам.

Какую же благодать мы получим, если будем своевольно изменять слова, которые непонятны нам по на-

шей вине и нисколько не устарели? Не может же благодать устареть.

Сторонники того, чтобы сделать молитвы понятнее, оправдываются тем, что якобы церковнославянский язык мешает привлекать к храму молодежь. Так могут говорить или простаки или, скорее всего, заградители дороги ко Христу. И о ком говорят? О новичках да лентяях. Новичкам, если они верят в Бога, если «со страхом» Божиим приступают к Христовым тайнам, через год-полтора все будет ясно и понятно в Божественной Литургии. Да даже и раньше. Есть теперь, не советское же время, много хорошей литературы, истолкований. Ходи в храм и читай Священное Писание, труды святых отцов, которые, вот уж точно, были бы возмущены новыми нападками на тексты молитв. А подстраиваться под лентяев? Да им сто раз все упрости и выхлости, все равно в храм не пойдут. Кстати, они очень резво, для успехов в бизнесах, бегают на курсы нужных языков, а свой, родной, встречают в штыки. Как так? Не дикари же они, интеллигенцией называются. То есть какой отсюда вывод? Церковнославянский им не родной, вот и все. Ну не родной он вам, так нам-то не мешайте на нем молиться. На нем молились предки, с ним рождались, с ним жили, шли на бой и на труд, с ним уходили в жизнь вечную.

Переделки богослужебных книг – тонко рассчитанное нападение на душу православную, путь к расколу. Да, именно к расколу, ибо ни за какие коврижки не согласится православный отказаться от языка отцов. Молились так преподобные Сергий, Серафим, Тихон, Пафнутий, Андрей, Антоний, Герман, Силуан, Амвросий, Нестор... нет им числа! А мы их собираемся предавать. Кто запрещает реформаторам на деньги Чубайса

воздвигнуть безголовое здание неоновоязычного храма и читать в нем и газеты и свои переведенные книги? Язык-то будет один. А почему безголовое? Потому что Крест Святой такое кощунство не увенчает.

Нельзя не охранять святыни. Надо готовиться к отражению штурма на язык Православия, главной словесной иконы. Постоянно же идут разговоры о переводах.

Не на пустом же они месте возникают. Неообновленцы разве согласятся с поражением? Даже и «Журнал Московской Патриархии», призванный, казалось бы, к защите чистоты святоотеческого учения, святоотеческих преданий, предоставляет страницы для ученых, которые всерьез говорят об осовременивании языка Церкви. Раздел так и называется: «Новые переводы Библии: про и контра». Ученые и богословы убаюкивают: мол, речь не идет о реформе, мол, надо только что-то где-то заменить, объяснить, упростить. Что-то, мол, звучит неблагозвучно, что-то вообще непонятно. Мол, это необходимые малости. Но вот я есть тот самый контра, который уверен, это-то и есть то самое лукавство, которое поднимет очередную мутную волну нестроений и разногласий. А разногласие не есть разномыслие, в котором выявляются искусные. Разномыслий было не счесть, и мнение искусных давно выявилось и проверено веками. Оно в том, чтобы быть верными заветам отцов. Это гранитное основание, на котором стоим. А если начать по песчинке вымывать из него? Так что молчать об угрозе, которая есть, которая реальна, нельзя. Молчанием Бог предается. Больше тысячи лет молились на языке приближающем нас к Богу, а теперь вот, видите ли, надо к жизни приближаться. Жизнь моментальна. А Бог вечен. И Россия живет не во времени, а в вечности. Нельзя молчать, когда

уже в первых шагах, то есть в первых разговорах по осовремениванию богослужения, слышатся отдаленные раскаты нового раскола. Именно к этому ведут нас теперь уже не просто неообновленцы, а уже нео-нео. И как прикажете тогда называть Церковь? Истинно современная кочетковствующая, католиковствующая, протестанствующая?

Наша надежда на мудрость наших пастырей и архипастырей. Ну как будет возглашать батюшка: «Вон-мем!»? «Премудрость прОсти!»? И это, великое: «Во Христа креститесь, во Христа облекохтесь»? И как молитвы подгонять под язык улицы? Молитва Господня дана нам самим Иисусом Христом, Богородичная состоит из приветствия Архангела Гавриила и святой праведной Елисаветы. Как на это посягнуть? Католическая «Аве, Мария» – это не «Богородице Дево» – это стихотворение Вальтера Скотта, положенное на музыку Вальтером Шубертом. Да, красиво, да, трогательно, но не более. Может, и Святое Евангелие понятнее, по мнению реформаторов, зазвучит на современном языке?

«И бысть буря ветрена велика: волны же вливахуся в корабль, яко уже погружатися ему?» (Мк. 4, 16). И как перевести? «Буря в шесть баллов, волны захлестывают, корабль начинает тонуть»? Так?

«И восстав, запрети ветру, и рече морю: молчи, престани. И улеже ветер, и бысть тишина велия» (Мк. 4, 19).

Скажут, да чего ты раскипятился? Никто же не говорит о переходе на современный язык, наоборот, постоянно слышишь убаюкивающие речи, что ничего меняться не будет, успокойся. Но почему же забыть нам библейское о том, что пагуба придет, когда будут говорить о мире и безопасности? Работает же комиссия по языку. Уже и новые пробные тексты переводов

появляются. Вот, как это вам покажется: «Счастливы те, кто желает слышать правду»? А это, оказывается: «Блаженны нищие духом, яко их есть Царство Небесное». Может, храм на Красной площади называть храм Василия Счастливого?

Сколько ж можно мутить чистые воды Православия? С кого берут пример реформаторы? С тех, у кого в языке нет слов «соборность» и «истина», а есть всякие «саммиты» да «симпозиумы»?

Чего нам бежать от чистых родников к грязным водам безбожной повседневности? Ведь заболеем, ведь отравимся.

Письмо землякам

Не стал бы я писать этого письма, если бы дело не касалось моей родины. Но именно оттуда мне посылают газету, которая возвращает меня к моим истокам. Газета хорошая. Замечательны материалы о судьбах людей, о тружениках, о семьях, о молодежи, о ветеранах войн, и Отечественной, и недавних. Но вот в последнее время я уловил две очень нехорошие тенденции, которые, по моему, заражают чистое течение общественного воззрения на происходящие события.

В газете безудержное, прямо лакейское восхваление единокороссов, а отсюда – топтание всего прошедшего.

Я не защищаю коммунистов, отнюдь. Уж я-то их изнутри знаю. Иго большевиков было кровавым, иго коммунистов идеологическим, иго демократов похлеще: жизнь становится все хуже, все тревожнее, а барабаны демократов гремят все громче. Может быть, покончено с наркоманией, с проституцией, с преступностью? Они

растут. Может быть, и это главное обвинение преобразованиям и всяким перестройкам, рождаемость превысила смертность, как было во все века в России? Нет! Народ вымирает, его убивают, но он должен славить демократию, эту жертвенную корову капитала. На улице вечером страшно выйти, к чиновнику нельзя прийти без взятки. А самое преступное, что есть в демократии, – это развращение молодежи, круглосуточная пропаганда разврата, насилия, пошлости.

Совершенно нагло захватив власть, – да, не ищу другого слова, могу добавить – совершенно по-хамски захватив власть (будто бы вы, господа газетчики, не знаете, как людей страшали, запугивали, заставляли голосовать за единокороссов, или нет? Или я вру на старости лет? Именно так!). Ну, хорошо, захватили власть, так стройте Россию по русскому образцу, ведь другого Россия не примет. Но и этого нет, а есть прежнее стремление «интегрироваться» в мировое сообщество. В какое? В английское, где дядечек венчают? В американское, где верят только в плесень доллара? Души в западном мире не осталось, она только в России. Душа у мира славянская, православная. А душу убьют, тут уж всем конец.

И именно на убивание русской души направлены все усилия западного мира.

Сказала же Тэтчер, что нас многовато. Нас, русских. Сократить! Как? Спить, развратить, убивать прививками, заставить ржать над всякими аншлагами, заодно пронумеровать всех, как в концлагере, да еще внушить, что именно мировое сообщество – наше светлое будущее. А то, что «мировое сообщество» было в восторге в октябре 1993 года, когда русские стреляли в русских, – это как-то забылось.

Вообще поражает примитивизм критики прошлого. Не было колготок, экие страсти! Зато подолы у юбок были подлиннее. Именно колготки их вздернули. Жвачки не было – как ужасно! Зато на коров не походили, не жевали, скрывая запах табака. Зато и знать не знали о мерзости шведских образцов для молодежи, о трусости гражданских браков, о партнерстве. Бедные были новогодние подарки? Зато картошка стоила десять копеек, зато из реки можно было пить в любом месте, птицы и звери не умирали от химикатов.

И еще: по-прежнему, как фонвизинские митрофанушки, изумляются газетчики, что в Париже даже извозчики говорят по-французски и что какой молодец мэр Праги, что сдал без боя свою столицу. Это меня возмутило больше всего. Даже потрясло. И журналистка, написавшая статью о поездке в Чехию, не стесняется сказать, что она так же бы поступила. То есть предательство, нож в спину Советской армии, с ее точки зрения, – доблесть? Или, может быть, Киев был менее красив, чем Прага, Краков? Ведь Краков брали стрелковые части без артподготовки. Сотнями тысяч убитых мы заплатили за красоту города, сохранив его для ненавидящих нас поляков. И чехи предали, а мы их хвалим? Нет, что-то сдвигается в адскую сторону в самом образе мышления людей. Слюни текут у вятских туристов, так им хорошо на Сардинии. А заканчивается обжираловка, обпиваловка – и опять надо возвращаться «в эту жуткую Россию». Так закатывается европейское солнышко.

Почему же у киевской княжны Анны хватало ума восемь веков назад понять, что Париж – это ужасная деревня, а Киев – рай? Потому что родину любила. И этой любви к родине сейчас я не вижу, и это всего огорчительнее.

Письмо учительнице русской литературы

Вопросы, Вами поднимаемые, далеко не личные. Тем более и поводом для Вашего письма была моя публикация «Учителя и авторитеты» (Литературная Россия. 1998, № 26). В ней вас возмутило, что, оставляя за писателями их право учить, я не могу никого из них признать жизненным авторитетом, а уж тем более кумиром. Кумиры – дело языческое, их вовсе оставим. Ваша влюбленность в литературу так глубока и искренна, что я выгляжу варваром, когда (сам числясь по разряду писателей) «нехорошо», как Вы пишете, говорю о писателях. А уж тем паче о классиках.

«Литература – учебник жизни», – пишете Вы. Ничуть. Это утверждение наделало много вреда. Уж если литература жизнь, то что ж подражать отображению? Да еще и преломленному сознанием автора. То есть искаженному. То есть истолкованному простым смертным греховным человеком. Да, талант, да, способность писать. Но талант и злomu дается, талант и не от Бога бывает. Откуда же зло в мире? Да, Божиим попущением, да, для нашего прозрения, для борьбы с ним. Верить можно только Богу, все остальное в мире надо принимать с сомнением и с рассуждением. Литература, особенно в России, в ней, единственной, значит больше, чем где бы то ни было, это от чего? Это от православного уважения к Слову. Бог – воплощенное Слово. Слово произносимое – уже драгоценность, а уж написанное и напечатанное тем более. Но Слово, данное для богообщения, для молитвы, для формирования мышления и образа жизни, стало со временем обслугой не духа, а души, то есть чувства. А дух и душа – не синонимы. Это

к тому, что Вы постоянно говорите о духовности литературы. Где она в художественной литературе? Еле-еле ее слабые мерцания появляются там, где писатель говорит о воцерковлении людей. О спасении. Зачем мы живем? Чтобы спастись. Кто нас спасет? Господь Бог. Как к Нему прийти? Только через Иисуса Христа, с Духом Святым. Все остальные пути перепробованы, исхожены. Счастлив русский писатель, его до сих пор числят во властителях дум, его слушают. Литературные десанты, лермонтовские, пушкинские дни, самые разные встречи пишущих и читающих живы благодаря именно читающим. Именно от писателей хотя услышать ответы на вопрос: как жить, что ждать от жизни?

И чему учат писатели? Лучше спросим: чему учили, ибо ответ на этот вопрос содержится в работах самих писателей. Тех, кто влиял на умы, вошел в историю литературы, в программы школ и университетов. И нынешние станут прошлыми, тогда и с ними разберутся. Но уже другие. Нам же позволительно обратиться к предыдущим.

Откуда началось обмирщение Слова? От Петра? От Екатерины, бывшей в восторге от Руссо, Аламбера, Дидро, Вольтера? От Прокоповича? Радищева? Новикова? Вспомним Фонвизина и Карамзина, предупреждавших от заражения заразой развлекательности искусства. Ведь как подползает бес удовольствия? Тихо, ласково. «Не все же быть серьезным, надо и отдыхать, не все же проповеди, нотации, назидания, надо что-то и для души...» Всегда в примере «просвещенная» Европа. Мы же для Европы никогда не были примером. И не будем. И не надо. Мы сами по себе. Знание о нас на Западе так примитивно, приблизительно, что бесполезно даже расстраиваться. Вся причина непонимания – от разного отношения к

Богу. Католическое и несогласное с ним протестантское учение низводит религию до правил жизненного поведения, относится к Богу как к нравственному учителю. Для нас Истина – Иисус Христос, смысл нашей жизни в отречении от земных благ, тогда как для Запада комфортность жизни на земле – главное в существовании тамошнего человека.

У Господа нет смерти – вот что главное в Православии, вот отчего у нас так много мучеников за веру. И вот почему такой успех литературных героев – борцов. Но за что они борются? За народ? А надо это народу? Внушили, что надо. Без Руссо не было бы Толстого, без Чернышевского – Ленина. Подобное рождалось подобным. Богу или маммоне служило Слово? Увы, чаще маммоне.

Даже лучшие из пишущих давали сбои, уловлялись в дьявольские сети. Еще до «Демона» Лермонтов заигрывал с ним: «Быть может, в стране, где не знают обману, ты ангелом будешь, я демоном стану. Клянися тогда позабыть, дорогая, для прежнего друга все счастье рая». Да, так и писал. Но ведь и это его же: «Дам тебе я на дорогу образок святой. Ты его, моляся Богу, ставь перед собой». И это он в «Пире Асмодея» провидчески, опять же от лица демона докладывает «главному»: «На стол твой я принес вино свободы; никто не мог им жажды утолить. Его земные опились народы и начали в куски короны бить».

И вот это «вино свободы» – оно и есть то опьянение, в котором пребывала литература, а похмелье от этого вина переживаем и поныне. Какое ему противоядие? Смирение. «В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли»... «Высоко росли» – потрясающе сказано, на каком еще языке так скажешь? И росли бы и росли, и берегли бы родник, но! «И стали три пальмы на

Бога роптать». И что дальше? Дальше пришел караван, и «только лишь сумрак на землю упал, по корням упругим топор застучал. Изрублены были тела их потом и медленно жгли их до утра огнем».

И каков финал? «А ныне все пусто и дико кругом». Это же не о трех пальмах, о нас.

Гордыня ведет к мятежу, ропот к гибели, недовольство судьбой к несчастьям. Гордыня – мать пороков. Но и уныние – грех. Печаль, тоска – это хула на Духа Святого. А вот стих А. Белого, посвященный о. Павлу Флоренскому: «Тоска! О, внимайте тоске, мои братья! Священна тоска в эти дни роковые».

«Дни роковые» – начало века. Скоро 17-й год, «в терновом венце революций». Если у нас была великая литература, как мы привыкли гордиться, то почему же у нас были великие потрясения? А потому, что литература оттого стала великой, что описывала великие потрясения. А до них что делала? А до них она их накликала. Как? Преподносила частные случаи бесправного положения человека как всеобщие. Вызывала гнев на правительство, на царя. И все от того, что работала на дьявола. Вот Серебряный век. Вы пишете, что Серебряный век должен был перейти в Золотой по логике развития, что помешал 17-й год. Но для меня Серебряный век – ржавожелезный. Почему?

17-й год, воспетый официальными подхалимами, был радостен и для настоящих поэтов. Чем же? Вот Северянин: «Какое в жизни возрожденье! Я плачу, я свободой пьян! Как? Неужели все, что в мыслях, отныне и на языке? Никто в Сибирь не смеет выслать, не смеет утопить в реке...»

То есть вся радость от того, что можно болтать все что хочешь. Но почему так грубо – «болтать»? А не гру-

бо – признаться в том, что в мыслях «доныне» было одно, а на языке другое?

«Говорю вам теперь окончательно, – пишет Блок Е. Иванову, – не пойду врачеваться к Христу, я Его (у Блока с маленькой. – В. К.) не знаю и не знал никогда. В этом отрицании нет огня, одно голое отрицание, то желчное, то равнодушное». Здесь и разгадка поэмы «Двенадцать». Ночь, буря, завывание, крики, стрельба, «на ногах не стоит человек» – оргия, дьявольский шабаш, черная месса. Паршивый пес – вестник загробного мира, пес из «Фауста». Почему «черная злоба – святая злоба»? Как же Христос «от пули невредим»? Что же тогда Его крестная земная смерть? И что за превозношение – пред ликом Родины «я закачаюсь на кресте»? Это какое-то франсисканство, стигматство.

Обезбоженность интеллигенции всегда была ее родовым знаком, но тут особенно. Кого ни берешь – в ужасе отшатываешься. Сколько чудовищного у Есенина! Нет, не надо припоминать ему: «Тело, Христово тело...», дальше не цитируем, прости ему, Господи. Все-таки у Есенина есть и «за все за греха мои тяжкие, за неверие в благодать положите меня в русской рубашке под иконами умирать». Цитата по памяти, но смысл точный... А сколько бесовщины в «Пугачеве»! Оживший покойник («Я император Петр»), в полчетвертого он свершает набег, то есть в часы, когда вся нечисть делает последнее усилие перед рассветом. Вся поэма завалена черепами и мертвецами...

Упомним и других. Исключим совершенно невысказанное по уровню кощунственности и издевательства над всем святым творчество Придворова (Бедного), пожалеем даже и Маяковского с его агитками против священников, святых икон, хотя ведь и они были вла-

стителеми умов. Но они, так сказать, для массы, синеглазники. Возьмем господ эстетов.

«Будь проклят Бог!» – кричит... кто? Бальмонт. «Злые чары», «Пир у сатаны» – все вещи отвратные. «Существо, чье название Господь» – так и пишет. Бог (прости, Господи!) «возвышенный зверь... посмотрите, он пьян облаками».

Вот коротко из Брюсова без комментариев: «Хочу, чтоб всюду плавала свободная ладья. И господа и Дьявола хочу прославить я».

А Сологуба уже в начале века называли поэтом зла и Дьявола. (См.: Поярков. Н. Поэты наших дней. М., 1907.) «Я так воззвал! “Отец мой, Дьявол, спаси, помилуй, я тону”». То есть тогда в чем же он утопает: не во зле? Если зовет зло на помощь. В чем?

Случевский: «Я злобой добр». А это как?

Мережковского, кстати, тоже надо сюда поместить. Очень плодовит и известен, по сей час издается. У него сплошь уподобление Христа и антихриста, поклонение белой дьяволице, дневник самоубийцы, а «Последняя тайна: два – едино. Христос и антихрист – едино». Весь Мережковский в этом.

Рядом Гиппиус. Также без комментариев: «За Дьявола Тебя молю, Господь! И он – Твое создание». Что ж, она не знала, что падшая денница – утренняя звезда – сам отпал, по своей гордыне, его разве Господь таким создавал?

Люцифер – это и есть Денница, утренняя звезда, – всюду у Гумилева поклонение этой звезде, то есть Люциферу. Вот, прямо о нем: «Он не солгал нам, дух печально-строгий, принесший имя утренней звезды, когда сказал: “Не бойтесь высшей мзды, вкусите плод и будете как боги”». Это же змий сказал, змий-искуситель.

Театры начала века – рассадники порока и дьявольщины, все эти черные маски, незнакомки, рыцари, розы и кресты, вся масонско-бесовская символика доводила до того, что и сама действительность начинала быть для поэтов театром. Тот же Гумилев: «Множатся пытки и казни, и возрастает тревога: что, коль не кончится праздник в театре Господа Бога?»

Цитировать более нет сил, да и можно впасть в искушение – дать новую жизнь тлетворным семенам. Я и так выбирал из поэтов, что полегче. Но, выбирая, надеялся на сочувствие и сопереживание, на то, что Вы так же думаете как и я. Русский, по складу своему, религиозный человек. От того, кстати, так любят к нам ехать всякие миссионеры, их обязательно слушают, взашей не гонят. И миссионеры эти берут на вооружение... русскую литературу. Вот в чем опасность. Толстой, обстоятельный бытописатель, раздут до размеров пророка, его же учение попросту мракобесно. Вот и писатель нового времени Булгаков, прекрасный писатель (и очень, добавим, советский: посмотрите его работы о Ленине, Сталине), но ведь скольких же женщин заразил он мечтой о воплощении в ведьму. Как же радостно бить стекла в квартире критика Латунского, как же лихо править бал у сатаны. Образ же Га-Ноцри (подразумевается Спаситель) выписан так ужасно, что прости, Господи, может быть, автор не ведал, что творит.

И не думал я никого чернить, и вы в церковь пойдете, найдите в себе силы подать о упокоении рабов Божиих Владимира, Сергея, Валерия, Константина, Димитрия, Зинаиды, Льва..., даже Ефима (это Демьян так звался в крещении), Александра, Игоря... Но уподобим писателей цветам, а читателей пчелам, нектар собирающим. Не садится же пчела на ядовитые цветы. Хотя...

хотя и пчелы бывают обмануты. На юге знают дерево, цветущее необычайной красотой. Когда оно цветет, пчел не выпускают из ульев. То есть пчеловоды берегут своих питомцев. А те пчелы, которых некому беречь? Они летят на красоту, и... вся земля под такими деревьями усеяна мертвыми пчелами. А зовется то дерево испокон веку Иудино.

Есть строфы, западающие в самую душу: «Когда мы в Россию вернемся, о, Гамлет восточный, когда?» «Ей (душе) песен небес заменить не могли скушные песни земли»... «Тихо, и будет все тише. Флаг бесполезный опущен. Только флюгарка на крыше сладко поет о грядущем»... «Колокольчик ли, дальнее эхо ли, все спокойно вливается в грудь...» – бесконечно и целебно для души можно цитировать и гордиться тем, что это написано на языке отцов и праотцев, но всегда на страже слуха и зрения должно стоять православное чувство ощущения того, что полезно, а что вредно.

Поэты – живые, грешные люди. Так же, как все, еще острее, они проживают потери, обретения, разочарования и очарования, но люди нерифмующие, по крайней мере, не спешат сообщить миру о своих переживаниях. Пишущий же ради красного словца не жалеет родного отца. О, сообщает «тайну» поэтесса, «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Но ведь очень плохо, что не ведают. Потом поэты жалеют: «Понаписал я столько чепухи, не поймать – по свету разбежалась». Разбежалась, чтоб соблазнять и калечить души.

Нет, нет, ни в коей мере не может литература быть учебником жизни.

Учебник жизни – Священное Писание. Доступное, безграничное для познания. Литература обязана гово-

рять о смысле жизни, о поисках Истины, о добре и зле. Только помня, что смысл жизни – в спасении души, в подготовке к вечной жизни, к ответу за жизнь земную. Только помня, что Истина не что иное, как Иисус Христос. Что зло – это дьявол, а добро – это Бог. И все встанет на свои места, все приобретет свои размеры. Любое произведение будет ясно на рентгене, просвеченное православным взглядом – чему оно служит.

Душа у вселенной православная
(выступление на конференции
общества «Русско-Сербский мост»
в г. Баня-Лука (Босния-Герцеговина))

Евангельская истина – мир во зле лежит – особенно чувствуется в наше время. Уже и зло за зло не считается. Тех, кто любил и любит сербов, ужаснули бомбардировки Белграда, но не менее ужасающим было то, что множество американцев одобряло это убийство. Бомбили Ирак, бомбили Ливию. Вот что стало с Соединенными Штатами от обезбоженности. Два последних факта: госсекретарь наблюдает в прямом эфире то, как осуществляется убийство, а в момент его свершения издает совершенно обезьяний торжествующий возглас: «Вау!» Тогда что такое фашизм? Второе: объявляется, что охрана прав гомосексуалистов является одним из приоритетных направлений деятельности правительства. Сексуальные меньшинства, их омерзительные парады становятся все более многолюдными и назойливо рекламируются.

Что ж, вспомним точную поговорку: «Кошка скребет на свой хребет». Содомский грех назван по имени го-

рода Содом, который Господь уничтожил, как и Гоморру, в день гнева. А Карфаген? За что же призывал разрушить его сенатор Катон? Именно за содомитство. И разрушен был Карфаген. Как и Атлантида потоплена, как и Помпея за то же сотрясена и сожжена. Гомосексуализм и лесбиянство, и всякое транссексуальство – это не право жить по своим желаниям, а разврат. Пять процентов этих развратников больные, их лечить, а девяносто пять – мерзотники, их надо, для их же спасения, проучить.

Но что мы о них? Мы – православные, значит, самые счастливые люди на земле. Почему? Потому что наиболее из всех приняли в свои сердца Сына Божия, Христа. «Посадите меня в темницу, – говорит Василий Великий, – я там буду со Христом. Убейте меня, скажу спасибо убийцам, пойду ко Христу». Для православных день земной кончины – это день рождения в жизнь вечную. И нас не соблазнишь ни деньгами, ни сытостью, нам важно одно: какую судьбу готовим себе в потусторонней жизни?

Славяне получили кличку унтерменшей от кого? Ведь это именно западные правители и католическое священство не хотело давать славянам грамотность, противилось трудам святых Кирилла и Мефодия. А что, мы какие-то недочеловеки? Давайте представим мир без русской литературы, без славянской музыки, живописи, архитектуры, без изобретений, и что? Мир потускнеет, оглохнет, обезголосеет, просто поглупеет. Ведь Сорос не просто богат, он еще и далеко не дурак, его эмиссары ездят по славянским странам, по всяким олимпиадам и жадно вербуют победителей ехать на Запад. Почему же мы талантливее остальных? Потому что наука и культура славянства выращены Православием. Другого ответа нет. Католичество низвело Христа до уровня туфли папы, протестанты думают о комфортности жизни и

тоже обезбожились. Одних сект в Америке триста, и все кричат, что спасение только у них.

И вообще, кто в мире главный? Неужели Международный валютный фонд? Смешно. Главный в мире Тот, Кто создал мир, – Господь Бог. А уже потом идет земная иерархия. И ближе к Богу те, кто наиболее принял в сердце Христа. Это, конечно, Россия и Сербия. И когда нам говорят, что надо встраиваться (интегрироваться) в мировую цивилизацию, то спросим, в какую? В ту, в которой венчают извращенцев, где женщины священники, где молятся на евро и доллар? Нет уж, спасибо. Встраивали уже. Завидовали – в Париже извозчики говорят по-французски, Вольтера читали, Руссо, и что? Вот тебе и декабризм. Марксом увлеклись да Энгельсом, а они Россию ненавидели, вот и революция. Захотели Конституцию – получили безправие. Захотели выборную, а не наследственную власть – получили море крови. Захотели рынка – получили нищету. Захотели демократию – получили увеличение преступности, наркомании, проституции, безпризорности, коррупции, смертности, уменьшение рождаемости. «Западом наказал нас Господь, – писал святитель Феофан Затворник как раз в то время, когда Библейское общество протасило в Россию «вульгатовский» перевод Библии, которому святитель очень противился. И добавлял: – Вот и нам приходит срок вступать в открытую полемику с Западом. Латиняне высят гордое око свое. Самообольщенная уверенность не дает им внимать истине».

Католики и протестанты ненавидели не просто Россию, а Россию Христа. Ненависть ко Христу – главный двигатель ненависти к России и Сербии. Обезбоженный мир нас всегда ненавидел и будет ненавидеть. И старался, и старается заразить нас своими болезнями:

барахольством, бездумностью, безразличием ко всему, кроме своего благополучия. За всем этим стоит скрытая зависть к славянам, для которых высшая ценность – порядочность и жертвенность. И не надо лукавить в поисках других объяснений.

Образ сегодняшнего мира – его предстояние перед Голгофой. Крест Христа посреди, по бокам разбойники. Один кается и спасается, другой упорствует в гордыне и гибнет.

Никакой истории нет, кроме одной – мир или приближается к Христу, или удаляется от Него. И времени нет, как постоянно нет прошлого – оно уже прошло, как нет и будущего – оно еще не наступило. Но прошлое – урок для поведения в будущем. А в прошлом много радостного для православных и много печального для их врагов. Сказано же: не в силе Бог, а в правде, а за кем правда веков и тысячелетий? За православными. Или снова напоминать о победах в Невской битве, на Чудском озере, на поле Куликовом, под Полтавой, Бородино? А Великая Отечественная? Победы под Москвой, Сталинградом, Прохоровкой, знамя Победы над Берлином? Мы же не только с Гитлером воевали, со всей Европой. С сытой, не знающей, что такое взорванные и разрушенные церкви, убитые и заключенные священники. Мы не большевиков, ненавидящих русский дух, защищали, нет, свои святыни, главное в которых Православие, Фаворское его сияние. И на Косовом поле мы победили. Да, ибо побеждает сила духа, а она после Косова у сербов только выросла. И то, что эта сила духа никуда не исчезла, показали дни пребывания Пояса Пресвятой Богородицы в Москве. Где еще люди будут стоять в очереди по четырнадцать-шестнадцать часов на холоде, под дождем и ветром, чтобы только на секунду прикоснуться к

великой святине? Секунда эта наполнит всю остальную жизнь высоким смыслом приобщения души к вечности.

Цивилизация, которая объявляет главной ценностью человека, обречена. От такой цивилизации надо подальше. Если в красном углу Запада не иконы, не лампада, чего от него ждать? Сытой жизнью не спасешься, только одно – готовишь радость могильным червям. Мы – славяне, такой цивилизацией брезгуем: она даже Бога подтаскивает для оправдания своих действий. Почему славяне-поляки горды, надменны, обидчивы? Поэтому, что стали католиками, вот и ответ. Как и чехи. Как и хорваты.

На ком вина за сегодняшнее состояние мира? Ответ: на иудеях первых веков христианства. Именно они исказили Священное Писание. Как? Искореняя его христологическое толкование, создавая так называемый масоретский текст Библии, особенно искажая сердце Ветхого Завета – Псалтирь. Иудеи не дождались от Христа того, чего ожидали, – власти над миром и золотом. А Его учение о спасении души: не готовьте себе ветшающих богатств на земле, собирайте себе богатство нетленное на небесах, иудеям не понравилось. Запугали Понтия Пилата, Христа распяли. Мало того, что распяли, стали уничтожать христиан. Уничтожали, а христианство умножалось. Тогда стали изгонять Христа из Писания. А ведь главное в Ветхом Завете – предсказания о приходе Христа на землю, только в этом его ценность. Уничтожали Книги Маккавеев, слова пророка Исайи, этого евангелиста Ветхого Завета. И калечили Псалтирь. А ведь к моменту прихода Христа в мир уже был готов перевод Семидесяти толковников с древнееврейского на греческий, так называемая Септуагинта. Но не она была взята в основу перевода Писания на латынь,

а именно масоретские тексты. Вульгата, так назывался перевод, повторил все намеренные искажения Священного Писания. И добились чего? Разделения Церкви на Восточную и Западную. Пропась между ними. И в вере, и в мировоззрении.

Господь посрамил труды иудеев, когда в 1947 году открылись на берегу Мертвого моря Кумранские свитки. Их подлинность была неоспоримой. В них все было так, как в Септуагинте.

Но и это не вразумило гордецов западного мира и их ближневосточных и заокеанских вдохновителей. Невиданное дело современности – внутри государства живут люди, получившие в нем и жизнь, и жилье, и образование и ненавидящие его. Успешно ненавидящие. В сербских школах почти не учат русский язык – язык друзей, а язык убийц – английский – насаждается непрерывно. Шестерки московского телевидения издеваются над всем святым, экраны полны пошлости, крови, насилия, пропаганды роскоши, презрения к бедности. Русскоязычные писатели, потомки Хама, владея только компьютерами да матерщиной, испражняются на русскую историю и культуру. Российское образование выращивает англоязычных биороботов. Откуда это постоянное лизоблюдство перед Западом и языком, который уже никогда не даст миру ни Диккенса, ни Фолкнера?

Сближающий славян язык святых Кирилла и Мефодия – язык общения с Богом. Там, где он сохраняется и появляется, там высока нравственная атмосфера общества, а туда, куда внедряется английский, проникает дух захватничества и превосходства.

Они нас только тогда поймут и оценят, когда Господь их потрянет. Об этом думал я, взлетая на самолете над Белградом. До чего же он красив! Но ведь таким же

красивым видел его и американский летчик-убийца. И бомбил. И возвращался на базу и опрыскивался дезодорантом. Они же хотят еще хорошо пахнуть. Нет, говорить с ними и не о чем, и бесполезно. Если они (по Дарвину) произошли от обезьяны, что с них взять? Нас-то Господь сотворил.

Дикое дело, дикий Запад нас еще чему-то учит. Учат политкорректности, а сами бомбят, учат толерантности, а это поощрение грехов. А ведь Господь очень и очень нетолерантен. Да, долготерпелив, да, многомилостив. Но Он же и скажет: «Отойдите от Меня, проклятии, в огонь негасимый».

Есть «научные» басни о том, что где-то во Вселенной есть еще люди-человеки, цивилизации. Нет, жизнь есть только на планете Земля. Она – центр Вселенной, ибо сотворена Богом.

Православие очищает ум от корысти. Оно доверчиво, и это очень христианское чувство – доверчивость, но уже столько раз мы страдали от него. Ну нет у нас в мире друзей, кроме православных. Но должны же понять остальные, что в кого бы и в чего бы они ни веровали, Страшный суд неизбежен. А судить всех будет Христос. Вот и все.

ПРОЩАЙ, РОССИЯ, ВСТРЕТИМСЯ В РАЮ (ПОВЕСТЬ)

Стрелять от пуза веером

Мне почти безразлично любое время года. Конечно, так было не всегда, но сейчас все искалечено: и зима не зима, и лето не лето. Все дни какие-то малокровные, ветхие, закат обтрепанный, восход натужный. Дождь ли пойдет – после него пятна на листьях, ветер дует – несет запах какой-то гадости, – поди тут, порадуйся природе.

Немного легче зимой. Хоть изредка, но бывают дни как в детстве, как сегодня: холодно, мороз, резкое солнце. На свежий снег напало много-много семян липы. Они слетают с высоченной липы около церкви, крутятся на своем единственном крылышке и тоже напоминают детство. Мы их собирали и ели. Помню их сладость. Так ощутило, будто это не было целую жизнь назад. Воробьи охотятся за семенами. Но сегодня я разбаловал воробьев – непрерывно что-нибудь выношу в кормушку. Надо или не надо, выхожу во двор. Уж давно и дорожки разгреб, и крыльцо проскреб от наледи недавней гололедицы, и промел, а все тянет на улицу.

Сколько мне осталось таких дней?

А вот интересно, что в памяти сохранились не дни, то есть не метеорология, а труд в этих днях. Лето – сенокос, окучивание картошки, грядки, весна – лед в погреб, навоз на поля, осень – картошка и жатва, зима – дрова, езда за сеном. Не было пустых дней. Как же теперь-то все из угла в угол слоняются, как же так? Я о молодежи. Ничего мне нынче в ней не нравится, ничего. И не только в молодежи, вообще во всей нынешней жизни. Можно подумать, что я такой мрачный пессимист. Но это тот подумает, кто Костю не знает, моего соседа. Он еще старше меня, прошел всю войну, уж он повидал всего. Так он говорит: «Стрелять их надо через одного, тогда только чего-нибудь будет». – «И ничего этим не добьешься». – «Нет, добьешься» – «И как ты будешь стрелять?» – спрашиваю я. – «А так: от пуза веером».

Для Кости вообще нет проблем. Смотрим с ним телевизор, – а чего еще старикам делать? Костя комментирует. Показывают утаенные от покупателей продукты, спокойную наглую морду директора базы, называют тонны дефицитных товаров, продуктов на миллионы рублей. Костя злится: «Какой протокол писать, надо на месте расстрелять». Показывают плохое поле, жалуются на сорняки, у Кости готов рецепт – расстрелять на этом поле агронома. Плохая ферма, нет кормов, низкие удои – повесить на воротах фермы зоотехника. Мелиораторов Костя предлагает топить в их же каналах. Политиков он предлагает выгнать в поле или загнать в шахту, а тем, кто особенно начинает мелькать на трибунах и перед камерой, – отрезать язык, ну и тому подобные, очень эффективные меры.

– Пропала Россия, а они болтают. Стрелять!

– Не все! – упрямо говорю я.

– Все. Посмотри на их морды.

– Не все. И есть не морды, а лица. Конечно, их держат с умыслом. Чуть что, вот такой же, как ты, явится кулаком стучать, продаете, мол, Россию, приватизаторы, мать вашу, а они тебе сходу: нет, иди умойся, а у нас есть Шишкин, Мышкин, у нас есть Гвоздин, Раздергайкин, они за народ убьются. Поговори с ними. И точно – убьются. Но не они решают, не радетели за народ. Им дают правду-матку резать, по телевизору показывают, мы счастливы – есть, мол, наши радетели в правительстве. И закон примут. А толку никакого. Государство правовое, а мы бесправны.

– Сталин нужен! – говорит Костя. – И чтоб баб приковать цепями к плите, тогда выживем.

– Нет, Россию спасет Православие, – говорю я.

Так что мы с Костей по-разному смотрим на возможность спасения России.

Солнечный день. Мороз. Еще и по радио – день музыки Моцарта. Так много радостей сразу, что боюсь за следующие дни – придется отрабатывать. Вон уже и ворона отобрала у синицы кусок сыра, взлетела выше липы на колокольню и питается там. И солнце на запад. И электричество отключили. Хорошо, приемник на батарейках. А иссякнут батарейки, что делать?

Как давно не скрипел снег под ногами, как давно не тянуло обойти вокруг нашего Никольского. Сейчас сделал малый круг – от наших домов по мостику через речку Малашку, по полевой дороге, потом возле кладбища, и опять домой. Как же хороша отовсюду наша церковь! Она плывет, как корабль на рассвете в розовых лучах, вблизи огромна, смотришь издали – светится и сверкает. А отпустят морозы – церковь вся в серебряном инее, вся: стены, крыша, купола, а кресты всегда в полном золотом

сиянии. Вот куда не жаль золота, а в остальном провались оно в тар-тарары.

У нас с Костей не то что золота, ничего нет. Как хорошо! То есть не ничего – сухари-то есть, валенки есть, баню строим. Но баню не утащат, а из-за золота убить могут.

Так и живем два старика, разговоры разговариваем. Ругаться нам не из-за чего. Я надеюсь, что Костя не потерянный для церкви человека, а Костя надеется, что я брошу туда ходить. Так и живем.

Не батька строил, не сыну жить

Строим баню. Вернее, пока мечтаем о строительстве. Собираем кой-какие материалы. А моемся в старой, уже не раз горевшей, некорыстной, с черной штукатуркой внутри, с провалившимся полом. Но ничего – пар есть, мыться можно. Костя лезет на полоч, хлещется там и кричит:

– Родины просторы, голые долины!
Эх, мойся, никого не бойся!

А если сильно в духе и позволяет здоровье зайти в парную троекратно, то начинает музыкальную песню о женской доле, о женском самопокаянии:

– Эх, думала, думала, все передумала,
Думала, думала, думала я.
А как подумала, чем же я думала,
Лучше б не думала, думала я.

Я ее не сразу выучил, эту песню. Но походи-ка десять лет каждую субботу с Костей в баню, выучишь. Еще у него есть китайская песня, он ее выучил, когда дол-

го ездил электриком на фирменном поезде номер один «Россия» Москва – Владивосток. Она звучит так:

– Солнце встает за рекой Хуанхе,
Китайцы на работу идут.
Горсточку риса в желтой руке
Китайцы на работу несут.
Солнце садится за рекой Хуанхе,
Китайцы с работы идут.
Горсточку риса в желтой руке
Китайцы с работы несут.

– Не батька строил, не сыну жить, – так говорит Костя о нашей жизни.

– Раньше строили... У! Эх, как строили! – Костя собирает ладонь в кулак и пристукивает по столу. – Отца раскулачили знаешь за что? Ни за что не догадаешься. Не за богатство. У него все богатство – десять детей. Раскулачили за то, что коммунарам не давал спать. Он с пяти, с шести в кузне, горн разогревает и стучит. А они с вечера дела обсуждали, заседали, напились, им спать надо, он стучит-гремит по наковальне. Эх, а стук был! Веселый звон по деревне. Входишь в какую деревню, там глухо – ни колоколов, ни наковальни, глухо, сердце жмет... Коммунары были по прозвищу Дубаки – братья, Фока, Давыд, все плуты первеющие. Отец еще шорничал, шлеи, хомуты, мы валенки валяли, как без этого? – все коммунары зачли, записали в кулаки, отец ночью бежал, а за нас был спокоен, мы двое сыновей были призывного возраста, девки не в счет. Брат работал на полуторке, в ней и уехал в армию, на ней в войну под Смоленском подорвался, наехал на мину. Было у нас пятнадцать овец, рига, четыре лошади, но семья была огромная, деды с

нами и бабки, уж не работники, а рты. Меня война застала в армии, прошел всю войну, домой, там на лесозаготовки в Архангельскую область, Холмогорский район. Хлеба совсем нет, овсянка и треска. Без трески в животе трещит. А почему туда поехал – на лесозаготовки в другую область посылали с паспортом, в своей – по справке. Вернулся с паспортом, в колхозе хоть помирай, все порушено. Я к сестре, сюда. Здесь прописали, военкомат помог, по заявлению сестры – муж инвалид. Безрукий, дров надо, то, се. Безрукий, а пил! Я пожил, пожил у них, женился. Жили впятером на девяти метрах. А!

Костя включает телевизор, информация идет из него устрашающая: катастрофы и войны, и Костя вставляет после каждого сообщения как припев к песне: «Суши сухари». Также он весьма полемичен и находит, что сказать каждому оратору, когда, устав от угроз программы «Время», переключает на репортаж из говорильни, то есть из какого-либо парламента, союзного или поменьше, Костя не видит в них разницы. Как парламентареры ни прячутся за дымной завесой иностранных слов, от Кости им не уйти. «Парламентареры, – говорит он, – это те, кто в войну шел сдаваться на переговоры. И тут только разница в том, что не сдают честь по чести, а продают. И этим гордятся. Ишь, зараза, воду пьет, небось, лопал вчера, – говорит он тучному депутату, – ишь, лоб вспотел, похмелье выходит. – Другому, кажется, самому президенту, приносят стакан молока или кефира, чего-то белого. Костя сурово спрашивает:

– А ты корову с утра доил?

И так далее.

Но что с нас с Костей взять – мы старики, нам уже ничего не нравится, нам ничем не угодишь. Но нам и угождать не надо. Не нам одним ничего не нравится, да

кто нас слушает, кому мы нужны, кто с нами считается? Какой наш протест против повсеместного бардака в стране? Побрюзжим у телевизора, вспомним детство трудовое, золотое, да и поползем по лежанкам. Ну я еще, может, если очки найду, то чего-нибудь почитаю. Костя чтение презирает.

Беда, прямо беда. Нас, любящих Россию, никто не слушает, а депутаты давно и прочно заняты собою, интригами, политикой, льготами, им заткнули глотки, ждатель от них чего-либо уже и бессмысленно. Получается, депутаты пришли к власти на обмане людей, обещали бороться с привилегиями, а сами, дорвавшись, стали хапать пятеро против прежних.

А ведь всем помирать. Вот этого-то как не поймут? И хапают, и хапают.

Опять мы сползлись, сидим в любимом своем месте в предбаннике, обсуждаем опять политику. Как мы от нее ни отплевываемся, она, как гнус в тайге, ползет из каждой щели.

– Я бы вот этого на место Рыжкова поставил, – говорит Костя, – лысый такой, он еще академик. Да ты, наверное, знаешь, я о ком.

– Не знаю и знать не хочу, – отвечаю я. – Не верю никому, сколько я верил, пока понял: верить даже себе нельзя, только Богу.

– Нет, – говорит Костя, – этот бы академик потянул. Академик, ты что! У него даже, наверное, высшее образование.

– Да хоть и три высших, толку не будет. Не будет. Будут хапать, пока ничего не боятся. А чего им бояться? Да им в камеру и коньяку принесут, и телевизор поставят, и телефон протянут, а! – я машу рукой, какая мне разница, как живут советские мафиози в советских

тюрьмах, да и не сидят они там. Это нас с Костей можно за десять кирпичей посадить или за ведро гравия, а миллионщики живут иначе.

– Ну вот сам подумай, – рассуждаю я вслух, – вот эти, сытое ворье, вот эти купленные-перекупленные горлопаны, вот неужели они думают, что это жизнь: пожрать, золота нагрести, яхту купить, десять машин, виллу, и что? Фонтаны заведут, лакеев, блядчонок нагонят, музыкантов, и что? Надо ведь охранников, убийц наемных. И все друг друга ненавидят, все повязаны, все подельцы, все у куска. А какая короткая жизнь, Господи Боже мой. Нет, не люди они. У куска только свиньи и собаки живут, людям надо делиться. Вон я кусок сыра мелко не раскрошу, как начнут синицы у него ссориться...

Костя, как обстоятельный тугодум, видимо, прокручивает академика с высшим образованием в своих мыслях и соглашается со мной:

– Да пожалуй, что и академик толку не даст. Нет, выход один – нужен батька Сталин, нужен. Хоть на неделю.

– Нет, – не соглашаюсь я, – мы с тобой об этом сотни раз говорили – ничего страхом не сделаешь.

– Сделаешь, – говорит Костя. – В Германии сделали. Я сам видел: за безбилетный проезд вывели и расстреляли.

– Костя, ты выдумал.

– Я выдумывать не могу. Пойди, проверь. Съезди для интереса в Германию, там есть кто-нибудь, чтоб без билетов ездил? То-то.

Наступает пора кормить кроликов. Бредем в сарай вместе.

– Такая скотина, какой не бывало, – всегда хвалит Костя кроликов. – Год не корми, год будет молчать. И шкура, и мясо, и шерсть. Я двести кроличьих шуб сделал и

пятьсот шапок. А если бы так не я один? Даже ленивые могут выращивать, хлев дырявый, а кролики холода не боятся, воды лень натаскать – снега накидай, нет, даже и кроликов лень выращивать! Последний атомный век.

Костя так часто выражается – последний атомный век. Еще он говорит: «Жили деды – не знали беды; вы поживете, внуки, – хлебнете горя и муки».

Кролики тихонько грызут стебельки сена. Клеток в сарае – целые небоскребы, но обитаемы немногие: у Кости уже нет сил держать много.

– Скотина не виновата, что хозяин дурак, – рассуждает Костя. – Вошь заведешь, и то кормить надо. А тут кролики. Вошь держишь, и то чешешься. Ох, в войну их было, трясешь нижнюю рубаху на пол, под ногами трещат, как семечки. А летом кладешь гимнастерку воротом в муравейник, тут муравьи начисто, лучше прожарки обрабатывают, Один цыган мне говорит: «Белая вошь – хорош: наестся и спит, а черная блоха – плох: наестся и скачет». Пошли посидим.

Идем к Косте в дом. Он живет с семьей дочери, с Валец. Семья – муж Сашка и сын Володя, Вовчик, как зовут его друзья. Он переболел в детстве и отстает в развитии. Учительница ходит заниматься с ним на дом. Дом Кости огромен, это бывшая церковно-приходская школа, затем просто школа, в ней покойница жена Кости работала уборщицей, они жили все на кухне. Потом школу перевели, дом Косте продали, и у них у всех по комнате: у Кости, у Вали с Сашкой и у Володи. Но всегда все сидят вместе на кухне, там день и ночь работает телевизор, там бродят под ногами кошки и играет с ними очередной щенок. На улице живут две собаки – Шарик и Бим. Их сегодня, по случаю мороза, пустили погреться. Щенок Джек кидается ко мне, облизывает снег с валенок. Костю

он боится, Костя может пнуть. Хотя сразу скажу, что кто же, как не Костя, приучил дочь к такой сердобольности – тащить всех выброшенных котят и щенков в дом? Кошек три – Катька, Муська и красавец кот Богдан. Он из чернобыльской зоны. Так сказал подаривший его офицер. Кот сиамской породы. Говорят, они злые. Но Богдан в доме у Кости стал ручным и добрым.

– Молчи, и будет тебе Царство Небесное.

– И русский народ молчит

Костя рассказывает о своем отце. Именно он сказал эту фразу в 30-е годы. Костя сидит, понурясь, распространяя вокруг себя дымную завесу. Вскоре из дыма слышится любовная частушка:

– Все картошка да картошка,
Я склоняю голову.
Принеси, милашка, мяса:
Погибаю с голоду.

Далее общественно-политическая:

Горбачев на мавзолее
Правой ножкой топает:
– Выходи, товарищ Ленин, –
Перестройка лопают.

Далее воспоминания юности:

По деревне мы идем,
Дождь гармошку мочит,
Председатель под окном
Нос подпилком точит.

Далее следует сильно непечатная частушка даже в условиях тотальной гласности, хотя начало ее блестящее, на грани афоризма: «Целоваться – не работать: голова не заболит...», а вслед за ней Костя переходит на публицистику. Маханием рук он проделывает окошко в дыму, показывается в нем и сообщает:

– Гибель России началась с телевизора. Он ее загубил, и он ее мертвую показывает. А Русь, учти, была непобежденная никем: ни немцами, ни татарами, ни шведами, ни монголами, все нападали, была крещена огнем, крещена мечом, крещена крестом, но не крещена... плечом, надо было ее подпереть. Надо вырастить картошку и собрать урожай, тогда выживем... Россия ты, Россия, до чего ты докатилась: топтала Париж, парле франсе, топтала гутен морген фри, нос утри, топтала озеро Хасан... тихо, прибавь!

Я прибавляю звук в приемничке. Костя как ни возбужден топтанием разноязычных врагов, а расслышал любимые слова и звуки. Он даже забывает прибавлять дыму, слушает, качает головой, а на словах: «Стоит один, бедняжечка, как рекрут на часах» – взрыдывает. Косте так хорошо, что он ударяет кулаком по крепкой столешнице и кричит:

– Наше дело крайне правое, мы победим!

– Ты с кем это радовался жизни с утра? – спрашиваю я.

– Вот, – показывает Костя по-прежнему стиснутый кулак.

– За что?

– Это не угроза, – успокаивает Костя. – Это проверка. Пили немец и русский. Немец выставил перед собой палец и говорит: «Вот как будет вместо одного пальца два, тогда перестану». А русский показал ему

кулак и говорит: «А я буду пить, пока кулак смогу разглядеть».

– То есть ты пока кулак видишь?

– И каждый мизинец, – отвечает Костя.

– Так пойдем, чего-нибудь поделаем.

– Нет. – Костя освежен звуками. Вновь следует беседа, в которой Костя перемежает воспоминания с любимыми песнями. Вспоминает фронтового писаря Абрама Затычкина, песню «Хуторок» с действительно незабываемой строкой: «И как глазом моргнуть – растворилась изба», вспоминает помногу фронт. Как немцы взяли в плен одного среднеазиата, но на каком бы языке его ни спрашивали, он отвечал одно: бельмес, бельмес. Тогда немцы отправили его обратно, приписав на листке, данном пленному в руки: «Забирай обратно и корми, Сталин. Нам не язык и тебе не боец». Я сомневаюсь в подлинности имени и фамилии Абрама Затычкина, но Костя клинически неспособен переиначивать факты жизни. Был такой писарь Абрам Затычкин. И он обещал Косте вписать Костю в наградной лист, как будет случай. Обещал тогда, когда их с Костей отправили на химсклад проверять противогазы.

– Майор был, звали Хим-дым. Приказал проверить. Натянули у склада палатку, напустили дыму. Надеваешь противогаз,ходишь, дышишь. Если дышишь – годен, если задыхаешься – в сторону. Абрам мне противогазы подает, я нахлебался дыму, слезы текут, глаза режет, мать честная! Сели перекурить, думаем, а чего это к каждой сумке карман и в нем ампула с жидкостью? Это если попадет иприт, протирать. Нас учили: иприт обжигает, значит, это охлаждать. Думаем, что охлаждает? То, что испаряется. А что быстро испаряется? Конечно, спирт. Давай попробуем. Набрали этих ам-

пул целую пилотку, набили, наколотили в кружку, развели водой. Немного потемнело. Я травы пощипал на закуску, посмотрел последний раз на деревья, на небо и хватанул. И все во рту у меня и в горле, и в желудке стало каменным, все сковало. Я еле рот разодрал, аж хрустнуло, воздух хватаю, хватаю, он говорит: «Ну как?», я пальцем маячу, мол, подожди. Он глядит, а у меня язык белый, в инее, он глаза расщеперил, я понял по нему, что мое дело капут, но догадался воды залить, голову назад отодвинул и как в радиатор залил... Отошел. Тут и писарь раздухарился, правда, развел пожиже. Нас Хим-дым застал, хоть языки уже и не белые были, а все равно не шевелились. Так я и не попал в наградной лист. А противогаз я никогда не носил, как сумка болтался, сухарей наложу. О! – вдруг чего-то вспоминает Костя и идет на крыльцо.

Оказывается, готовя старую баню к сносу, он обнаружил на ее чердаке огромную картину – русалки на берегу озера, а по озеру плавают лебеди. Кругом деревья и цветы. Большая и красивая картина. Костя торжественно дарит мне ее, мы советуемся, где ее укрепить. Стен у меня мало, Костя предлагает сюрреалистическое решение – прибить к потолку на террасе. Находим маленькие гвозди, притаскиваем табуретку, я лезу на нее, Костя руководит снизу. Руководство ему не мешает рассказывать, что в Англии изобрели искусственную корову, а про корову он вспомнил, заметив, какая на картине зеленая трава, и вот бы на нее выпустить погулять коровку. И вот, англичане изобрели корову, аппарат такой, в него загрузили весь коровий корм, и пошло молоко. Только пить нельзя, а так совсем как настоящее.

Картина прибита, и на нее нами снизу, так сказать, посредством задиранья головы, полюбовано. Взгляды

наши встречаются. Мы молчим. Но нам все ясно – такая картина так просто не увисит, ее надо закрепить еще кое-чем помимо гвоздей.

– Вот было три друга... – начинает Костя.

– Буран, метель и вьюга? – продолжаю я, и в моем продолжении понятно, что я понимаю Костю.

Но он не хочет упрощать некоторые моменты жизни.

– Было три друга, и они договорились, что об этом самом... понимаешь?

– Ну?

– Чтоб ни слова. А охота. И вот, они сидят, один так в ладоши хлопнул, крикнул: «Эх!» Другой тут же подхватил: «Да, хорошо бы». А третий говорит: «А я бы сбежал».

– Ты хочешь, чтоб я был третьим?

– У меня есть, – отвечает Костя.

Но такое стоит солнце, такие весенние мартовские снега, так полощется, сверкая, оборванная прозрачная пленка теплицы, так вытает и вздымается дорога, так весело кувыркаются щенки на последних сугробах, так вдруг обозначается присутствие птиц, так вдруг возникает шуршащий звон съезжающего с крыши льда и снега, такая голубизна сквозь поднебесные ветви лип и тополей, что мне очень не хочется, чтобы Костя, да и я омрачили такой день пьянкой. Тем более обоим нельзя, тем более Костя дал очередной зарок не пить больше никогда, ни разу до окончания жизни, тем более все остальное, и так далее. Можно и чаю попить. Что мы и делаем. Единственное, что невольно вырывается у Кости, это то, что, вздымая чашку с чаем, он вначале порывисто подает ее вперед, ко мне, как бы навстречу чоканью.

– Ехали два кума. Оба жадные, – рассказывает Костя. – Вот заехали в столовую. Денег жалко. Взяли хлеба, чаю. Видят, стоит на столе горчица. Желтая. А не знают,

что такое. Спрашивают: «Можно даром?» Им отвечают: «Можно». «А что это такое?» Над ними подшутили: «Мед». Ну, первый зацепил чайной ложкой, съел. Глаза на лоб, слезы текут. Еле ожил. Кум спрашивает: «Ты чего?» Тот отвечает: «Я меду попробовал и бабушку вспомнил, так жалко, так жалко, такая хорошая была». Ну, другой кум полез столовой ложкой, зачерпнул с горкой, хватанул, тут уж вообще чуть не подох. Слезы ручьем. Первый спрашивает: «А ты-то чего, кум, плачешь?» – «Да я, – говорит, – тоже твою бабушку вспомнил. Тоже так жалко, лучше б она жила, а ты бы помер».

И вместе с тем есть какая-то неотвратимость, какое-то проклятие в том, что чем сильнее мы решаем не пить, тем все ближе грех выпивки.

Костя пьет чай с отвращением, бормочет частушки. Например: «Все работаю, работаю, таскаю кирпичи, от аванса до получки не хватает на харчи», или: «Как у тятки моего во дворе овечушка, девки звали на полати делать человечушка», или же опять вспоминает картошку: «Не зажгете сине море, сине море не горит, не у каждого колхозника с картошки...», и так далее. Потом изрекает, вспоминая изменившую ему с богатым бывшим уголовником проводницу: «Хрен без глаз, но он все видит».

– Чего ты все к хрену да к картошке привязался, – говорю я, – нам уже туда, вниз, пора, а ты духаришься. Я сегодня в сберкассе за дом платил, заполняю квитанцию, пишу адрес и адрес забыл. Какой тут хрен?

– Русский язык без мата что справка без печати, – изрекает Костя, – а памяти у тебя не стало – давно подшипники не смазывал, уж позеленели.

Я пытаюсь притвориться дурачком непонимающим, но бес под руку толкает, я разбиваю чашку. Естественно,

Костя говорит, что это к счастью, и предлагает перебить вообще всю посуду в доме и утром проснуться на черепках, зато счастливыми. И снова я сижу Ваня Ваней, избражая вековечную трезвость, но Костя успешно ведет среди меня разрушительную пропаганду,

– Америка во всем виновата, а еще до Америки виновата Испания. Она открыла Америку, но она же ее и закроет. Нет, Россия закроет, она породила, она и будет, как Тарас Бульба – породил и убью.

– Россия-то убьет?

– Надо бы, – заявляет Костя. – Сколько можно терпеть? Россия – терпичная страна...

– Терпеливая?

– Сверх нужного! Зашли мы в Польшу. «Пан, где туалет?» – «Нема, нема». – «Как нема? Без туалета живете?» – «Герман, все герман забрал». – «И туалет герман забрал?» Тьфу! – плюет Костя. – А пришли в Прибалтику, на нас старухи показывают пальцем: курат, курат, то есть черт, черт. Тьфу! А брали Прагу, чехи явились к Коневу: не бомбите, не обстреливайте, жалко архитектуру. И брали только пехотой, и сотни тысяч положили. Пусть десятки. Теперь объявляют: русские ни при чем. Могилы загадили, с-с...

– Не матерись!

– Вынуждают.

– Кто?

– Все. И правительство, и соседи! Эх, перестройка – мать родная, Горбачев – отец родной. На хрен мне родня такая, лучше буду сиротой. Вот ты мне ответь на вопрос: когда мужик строит новую избу, он где живет? На улице? Нет, он живет в старой избе и не рушит ее до основания, а рушит, когда входит в новый дом. Или вот баня, будем с тобой строить. Мы же не будем жить гряз-

ными, мы будем мыться в старой. А посмотри вокруг и вообще представь, – Костя разводит руками, включая в разговор всю окружающую действительность, – все переломали, все бани переломали, мыться негде, народ грязнуший, правители из грязи не вылезают и кричат: идем правильным курсом, а глаза промыть негде, чтобы на дорогу посмотреть.

– Но надо же уважать правительство.

– Надо. Только то, которое не врет. Царь не врал. Убили царя, и погибла Россия.

Костя мрачно закуривает

– Всем русский Иван поперек глотки, а почему? Сами дураки. Жили бы себе, жили, нет, давай в колхоз!

Но и о колхозах я слышал десятки раз, и сам могу кой-чего о них рассказать, да и что толку с наших разговоров. Я машу рукою, что означает: плюнь, сосед, не расстраивайся.

– Повестка мне пришла... – начинает Костя, я перебиваю вопросом:

– Мамаша в обморок упала с печки на пол, сестра сметану пролила, так? – это я вспомнил песню о повестке в армию.

– Повестка на вставную бесплатную челюсть как ветерану. Я не пойду.

– Почему?

– Скоро на тот свет, кого мне там кусать?

– А ты не помирай, живи в деда, ты ж говорил: дед сто четыре года жил.

– Так что он ел, что пил? Сейчас земля на три метра ядом пропитана – до мертвых добрались. Зубы! Жена зубы вставила, так и похоронили с чужим железом. Мне остатки зубов рвали без заморозки. Выдрали, в рот ваты

натолкали: иди. Я пошел и слова не сказал. Зубы! Чего кусать? Скоро траву будем жрать, а сухари можно размочить. Не пойду! Включи телевизор.

Я включаю, но очень неудачно: по всем программам идет «экономическая» трепотня, даже иностранный язык преподается на фоне прилавков и графиков.

– Валюта! – говорит Костя и плюется. – Рубль в конверте (он имеет в виду бесконечно склоняемый конвертируемый рубль), тьфу! Долбаки плешивые. Отец говорил: дают зарплату, мужики золотыми монетами не брали, говорили, мол, скользкие, прыгают, как блохи, дай бумажками. Дожили! Синтетику носят, лен Америке отдают, этим кофейникам, шоколадникам,дохнут от синтетики, пусть бы те дохли, кто изобрел, а Россия лен бы свой носила и не изнасила бы. Лен растет, утром раскрывается, поглощает солнечные лучи, дождик идет, дышать легко – вот золото! А конопля в садах – ни тли, ни плодоярки, яблоки все целые. Мак расцветет – у-у! – и никакой наркомании. – Костя разошелся, круг его критики расширяется. – Пивные закрыли, стали одеколон пить, аптеку жрут, людей сейчас больше мрет, чем в войну. Сталина ругают, а Сталин трудягам давал жить, цены каждый год снижались. Молодец был, много не болтал, не то что эти пустомолоты. Довели народ – призывников в армии служить арканом ловят, какой из него вояка? Партий развелось – все пишут друг на друга, бумаги нет, жалуются. Не печатайте свою трепотню, вот и бумага. А эти, – Костя доходит до особенно ненавистных ему спортсменов, – хоккеисты! Штанги поднимают, гири – ты иди стога метать. Ты иди с утра полгектара травы махани – будешь с сеном, будешь с молоком, будешь с маслом. А сейчас уже и из нефти масла не остается. Я ж тебе говорил, у нас два сорта масла, или не говорил?

– Какие?

– Бакинский и тюменский. Если мажется на хлеб, значит, из Баку, если крошится, значит, из Тюмени, замерзло. Надо утюгом намазывать. Сейчас в Баку нам кукиш показали, а в Тюмени работать некому. Мне вот охота с Распутиным поговорить, он все понимает. Я бы ему рассказал, как Ангару раз с самолетов бомбили, он ведь с Ангары. Пошла шуга, потом мороз, Ангару расперло, бомбили. Тогда мороз был, о! Аж сейчас передернуло. Все ларьки на станциях перемерзли, я выскочил в Иркутске в одной рубаше, схватил в киоске бутылку, она как кусок льда, весь околел, в вагоне бутылку трясу, водка замерзла, лед кристалликами в ней, как колокольчики, динькает. Я вытряс в теплый стакан, стакан весь инеем покрылся, взялся за него – отпечатки пальцев остались. Выпил, холод в животе, во все стороны иголками колет. Потом как печка внутри.

Рассказывает Костя так живописно, что вопрос о выпивке становится делом естественным. Вскоре сидим, погибаем. Костя учит меня брать руками соленую капусту, учит не теоретически, а собственным примером, запивает из ковша, и снова мы говорим и говорим, а разговоры наши все о том же, все о России, как же так получилось, что она дошла до такого позора, что спички по талонам дают? Дошла или довели?

– И так, и так, – отвечает Костя. – Ты в историях по колению ходишь, а я в них по горло сажу. Тебе за три года не переслушать, что я пережил. Есть дураки в мере, а есть дураки безмерные, это алкоголики. Пьяный прямо свечку не поставит, пьяному одно хорошо – в крапиве спать, пьяных бойся хуже собак, пьяный любое может сотворить... – после такого обличения пьянства Костя оправдывает выпивку: – А почему пьем? Потому что

все отравлено, и надо дезинфицировать. Глотаем из воздуха грязь, копоть, газы, жизнь такая напряженная, везде Америка с жуком колорадским, везде химия, все в реку течет, там не только рыбы, там и змеи подохнут, вот попробуй тут не выпей. А я Россию подымал, строил жизнь, пилил тес продольной пилой, сама не пойдет, ее тянуть надо – с пупка сдернешь, я трудяга был, я верил, что все трудяги, но оказалось, что все в начальстве и все сидят на загровке. Теперь у всех глаза полопались, в телевизор уперлись, а пойти кроликов накормить – это им в тягость. А была жизнь, была! Костры горели, по реке венки плыли, сердце билось. Была Русь святая, стала проклятая. Где слеза милосердия, кругом анархия бюрократов, умерла Россия, и мы умрем, как мухи, без солнца. Нет хозяев у России, царство им небесное, а нас враги окружают без баррикад. Кто нас защитит? Я семь классов кончил, но у меня мозги светлее профессоров. Иди, землю вспаши, удобри, сделай ей благо, она откликнется. Была жизнь, липа цвела, пчелы летали, медом пахло. Надо воздать честь и совесть труду, а не ходить с тарелкой.

Это Костя начинает одну из тем, он не любит церковь. Он осуждает попов. Я защищаю. У Кости три условия к церкви. Вот если она их выполнит, он тогда в церковь пойдет. Первое: батюшка должен приезжать в церковь не на машине, а на лошади. Второе: церковь должна отапливаться дровами, и третье: в ней не должно быть электричества, а только тот свет, что от свечей. Сколько поставят, столько и свету. Попутное, но уже невыполнимое условие – это то, чтобы свечи были из чистого пчелиного воска, а не из парафина, не из стеарина, то есть не из нефти. Также он говорит, что есть три тунеядца: рыбак, охотник и поп. Рыбак ничего не

утопил, а в воду смотрит, охотник ничего не потерял в лесу, а ищет, поп не заблудился, а орет. Я защищаю, но безуспешно. Уж лучше нам не разговаривать на эту тему. Есть же и другие. Есть.

– Бог дал три ума: собаке, лошади и человеку. Остальным дал только понятие. Согласен?

– Согласен.

– Жизнь наша прошла в тумане. Туман рассеялся – шестьдесят два года трудового стажа, и жить неохота. Да! На этом свете будем пить, на том опохмеляться.

Какое-то время Костя интересный собеседник. Но, может, так можно и обо мне сказать. Когда через час мы расстаемся, запоздало понимающие, что вышли из строя жизни дня на два, на три, то я печалюсь, а Костя поет: «В союз нерушимых, голодных и вшивых загнали навеки великую Русь». Это, наверное, не очень красиво со стороны – два старика, явно поддавшие, идут по тающей дороге.

Я возвращаюсь в дом, распахиваю дверь, выветриваю табачный Костин дым. В голове крутятся обрывки разговоров, крики Кости о том, что он был террористом, что был во Франции, Америке и Финляндии, что занесли его туда судьба и волнения. «Я во Франции погиб героически, мое звание было капитан, меня сбил финский самолет, он потом при мне упал в море», – так кричал Костя. Еще вспоминается, как мы спорили, почему не завелись танки Гудериана под Москвой. Я вижу в этом вмешательство сил небесных – ударил мороз, а Костя говорил, что у немцев бензин на воде, его возили как гуталин в банках, разводили в воде, вода замерзла. А потом шла вечная тема деревенского детства; Костя всегда вспоминает жеребца Карого, которого загубили в колхозе. Когда Костя перепивает, а сегодня это и случилось, он ржет,

как когда-то Карый. Ржет и плачет. «Проснусь и плачу. Крикну, бывало: “Карый!” – он летит стрелой!» Потом опять его заносило в бардаки Парижа, где он чуть не женился, ну и так далее.

Поп взял в жены комсомолку.

Ни хрена не будет толку

Просыпаюсь от песни, которой никогда не услышать по радио, хотя теперь по радио и не то услышишь:

– Деньги есть – и девки любят,
Рядом спать с собой кладут.
Денег нету – хрен отрубят
И собакам отдадут.

Конечно, это друг дорогой, Константин. Издалека слышно. Вот он на веранде: «Прихожу я на вечерку, девки семя шелушат. Попросился на колени – посадили на ушат».

– В коммунизме живешь, – говорит Костя, садясь на мои худые ноги и этого не замечая. – Двери нараспашку, заходи, гуляй.

Да-а, хорош я был, упал, как спиленное дерево, и ни калитки, ни дверей в дом не закрыл. Костя меж тем, таинственно помахав пальцем, закуривает.

– Я два раза был на том свете. Один раз в аду, один в раю. Рассказывал?

– Нет. Пересядь на стул.

– Значит, пока не в гробу, чувствуешь, – Костя пересаживается. – Вот. Жизнь мелькнула в тумане, не заметил даже и зореньки на небе, стучала меня жизнь обухом по голове, выбивала мозги. Да! Жизнь – это соломотряска, все вытрясет, оставит солому. У нас солому

в могилу бросали, подстилали, а у вас? Эх, вятский ты осинник, а я смоленский дубинник. Умный ты человек, хороший ты человек...

– ...А дать мне нечего?

– Как это? – Костя снова делает магический знак скорого исцеления: – Жил не житель и умер не родитель. Но только не жгите меня в крематории. Ум мой этого не вытерпит. И бочка обручи терпит до поры до времени. Если обручи через силу набивать, то они лопнут или бочка не вытерпит... Сейчас по радио слушал: растают все айсберги, растает Гренландия, и нас затопит. Но затопит нас не океан, а затопит нас горе народное. Да! Где в Москве самый высокий дом? Не знаешь? Самый высокий дом в Москве – на Лубянке, оттуда Колыму видно. Эх, русская мова – молчи, ни слова!

– Слушай, – я хоть и с трудом, но вспоминаю его обещание рассказать, как он был в раю и в аду. – Как это?

– Было! Пошел в баню, взял банку денатурата, засади, а дальше не помню. Просыпаюсь, свет горит, лежу голый, потолок черный, ну точно – в аду. Еле встал, сообразил, плеснул на каменку, чуть подшипело. Оделся – домой, всего трясет. А другой раз был в раю. Зять работал на заводе «Спиртолаки», ну, он понимал, что пить. Пошли с ним, он говорит: давай пойдем к другу в теплицы, совхоз «Первое мая». Пошли. Луку нащипали, укропу, петрушки. Рванули по стакану, зять говорит: куда ты пойдешь, отдохни тут. Больше ничего не помню. Просыпаюсь – свет горит, я лежу в кудрявой зелени, ну в раю и в раю. Да-а, думаю: прощай, родина, завел новую. А оказывается, ночь прошла. Зять домой ночевать ездил, но утром как штык, явился с опохмелкой.

– А ты уж не с ней ли сейчас? Я-то проснулся ни в аду, ни в раю – а в России.

– С опохмелкой, – Костя кричит, жалуется на ноги. – Эх, дурень я старый. Пью два дня, потом три дня не ем, на еде экономлю. У меня жена, покойница, была партийная, ругала меня за пьянку. А я ее за взносы. Говорю: отдала ты взносы – и с концом, а я выпью, у меня хоть башка поболит.

По радио передают уроки классики. Но какие-то странные уроки: передают не совсем классику, а что-то винегретно-салатное, какую-то крошку из знакомых звуков, разбавленных чем-то. Потом выясняется, что это были не просто Бизе, Малер, Шуберт и Чайковский, а еще и обработавшие их Шнитке, Щедрин, Денисов и Стравинский. То есть: с клена падают листья ясеня – ни хрена себе. Это можно дописать за Толстого, и будет Иванов-Толстой, «Хаджи Мурат-сюита»? Такие соображения я излагаю Косте.

– Сюита! – говорит Костя. – Я видел сюиты! Я видел таких скорпионов, что посадишь их в круг, по кругу нальешь бензина и подожжешь. Скорпион побегаёт-побегаёт, поймет, что выхода нет, и себя жалит, себя убивает. Да! Жизнь моя – похождения ветерана войны и мира. Дурак был всю жизнь, дураком живу. Да! С вином мы родились, с вином мы умрем, с вином похоронят и с пьяным попом. Все – всему миру будет крах. Крах! За то, что живем ахом, махом пойдет все прахом. Ду-ра-ки! А дураков бьют и в бане, и в церкви. Россия ты, Россия! Пропала ты, Россия! Сухарь стал дороже золота.

– Это-то очень хорошо, – говорю я. – Будет хлеб – будет жизнь, а будет золото – будет смерть. Где деньги – там кровь. – Костя выучил и меня говорить афоризмами.

– Да, – отвечает Костя, – пока не возьмемся за ручки плуга, нам всем будет очень туго. Надо посылать всех с митинга на картошку. Да!

Костя отлично знает, где у меня что стоит и лежит. Гремит посудой, высказывает желание подать опохмелку в постель. «Костя, это разврат», – говорю я и прибредаю сам. Сидим. Костя косеет на глазах. Может, так и ему кажется про меня.

– Да! Когда народ слезами оплачет кровь, когда народ поймет жизнь смысла...

Приходит зять Сашка, выпивает о нами, начинает кричать на Костю.

– Сталин экономику за счет эзков поднял! Мы прав своих не знаем! Реформа денег проведена неправильно! Ваше поколение юридически безграмотно! В Италии вон из комиссара друшлаг сделали, а почему? У них мафия везде, они так и говорят! А у нас мафия еще более везде, а нам показывают мафию в Италии...

Я боюсь, что они расцапаются, как уже бывало, и выманиваю Костю на улицу. Выманить легко: у нас все кончилось, надо искать. Выброедем на вытаявший асфальт. Церковь отдаляется от нас, на нее стыдно поднимать пьяные глаза – до того она хороша, золотые купола вплавляются в небо, вся она, как расписной корабль с парусом колокольни, стремится к востоку. А нас с собой не берет. Так нам и надо, пьяным рожам. Стоим, качаемся, как тонкие рябины. К какому нам дубу перебраться? Потом ноги приносят нас к... Чернышевскому. Так мы зовем еще одного пенсионера, Николая Гавриловича. Он знаменит тем, что был великим мастером, делал металлические рубли, делал так искусно, что не знал проблем с выпивкой, да и много ли стоила тогда выпивка, это сейчас с рублями пропадешь. Попался Чернышевский и загремел на три года. Он любит рассказывать про эти года. Мы застаем его в тяжком раздумье о жизни, сидящим на крыльце рядом со старой-

престарой рыжей собакой. Нас она, естественно, знает, нам даже и хвостом не надо махать. Коля все понимает, принимает от нас законные пенсионерские бумажные деньги, в пять минут с их помощью приватизирует натуральный продукт, фабрика рядом, у соседки. И вот мы сидим на теплой террасе. Теплой ее сделало все то же мастерство Коли, он ее утеплил, вывел один из радиаторов отопления наружу. На столе книга «Абай». Костя, никогда не читающий, хочет немедленно ее прочитать, Коля не дает.

– Потеряешь.

– Я? Я совесть еще не потерял, чтоб книги терять. А ты знаешь, кто «Даурию» написал?

– Знаю.

– Кто?

– На что спорим?

– Не знаешь.

– Константин Седых, ядрена мать-конташка, вот кто! Да я три года к библиотекарше ходил, и чтоб я не знал. Я Золя и Стендаля знаю; она женщина культурная, ей надо было начитанного, я и начитался.

Костя посрамленно поникает. Коля принимается за любимые тюремные воспоминания.

– На сортировке сидел, приезжают из лагерей, в нас роятся, всем же специалисты нужны. Плотники, слесаря, да чтоб шестого разряда, да чтоб срок средний. Вишь, если срок большой, плохо эки работают. А если маленький, тоже плохо: только втянется – отпускать. А у меня же золотые руки, меня чуть не разорвали. Привезли в Мелекес, но это я не знаю, царское или советское название, я не знаю как сейчас, тогда был Мелекес и шесть атомных реакторов. Там материалы не мерили, не вешали, не считали, не учитывали. Я там столько пропил и продал, что

меня можно было еще на пятнадцать лет сажать. Там пожары каждый день, там сварка аргоном, газовая сварка, автогеном, там этажей десять, строили леса полгода – в ночь спалили. Там, о! Там жили правильно. Заказывали с шофером ящик водки, ящик коньяку. Да еще кто и ломается: у меня с коньяку изжога, привези портвейнчику. «А какой колбасы?» – «Да надоела сырокопченая, вези диетической». Вот как жили. В столовую я не ходил, вернулся из заключения, харя – во, как с курорта. Там мастера были, мне еще до них колупаться и колупаться, из подшипника бритву делали, без мыла брились. Такая безопаска, не надо затачивать. Кольцо от подшипника разогреют, разогнут, расплющат, заточат, что ты!

– Немцев люблю и уважаю, – это Костя поднимает голову. – Экономная нация. Гитлер ручку медную со своего кабинета лично отвинтил и сдал в фонд обороны, открывал кабинет без ручки. У них все отходы отдельно: кости отдельно, железо отдельно, тряпки отдельно и все остальное. Побрился – лезвие сдай, получишь новое. А у нас шестая часть суши и порядка нет. Подымайсь, батька Сталин! Мы родились, чтоб сказку сделать былью, чтоб задавить змею! Змея жалит – жало не чувствуешь, но потом опомнишься. Бьют нас исподтишка и называют это перестройкой.

Мы долго прощаемся с Колей. Костя поет: «На прощанье шаль с каймою ты на мне уздой свяжи», потом они перебирают окрестную родню и решают, что они тоже родня, ибо «когда ваш плетень горел, мой тятка руки грел», потом следуют Костины изречения: «Жизнь – это борьба, а борьба – это жизнь», или снова: «Жили деды, не знали беды, вы поживете, внуки, хватите горя и муки», потом рассказывает про Марсель и Париж. Я скоро поверю, что он там был.

Расстаемся.

Через полчаса Костя приходит и просится на ночлег – разодрался с дочерью. Он валит на нее, но я знаю, что он и сам здоров приставать по пьянке. Костя показывает синяк на руке – дочь ударила костылем, – требует вызвать милицию. У него там есть знакомый милиционер. Я еле его укладываю. Как только уложу – требует вести домой. Поведу – боится: убьют. Укладываю, рвется встать. Веселенькая ночь. Но, может быть, из-за постоянного напряжения и хлопот я к утру трезвею. Выхаживаю и Костю. Он не отпускает ни на шаг и заставляет меня насильно слушать

Историю о том, как полковник женился второй раз

История эта так прочно застряла в Костиной голове, что, даже многократно рассказанная, не хочет покидать уютное жилище, но высовывается всякий раз при разговоре о женской породе. Но так как о женщинах Костя говорит однопланово, как Даниил Заточник, то есть отрицательно, то история еще интересна и тем, что в ней появляется положительный образ советской женщины.

Итак.

– Один полковник, – начинает Костя. – Сядь, это надо знать, один полковник был в ОБХСС, или еще где, у него была «Победа», а может, уже «Волга», он был женат. У него была жена Дусенька и отдельная квартира. Дусенька была его жена. Вот он едет в командировку и возвращается, ему соседи говорят: в вашей квартире горел свет. Он едет в другую командировку, возвращается, ему докладывают: у вас свет горел всю ночь. Вот он сообщает: «Дусенька, я еду проверять работу

в другую республику на две недели». И как бы уехал. Вернулся – свет. Звонит – не открывают. Стучит, подает голос, она кричит: «Сейчас, Коленька, сейчас!» Он врывается, вооруженный наганом, шутишь, что ли, – полковник. Но никого нет. Но на столе не убрано. «Коленька, Коленька, были подружки, Марусенька, Ниночка». Он ищет, он же чувствует. Находит. Стоит в шкафу голый. «Кто такой?» – «Слесарь-водопроводчик». – «Становись к стенке, – подумал-раздумал: – Одевайся. Где живешь?» – «Там-то». – «Поехали». Жене говорит: «И ты одевайся во что хочешь». Она вышла в цигеечке, в туфельках. Машина у подъезда, полковник садится за руль, наган в руках. Того, слесаря, посадил рядом, жена сзади. «Показывай дорогу». Приехали. Заходят. Квартира полуподвальная. Жена молодая, но дворник. Еще дочь – девочка. Полковник спрашивает: «Это ваш муж?» – «Мой. Бродяга, кобель проклятый, кот!» – «Одевайся, одевай дочь, поедете со мной, ты будешь моя жена». А своей Марусеньке: «А вы, женщина, остаетесь здесь, с утра берете в руки метлу». Девочке семь лет. Так и увез. Привез, распахнул гардероб: все твое, предлагаю стать женой, дочь удочерю. А Марусенька с утра к адвокату. Тот в суд советует. Я на суде был и были полчища народу. Суд постановил: развести и оформить законом республики новый брак полковника. Все хлопали.

Честно выслушав и заверив Костю, что все запомнил, я засыпаю.

**Костя, помирившись с зятем и дочерью,
поет песню про матросенка**

И поет он ее лет шестьдесят. Давайте примерно подсчитаем, сколько раз он ее исполнил, если он поет

ее каждый раз, когда выпьет. А выпивает он непредсказуемо и часто, тут этому делу и повышение цен, и талонная система бессильны сопротивляться. Ханжа скажет: а почему бы вашему Косте не петь на трезвую голову? Он и пел бы, отвечаем мы, но только он денег за пение не получает, вот и поет. Он чувствует, что надо петь, надо сохранять народную песню, это как обязанность. И какие только различные стены не оглашались пением Кости. С помощью Кости выстояла песня. Названия ее он не знает. Вообще, я когда-то где-то слышал ее и запомнил две строки, которые Костя поет по-своему. Я помню, что героиня песни «сына бросила в реку и сама упала», а Костя не соглашается: десять тысяч раз он пел, что «крепко сына обняла и в море утонула». Приходится согласиться, в конце концов не принципиально, соленая вода или пресная, все равно конец ужасен. Думаю, сотни людей выучили эту песню, слушая Костю. Выучила, например, и дочь Валя и зять, начинает подпевать Вовка. Я хоть и не подпеваю, но слова запомнил. Костя созревает для песни как для драки, его надо задорить, да он и сам готов к этому, и ему важен любой повод, чтобы взвинтить себя, поднять к воспеванию, в общем-то, увы, частного житейского случая. Я прихожу, они сидят за столом, зовут, я сыт, сажусь в сторонке. Костя возбужден, но из своей нормы не вышел. Традиционно ругает порядки, партию и правительство, попов, молодежь, сельсовет и аэробику, соседей и американцев. Это так привычно от него слышать, что никто не возражает. Следует вопрос:

– Ты чего, не согласен? – это мне.

– Возмущаться бессмысленно, – отвечаю я, – много чести аэробике, чтоб на нее нервы тратить. Возьми да не смотри. Ты лучше спой про матросенка-сына.

– Верно, дед, – Валя зовет отца дедом, – спой лучше. Запевай.

– Эх, взять бы дубину, – мечтает Костя, – да вспомнить бы Русь святую. Пропала Русь, в могилу пала! Россия во мгле и тумане!

– Дед! Хватит дурью маяться! Запевай!

– Выключи! – требует Костя от зятя. Требуется ясно чего – выключить телевизор: высокое искусство не терпит оскорбления брехней политических комментаторов. Сашка ворчит и мычит, но не смеет послушаться: не тестя, а жену. И комментатор на словах: «Япония поставлена перед альтернативой» – навсегда проваливается в бездну мрака сереющего экрана.

Костя серьезнеет, преображается, устремляет глаза в одному ему видимое пространство. Знакомые образы открываются и оживают перед ним:

Плывет морячок по реке, аленькие губки.

– Возьми меня, моряк, с собой, еду в одной юбке.

Припев обязательно повторяется. За этим Костя следит с зоркостью сталинского сокола. История развивается:

– Если хочешь, садись, поедем со мною,
Я на юбку тебе дам, будь моей женою.

– Пойду к матери родной, попрошу совета:
Уезжаю с моряком на край белого света.
Мать совета не дает: «Брось любить матроса,
Матрос замуж не возьмет, только надсмеется».

Но, увы, горе, горе всем девицам, не слушающим матерей:

Не послушала она матери совета,
Уехала с моряком в край белого света.
Живет год, живет другой, тело все приныло.
На руках она несет матросенка-сына.
– Прими, мать, прими к себе, семья небольшая,
Матросенок будет звать: бабушка родная.
– Иди, дочь, иди туда, чей совет имела,
Ты совета моего слушать не хотела.

В этом месте Валя хлюпает носом, Сашка отворачивается, Костя клонит голову, мнет сигарету.

– Пойдем, сын, пойдем родной, здесь нас не примают,
Сине море глубоко, там нас ожидают.
К синю морю подошла, глубоко вздохнула,
Крепко сына обняла, в море утонула.

Каждый раз меня ошарашивает неожиданность финала, воспоминание в нем Кавказа и нерусских цветов:

На Кавказе есть гора, там растут тюльпаны,
Не любите моряков: они хулиганы.

Сашку так разбирает песня, что он достает припрятанную даже от жены посудину, опасно гремит ею о поверхность заставленного стола и объявляет:

– Убийство лысого в утробе, – и кое-чего добавляет.
– Саш! – кричит Валя. Она немного стесняется меня.
– Без этого, как справка без печати.
– Без чего?
– Без мата, – объясняет Костя. Лицо его заплакано, он очень жалеет, что песня быстро закончилась, что надо

снова пить. – И как справка без печати, и как шлея без хомута. А для чего шлея?

– Ну уж я-то знаю. Она не для красоты, а для того вот, когда телега под гору пойдет, так чтоб на лошадь не наехала, чтоб хомут на уши не полез, с лошади не снялся.

Гаснет свет, но у нас, у всех жителей Никольского, свечи всегда наготове, нас не испугаешь, сидим при свечах. Валя звонит на подстанцию, Сашка расплескивает. И какое же это проклятие лить в себя эту табуретовку, этот горлодер проклятый, кто заставляет? Костя ладно, он человек неверующий, но я-то знаю, что это грех, знаю. Но вот ведь что – есть же что-то в этой добровольной гибели, ну не бесы же подвигают к хорошим песням, душевному разговору. Да, до поры. А уж за краем, там – они. Они.

Костя впускает в избу собак. Вся банда четырех, как он ее называет, тут. Кто громко грызет кость, кто чавкает, доедая за кошками.

– Выпей, Шарик, за меня, – просит Костя и начинает чихать. – Все грехи прочихаем и спать поляжем. Чхи! Держут нас в хвост и в гриву, и некому сказать – чхи! – что это несправедливо.

Оказывается, выходят стихи. Пахнет горелой тряпкой. Обнаруживаем, что это у Кости горит рукав рубахи. Он хладнокровно в этом убеждается и говорит, что надо пожарников вызвать. Плюет на горелое место и сообщает, что пожарники приехали быстро.

– Сирота я, сирота, без отца, без матери, нету, нету к сироте ни от кого симпатии. Ешь капусту, – говорит он мне. – Эх, капуста моя, рассадушка! Да! В конце двадцатого века сидим при свечах. А скоро будем при лучине. Догорела лучина, догорела и Россия. Когда, – он ударяет по колену кулаком, кошки и собаки сыплются в разные стороны, – когда проснется честь и совесть без взяток

и придасток, когда? Покупаешь из дерьма дерьмо и еще отдай пять процентов, дожили! Нельзя кошку баловать мышкой, пусть ловит сама, пусть...

– Дед, иди спать, – советует Валя.

– Пойду, – внезапно смиренно соглашается Костя, встает, утверждает на ногах и произносит: – А за эти за тяжкие муки в лазарет меня отнесут.

Стоит луна над Никольским. Звезды сыплются на заброшенное лицо. Как и не было жизни, все так же было вечность назад: снег и звезды, только я был молод, кутал ее в отцовское пальто, милую мою. Она была сиротой, приехала к нам в село. О, те ночи, разве будут они у нынешней похабной молодежи, какая чистота, какой полет времени и вечности над нашими головами, какие губы целовали меня, мне ли страшно умирать. Господи, прости душу мою грешную, прости жизнь мою неразумную, прости слепоту мою нечаянную, спасибо Тебе за все: видел я и горькое, и соленое, видел страшное и грозное, видел гробы разверстые и кресты поваленные, видел измены и подлости, ругань и мерзости, видел церкви оскверненные, дома порушенные, пожары лютые, земли пустые, видел все. Все ли, Господи? Все пройду Тобою приказанное, все, дай только сил смотреть на гибель России, спаси ее, разве зря она столько выстрадала? А не спасешь, Господи, значит, так нам и надо. И некому больше спасти Россию, кроме тебя, Господи!

И хожу, и хожу из угла в угол. Наконец начинаю читать вечерние молитвы. Заканчиваю, гашу верхний свет, горит свечка. Но не может же быть, чтобы от нее было так светло. Оказывается, стоит над селом полная луна. Подхожу к окну, поднимаю занавеску.

О зимний сад при луне, о!

И больше – ни слова!

Мы разговариваем просто так

То Костя ко мне, то я к нему, так и ходим. Косте, как фронтовику, поставили телефон, он зовет, чтоб я приходил звонить. Но звонить мне почти некому. Прихожу без причины. Тянет. С кем же еще, как не с Костей, обсуждать прожитую жизнь. Куда она ушла, ясно – в тартарары, но зачем жили – непонятно. Непонятно также, почему все стало хуже. Именно все. За что ни взять: хоть за людей, хоть за животных, хоть за лес, хоть за поле. Воздух, и тот стал другим.

– Выходили, за три километра кричали: «Ива-ан!» – «Чего, Кузьма?» – «Дождь будет, надо скорей сено грести». Вот воздух был – прозрачный. А сейчас тяжелый, кричи не кричи – не слышно.

– Да, – поддерживаю Костю, – я ночью в мороз шел по Никольскому, как будто под пленкой шел, дышать тяжело, газовые колонки шуруют, котельные.

– Раньше, эх, раньше! – мечтательно произносит Костя. – Сильные были люди, палицами в сорок пудов бились.

– Да ну!

– Вот и да ну. Один у нас застрял на телеге в овраге, ударил лошадь – не тянет, тогда выпряг, телегу выволок сам, говорит лошади: «Извини, не сердись: сам еле выволок».

Ранняя весна. Пускаю ручейки. Приходит Костя, меланхолично смотрит на мое занятие, вспоминает пословицу про кота, которому нечего делать. А пословица, по его словам, не дуга, не согнешь.

– У тебя смотри, чтоб крыша не протекла, а тут вода русло найдет. А и крыша потечет, ничего, – тут же говорит он, – ложись в корыто, волной укачает. – Тут же он выдумывает: – У нас дед внука на печи держал, крыша

худая, ливни хлещут, он в корыте, внучонка в таз, баюкать не надо, плавают.

– Ты чего-то веселый сегодня.

– Анекдот Сашка рассказал. Едет президент, на встречу пожарная машина, столкнулись. Президент выскочил, кричит пожарнику: «Пропусти меня: у тебя в одном месте горит, у меня везде». Я что, у нас были такие говорки, соврут, не заметишь, в каком месте соврут. Евдокимыч был, приходит из лесу, говорит: «Лису видел, хвост три метра». – «Врешь». – «Ну два». – «Все равно врешь». – «А ты что хочешь, чтоб лиса была совсем без хвоста?»

Костя настроен весело. Он сегодня делал смотр строительным материалам, впечатление от смотра хорошее. Немножко надо кой-чего подтаскать откуда-нибудь, а так на баню набирается.

– Вот захотел старик с молодой на старости лет согрешить, уговаривает. А та к его бабке. Бабка: «Ох он, старый хрен. Ну ладно, ты с него возьми подарочек – зеркальце, и зови к ночи на погребню». Вот бабка нарядилась в ее платье, старик в темноте ее не узнал, говорит: «Эх, то ли дело – молодое тело». Домой вернулся, бабка к себе на полати требует. Хошь не хошь, выполняй обязанности. Бабка ему и говорит: «То ли дело – молодое тело», – и зеркальце дарит. Бабы, бабы! – восклицает Костя. Во всех грехах он винит в основном женский пол. – Шли бабы по лесу, нашли хрен три фунта весу. В карман положить...

– Не грехи, Костя.

– Бабы любого ранга есть бабы, только одна, я тебе рассказывал, была дворником, стала женой полковника, остальные – яд, отравы, погибель и смерть.

– Для нас с тобой все в прошлом.

– На это и надеюсь. Бабы, да еще тещи – это конец света. Жена – это атомная бомба, дети – короеды, теща – поджигатель войны, а муж – это голубь мира. Вот сделали солдату в госпитале переливание крови. Он был тихоня тихоней, а после госпиталя стал зверь зверем и на своих и на немцев кидается. Стали выяснять, откуда привезли кровь. Такая-то область, район, сельсовет, деревня. «А из какого дома конкретно?» – солдат спрашивает. – «Третий с краю». – «О, это моя теща, она страшней тигра».

Переходим в дом. Трезвый и при иконах Костя не называет некоторые вещи и явления своими именами.

– Солдаты погибли в бою, герои. Их всех в рай. А с ними рвется женщина. Привратники спрашивают: «А эта куда?» – Командир отвечает: «Это наша полковая... она с нами».

– Пропустили?

– Не знаю, – честно говорит Костя.

Мы начинаем исследовать этот случай. Если она погибла в бою вместе с солдатами, то надо пропустить. Если же живая, то как она рвется в рай? Решаем, что она в бою не была, но умерла с горя.

– Старый – это еще не гарантия от баб. Они любых подберут, то есть лучше сказать, приберут к рукам. Да и мужики хороши – в бороду сивотá, в мужика дуротá. Но всегда все же, – тут Костя переходит на повышенный тон, – всегда все же, я это слышал из их первых уст, они сами...

– Бабы?

– Именно! Они сами сознаются: мы смерть и отраву, залюбим и высушим, разорим и в тюрьму посадим, по миру пустим и spoим, от колхоза и от завода отобьем, ты что! Это ж ба-бы! А их Бог наказал.

– Как? – действительно интересно, при Костином безбожии услышать божественное.

– Бог, он шел как старичок, специально так сделал, пошел людей проверить, шел, спросил бабу показать дорогу, та ответила грубо: «Некогда мне!» Он дальше пошел, мужика спрашивает. Тот: «Сядь старичок, отдохни», – так с ним вежливо. И вот поэтому с тех пор бабам всегда некогда, всегда они хлопочут, а у мужиков установлены перекуры.

Сегодня Костей просто залюбуешься – трезвехонек, веселый, не матершинничает почти. И даже, что на грани невероятного, трезвый поет про Марусю, женщину, не дождавшуюся солдата.

– Здравствуй, милая Маруся, здравствуй, светик
голубой,
Возвернулся, я обратно с Красной армии домой,
Много писем написал я – все, Маруся, для тебя,
Но ты, милая Маруся, мне ответа не дала.
Иль ты думала, Маруся, что я в битве на войне,
И зарыты мои кости в чужедальной стороне.

Я начинаю вместе с Костей повторять окончание куплета.

Пуля быстрая задела шинель серую мою,
И поэтому вернулся я на родину свою.
По глазам тебя я вижу, что не любишь ты меня:
Кари глазки опустила, сердце бьется у тебя.

– А дальше? – спрашиваю я.

– Все.

– Как все? Ничего не понятно.

– Там вроде чего-то было, – вспоминает Костя. – Вроде того, что он с горя запил, потом залетел по пьянке, сидит в тюрьме и поет: «Прощай, Россия дорогая, за литру пропил я тебя».

– Это, наверно, из другой песни.

– Может, и из другой.

На колокольне слабо раздается первый удар. Значит, четыре часа пополудни. Сейчас завоет соседская овчарка Лота. Завыла – не любит колокольного звона. Костя тоже машет пренебрежительно.

– Не будь ты как собака, за что церковь не любишь?

– Толку нет. Построить бы фабрику, завод, делать пользу, тут только старух травить.

– Чем?

– Разве сейчас свечи! Свеча должна быть из воска, с медовым запахом, сейчас сплошная химия. После службы выходят, шатаются.

– Церковь тут ни при чем. Пчел убили, где воск? А пчел убили фабрики и заводы.

Совершенно нелогично Костя возглашает под колокольный звон:

– Библия гласит: Русь должна царствовать.

– В каком это месте гласит?

– Старики говорили, я сам не читал. Говорили: все предсказания сбываются, небо опутано железной паутиной, земля закована железом, все сбылось, дышать нечем. Хлеб наш насущный высушил душу... Эх, жизнь, жизнь, жизнь, – говорит Костя и курит. – Ходил я по всем краям гибели. В Болшево, еще до армии, поехали с другом устраиваться, там лыжные крепления делали, спортивные снаряды. Идем, надо склад обходить, а двери сквозные открыты. Давай сократим, пройдем прямо. А там ящики, а в ящиках кандалы и наручники.

К нам охранник: «Вы как сюда?» Мы подхватились и на станции только очнулись. Вот спорт так спорт, вот спортивные снаряды.

– Жизнь, жизнь, – и я впадаю в тот же тон: – Мама моя говорила так же, как и мы, что и жизни не видела. Как жизнь прошла, говорит, не помню. Помню, говорит, как тятю обед в поле несла. Тепло, весна, босиком. Вдруг дождь. И укрыться негде. Под маленькую березку присела, дождь хлобыщет. И не то, думает, что промокнет, а то, что хлеб для тяти размокнет. За это переживала. И вот так, говорит, ярко помню, будто вчера было. А прошло семьдесят лет, вся жизнь прошла, как ее и не было. А отец говорил: я участвовал в истории жизни своим рождением, жизнь моя, говорил, началась, как у всех, с ошибок молодости, пока я их исправлял – жизнь прошла. Так и у всех: пока научишься жить – пора помирать.

– Э-э, научились, – иронически тянет Костя, – может, ты и научился, а я дурак дураком. Я ж колхозник. А их на всю жизнь запугали.

– Не запугали, – поправляю я, – они сделали вид. В себя ушли.

– В себя? Приходит в колхоз разрядка – одного в дом отдыха. Еще до войны. А уже знали, какие дома отдыха, никто не хочет. Дом отдыха, значит, на Соловки. Но приказывают послать. Кого? Давай Кузьму, он работник никакой, не жалко. Он просит коня, чтоб на нем ехать. Дали коня. Приехал по адресу, сводили на обмывку, потом в столовую, привели в палату, все белое, объявляют ему: «Сейчас мертвый час». – «Мертвый!» Он раму выбил, лошадь бросил, убежал. Не-ет, – возвращается Костя к началу мысли, – нет, ничему мы не научились. Только и научились себя оправдывать.

Едут мужики на ярмарку, охота выпить. А ничего еще не купили, не продали, нечего обмывать. А охота. «Давай кнутами меняться». «Давай». Обменялись кнутами, ну как тут не выпьешь? Это дело надо отметить.

Мимо проходит соседка. Так как не только соседка, но почти все в Никольском не разговаривают с Костей, то он считает естественным, что она проходит отвернувшись. А почему с Костей все ссорятся? Оттого что он всем говорит правду, правды не любят, вот и вся причина. Все не без греха, но как-то считается, что раз все не без греха, то и с грехами можно жить. И Костя с ними живет, но их не скрывает, на них указывает. Ворует кто – надо ему об этом сказать, и тому подобное. Костя знает все про всех. Кто с кем, у кого сколько, кто куда и откуда.

– Хотела меня раз объегорить, насчитала в конторе так, что я должен получить полсотни, а сотню ей отдай. Я плечами пожал: «Ты мне мое выпиши, а там как знаешь». – «Тогда не получишь». Ладно, я сел в конторе, сижу на корточках у батареи. А я тогда на бочке работал, «золото» возил. Рукавицы снял, кладу на батарею. Они носом закрутили, я ничего, жду. Закурил. «Здесь не курить!» Ладно, курить не буду, но рукавицы сохнут. Ничего, рассчитали.

Бревно у дороги

Это бревно долго торчало около мостика в виде сухого дерева. Зеленым его мы с Костей не помним. Летом оно серело среди зелени, зимой чернело среди белизны. И вот его свалили, сучья и вершинку растащили, а самый ствол остался. Он ничей, лежит на общественной обочине, и мы с Костей мечтаем его приватизировать. Дров из него выйдет примерно на десять

бань. Мы ходим к этому бревну, сидим на нем, но все не соберемся с духом взяться за распиловку и транспортировку.

– Успеем, – говорит Костя. – Пусть еще сохнет.

Этой весной снова есть причина – бревно напиталось влагой, стало, как говорят, водопельным, отяжелело, каково с ним возиться? Тем более из некоторых щелей толстой коры появляются вдруг зеленые ростки.

– Жизнь есть жизнь, – философствуем мы, рассуждая, что можно вырубить дерево вокруг ростка, вкопать и – пожалуйста – будет дерево. Не одно – роща. Сидим. У ног пробегает вреднейший жучок – долгоносик, враг корней, полезных растений. Конечно, я давлю его. Костя осуждает меня.

– Вредитель же!

– А жить-то ему сколько? Одно лето, а ты задавил. И комара не дави и бабочку, даже капустницу.

Размечаем на земле рядом со старой баней основание будущей. Размечает Костя. Вначале он решает, что парная будет так, а печка так, потом дважды переигрывает, и я совершенно сбит с толку. Но Костя видит все уже завершенным. Он смотрит в воздушное пространство и пальцем показывает – тут будет труба.

Остатки снега таятся в тени сарая. Старик Шарик выползает на солнце, а густошерстный Бим лежит пузом на снегу. Бим – отчаянный кобель. Если полюбит какую собачку даже в отдалении, все равно убежит, держать в цепях бесполезно – побеждает природа. Возвращается потрепанный, искусанный, смирившийся. Но ненадолго. Отъестся, отоспится – опять убегает. Подвиги Шарика все в прошлом, будущее его однопланово. Ему остались только воспоминания. На боевом счету Шарика пять укушенных: трое незнакомых и два соседа.

Я собираю в лукошко старые гвозди, начинаю их прямить. Им предстоит сослужить последнюю службу – помочь строить баню.

– Да! Посадили Россию на ржавые гвозди! – восклицает Костя. – Кабы из их речей гвозди делались (это он опять о правительстве), а то только гремят без дождя. То пугают, то обещают – одна тошнота. Горбачев, Ельцин – два ведра на коромысле, оба пустые, оба гремят. Хоть три дня, хоть пятьсот, хоть тыща – один обман. Дожила Россия – сидит президент и ждет: позовут или не позовут капиталисты у порога посидеть, пока они пирог делят. Потом сунут и нам сухую корку, а платить чем? Какие проценты? Ох, поматерят нас внуки, хлебнут горя и муки.

– Но что делать? – я разгибаюсь, спина болит, пот течет в глаза, дерет, уже и не только пот, но и слезы. – У нас есть дело – баню строим, а Россия как? Всех – в баню?

– Всех черных кобелей не перемыть, – отвечает Костя.

Приходит с газетой в руках Сашка. Он хмыкает: видно, изумляется количеству сделанного, потом поет на мотив «Подмосковный городок, липы желтые в рядок» песню, начальный куплет которой звучит так:

– В вырезвители уют:
Сапогом по морде бьют.
Два подбросят, раз поймают,
А потом под душ ведут.

При Сашке мы не ведем политических разговоров, у него своя точка зрения. Ему все равно, при каком строе жить, лишь бы жить хорошо.

– Хоть черт с рогами, но чтоб я жил по-человечески. И так все работяги, – говорит он, – а вы, деды, никак в это не врубитесь. Хоть капитализм, хоть социализм, хоть хренизм – какая разница? Видите же, какая нищета кругом, ничего не купишь.

Я не выдерживаю.

– Это вам, дуракам, специально талдычат: за гранью нищеты. Чтоб вы недовольны были. А потом на вашем недовольстве, от вашего имени любое решение примут. Ты что, не видишь, как шахтеров нагрели?

– Как?

– Так. Увеличили бардак в стране, обгадили прежнее руководство, себя выпятили: мы вас спасем, мы – демократы, только центр нам мешает, давайте его спихнем, центровку нарушим. А когда ее нарушают, все летит под откос. До чего ж легко дураков душить. Ну, бараны! – я редко выхожу из себя, и ведь знаю, что буду всю ночь болеть, но не могу – задел меня воспитанный газетами и телевизором Сашка замечанием о нищете. – Бараны и есть! А баранов чего не стричь? Да эти еще лучше, чем настоящие бараны, те хоть боятся стрижки, а эти визжат от счастья – ты посмотри на эти митинги. Это ведь слепому только не видно, что они состряпаны, что кричат по команде. Это как новгородское вече, оно, конечно, было справедливее нынешнего парламента, но даже и там побеждали горлопаны. Саш, тебе ли не знать, что пять организованных человек побеждают толпу!

Мы все молчим. Костя не вмешивается в мой спор с Сашкой, но ясно, что он на моей стороне. С размаху внедряет лом в оттаявшую землю. Работа на сегодня кончена.

Сашка, ничего не возразив, сидит на колоде и снова читает. Ни с того ни с сего спрашивает:

– Дед, где у тебя плотницкий метр?

– Вот. Зачем?

– Дай. – Сашка встает и отмеряет на углу старой бани две отметки. – Вот. Сейчас прочел: Сталин был ростом сто шестьдесят два сантиметра, Ленин – сто пятьдесят семь. В Горках ему делали вторые перила. Как карлику.

Костя доволен – Сталин все-таки повыше.

Еще рано, и мы навещаем свое бревно. Ростки упрямо ползут из старых щелей. Сидим. Костя курит. Он одобряет, что в разговоре с Сашкой я отстоял честь нашего поколения. Смелый воробей, прыгнувший за обгорелой отброшенной спичкой, напоминает ему чашку: «Мой папаша был охотник, убил чем-то воробья. Три недели мясо ели и насолили...».

Потом, по привычке перескакивать от смешного к грустному и наоборот, вспоминает войну:

– На Ладоге были, в Кобоне, сопровождали людей и почту. Вернулись – тридцать километров в мороз по воде и льду под бомбами. Упали на пол, я хотел ногу подтянуть, не сгибается, как в трубе, галифе замерзло. Заходит майор: «Встать!» Лежим, спим, нет сил. Он сбавил голос: «Смена не пришла, выходи строиться». Лежим. Пинками сержанты поднимали. Построились. Майор – «Кто может сделать хоть шаг, шаг вперед!»...

– Шагнули?

– Шагнули, – откликается Костя. – Пошли как во сне. – Больше он не рассказывает, я не спрашиваю. Он сам добавляет для полноты картины: – Собак я ел, кошек ел, ворон, голубей, воробьев, но человечину не ел. А видел. В Ленинграде. Человек хуже зверя бывает.

– Хуже, – соглашаюсь я. – Бога забыли, вот и звереем.

Сидим, потом мерзнем, расходимся. Вечером идет дождь, хлещет он и ночью, а после полуночи начинает резко подмерзать. Наутро все заборы, стены домов облиты сверкающим льдом. Солнце, выскакивая из частых туч, кровавит эту красоту. Стройплощадка залита. Строительство останавливается. Площадка к обеду оттаивает, но вода стоит на ней и не впитывается.

Внезапность мороза после солнца и оттепелей снова вызывает разговоры, что не только люди, но и природа сошла с ума.

– Подохнуть бы скорей, – говорит Костя. – Рвануть перед смертью бомбу, посмотреть на результат и помереть.

– Помереть и дурак сумеет, – отвечаю я, – а вот ты попробуй жить.

Так как основная работа остановилась и так как без работы мы не можем, то идем с пилой и топорами к своему бревну и выпиливаем, вырубам ростки. Делаем это, таясь от людей, от ветерана-сверстника Феде, чтоб не подняли нас на смех: чем старики занимаются. А старики занимаются вот чем: сажают по берегу речки Малашки будущие деревья.

**Мы рождены – это было,
а остальное – сказка**

– Счастье не хрен, в руках не подержишь, – говорит Костя. Это он не со мной говорит, а отвечает каким-то своим мыслям.

У меня пока нет сил говорить, сидим, отпыскиваемся после тяжелой работы – затаскивали страшенно тяжелую стальную плиту-нержавеюку на банную печь. Эта плита весом центнера полтора, пудов десять по-нашему, будет основанием для банных камней, для

производства будущего пара. Она и без камней, рассуждали мы, подступая к плите и как бы ей лъстя перед ее кантованием, она и без камней одна сможет сколь хошь жар держать. Но как ни льстили, пришлось звать молодое поколение. Сашка пришел с приемником, в домашних тапочках. Перед работой перекурили. Из-за тонкого кладбищенского забора слышался привычный рабочий мат – рыли могилу. Костя сообщил, что тоже рыл когда-то. Оба они заплевали окурки, и мы под совершенно жуткую нескладуху: «Листья мне обожгло, веток не обломало, день промыт, как стекло, только этого мало», – но, правда, бодрюю, заволокли по наклонным доскам толстенную сталь.

Вот и вышли, и снова сидим, дело сделано.

– Для кого и хрен – счастье, – отвечает Сашка на Костино наречение.

С кладбища раздается музыка – траурный марш Шопена, глушит Сашкин приемник. Вороны, трудящиеся (не в смысле трудящиеся вороны, а трудящиеся над оглодком большой кости), заслышав траурный марш, поднимают головы, переглядываются. Мне кажется, что они приободряются, по звукам оркестра запоминают место, куда вскоре надо лететь, когда оно опустеет, оставив для ворон поминальную закуску. Но нет – раздается троекратный залп, звучит гимн, значит, хоронят военного, поминок на могиле не будет, и вороны еще усерднее начинают трудиться над оглодком.

– Эх-ха, – говорит Костя, – по пьянке родился, по пьянке умру, и с пьяным попом похоронят.

– И что ты все всегда на попов, – говорю я. – Попы бывают разные, но Бог-то при чем?

– Ничего там нет, – отвечает Костя, – одна темнота. Навалят на гроб четыре тонны земли, вот тебе и тот свет.

С кладбища слышится причитание, потом стихает.

– Взяли бедную вдову под белые руки и увели, – говорит Сашка. Обычно он мало сидит с нами, тут, видно, ему идти некуда, а скорее, есть интерес. Он спрашивает:

– Дед, вот ты как-то рассказывал, я плохо запомнил, про неразменный рубль. Чего-то связано с колокольней.

– Взять цветок папоротника и идти в купальскую ночь на колокольню, – инструктирует Костя зятя, – и там сидеть. Страх будет – сиди. Высидишь – будет тебе неразменный рубль. Он раньше много стоил, – это Костя апеллирует ко мне, я киваю – много. – Заходи в любой магазин, бери что хошь, но хоть копейку сдачи... Выходишь из магазина – в кармане опять неразменный рубль. Их, эти рубли, ловили. Поймают, дырочку посверлят и на проволоку. Он по ней ходит как маятник, хочет сорваться.

– Как Бимка.

Наступило тепло, в ограде стало что топтать, собак посажали на цепи.

– У нас лунатик был, – продолжает тему Костя, – ходил домой по реке. На сенокосе жили, ночевали. Он ночью встанет и пошел. Какой ночью паром, никакого, ни лодки, ни бревна, шел по воде.

– Колдун какой-нибудь, – говорит Сашка.

– Колдун другое, тут лунатик. Колдунов я рассмотрел. Они помирают, мучаются, хотят помереть изо всех сил, а не могут помереть. Ставили на окнах кресты, потолок разбирали, крышу открывали, тогда помирал. На лошади их не возят, лошади не увезти, бей не бей, вся в мыле будет, а телегу с колдуном не сдвинет.

Сашка никак не комментирует услышанное, опять прибавляет свою «Европу плюс» или какую-то «Верти-

каль», черт их разберет, они одно орут: если иностранное, то еще иногда кажется, что хоть какая-то мысль есть, но если наше, то или глупость, или пошлость. Вот, пожалуйста: «Видно, солнце уронило поцелуй в траву. Чтобы мама не бранила, я чего-нибудь совру». Мы с Костей враз плюемся, отмечая тем самым уровень и создателей, и исполнителей, и вообще уровень нравственности. Слов даже тратить неохота на обсуждение такого нечестивого отношения к родной матери. «Чего-нибудь совру», – тьфу!

– Все они, – тут я пропускаю, кто такие все они по мнению Кости, но с мнением этим согласен. Ну, может, не совсем все.

– А раньше что они, лучше были, – говорит Сашка. – Вот бабушка внучке говорит: «Внученька, у каждой женщины в жизни должна быть только одна большая любовь». – «Бабушка, а у тебя была одна большая любовь? – «Да, внученька, была». – «Кто?» – «Моряки». Ой! – тут же переключается он, взывая к пониманию и намекая, что стальные плиты по десять пудов люди таскают не каждый день и как-то надо, чтобы это событие запомнилось. – Ой! Дед, тут что? – он держится за бок.

– Тут печень. Печь организма, пищу варит.

– А тут?

– Тут почки.

– Тут и болит.

– Еще бы не болеть. Пьем бормотуху, от нее медные трубы ржавеют, а мы хотим, чтоб кишки не болели.

– Дед, а зачем селезенка? Жеребцу – я понимаю, она при галопе отмечает темп, а человеку?

– Она как дневальный в организме.

– Чего-то он у меня запросился в увольнение.

Мы упрямо отмалчиваемся. Сашка встает и раздвигает богатырские плечи. Заглядывает в баню, сообщает про плиту, что лежит, не сбежала, но надо уложить еще прочней. Мы молчим. Вороны, видимо, все-таки решают проверить свежее захоронение и улетают. Но одна, поумнее, остается полным хозяином оглодка.

– Дед, ты за сколько плиту достал? – переходит на язык экономики Сашка. – За пятнадцать плюс вывоз десятка, плюс шоферу пятерка. А такая плита в Америке, да даже и в Африке, стоит – загнешься считать. Тебе она с неба упала, и ты... – он разводит руками, а ты, мол, жмотишься.

– Поезжай, сдай шкурки, – предлагает Костя. – Половину тебе. – Сашка прикидывает трудозатраты, дорогу, очереди, сумму и отказывается. Отказавшись, он не удерживается, чтоб не уесть тестя.

– Ты эту плиту по завещанию устрой на могилу, никто не утащит. Мраморные тащат.

– Я раз такую надпись видел, – отвечает Костя, не обижаясь, – на могиле: «Убит за буханку хлеба».

– Сейчас за папиросу убьют, – говорит Сашка и уходит.

Встаем, кряхтя, и мы. Разламываем поясницы, любуемся результатами труда: лежит плита, поблескивает. Еще из старой плиты камней перетащить, да там еще и изоляторы фарфоровые от высоковольтной линии – пар будет.

– Будет, куда денется.

– Ну, – заключает Костя, – день пролетел.

– Не зря же пролетел.

– Не зря. Это годы зря проходят, а дни проходят в трудах. А годы, – говорит Костя, – годы летят, как щепки от топора.

– А кто с топором?

– Тут уж сам решай, – говорит Костя.

– А ты чего это про надпись на могиле вспомнил?

– Плиту подымали, в спине что-то хрустнуло, у меня так же отец умер, как тут не вспомнишь. – Костя говорит серьезно, я так же серьезно ругаю его, ругаю в который раз, чтоб не напускал на себя.

– Ты настраивайся долго жить, а то ведь бес горой качает.

– Да так-то так, но жить неохота, жить незачем, жена померла, никому не нужен. С женой бы помереть в один день, вот бы счастье так счастье. И на похороны отдельно не расходовать. А то дожили – картошка по три рубля килограмм (цены до сентября сего года. – *Прим. автора*), – вот счастье. Не знали, куда телегу картошки за пятерку на старые деньги сбить, дожили! Вот еще будет каждому по черпаку баланды, каждому: и Горбачеву, и тебе, и Ельцину, всем, вот будет коммунизм.

– Какой?

– А! – машет Костя рукой. – Ихние машины рядом с нашими лаптями стоять не будут.

– Сейчас их ругать легко, – говорю я. – Все ругают.

– И раньше ругали, – отвечает Костя,

– Это-то да, – соглашаюсь я. – Так нас, русских, пакудят; рабы, быдло, стукачи. Вот мерзость! Изображают, будто мы от страха тряслись да друг друга закладывали, какая брехня! У нас в селе, может, и не в полный голос, но говорили же: «Серп и молот – смерть и голод, хоть жни, хоть куй – ничего не получишь». Или: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь».

– «Голодранцы усих краин, гоп до кучи», – вспоминает и Костя слышанное.

– Да. А уж частушек! Море разлитое. Про Ленина, Троцкого, Сталина, а «есть штаны у Рыкова, и то Петра Великого», это что? А «сидит Сталин на заборе, Троцкий выше, на ели. До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели?» Вот еще, я посмотрел бы, как на нас лаяли бы, если бы Сталин, Берия да остальная шатия были бы русскими.

– Мы рождены – это быль, а остальное – сказка, – изрекает Костя.

К нам приходит Федя

Косте неохота, чтоб кто-то смотрел на процесс его труда. Не любит зрителей. Но от одного не избавиться, от Феде. Федя живет за речкой, по пути на свалку, куда мы часто ходим. Например, надо швеллер – металлический брус, подкладку в основание печи. Идем за швеллером, его не находим, но пустые не возвращаемся, чего-нибудь да тащим. Отдыхаем на обратном пути у Феде. Двор Феде – стеклышко. Федя ничего не строит, не тешет, не пилит, не строгаёт, он только метет и чистит. Косте подметать некогда, у него труды непрерывные.

Сидим у Феде во дворе, он критически осматривает нашу добычу и навязывает еще чего-либо из своих запасов, например, самоварную старопрежнюю трубу. Мы берем: пригодится. Разговариваем о том, кто какие специальности знает. Костя и Федя их переработали сотни, я десятки.

– А крыши крыл? – спрашивает Федя.

Костю не поймаешь.

– Ты уточни вопрос, – говорит он. – Крыл, конечно, в основном матом крыл, но из материалов чем конкретно? Дранкой крыл и соломой, и тесом, и шифером, и

рубериодом. А цинком, о! Цинком – это целое дело. Раз струбциной водосток к листу прижал, работу кончили, лестницы сняли, где струбцина? Было мне!

– А бондарем был? – пытается Федя дальше.

– Как не быть? Если в хозяйстве есть бочки, кто-то же их делает. Я тебе на пятьсот литров кадку сделаю, да еще так, чтобы одна клепка дубовая, одна еловая для крепости. А вот какую бочку надо под мед?

– Дубовую? – это я покупаюсь.

Костя хмыкает:

– Из дубовой мед уйдет. Под мед делают липовую, в липовой век простоит. Только кто ему даст век стоять?

– И сбрую шил? – не унимается Федя.

– Все делал, все, – успокаивает Костя. – Уж если я уборные чистил, так остальное само собой. Самое выгодное уборные чистить. Выкачать – бутылку. Везем мимо сада-огорода, владелец просит вылить, опять бутылка. – Костя вертит в руках Федин подарок: – Эх, по деревне шла и пела самоварная труба... Таких работ не осталось, которые я не знаю. Пастушил, телят пас, коров, свиней, овец, лошадей, баранов стриг, пахал, косил, косу отбить все ко мне идут. Пришел вчера мужик, я ему насадил косу на черенок, ручку подогнал, лезвие на бабке оттянул, несет бутылку, а я не пью. Сашке повезло. Ну чего, поползем?

– Я приду с инспекторской проверкой, – обещает Федя.

– Рано, – отвечает Костя, – у меня незавершенка, комиссию негде мыть, негде принимать. Давай к Новому году.

Но после обеда Федя все-таки прибредает, проникает под лай собак за калитку и смотрит на наши труды. Лучше говорить, на Костины труды, так как я при

Косте, – как муха при рабочем быке. Он пашет, а муха говорит: мы пахали.

Федин приход – повод для перекура. Костя втыкает топор в порог бани, выражая этим жестом, что топор – шлагбаум перед запретной зоной.

– Чего ты будешь смотреть – в охряпку строю.

В охряпку, то есть кое-как. Но Федя и с улицы видит все насквозь. Не удержавшись, делает общее замечание:

– Не клин бы да не мох – плотник бы сдох.

Понятно, что этим он хочет уесть Костю, чего и добивается. Федя – человек скрупулезный, дотошный, а Костя – человек результата, он не находит радости в процессе труда. Но, уев Костю, Федя становится великодушным и говорит в утешение, что халтурная работа присуща у нас не только отдельным личностям, но обществу в целом.

– Не туфта бы да не аммонал, не построили б Беломорканал. Спрашивает, знаем ли мы, что такое туфта. Конечно, знаем. Как не знать. Туфта – это труд для близира, приписки, обман, обсчет, пыль в глаза, показуха и все такое прочее.

Федя просит закурить из кисета. Костя гонит внука Вовку за газеткой. Федя садится на тес, видит в траве длинную трубу.

– Труба у тебя дюймовка? – спрашивает он. – Ты ее спрячь, это редкость. Да еще с нарезкой. Спрячь. – Крутит козью ножку.

– Я украл, и у меня пусть воруют, – отвечает Костя.

– Ты не украл, – поправляет Федя, – ты взял необходимую вещь. Для хозяйства взял, не для спекуляции. Это не воровство, это перемещение. Это когда за границу увезут, тогда воровство, а внутри страны это распределение. Чего она тут лежит, она тебе не нужна?

– Лежит на всякий случай.

– Воду в баню качать?

– Я шлангом качаю. Накачал, свернул, а труба зимой замерзнет.

– Тогда отдай мне, если не нужна.

– Тебе прямо сейчас надо? Тогда бери, – говорит Костя. – А если нужна не прямо сейчас, тоже бери, только что ты за нее дашь?

– Ты же говоришь, что украл.

– Украл. Труд затратил. Тащил, надсаживался, могли поймать. – Федя пыхтит самокруткой, слезы на глазах.

– Я тебе, Костя, десять крыс дам на развод. Есть крысы?

– Собаки есть, кошки. Муська родила, назвали котенка Мормышкой.

– Скоро своих собак зарежешь, – пророчит Федя, – и кошек за кроликов съешь. И крысам будешь рад, не отказывайся. Русский народ в бою не победить, не перетерпеть, решили его голодом уморить. Ядрена! – Федя вытирает слезы.

– Не реви, – говорит Костя, – родина не забудет в землю закопать. Только до этого приглашаю разрезать ленточку на открытии бани, зарежу двух кроликов. Приходи. Чистую рубаху приноси. И новые кальсоны. Вымоемся – и в гроб. Из половых досок гроб заранее сделаю, железом обобью. Подымут, надсадутся, и еще четыре покойника. Правительству радость – нас не кормить. Нас еще посмертно наградят.

– Подъемным краном поднимут, – решает Федя. – Поднимут. Все, Костя, можно поднять, одну штучку только нельзя поднять.

– Да еще сельское хозяйство, – добавляю я.

Бим притаскивает к ногам Кости совершенно новый ботинок. Даже шнурки новые. Мы рассматриваем ботинок, Костя гладит радостного Бима, велит бежать ему за парой. Бим есть Бим. Куда-то моментально исчезает и притаскивает... женскую туфлю.

– Ах ты, Бимка, Бимка, – журит Костя, – у тебя ж хозяин – мужик, а не баба.

– Сейчас мужиков на баб переделывают, – говорит начитанный Федя, – я в «Собеседнике» читал, одного Сережу переделывают, он просит: «Зовите меня Светланой», – тьфу!

– Видывал я дураков, – говорит Костя, – много видывал, сам дурак, но таких дураков, тьфу! Последний атомный век!

Федя еще долго сидит, долго обсуждает проблемы современности, курит. Костя и не думает звать его ни в дом, ни в баню. Думаю, именно от своей неприветливости рассказывает следующую притчу:

– Пригласил кум кума в гости, тот пришел. Кум поставил на стол мешок табаку: «Кури, кум». Тот курил, курил, аж в глазах мутрно. «А где ж кума? – «А кума не курил».

Федя, даром что слаб глазами, рассматривает и грудку церковного кирпича, тяжелого, большого, но звонкого, это на корпус печи, грудку красного, щелястого, купленного кирпича, который крошится, его навверх, на трубу.

– От большого крошка – не воровство, а дележка, – говорит Костя афоризм.

– Ворованное прочнее, – замечает Федя.

Собаки и кошки колготятся у ног Кости, отпихивают друг друга.

– Вот я еще прочел... – начинает Федя, но Костя его прерывает:

– Читать – это зло. Бог создал три зла: газету, бабу и козла. – Конечно, это он на ходу сочинил. Но вообще Костя последователен в своих убеждениях. Он уверен, что газеты не надо читать, чтоб не расстраиваться, книги не надо читать, чтоб башку ерундой не забивать, даже и письма не надо читать, так как и письмо – это тоже глупость. А если кто помрет из родни, то принесут телеграмму. Вот телеграммы надо читать. Это должно быть единственное чтение. А так читать... что читать? Кабы хлеб от этого подешевел, тогда б читал. А то дочитались – хлеб подорожал.

– Вот слушайте, – говорит Костя, – расскажу вам историю жизни страны, это вам вместо чтения. Организовали у нас колхоз. – Он отпинавает кота Богдана. – Организовали, загнали всех, колхоз – дело добровольное, хошь вступай, не хошь – езжай на Соловки или кури «Беломорканал». Организовали, пригнали трактора. Бабы их звали мактора. А до того пахали плугом с предплужником, конями. Навозили царским навозом – конским, называли его царским. Бабы ревут: не надо мактора. Но приехали, вспахали. Рожь колосится, аж падает, намолотили много. Теперь давай с НТС рассчитываться.

– С МТС?

– Ну да. За трактора отдай, за горючку отдай, за работу отдай. Ничего не осталось. На следующую весну опять едут, воняют. Теперь уже все: не хотим ни мактора, ни трактора. Да кто будет спрашивать. Пашут, плату из кассы выдирают. А земля отдала царский навоз, выдохлась, ее верти не верти. Вот вся история жизни.

– Трактор – это пакость, – говорит Федя.

Костя резко гонит прочь всю свою живность, начинает вставать. В завершение вспоминает любимую свою тему:

– До чего я спортсменов ненавижу, тьфу! Развелось этой вшивоты, да еще Америка паскудит, нефтяной доллар подкатила, наши перед ним на пузе ползают, задницу ему лизут, тьфу! И эти – поднял штангу – хлопают. Ура, ура, а жрать чего?

– Еще вчера передавали, – говорит на прощанье Федя, – про газовые камеры смерти. Но того не сказали, что вначале их выдумали для животных ценных пород. Норок разводили, соболей пробовали. Убивать нельзя, резать нельзя, стрелять – напугаешь, шкурку попортишь: валюта. Придумали травить газом. Шофер заведет мотор и пошел курить.

– Ты на это бельмо смотришь? – презрительно спрашивает Костя. – На телевизор этот, на глаз одноглазый кривой, тьфу!

– Чего-то мы расплевались, – говорит Федя. – Как бы не проплеваться.

– Все уже проплевано, – отвечает Костя. – Погибла Россия.

Костя захворал

Захворал он, конечно, по случаю запоя. Я думаю, очередного, но Костя сообщает, что был в запое последний раз в жизни.

Но, может быть, действительно последний. Уж очень страшно он из него выходил. Даже скорую помощь вызывали. Я ждал ее на улице, чтоб провести врачей через собак; Сашка спал, Валя все еще с костылем. Приехали врачи, Валя при них кричит отцу: «Допился?» Костя весь отекий, оплывший, глаза красные, руки как подушки. Ни почки, ни печень, ни сердце не работают. Пульс пропадает. Сделали укол, уехали. Костя стонет, клянет себя, просит принести свежей воды.

Приношу. Он пьет, организм так отравлен, что ничего не принимает. Спазмы тошноты мучительны, рвать нечем. И все-таки мужается, шутит: «Работаю комиком – топором и ломиком». Опять начинает стонать, опять держится за измученный живот. Отпустило.

– «Эх, пашаницу – за границу, мясо – в каперацию, хрен – на лесозаготовку, ее – на облигацию».

– Чего пил?

– Не помню. Сегодня чего? Суббота? Суббота, да-а. Да-а, вот это попил, суббота. Баню сам топи, я не могу. Да, отель, Марсель, бордель, парле франсе. – В нем сейчас крутится в смутных образах все переговоренное, перепетое в застольях запоя. – «Эх, Брежнев гимны сочинял, а Косыгин ноты, а Подгорный ничего – выгнали с работы». Сашка спит?

– Спит. Вчера с ним пил?

– Не помню. Суббота, значит? Я к четвергу посчитал – триста рублей пропил, а ведь еще пятница. Мопед бы мог купить. – Костя человек не жадный, он не денег жалеет, он просто измеряет суммы разными мерками. Сопоставляет потраченное на гибель, на приобретение болезни с нужными вещами. Хотя сам же, запив, порицает любую трату на что-то иное, нежели на хмельное питье.

Изловчившись, охая, но не давая помогать, садится. Закуривает, затягивается помалу, сплевывать нечем, обирает с сухого черного языка табачинки. Впервые встречаемся глазами. Он крутит головой, показывая, как ему худо, но что так ему и надо. Испуганно поглядывает на распухшие руки.

– Да-а, сколь ни пей, а похмеляться будешь водой.

– Но грамм пятьдесят надо, – советую я как человек не посторонний в деле преодоления похмелья.

– Боюсь.

– Чем заболел, тем и лечись. Надо, чтоб пот прошиб. А в баню нельзя, тогда надо, чтоб изнутри.

И вот я присутствую при последней прижизненной рюмке Константина Эммануиловича. Рюмка кажется маленькой в распухшей великанской руке. Подносится к тонким сморщенным черным губам, увлажняет черный язык, влага проникает внутрь, приживляется и оживляет желудок. Что-то берется в кровь, добегают до головы, что-то ударяет в ноги. Мы выползаем на крыльцо. Банда четырех в восторге. Рад и Костя: поверил, что выживет.

– А ночью жить совсем не хотел, видения, голоса: «ударься о печку!» – Немного и щеки у него порозовели. Уже и выпивку он вспоминает не как ужас, а как героический недельный марафон: – Эх, было дело раз большое на колхозном на дворе: собрались мы дорогого в гости Сталина позвать, а он на нас хрен положил, много, говорит, вас, ко всем не наездишься. Нет, нужен батя Сталин, нужен хозяин, сейчас доболтаются, все растащат, я посмотрел телевизор, когда это? Сегодня суббота?.. Примерно в среду, посмотрел, морды семь на восемь, в телевизор не влезают, с похмелья не обдрищешь, а врут! А брешут! Их послушать, так у нас скоро коровы на червонцах будут спать. Тьфу! Ити их мать! Живот кладем с сука на борону, а они все свой талмуд: рубль в конверте, рубль в конверте! Нажрались и гавкают. О, забыл тебе рассказать, не рассказывал?

– О чем?

– Как собака к нам из-за границы идет?

– Нет.

– А от нас идет корова. Встретились на границе. «Ты куда?» – «Ухожу, – говорит корова, – кормов нет, пастухи пьяные, коровник дырявый, а молока давай

тонну, ухожу! А ты чего?» А собака говорит: «Я слышала, у вас тому, кто брехать умеет, портфели дают, вот и иду к вам».

Косте совсем полегчало. Он знает, что это временно, и торопится пожить в хорошем состоянии. Растираем руки вьетнамским бальзамом «Звезда». Припухлость вроде спадает. Костя снимает врезавшиеся в запястье часы.

– А я сам, а я сам ровно в восемь по часам. Сам пилю и сам колю, сам и печку растоплю. – Память его срабатывает безо всякой логики, одно цепляет за другое, цифра восемь вызывает в памяти другую восьмерку. Из куплета. Костя даже рукой себе подыгрывает: «Восемь лет мужа нет, а Марина родит сына. Чудеса, чудеса, чудный мальчик родился». – Потом Костя обнаруживает, что выполз на свет Божий без курева, я вызываюсь сходить, но Костя решительно отвергает предложение о помощи, встает и уходит со словами: «Эх цветик-цветочки, ромашка-трава, не идет ко мне мой милый, пойду к нему сама».

Сад стоит в полном цвету. Вишни еще не отпустили лепестков, яблони набирают цвет, и много еще бутонов будет являть свою красоту, а уже многие лепестки опадают на мокрые цветущие клумбы. Тюльпаны выплывают из воздуха и распускаются как лилии, зеленые тонкие ножки их не видны на фоне травы. Сирень набухает полными тяжелыми кистями, а впереди еще жасмин, черемуха, рябина.

С Костей обсуждаем запахи. Сложный запах похмеля, исходящий от Кости, в расчет не берем.

– Рябина будет стоять, как пузырьки с одеколоном, – говорит Костя, – а вот когда черемуха зацвела, то пчеловоды пчел запирали, черемуха – яд. Будет похолода-

ние, потом дуб зацветет, опять похолодание. А вот ты видел, как дуб цветет?

– Нет.

– И никто не видел. И даже свинья под дубом не видела. Родятся у свињи поросята, а не бобрята, рождаются розовые, хорошенькие, а вырастают свиньями. Свинье дай рога, всю землю перероет. О-ой, – охает он, – это его начинает прижимать. – Господи, убей того до смерти, у кого денег много и жена красивая. – И уточняет задание: – Его убей, а жену и деньги мне оставь. – Упомянутые деньги поворачивают к теме финансов, что и немудрено, радио и телевидение визжат о деньгах круглосуточно. – Красть так миллион, – говорит Костя, – а из-за рубля не связывайся. Так?

– Так.

– Пойдем в избу.

Возвращаемся в его обиталище, где он долго пьет воду, морщится, гладит живот, думает, еще пьет, охает. Громоздится на свое ложе.

– Пускай пузо лопнет, с-под рубахи не видать.

– Поспишь?

– Ты куда торопишься?

– Нет.

– Посиди. И я посижу. – Он садится, собирает со стола окурки, выкрашивает их в газетку и вертит сигарку. Табак сыплется, он топает по нему ногой, как бы прощаясь.

– Вот есть такая страна Лимония, не слыхал?

– Нет.

– Есть. Рожь у них под потолок.

– Это страна Беловодье?

– Нет, Лимония. Там шестьдесят лет гудок гудит и тридцать лет на работу собираются. Там ешь, пей, чего

хочешь, бостон носи, шляпу, любой маркизет, но туалет за двадцать километров. Вот и живи как хошь, а там туалетов нет и за забор нельзя ходить. Нельзя. Вот и нет там людей, а гудок гудит. Такая страна Лимония. О-ой! Пойду Сашку будить.

– Сашка спит всюю. Все проспал и врачей проспал. Рано его будить.

– Чего это рано? Не на мельнице был, ночь не молотил, от телевизора устал, да карты раскладывал. Я ж его не на расстрел поднимаю, не на войну, на выпивку. Не на барщину. Я тебе рассказывал, как один барин оброк драл?

– Нет.

– Десять лет рассказываю и все никак до конца не расскажу. Вот барин драл оброк, большой оброк. Заплатили. Накладывает второй. И второй заплатили. Третий накладывает, дает разрядку, крестьяне говорят: платить нечем. Как это нечем, знаю я вас, платите, и все. Они и запили. Барину докладывают: запили. Он: дурак я, дурак, теперь уж не заплатят. Решил крестьян расстрелять. Приехал с милицией, поставил крестьян у сарая, говорит: «Вы землю просили, я землю вам дал, а волю ищите на небе». – Показал вначале на землю, а потом на небо, и расстреляли.

– Все-таки тебе лучше перетерпеть.

– Терплю. Знаешь, почему я по фамилии Голынков? Прадед у еврея в кабаке оставил последнюю рубаху и домой вернулся голыном. Да! Последний атомный век, погибла Россия, сидим на бобах. Доедайте бобы, ложитесь в гробы! По радио говорят: проезд пенсионерам бесплатный. Куда нам ездить? Нам только до кладбища доехать. Так донесут. Нам бы лучше по гробу бесплатно выделили, а то по неделе не хоро-

нят, нет гробов. Надо девятый день отмечать, а еще не похоронили. Дожили. Кладут в болото, в воду. Ставят на землю и сверху четыре самосвала песку. Курган запорожский. – Он прислушивается к себе, взбалтывает живот, еще доликает в него воды. – Вот нарисуй мне две радости и одно горе. Не можешь? Научу. Рисуи волка, козу и лозу. Волк рад козе, коза рада лозе, да не рада коза волку. Не рада она ему, вот и выходит – две радости и одно горе.

Во весь свой рассказ он, я чувствую, прислушивается к себе и неожиданно мрачно и вместе убежденно заявляет:

– Все. Отпился. У кого бочка – мера, у кого цистерна, а у меня состав. А все американцы. Они. Все зло от них. Они нам подрезали крылья. Обманули нас. Нас легко обмануть, мы всем верим, всех жалеем. Только землю не обманешь, землю-кормилицу. Ее стали пичкать химией, она отказала и опустилась на дно. А выйдет на доброе слово, трудовой пот и царский навоз, тогда спасемся. А была жизнь, – вдохновенно произносит Костя, привставая на своей истерзанной бессонницей постели, – была! Утром встанешь – туман как море плывет, соловьи поют, лягушки как скрипочки, шук ловил по двадцать фунтов. Все убили! Не зря Сталин говорил: хороните меня кверху задницей, меня в задницу придут целовать.

Глаза Кости оживляются, может быть, это одна из главных речей в его жизни. Если учесть его полное отсутствие общественной активности, учесть то, что ни в каких выборных органах он не участвовал, то скажу, что присутствую при значительном событии.

– Раньше били сову пнем, а теперь бьют сову об пень, сове все равно больно. А я в жизни спал, как сова

на суку, чтоб не проспаться работу, и я работу не проспал, а проспал свою жизнь, жизнь моя утонула, как в омуте. Наплевало мне правительство в морду, поставило надо мной охранников, подрезало крылья...

– Ты говоришь, что американцы подрезали. И дали вместо сердца двигатель внутреннего сгорания – пламенный мотор. Прожили мы жизнь, чего уж теперь, кого винить, поздно.

– Да, американцы. Разве не видно, как наши шестерки руки по швам, когда эти хари спускаются с трапа самолета, собаки мои лаять начинают, когда это место по телевизору смотрят. Россия воспрянет ото сна, когда воскреснет исторический труд, а болтовне отрежут язык. Надо дерево растить, удобрять, лишние сучья отсекать, но не рубить. А у нас рубили плеча...

Внезапно появляется встрепанный Сашка. Видно, ему сказали, что тестю плохо, поэтому он, оглядев Костю, не здороваясь, заявляет:

– Живой, дед, так держать! Полный вперед, до самого полного! Шнапс тринкен? О, Боярский! – замечает он. Оказывается, мы и не обращали внимания, у Кости работает радио, Сашка расслышал знакомую мелодию. Слова ее – невыносимая пошлятина, например: «Пускай они сочтут за честь, что их лишаем чести мы». Речь о девицах.

– Выключи, Саш, – говорю я. – А шнапс есть. Сейчас реанимируешься.

– Я – все, – объявляет Костя.

– Это мы слышали, – важно говорит Сашка и, долго не готовясь, ахает в себя похмельную чару. Молодой, здоровый, что ему. – О! – радостно восклицает он, опережая возгласом улучшение здоровья. – Дружок на работе машину купил, и жизнь его кончилась. Всех

подвози и развози, потом гони в гараж, гараж далеко. А не откажешь, тех подвозит, у кого денег назанимал. Так он что? Он встанет пораньше жены, ошарашит стаканище и – в койку. Жена будит: поехали! А он: куда? Я пьяный. Она орать, а ему что, он себе день отвоевал. Я, говорит, тебе не извозчик, я, говорит, тебе не таксист. Так она что, жена? – Сашка разводит руками, восхищаясь женской живучестью. – Она выучилась и сдала на права. А это же пятьсот рублей, да еще всем гаишникам надо дать, за дарственную надо платить, опять в долги полезли, как лиса в норку. – Сашка видит, что в бутылке осталось, но считает, что это тестю. – Налить, дед?

– Видеть не могу, – устало и проникновенно отвечает Костя, – все тебе, все, пей, не оставляй горечь.

– Ну, дед, потом не жалея.

– Ни потом, ни по за потом, – отвечает Костя, угрюмо наблюдая со стороны хорошо ему известный процесс опустошения посуды.

Выпив, Сашка тоже начинает дымить. Кот Богдан уходит в форточку.

– Вот и я про то же, – ни с того ни с сего говорит Сашка. – Проверяют очередь, кто за чем стоит. Стоит Абрам за гаражом, он машину уже выстоял, наш Ваня стоит за яйцами, ему накануне хрен достался, так хочет яиц для комплекта.

Косте не нравится, что бедный Ваня оказался в тяжелом положении, и он рассказывает байку времен войны. Как раз в эти дни юбилей ее начала.

– Наши пришли в Германию, одна немка в буфете работала, а у нее мужа на войне убили. Думает: дай хоть одного русского отравлю, отомщу. Глядит, один солдатик, тоже Ваня, подпил, еще требует. Она ему налила серной кислоты, он хватанул.

– И ничего?

– И – ничего. Она испугалась, ждет. Он передернулся, палец большой ей показал и ушел. Через три дня приходит живой, здоровый, она ему налила стакан коньяку. Он выпил, говорит: нет, фрау, это болтушка, мне надо тогдашний шнапс данке шен. Она призналась: я, говорит, тебе серной кислоты налила. Он говорит: что ж ты мне не сказала, я, говорит, пошел вечером за казарму и набрызгал на сапоги, где брызнуло, там дыра. Старшина за порчу имущества три наряда объявил. Вот меня три дня и не было.

– И они полюбили друг друга, – говорит Сашка. – Немцы у нас со времен Петра... – но непонятно, зачем он заговорил про немцев, ибо продолжает совсем иным замечанием: – Такая нам досталась доля – нам не прожить без алкоголя.

Окончилась заутреня, звонят колокола, завыли собаки. Сашка кричит на них:

– Тихо! В солдаты сдам!

Костя, только что бывший фактически на том свете, да еще неизвестно, крепко ли оттуда вытщенный, все-таки богохульствует. Я обычно стараюсь перевести разговор, но сейчас не получается.

– Я тебе рассказывал, как у нас поп людей обдурил? – И, не дожидаясь моего ответа, рассказывает: – У нас поп был бедный, народу в церкви нет. Приходит к нему еврей, а евреи хитрые, и говорит: «Хошь, помогу? Только деньги пополам». Тот согласился. Еврей взял старую икону, ближе к вечеру зашел вверх по течению реки, поставил на ней свечки и пустил. Старухи увидели – батюшки светы! Что началось! Там гуси в воде плавали, тина, старухи в воду лезут, водой умываются – чудо! А ты говоришь!

– Верят и верят, – говорит Сашка. – Гипноз на том же основан.

– Нет, не на том, – не соглашаюсь я на Сашкину помощь. – Гипноз подавляет, а вера свободна.

– Как свободна? – сердится Костя. – Все лезут, и каждый лезет.

– Ты же не полез.

– Это еще до меня было.

– Ну вот. – Что обозначает мое «ну вот», я и сам не понимаю, и рад, что Сашка вырывает на топтаную-перетоптанную дорогу.

– Я вам рассказывал, что у женщины должна быть в жизни единственная большая любовь?

– Рассказывал. Когда плиту в баню затаскивали, – напоминаю я.

– А, да. А вот еще одно: одна баба два раза выходила замуж: один раз за полк солдат, другой раз за футбольную команду.

Что делать, грешные люди мужики, любят ругать женщин. Как и те их. Так что тут все взаимно. Костя, как ни тяжело ему в первые, начинающие бесповоротную трезвость, часы, тоже шевелится.

– Им, бабам, грабельки дай маленькие, серп дай маленький, а хрен им хоть на тарантасе подвози. Меня столько раз дурили, но я не поддался, женился только в тридцать пять. Правда, из армии пришел в двадцать восемь. В госпитале чуть не женился. Врачихе сильно нравился. Глаза лечил, в землянке взрывом засыпало, засорило, стал слепнуть. Лечила, а я все делал, белил потолки, дрова рубил, на кухне помогал. Обещали отпуск дать. Только я попался – на базаре хлеб лежачим ребятам на табак менял, меня патрули замели. И сразу в часть. Да-а, – тянет Костя, – дурака семь лет в котле варили, достали, смотрят – все равно дурак.

– Нам главное в жизни – покой, – говорит Сашка, – а бабы – последнее дело. Так мы пели.

– Не страшны в саду даже шорохи, – говорит Костя. Это он так иногда балуется переделками песен. Например, поет: «“О чем задумался, скотина?” – седок приветливо спросил...» Но лучшая из всех его переделок – это переделка песни «Маруся отравилась». Сейчас ее уже не поют, а в нашей молодости знали все. Даже сильнее, чем «У самовара я и моя Маша», даже сильнее «молодого коногона везут с разбитой головой». Маруся отравилась из-за любви, иначе бы и песни не было. Финал песни такой, что «рабочие на фабрику идут, а бедную Марусю на кладбище везут». Переделка, вернее, в данном случае доделка звучит так: «Маруся ты, Маруся, Маруся, открой глаза. Маруся отвечает: “Я умерла, нельзя”».

О, не буди меня, дыхание весны!

Но как сладко ни поют теноры, весна и мертвого разбудит. Сегодня все утро теноры. Почему так отрадно слушать арии о несчастиях и одиночестве? Русские умирают в одиночку, но за общее дело. А объединяться, видно, никогда не научатся. А может быть, и не надо учиться? Может быть, наше разъединение, одиночество – наша сила, ведь мы же любим одно и страдаем из-за одного. Не ложиться же вшестером на амбразуру.

Притащил от Кости мешок золы. В золе так много гвоздей, будто Костя топил баню гвоздями. Просеиваю золу. Слушаю приемничек. Эх, как ударили в три голоса три добрых молодца: Паваротти, Каррэрос да Плачиндо, ну! Синицы и те веселей заскакали по веткам, ветер веселее защелкал целлофановыми обрывками теплицы. Неаполитанские, конечно, всюю. Весело им там.

О, вернись в Сорренто, о, соле мио, о, Санта Лючия! А на десерт как хватанули «Очи черные»! Я и решето не смел трясти, гвоздями чтоб не шуршать. Встала моя работа. Так искусство вредит личному хозяйству. Но Косте повредить ничего не может. Пришел звать на отдираание стального листа от бревна с будущей целью приколотить его к потолку будущей парной. Отдираем. Скрежет и пыль.

– Американец хвалится точностью, а немец прочностью, – кричит Костя, налегая на гвоздодер. – Француз хвалится...

Стальной лист так гремит, что я не слышу, чем хвалится француз. Русскому незачем хвалиться, хотя и есть чем.

Из чего строит Костя баню? Из ничего. Как так? А вот так. Какая технология? Никакая. Сейчас журналы печатают схемы и указания. Костя же строит не по схеме, а по наличию материала, чего найдет, то и приспособит. Стены хорошо бы из бревен, а где взять? Костя наколачивает на боковые стояки досок с двух сторон, в середину сыплет опилки, их утрамбовывает. Нарращивает доски, изнутри кой-какие, снаружи попримитивней, потом, говорит, покрасит. А не покрасит – так сойдет. Какая-никакая, а баня. Своя. В казенную не ходить, сразу не собирать. «Там вымоешься, да пока до дому вернешься, всего в автобусе перемажут. Или на остановке продует. Своя баня – это своя», – так мы рассуждаем.

Я стараюсь помочь. Не из-за того даже, что хожу к Косте мыться и париться, просто интересно, я ведь – потомок плотников. Что это за мужик, если топор не умеет держать. Но когда работаем, о работе не говорим, это тоже интересно. Это не правило, так получается. Чего о работе говорить, все ясно. «Подай эту штуквину, да при-

колоти эту хреновину, а не лезет – охреначь кувалдой», – вот и весь разговор о работе. Наши разговоры сводятся все к тем же страданиям за Россию, которая, по словам Кости, погибла, а по моему мнению, еще не до конца.

Кто виноват?

– Начальство виновато, – у Кости нет другого мнения. – Кто у власти, у того и сласти. Депутатов мы выбираем выборных, то есть отборных, а правительство их покупает, глотку им затыкает. Вроде громко кричат, а послушаешь, за себя кричат. Нам остаются от них водные процедуры.

– Чего остается?

– Чего! По радио тебе говорят: «Переходите к водным процедурам». Вот и переходим. Кто к самовару, кто к чайнику, кто из-под крана, кто из ведра. Мужики все мочевые пузыри испортили, как собаки бегут к каждому столбу, вода же вся отравлена. А надо переходить не к водным процедурам, а к сметане, к творожку, к сливкам. Так же тебе не говорят, говорят: переходи к водным. Надо самим переходить. Надо заводить кладовки, подвалы, там хранить консервы, тогда пересидим. Горбачеву что – он за границу летает обедать, еще бы побольше дармоедов с собой возил, чтоб здесь не кормить, было бы совсем хорошо.

Ну, Костя поехал. Сейчас все соберет в одну кучу: политиков, американцев, спортсменов, молодежь, продавцов... Хорошо еще, если священников не тронет. И не перебьешь – обидится, тем более болеет.

– ...И болтают, и болтают, брешут, как собаки. А перед кем выслуживаются, на кого брешут. От ихнего бреханья телевизоры перегорают, все равно брешут. Картошка от бреханья с колесо вырастет, рожь с оглоблю. Тунеядь гребаная, порционная. Раньше кто старый, тот и

старший. «Ты, Кузьма, завтра пустошь пахать, ты, Иван, скородить, ты, Петр, на завод на заработки, вы, девки, по хозяйству». Поедут на ярмарку: «Тебе что, Кузьма?» – «Ничего, тятя, не надо». – «Как не надо, надо, знаем чего, надо тебе справить костюм, Петьке обувь, ребятам материи набрать, всем гостинцев». Сейчас всех стариков на хрен посылают. Посылайте, посылайте, вы же стариками не будете, вас же не пошлют. И эти... изображают какое-то несогласие друг с другом, Ельцин да Горбачев, все же видят, как они перемигиваются, мол, давай, дури дураков, вечером соберемся, коньячку выпьем, посмеемся, да Бушу позвоним, поставим в известность...

– А знаешь, почему народ правительством недоволен? – высказываю и я свою догадку. – Оттого что оно все на себя берет. Раньше народ себя виноватым считал в своих бедах. Выбило посевы – плохо Богу молились, настала засуха – много грешили, рушится церковь – на несправедные деньги построена, пришли ляхи – так нам и надо: плохо царскую службу исправляли. Потом руки отбили, ноги связали, языки укоротили – сиди, все за тебя без тебя решим...

– Черпак – норма, – вставляет Костя.

– Вот. А раз так, народ и думает: все за меня решают, чего ж живем так, что жить неохота? То есть жить надо, но что за жизнь, когда не хозяин в своей стране, а всякие приватизации. Государство строили, строили, теперь долой государство. То кричали о правовом государстве, теперь его нет, теперь будем окончательно бесправны. По закону тебя в гроб загонят, и жаловаться некому.

– Надо бесплатно веревки раздавать, – в который раз находит выход Костя. – Пусть давятся.

Прибегает внук Вовка, зовет деда на уколы. Приехали к матери врачи, заодно и деду вколуют лекарство. Ко-

стя отказывается решительно и бесповоротно. Давно ли умирал, и лечиться не хочет.

– Не хочу. Будут тянуть на уколах, дольше мучиться, жить будут заставлять, а надо умереть естественно. Это все от лени выдуманно.

– Лекарства?

– И они. И вообще любое. Работать не хотят, а жрать подавай. Нечего будет есть – на таблетки перейдут, а работать не будут. Я их знаю. Все американцы.

– Ишь как! – замечаю я. – Нашел, на кого свалить, и успокоился. Сам не виноват ни в чем, как хорошо! Нет, раньше...

– Раньше их Христофор Колумб не открыл, они тихо сидели.

– Костя! – возмущенно кричу я. – Не придуривайся.

– Американцы, – упрямо говорит Костя. – Колорадский жук почему так называется? Из штата Колорадо. Американцы хитрые, они поняли, что нас силой не возьмешь, они в эту войну очень долго наблюдали, чья возьмет. Поняли, что воевать с нами бесполезно: война злость пробуждает, а русского разозлить страшно, вот и придумали запустить жука. Поставили всех кверху задом, и утром и вечером жука собирают. Всюду американцы, – говорит Костя. – Да и теперешние знают, что разозлить страшно. Поэтому обманывают, изображают заботу. А когда поймут – будет поздно.

Костя не может сидеть без дела, вырубает из алюминиевой пластинки зуб для грабель. Я смотрю, как маленький паучок ловко и быстро плетет кружево паутины между домом и поленницей.

– И наши, – продолжает свои доводы Костя, – которые в Министерстве иностранных дел, Госплане, Внешторге, им помогают. Руби «ту руку по локоть, что

к себе не волокеть». Помогают. Их багаж пропускают без обыска, они везут бактерии, один провез гусеницу бабочки, бабочка расплодилась и всю тайгу съела, с самолетов травили ее отравой, остальное все отравили, а бабочка цела. Но главное дело – завезли в спичечной коробке таракана, своих не хватало, завезли иностранного. Шпион из наших сунул на голубятню. Стали голуби пропадать, завели кроликов – кролики пропадают. Полезли, а там таракан больше теленка. С милицией ловили, я им помогал, по его дому бегал, как по арматуре. А ты говоришь.

– Чего я говорю?

– Я так для связи. Бросить на всех атомную бомбу, вот и все дела. Все равно никто не работает. Довели народ.

– Так как тебя понять – народ довели до того, что он не работает, или сам народ дошел до того, что не работает?

– Довели, – твердо отвечает Костя. – Травопольная система, до чего ты хороша – в поле цветики и травки, а в кармане ни шиша. Ну что, пойду на сенокос, – он встряхивает готовыми граблями. – Вот тебе загадка: Сыр-Дарья, Амур-Дарья, реки. Загадка: кто на Амуре? Комсомольск на Амуре. А кто на Дарье?

– Старый ты греховодник!

– Ладно, – переключается Костя, – другая тебе загадка: крупитчатую муку, крупчатку, из какой пшеницы делают?

– Из яровой, – это я знаю. – У деда была мельница четырехпоставная, там же сукновалка, крупорушка...

– Да, мельница, мельница, мельничиха ты моя, ненаглядная русалочка! – Но работа мысли Кости настолько непонятна мне, что я никак не ожидаю, что после

воспоминания о русалке юности Костя тут же говорит: – Нужна война, нужна! Нельзя без войны.

– Можно. И нужно, – возражаю я. – В войне лучшие гибнут, а те, что втравливают, остаются и наживаются. Конечно, и они подохнут, но хороших жалко.

– Не нами заведено, – говорит Костя, – так положено, чтобы земля каждую секунду обмывалась кровью. Сколь земля стоит, ни минуты не бывала без войны. Кувейт, Вьетнам, вот и Югославия. Это... эх! – восклицает Костя. Он встряхивает готовые грабельцы. – Пробовал все клепцы: дубовые, березовые, сучки еловые, даже корни сосновые – все ломаются, сплошь камни и проволочка, и железо.

– Ты спал сегодня? – спрашиваю я, имея в виду дневной сон. Спит Костя часа три-четыре в сенокосную пору.

– Со сна шубу не сошьешь, – так отвечает Костя. – Кто за меня сено накосит?

И я в сотый раз задаю тяжелейший вопрос, на который Костя в сотый раз дает свой ответ:

– Почему, – спрашиваю я, – у нас, у работников, дети и внуки – лодыри?

– Все перерождается, – отвечает Костя, – так и люди. И мы стали хуже, чем родители. Отец мой прожил меньше деда. Дед умер в сто четыре года. Отец мой умел все, а я уже не все. Сейчас у молодежи всю силу утягивает телевизор. Они ничего не делают, смотрят его целыми днями и ходят усталые, значит, куда-то сила девается. В телевизор уходит.

Стоит жара

Стоит такая жара, что только ночью хоть немного можно подышать. Даже комары сомлели, зудят еле-еле, сядет на руку, ползает, ползает, а укусить нет сил, взле-

тает и медленно дотягивает до занавески и висит на ней часами. За окном яблоневые листья умирают, скручиваются без листовертки. На крыльце, на веранде, такой пустынный плотный зной, что лоб сразу становится мокрым. В доме чуть-чуть легче. Но и то. Мне давно подарили куколку – раскрашенную восковую свечу, Дюймовочку. Зажигать ее, конечно, дико, она стояла рядом с деревянной другой куклой – древнерусским богатырем. И вот от этой египетской жары Дюймовочка оплыла, наклонилась в сторону богатыря и нежно к нему прилепилась. Теперь это уже навсегда.

Свечки у иконостаса тоже кренятся, и опасно их оставлять зажженными. Гремит и гром, но сухой, далекий, кажется, что куда-то перегоняют самолеты. Вода в моем допотопном душе кипятковая, от нее одна польза, что мокрый и голый могу хоть немного чего-то поделывать в огороде. Трудяги пчелки, похудевшие от перелетов под палящим солнцем, ползают по огуречным цветочкам. Шмелям в их шубах хоть бы что, хоть бы что и бабочкам. У меня в огороде много желтых ноготков, забыл, как их по-ученому, говорят, полезно для парфюмерии, а я рассыпал семена по участку, борюсь с огородными вредителями. Среди ноготков и беленькие, и голубенькие, будто детишки у моря в панамках, а бабочка, как внимательная торопливая кокетливая жожа-тая, порхает меж них, поправляя им шляпки.

Жара-а. Никак не могу привыкнуть, что новая луна зарождается и восходит на западе. Изю всех суеверий я не истребил только одно – именно это зарождение луны – увижу молодую луну слева, за плечом, кажется, что две недели лунного располнения будет тяжело жить. Все, впрочем, пустое, все – суеверие, кроме веры. И всякие созвездия, всякая хиромантия, НЛЮ всякие – все это бесовщина.

И вот ударяет разрядка – резкий ливень. Для огородов плохо – расшлепает почву у корней, превратится земля в корку, задохнутся корни. Одна польза – прибьет пыль, остатки тополиного пуха и вообще протрясет атмосферу. Сижу на крыльце, подставил таз в привычное место, под протекание крыши. Она и так-то худая, а тут, по жару, окончательно рассохлась. Побежало в настрек, закапало в таз. Появился, нарисовался из капель женский профиль, превратился в лужу, в луже весело булькает капель.

Идет ко крыльцу друг дорогой, мокрый Костя. Веселый.

– Бей в доску, поминай тоску. Здорово!

– Здорово.

– Эх, расходилася кухарка по избе, эх, захотела Москва жениться, Коломну брать. Да девок нету – замуж ушли. А где мужья? Все умерли. А где гроба? Все порушились. А могилы где? Все осыпались.

– Джамбул Джабаев! – говорю я. – Садись. Вспомним, как в детстве, в юности спали на сеновале и дождь шумел по старой крыше. Сейчас и мы старые, и крыша не обновилась.

– Ты, может, и спал, но чтоб я заснул! – восклицает Костя.

Короткий дождь прекращается, только еще минут десять все реже и реже каплет вода в таз. Начинается не жар, а духота. Вода в тазу отражает деревья и небо. Зеленень воспрянула, потяжелела, уплотнилась. Переходим в дом. Тут хоть немного полегче. Орет только, трется об ноги кот Богдан, которого оба мы приговариваем к выкидыванию на свежий воздух. Решение жестокое, если учесть котиную шкуру, но что делать, уж очень противно орет. Жара. Приношу из колодца ведро холодной

воды. Пьем. Вода в ведре за двадцать минут согревается. Рассуждаем, что все нам неладно: то тепла не могли дожидаться, то ему не рады, то дождя ждем, то и дождь неладен, то еще что.

– Голоден – плохо, – говорит Костя, – переел – хуже того. Видел вчера программу «Время»?

– А что в ней?

– Все разлетелись, тьфу! Кто кланяться, кто в долг залезать, а чем потом платить? Рубля нет золотого, золотом платить да лесом, да льном, да нефтью. Америка ведь как почует, что нефтью пахнет, она как акула запах крови слышит, она уже тут. Орет, что борется за независимость, а ларчик открывается просто – нефть. И эти – летают! Уборка начинается – надо горючее. Сколько они его сожгут, сколько тракторов можно заправить. Да-да, пропала Россия, порядка нет. Подымайсь, батя Сталин, хоть на неделю, наведи порядок. Золотая рыбка, сделай нас русскими!

– К чему это ты?

– Разве не слыхал историю? Все кричат: русские все захватили, всем владеют. Вот один нерусский поехал на рыбалку, поймал золотую рыбку. «Чего тебе?» – она ему. – «У меня все есть: дом, машина, дача, кабинет. Вот что – сделай нас с женой русскими». «Это можно». Вильнула хвостом, уплыла. Он поворачивается – машины нет, на которой приехал. Сам в фуфайке, в сапогах. Кое-как вернулся, нет дома, отдан под детсад, в квартире – в ней другие живут. «Где жена?» – «Вон в бараке». Туда. А ее нет – пошла белье в люди стирать. На работу, к своей секретарше, а та спрашивает: «Вы такой-то? Ваше место у конвейера, гайки закручивать». Побежал к золотой рыбке, и закинуть в воду нечего, денег на удочку нет. Стал русским, радуйся. Или другая исто-

рия. Один торгаш на рынке зимой жалуется на русских. «Мы тут в палатках, в киосках мерзнем, мучаемся, а все теплые места русские захватили: у домны они, у марте-на они, в кузнице они, в шахте, тридцать пять градусов, грейся на здоровье и лежи на каменной пыли, – опять русские. Все теплые места захватили, а мы страдаем, цветочками торгуем, да вишней по пятьдесят рублей». Видел вчера телевизор? Как на рынке мафию показывали, как они у бабок черешню перекупали, а кто не подчинялся, обливали керосином. Да они за деньги отца родного сожгут. А то мы все росли и росли, ах, если бы видел Ленин. Если бы Сталин видел!

За дверью противно орет изгнанник, а Костя рассказывает еще одну историю.

– Началась война, были два соседа. Один, нерусский, перепугался, бегает, суетится: надо мебель вывозить, деньги прятать, вагон доставать, масло, курочек заготавливать. Русскому говорит: «Видишь, как я мучаюсь, как я страдаю из-за войны. Тебе, говорит, хорошо: взял винтовку и пошел». Эх-хо-хо, бьют нас тихо и больно и плакать не дают.

Костя встряхивается:

– Ну, вроде сверху обсох, надо изнутри подогреться, и лезет в карман.

Я пугаюсь, что Костя притащил выпивку, нет, он достает черный, видно, что старый, кисет с красной вышивкой. Развязывает шнурок, раздвигает кисет так, чтобы можно было прочесть: «Дорогой воин, возвращайся с победой, жду тебя крепко-крепко!»

– Сегодня нашел, – говорит Костя, начиная набивать трубку, – ух, пыли сколько, как у меня в голове. Этот кисет пришел в посылке, распределяли на взвод, мне достался кисет. Я молодой был, но уже курил, но

я не об этом. Я эту девушку, которая кисет вышивала, полюбил. Веришь, нет?

– Верю.

– Полюбил. Вобрал в голову, что найду. И такой она мне рисовалась, что... что лучше актрис всяких. Красивая! Главное – добрая. Мечтал: сижу на завалинке, она мне в баню белье собирает. Во сне даже слышал, как смоляные стружки пахнут, – дом, значит, мы с ней строим. Или видел, как мы на сенокосе, как она воду несет, я подбегаю, коромысло беру с ее плеч. Смешно, может, тебе – в окопе сижу, рядом мат-перемат, кого-то ранило, стонет, санитары кричат, а я все про нее.

– Зачем ты так говоришь: смешно, я тебя очень понимаю. А адрес был на посылке?

– В том и дело, что не был. Точнее, конечно, был. Но пока посылку разбирали, раздавали: кому носки, кому махорки, кому варежки, куда-то эта белая тряпка, тряпкой обшивали, делась. Кто-то на дело же взял. Только помню, шовчик на ней такой ажурный, такие, видно, пальчики, маленькие, аккуратненькие, старательные, такая, видно, душевная девушка, эх! Я, может, больше и не любил никого.

Костя, понуриив голову, уминает табак в трубке, стягивает шнурок на кисете, вышивка надписи теряется в складках, прячет кисет в карман. Взглядывает на меня весело и как бы еще вдобавок извинительно: вот, мол, чего еще вспомнил.

– Вот такая у меня была история. И такой я был стеснительный, что постеснялся замполита спросить, знал же кто-то, из какой области, района пришла посылка. Мне бы только район, я бы с кисетом все деревни исходил, нашел бы! Наше-е-л бы! Сидит у окна, подхожу: ваша, гражданочка, вышивка? Ваша? Вот вы и дожда-

лись, позвольте солдату зайти с дороги умыться. – Костя смотрит на часы и резко говорит: – Собирайся, пора! Баня, как теща, ждать не любит.

Сегодня очередная суббота. Костя подбросил в печку перед тем, как идти ко мне, партию дров и, не проверяя, точно вычислил время, в которое они прогорят. Идем в баню – точно, нет сизых огоньков, нет угара. Но трубу на всякий случай не закрываем. Еще выжидаем. За это время Костя затапливает печь новой бани. Она дымит, как он выражается, как линкор «Марат», сохнет. Скоро, голубушка, будешь работать. И опять Костя курит. И сразу после бани будет курить. Уже не бросит. Ну уж это ладно: совершил один подвиг – бросил пить, это важнее. Тем более курит, как он говорит, с... пяти лет.

– Да, с пяти. Прятался от отца. Он когда понял, что курю, меня стегал, я от него скрывался. Пожаловался соседу, тот говорит: вот я тебе заверну самокрутку, иди на сеновал, там дыми. Но смотри! Сам пошел к отцу, говорит: ведь парень деревню всю спалит, тайком на сарае курит. Отец прибежал, стащил с сарая, дает кисет: кури, сынок, кури на завалинке, на сеновале не кури, опасно.

Вперед, к варварству!

Костя шпигует, понужает печку новой бани, изыскивает, устраняет недостатки строительства, я вожусь в своем огороδικе. Огородик мой – мой спаситель. В самом прямом смысле. Как бы я без него? Откуда взять доходы на любой пучок редиски, укропа, где деньги на огурцы, на помидоры? Рынок появился, да он для богатых, а богатым у нас все принадлежит, и газеты, и телевидение, вот и устроен радостный вой в защиту рынка. Что выть – рынок всегда был в России, да только он не повышал, а понижал цены, и вопрос о качестве не сто-

ял: если привезли что на продажу, так оно качественное, другого быть не может, иначе тебе хана. Сейчас в почете ворье, перекупщики, сейчас не спекулянты, а предприниматели, сейчас время подлецов и наглецов, их время. И опять же, если они все подомнут под себя, так нам и надо. Так погибал Рим, так гибла Эллада. Изгневная изнутри, кто от роскоши, кто от разврата, кто от краж и взяток, они за короткое время становились добычей врагов внешних. Уж на что годилась Македония, кто всерьез ее мог сравнить с Грецией, а что было? А то и было, что было.

По краям огородика смородина, немного нахальной малины, несколько яблонь, сирень и жасмин. Жалко сирень, жалко и жасмин, хотя, наверное, придется с ними проститься, куда денешься, картошка нужна. Пойди-ка, купи ее. Летом постоянно лажу в подполье, перебираю старую картошку. Ростки обильно лезут из нее, просится картошка в землю, но земли нет. Расширяться некуда; соседи, забор и кладбище за забором. Попросить бы сотки две в сельсовете, думаю, не откажут ветерану труда, но дадут не около дома, негде, дадут далеко, в поле, туда не находишься. Ладно, уж как-нибудь.

Это русское «как-нибудь» не от бесхарактерности, наоборот, оно от терпения, от выносливости. Ничего, ничего. Прижмет – вздохнешь, да перекрестишься, да и дальше живешь.

И до чего же дико слушать наших митинговых ораторов, которые хрипят и визжат одно и то же: страна за гранью нищеты. За гранью? Какая грань – нищеты они не видели. А я видел. Нищета! Нищета – это черные олады из прошлогдней, из-под снега картошки (а осенью не давали собирать – воровство, под статью!), нищета – это лебеда, крапива, хорошо еще, если отруби,

жмых, куколь, заваренные кипятком. Ну-ка, господа демократы, вы же под народ работаете, что такое жмых да куколь? Знаете. Хорошо. А ели? А мелко-мелко измельченные опилки липы, смешанные с пылью от мучных мешков, испеченные в банной печке, вы ели? И не надо, и не ешьте, но о нищете не орите. Нищета! Хлеб на улицах валяется. Нищета! Да вы пойдите, подайте нынешним нищим, выцыганивающим у вас подаяния, кусок хлеба, подайте, – нет, не в жилу будет ваше подаяние, деньги гоните. Вот дооретесь, накаркаете настоящую нищету, будут вспоминать это время как благословенное. Вспоминаем же застой, или, по-демократически, стагнацию, как время, неплохое для желудка. Не гибла же тогда Россия, не гибла. Да, была мафия в торговле, всякие хлопковые, наркотические коррупции, продажность чинов, ложь идеологии, но это были излечимые болезни. Нет, объявили: все плохо, все под откос. А-а, опять у меня стариковское. Лучше Господню молитву читать. Помилуй мя, Господи, грешнаго.

Поправляю теплицу, заменяю изорванную пленку, перекапываю землю, добавляю перегноя. Какая же это тихая, умная, радостная работа. Вот подбавлю немножко золы, разбросаю, рассею поверху, постоит немного, прогреется, и сажай. Костя обещал рассады. Вот и он, друг дорогой.

– Здорово!

– Здорово, заходи. Мой дом – твой дом, твоя жена – моя жена, моя жена – моя жена.

Костя – человек ревнивый, он считает, что производство юмора, это его дело и мне нечего вторгаться в его пределы, сбавляет мой пыл:

– Здоровье как?

– Да вроде еще могу пожить. Или нельзя?

– Живи, – разрешает Костя, – но помирать от чего-то готовься.

– Готовлюсь. Боюсь умереть без покаяния, без причащения, без исповеди, без соборования, без отпевания, без «церковного пенья, без ладана, без всего, чем могила крепка».

Костя, уважая смерть, не обрушивается на священнослужителей, но и не поддерживает разговор, переходит к цели своего появления:

– У нас страна Советов, так?

– Вроде так, говорят. Говорят даже, что Советы должны иметь власть.

– Тогда дай мне совет: как сделать, чтобы советская власть досталась тем, а не этим?

– А всегда будет не этим.

– Как это?

– А так: она же не достается, ее захватывают. А раз захватил, надо держать. Как держать? Доказывать, что ты лучше всех. А другие тоже хотят командовать, тоже хотят урвать, они доказывают, что нет, они б были лучше. А люди – дураки, их обмануть – раз плюнуть. Им надо обещать, они верят.

– Да уж не верят, – говорит Костя.

– Не верят одному, верят другому. Вера – потребность. Все же кричат, надо во что-то верить. Доходят до того, что никому не верят, верят только себе. А кто каждый сам по себе?

– Мешок с дерьмом, – коротко говорит Костя.

– Скорее, с ошибками, с сомнениями, с недостатками, полный корысти и зависти, самомнения, гордыни, мыслей, что если б он был у власти, уж он бы...

– А вот еще дай совет, – прерывает Костя, – как сделать так, чтобы за ворованный мерседес презирали?

– Никак. Кому презирать? Все завидуют. Украл – молодец, нас научи. И все это, Костя, в России! В России! Россия ползет на брюхе к французам, немцам, японцам: придите и владейте. Иди, доллар, мы на коленях, иди, милый, мы думаем не головой, а желудком, мы жрать хотим. Беда, Костя, беда. Славяне бьют славян, ридны украинцы нас в кацапах держат, бесов тешим, лаемся. Чего ж антихристу не приходиться, ему облигациями да всякими акциями путь выстелют. Нет, друг дорогой Костя, пусть я останусь с бедными, да зато с добрыми, а не хочу к богатым и злым. Пришло время подлецов и ловкачей.

– Да я согласен, – охлаждает меня Костя, – согласен. Я могу на своей трубке чай кипятить. Кто перестрадал, того не сломишь, а кто не страдал, пусть пострадает. Пока котенка мордой не ткнешь, он себе же пакостить будет.

– Прогресс! – Я все никак не могу успокоиться. – Да кто это выдумал, что мы идем по дороге прогресса? По пути улучшения жизни. Внушили дуракам и верят, что феодализм – светлое будущее для рабовладельчества. Все признаки озверения людей, все признаки варварства. Россия, Россия, матушка ты моя, вся злоба на тебя за то, что всегда жила по душе, накинули на тебя, милая, удавку, ведут на рынок, привяжут к прилавок да будут тобою торговать. Ах, великая торговля наступила, главное богатство мира с торгов пускают, Божье достояние в кабалу сдают.

– Будет, будет война, – гнет свое Костя.

Но ссориться мы не хотим, я веду Костю в дом, угощаю телевизором. Парламентарии наши опять чего-то не поделили. Доносятся слова: конверсия и инвестиции, индексации и приватизации, рейтинги и рейганы, коммерциализации и, что вообще уже и не только не выговорить, но и не вышептать, – разгосударствливание!

Костя кроет такие речи матом. Я хоть и одергиваю Костю, но все-таки его мат гораздо более понятен, нежели птичий язык парламентского, явно недемократического крика. Почему «явно недемократического»? Там же что хотят, то и говорят, это демократия. Но демократия – власть народа. То есть хотя бы язык должен быть народным, а он непонятен народу.

– Они нерусские, – твердо говорит Костя, – они не знают русского языка, они на каком-то другом языке говорят. Цветки душистых прерий!

Что лапоть на ноге, что нога в лапте

Мой телевизор обезголосел, беззвучен, звука нет, немое кино. Включаю раз в сутки смотреть погоду, хоть раз в сутки чего-то дельное передают. Костя напряженно смотрит, как в безвоздушном пространстве, за звуко-непроницаемыми прозрачными стенами машут руками ораторы, и показывает на них как на диковинных рыб в аквариуме.

– Вот.

– Вот именно, что вот. Чем больше они машут руками, тем больше жизнь идет сама по себе. А я, Костя, рад, что звука нет. И радио, если не музыка и не погода, выключаю.

– Правильно, – говорит Костя, – не дочь бы да не зять, и я бы не смотрел.

И опять, и опять мы говорим, что обманули Россию, в который раз обманули, использовали ее доверчивость, опять зарятся на ее богатство, опять всем не по нутру, что живем не по уму, а по душе, опять нас не понимают, хотя что нас понимать! А язык у этих парламентариев, у этих торгашей и экономистов, и политиков, всяких дипломатов оттого непонятный, что это язык их клана, их мафии,

не народный язык. Кому есть что сказать, тот по-русски говорит, то есть, лучше сказать, кому нечего скрывать, тот понятно говорит. А всякие ротации да акции – это для своих. И ненавидят нас, и без нас не могут. Пустили заморских лис на русский порог, посмóтрите, что скоро эти лисы за стол русский сядут и ноги на стол. Нас за людей не считают, да и пусть бы не считали, не лезли бы только в душу. Нет, лезут: сами грязны и других измарать хотят. Приватизаторы, мать их за ногу. Либерасты!

Я уж не знаю, кому принадлежит последнее выражение, Косте, наверное, да я тоже могу под горячую руку.

– Россия ты, Россия, – нагнетает Костя, – в будни ненастье, а в праздники дождь.

– И язык этот их, – договариваю я, – почему он непонятен, это специально. Тут, может, три причины: они по своей фене ботают, как и раньше ворье, такой жаргон блатной, чтоб их не понимали, чтоб они только друг друга понимали; или, может, как врачи у больного шпарят по-латыни, чтоб не знал, сколько еще они над ним собираются издеваться. А, скорее, они или нерусские, или русский язык им ненавистен, а еще самое вероятное, что русский язык ими брезгует и не дает себя употреблять.

Мы выходим на крыльцо

А выходим не просто так, а обсудить достоинства и недостатки новой бани. Да, товарищи, дамы и господа, мы только что в ней имели честь париться и мыться. По мне – лучше не надо, но Костя считает, что баня могла бы быть лучше. Пар поднимает сильный, но держит кратко, вода греется чересчур быстро, а пол медленно. Но это все дела поправимые. Баня есть, она стоит среди огорода, над ней легкое марево прозрачного жара, вороны боязливо, но нахально обживают крышу, ничего!

А еще новость – мы перетащили, испилили и раскололи наше бревно. Те росточки, закопанные нами по берегу Малашки, прижились, и это будет нам память. Мы их обошли все, пока выстаивалась протопленная печь. Обошли, поправили, я в конце ряда сказал: «Слава Богу, все прижились». И Костя, и Костя повторил вслед за мной: «Слава Богу, прижились».

Костя курит, лицо его, посвежевшее в бане, довольно улыбается:

– У нас с тобой теперь начнутся по субботам чайные запои.

Это он таким образом делает мне комплимент: я специально заваривал по случаю первой новой бани несколько разнотравных чаев. Будто детство вернулось – так легко вспоминается оно при запахе смородины, земляники, мяты.

– Вчера передавали, – говорит Костя, – что в России народ пошел на убыль. Рождается меньше, умирает больше. Так что умирать нельзя.

– Нельзя, – говорю я.

Хорошо спится после бани. Так хорошо, что просыпаться не хочется.

КОММЕНТАРИИ

СПАСИ И СПАСЕШЬСЯ

Глас вопиющего в пустыне гласности

Публ. по: Русский вестник, сентябрь, 1989.

У каждого сына России четыре матери

Публ. по: Русский дом. 2007, № 12.

Последняя война

Публ. по: Русь Державная. 2005, № 5.

Ленин, Сталин, Полбубей...

Публ. по рукописи автора.

Был прах и буду прах

Публ. по рукописи автора.

Что общего у света с тьмой?

Публ. по: Русь Державная. 2004, № 4.

Русь идущая

Публ. по: Русь Державная. 2005, № 9.

ОПЫТЫ БЫСТРОТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Осенние записки

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Таланты и поклонники

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Забугорные голоса

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Немного о смехе

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Четверовластники

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Залепить уши воском

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Шестерки режима

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Как меня переводили

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

И экономик не спасет

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

В наступившей вечности

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Осада

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Опричникам Ватикана

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Херсонес – святыня православная

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Главное событие декабря

Публ. по: Крупин В. Дневник писателя. М., 1996.

Эзоповы лягушки

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Идите к истокам

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Уроки святых отцов

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Молитесь за старцев

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Выборы разорили страну, но кого же они обогатили?

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Нашли дураков

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Подайте, Христа ради

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Наполеон в поезде

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Дурацкая ночь

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Политика на рельсах

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

Шановники сябры, братья, письменники!

Публ. по: Крупин В. Н. Дневник писателя. М., 1996.

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО – ЯЗЫК

Не согреси словом...

Публ. по: Завтра. 1998, № 5.

Язык Церкви

Публ. по: Русь Державная. 2008, № 7.

По-прежнему все впереди

Публ. по: Литературная газета. 2007, № 43.

В бою не застенчив

Публ. по: В бою не застенчив. Беседа с писателем В. Крупиным (записал И. Толстой) // Диалог. 1990, № 10.

Мысль – дитя сомнений и одиночества

Публ. по: Мысль – дитя сомнений и одиночества. Беседа с Владимиром Крупиным (записала М. Ларина) // Литературная газета. 2001, № 50–51.

Гоголь: «Бросьте мою книгу, возьмите Евангелие»

Публ. по: Крупин В. «Бросьте мою книгу, возьмите Евангелие»: К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя // Литературная газета. 2009, № 14.

«Дети! Последнее время!»

Выступление на съезде писателей Белоруссии и России в Минске 4 декабря 2009 г.

Публ. по: Русский дом. 2010, № 2.

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Пушкина не перекрестить

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Как сам себя наказал

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Последний дом

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

«И еще буду родиться»

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Опять это кваканье

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Умеют хоронить своих, умеют

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Нулевое сознание у нулевого километра

Публ. по рукописи автора

«Еще и встать надо»

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

«Я стал доступен утешенью»

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Меня не пустили в церковь

Публ. по рукописи автора

Молоко киснет

Публ. по рукописи автора

Время горящей спички

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Черный дым (О мертвых – или ничего, или правду)

Публ. по: Русь Державная. 2005, № 6.

«Земля еси и в землю отыдеши»

Публ. по: Русский дом. 2008, № 10.

От обороны к наступлению

Публ. по: Русичи. Севастополь, 2005.

О НАЗНАЧЕНИИ ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ

Русские тезисы

Публ. по: Слово. 2010, № 31–32.

Карлы и Клары украли город

Публ. по: Русский дом. 2011, № 2.

Письмо губернатору

Публ. по: Русский дом. 2009, № 11.

Письмо читателю

Публ. по: Русский дом. 2008, № 9.

Камни Цхинвала

Публ. по: Русский дом. 2009, № 12.

Было дело под Полтавой

Публ. по: Наш современник. 2001, № 10.

Москва – столица мракобесия или небесный град?

Публ. по: День литературы. 2012, № 3.

Горе горькое

Публ. по: Москва. 1993, № 11.

Ты русский? Значит, тебе тяжелее всех

Публ. по: Крупин В. Жертвая вечерняя. Рассказы // Наш современник. 2011, № 1.

Французские моржи

Публ. по: Общеписательская литературная газета. 2010, № 6.

Ванька, не зевай!

Публ. по: Парламентская газета. 1999, № 140.

Верить в Россию – значит верить в Бога

Публ. по: Русский дом. 2008, № 11, 2008; Русь Державная. 2011, № 6.

Крестный ход

Публ. по: Москва. 1991, № 11.

Высокочтимый Александр Григорьевич

Публ. по рукописи автора.

Выступление на Пленуме союза писателей

Публ. по: Русский дом. 2008, № 11.

Ломоносов. К понятию русской гениальности

Публ. по: Выступление на конференции, посвященной 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Заиконоспасский монастырь. 2012, май.

Конец XX века

Публ. по рукописи автора.

Отец Артемий

Публ. по: Крупин В. Предисловие // Владимиров О. А. С высоты птичьего полета. М., 2012.

Не пачкать икону

Публ. по рукописи автора.

Письмо землякам

Публ. по: Русский дом. 2008, № 10.

Письмо учительнице русской литературы

Публ. по: Русский дом. 2009, № 1.

Душа у вселенной православная (выступление на конференции общества «Русско-Сербский мост» в г. Баня-Лука (Босния-Герцеговина))

Публ. по: Гавриловский вестник. 2012, февраль.

Прощай, Россия, встретимся в раю. Повесть

Публ. по: Наш современник. 1991, № 12.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СПАСИ И СПАСЕШЬСЯ	29
Глас вопиющего в пустыне гласности	29
У каждого сына России четыре матери	30
Последняя война	33
Ленин, Сталин, полбубей.....	39
Был прах и буду прах	56
Что общего у света с тьмой?	58
Русь идущая	65
ОПЫТЫ БЫСТРОТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.	
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	75
Осенние записки	77
Таланты и поклонники.....	80
Забугорные голоса	82
Четверовластники	92
Залепить уши воском	95
Шестерки режима.....	97

Как меня переводили	98
И экономика не спасет	101
В наступившей вечности	102
Осада	104
Опричники Ватикана	111
Херсонес – святыня православная	117
Главное событие декабря	123
Эзоповы лягушки	125
Идти к истокам	131
Уроки святых отцов	136
Молитесь за старцев	137
Выборы разорили страну, но кого же они обогатили?	140
Нашли дураков	144
Подайте, Христа ради	146
Наполеон в поезде	153
Дурацкая ночь	155
Политика на рельсах	157
Шановни сябры, братья, письменники!	158
ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО – ЯЗЫК	164
Не согреши словом... ..	164
Язык церкви	166
По-прежнему все впереди	168
В бою не застенчив	172
Мысль – дитя сомнений и одиночества	193
Гоголь: «Бросьте мою книгу, возьмите Евангелие» ..	201
«Дети! Последнее время!»	205

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ	211
Пушкина не перекрестить	211
Как сам себя наказал.....	214
Последний дом.....	218
«И еще буду родиться»	222
Опять это кваканье.....	224
Умеют хоронить своих, умеют.....	226
Нулевое сознание у нулевого километра.....	227
«Еще и встать надо»	228
«Я стал доступен утешенью».....	230
Меня не пустили в церковь.....	233
Молоко киснет.....	234
Время горящей спички.....	236
Черный дым (О мертвых – или ничего, или правду).....	243
«Земля еси и в землю отыдеси».....	246
От обороны к наступлению.....	253
О НАЗНАЧЕНИИ ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ	259
Русские тезисы	259
Карлы и Клары украли город.....	281
Письмо губернатору	294
Письмо читателю	296
Камни Цхинвала.....	300
Было дело под Полтавой	309
Москва – столица мракобесия или небесный град?	322
Горе горькое	330

Ты русский? Значит, тебе тяжелее всех	338
Французские моржи	342
Ванька, не зевай!	345
Верить в Россию – значит верить в Бога.....	348
Крестный ход	352
Высокочитимый Александр Григорьевич!	355
Выступление на Пленуме союза писателей	356
Ломоносов. К понятию русской гениальности.....	361
Конец XX-го века.....	370
Отец Артемий	378
Не пачкать икону	383
Письмо землякам	388
Письмо учительнице русской литературы	391
Душа у вселенной православная (выступление на конференции общества «Русско-Сербский мост» в г. Баня-Лука (Босния-Герцеговина)).....	399
ПРОЩАЙ, РОССИЯ, ВСТРЕТИМСЯ В РАЮ (ПОВЕСТЬ)	406
КОММЕНТАРИИ	494

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 80 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 29.05.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 19,33 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.

Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)